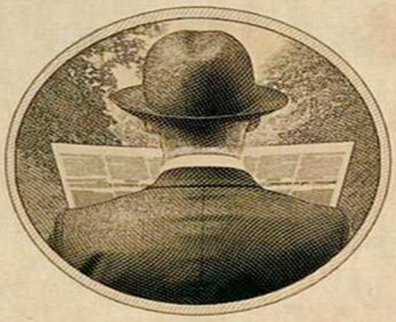
ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ



ЗВОНОК МЕРТВЕЦУ

УБИЙСТВО ПО-ДЖЕНТЛЬМЕНСКИ

Звонок мертвецу. Убийство по-джентельменски

Джон Ле Карре

Аннотация
Джон Ле Карре. Звонок мертвецу. Убийство по-джентльменски
От автора
Звонок мертвецу
Глава 1. Краткое жизнеописание Джорджа Смайли
Глава 2. Мы никогда не закрываемся
Глава 3. Эльза Феннан
Глава 4. Кафе «Фонтан»
Глава 5. Мастон и пламя свечей
Глава 6. Чай и гостеприимство
Глава 7. Рассказ мистера Скарра
Глава 8. Размышления в больничной палате
Глава 9. Подчищая за собой
Глава 10. Рассказ девственницы
Глава 11. Не слишком респектабельный клуб
Глава 12. Мечта на продажу
Глава 13. Странные поступки Сэмюэла Феннана
Глава 14. Дрезденская группа
Глава 15. Последний акт

Глава 16. Эхо в тумане
Глава 17. Уважаемый советник
Глава 18. Меж двух миров
Убийство по-джентльменски
От автора
Предисловие
Глава 1. Черные свечи
Глава 2. Ощущения четверга
Глава 3. В ночь убийства
Глава 4. Обыватели и преподаватели
Глава 5. Собачьи дела
Глава 6. Оберег против дьявола
Глава 7. Церковь короля Артура
Глава 8. Цветы для Стеллы
Глава 9. В трауре
Глава 10. Маленькие женщины
Глава 11. Пальто, чтоб ей стало тепленько
Глава 12. Непростые разговоры
Глава 13. Дорога домой
Глава 14. Милосердие по высшему разряду
Глава 15. На пути к Филдингу
Глава 16. Любовь к музыке
Глава 17. Бегство
Глава 18. Снова дома
Глава 19. Развенчание мифа
Глава 20. Как мусор по реке

Аннотация

Известие о самоубийстве чиновника министерства иностранных дел Сэмюэла Феннана озадачило Джорджа Смайли. Ведь у Феннана не было причин добровольно расстаться с жизнью. Тогда действительно ли это было самоубийство? Возможно, Феннана просто убрали? Но кто и почему?..

Смайли не принимает всерьез просьбу своей давней приятельницы мисс Бримли защитить ее подругу Стеллу Роуд, заявляющую, что ее готов убить собственный муж. Однако вскоре Стеллу действительно убивают, и Смайли вскоре понимает: мотивы преступления следует искать отнюдь не в семейных отношениях супругов…

Джон Ле Карре
Звонок мертвецу
Убийство по-джентльменски

От автора

Март 1992 года

За исключением, вероятно, самой той персоны, у которой берут интервью, нет никого более предсказуемого, чем интервьюер, и, по моему личному опыту, они делятся на две категории, можно даже сказать — на две возрастные группы. Те, кому перевалило за сорок, нервно поглядывают на мои седины и в той или иной форме допытываются: долго ли я еще протяну? Не достигшие сорока и еще лелеющие надежду, что сами в будущем могут стать писателями, неизменно интересуются: как я начинал? Поскольку «Звонок покойнику» был моей первой книгой, я не стану здесь отвечать на вопрос старших, ответа на который у меня нет все равно, и расскажу о начале своего пути в литературе.

Я начал писать, потому что сходил с ума от скуки. Не от той апатичной, ленивой скуки, которая мешает вставать по утрам с постели, а от бесцельных метаний, гонки по замкнутому кругу в поисках стоящего занятия, которого не мог для себя найти. Я попробовал роль учителя

для «отстающих» детей, и, как выяснилось, у большинства из них проблема была та же: они страдали от невыносимой скучищи. В классе они садились на задние парты и изнывали от тоски. Я попытался преподавать в Итоне, но там я часто чувствовал себя моложе своих учеников и так же, как и они, имел потребность в хорошем наставнике. И, уж конечно, меня не радовала перспектива, которую я видел в конце длинного коридора жизни: директор школы к сорока, выход на пенсию в шестьдесят, уютный домик в Девоне, и единственное желание — Боже, даруй мне спокойный сон в эту славную ночь.

Преподавательскую деятельность во время школьных каникул я пробовал совмещать с работой художника в коммерческой рекламе, но тоже без особого успеха. Чтобы труд приносил удовлетворение, все, что я рисовал или писал, должно было по меньшей мере объяснять смысл жизни. Но много ли возможностей вложить душу в творчество, когда ты всего лишь оформляешь суперобложки для детских книг, получая по восемь фунтов за штуку?

Что до писательства, то, если не считать детских стихотворений, я за все те годы создал только одно произведение. Пока я еще преподавал в

Итоне, издательство «Бодли хед» попросило меня написать экзаменационный текст для чтения на немецком языке, рассчитанный на студентов со средним уровнем подготовки. И я написал для них рассказ об уличном художнике, который в один прекрасный день создал пастелью на мостовой пешеходной зоны Трафальгарской площади подлинный шедевр: «Мону Лизу». Даже лучше. И он знал. Надвигался дождь, наступали часы пик. Никакого фиксатора у него не было. А плиты мостовой принадлежали не ему, а городскому совету. Задним числом я понял, что написанная мной история могла послужить прямой метафорой к моему собственному нереализованному таланту, пусть я и не знал, в чем именно он заключался, который не хотели замечать спешащие по своим делам люди. Надо ли говорить, что рассказ совершенно не соответствовал тем целям, которые поставили передо мной редакторы «Бодли хед», и они его завернули. Годы спустя Грэм Грин, который публиковался в «Бодли хед» и был у них кем-то вроде директора на общественных началах, написал мне письмо с предложением сотрудничать с ними. Но вот вам характер типичного писателя: я их не простил за первый отказ и не прощу никогда.

Уйдя из учителей, я вновь вернулся в коридоры власти Уайтхолла и уже скоро работал в одном страшно секретном здании Уэст-Энда, хотя каждый лондонский таксист знал, что в нем располагалась МИ-5 — государственная британская служба контрразведки. Пять дней в неделю я вставал в шесть утра, завтракал, совершал получасовую прогулку до вокзала в Грейт-Миссендене, городке, где я тогда жил, шестьдесят пять минут ехал поездом до Марилебон, а оттуда автобусом добирался до Леконфилд-Хауса на Керзон-стрит, где на входе показывал пропуск. После работы я возвращался тем же путем, но частенько оказывался дома с верной женой и маленьким сыном не раньше десяти или одиннадцати вечера.

Мир, окружавший меня в Лондоне, был миром, состоявшим исключительно из бумаг. Секретная служба держится на досье, я стал одним из пехотинцев той армии, которая их составляла. Подобно Бобу Крэтчиту[1] в его каморке, я упорно трудился с утра и нередко до позднего вечера над личными делами людей, с которыми никогда не встречался: можем ли мы доверять ему? Или ей? Могут ли им доверять их работодатели? Может

[1] Примечания: 1

Боб Крэтчит — персонаж книги «Рождественские истории» Ч. Диккенса. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ли он стать предателем, шпионом, отчаявшимся одиночкой, может ли быть путем шантажа завербован нашими неразборчивыми в средствах врагами? Таким образом, я, который до сих пор не повзрослел настолько, чтобы разобраться в себе самом, получил поручение выносить суждения о поведении и личной жизни других людей. При этом я совершенно не разбирался в том, как устроен реальный мир, мне был ведом только свой. Единственными ключами к пониманию чужих характеров служили черты моей собственной натуры. А поскольку натурой я был многогранной, то воображаемые мосты, которые я возводил между собой и моими бумажными подозреваемыми, неожиданно создали мне репутацию толкового работника, умеющего видеть и ясно излагать материал. На самом деле это совершенно не соответствовало действительности. Я занимался лишь тем, что лепил якобы реальные человеческие характеры из такой скудной глины, как данные прослушки телефонных разговоров, перлюстрации и донесения агентуры. Все остальное мои подозреваемые получали от меня лично. Трудно назвать подобную работу добросовестной, но среди окружавшей меня посредственности даже она легко сходила за

таковую. И, как выяснилось, стала превосходной подготовкой к дальнейшей карьере, которую тогда сознательно я все еще для себя не избрал: а именно — к писательству.

Гораздо позже я понял, что романист воспринимает своих персонажей с тем же завуалированным непониманием, с каким ребенок относится к взрослым. Он рассматривает их с такой же смесью отстраненности и подозрительности, с такой же болью и удивлением, которые перемежаются со вспышками изменчивой любви. И, наблюдая за ними, он заносит каждого в свой потайной бестиарий, чтобы мысленно восхищаться ими, подражать им или же отвергать и даже наказывать. Скрытый от посторонних глаз мирок контрразведки создает своим обитателям удивительно благоприятную среду для сохранения подобного детского восприятия. Внутри своих стен мы, молодые сотрудники, ощущали себя вполне сформировавшимися, зрелыми людьми. Но стоило выпустить нас в среду по-настоящему взрослых людей, как мы терялись, словно несмышленые дети.

Именно об этом в «Звонке мертвецу» Эльза Феннан говорит Джорджу Смайли при их первой встрече.

Однако, помимо своих бумаг и досье, я, конечно же, был окружен коллегами и никогда не встречал более странного сообщества людей. Мир секретных служб так же реален, как и обычный мир, но, как сказал Кестлер[2] про мир евреев, еще более реальный. Наделавший потом много шума Питер Райт[3] тоже ведь ходил одними с нами коридорами и, вероятно, как я сам, подсознательно готовил себя к будущей карьере литератора. Наши начальники ненавидели друг друга по причинам, о которых нам не положено было знать. Но еще больше они ненавидели вторую спецслужбу, приходившуюся нам родной сестрой, — МИ-6 — главное разведывательное ведомство Великобритании. Они, кроме того, ненавидели политиков, коммунистов и очень многих репортеров. Как теперь всем известно, они ненавидели премьер-министра Гарольда Вильсона и его «кухонный» кабинет. Нервная обстановка в нашем учреждении порой просто пугала. Люди, которые еще вчера работали с

---

[2] Примечания: 2

Кестлер, Артур (1905–1983) — британский писатель и журналист, уроженец Венгрии, еврейского происхождения.

[3] Примечания: 3

Имеется в виду бывший офицер МИ-5, автор скандальной книги «Ловец шпионов».

тобой бок о бок, могли назавтра исчезнуть. Были они уволены или отправлены куда-либо с секретной миссией, нам опять-таки не дано было знать. Как правило, их все же увольняли. Из этих таинственных появлений и исчезновений коллег я позднее соткал историю Алека Лимаса в «Шпионе, пришедшем с холода», чье увольнение оказалось хитроумной уловкой. Увы, на деле все обстояло куда проще. Большие мастера своего дела соседствовали с вопиюще некомпетентными сотрудниками, и, будучи новичком, ты никак не мог предвидеть, с чем столкнешься в следующий раз.

Поначалу тебе даже казалось, что дураки только разыгрывают из себя дураков, участвуя в какой-то тонко задуманной обманной операции. Или что на самом деле существует какая-то другая, настоящая и эффективная секретная служба. Позже в своих произведениях я именно такую службу и выдумал. Но, к сожалению, реальность оборачивалась сплошной посредственностью. Полицейские из бывших колоний, смешиваясь с неудачниками-учеными, неудачниками-юристами, неудачниками-миссионерами и потерпевшими крах светскими львицами, способствовали тому, что в нашей прославленной столовой цари-

ла атмосфера пикника для ветеранов. От каждого слегка попахивало пережитыми неурядицами. И только со временем я понял, что наша служба все же обладает собственным лицом, а у всех выработалась общая привычка: встретиться с тобой взглядом, потом отвести глаза в пол, затем в сторону — взгляды тянулись к тебе, а потом сразу все же отторгали. Изолированность и замкнутость в себе каждого из нас напоминала странные пузыри на картинах Иеронима Босха — заключенным в них людям не дано слиться в поцелуе или прикоснуться к другим. Об этом я тоже много позже написал в «Секретном пилигриме».

Вероятно, нас до такой степени разобщал сам секретный характер нашей работы, ощущение, что ты знал больше или (Боже, сохрани) меньше, чем твой коллега. Именно тайны были нашей валютой, и человек, владевший наибольшим количеством информации, чувствовал и наибольшее довольство собой. Только временами, посещая студии Би-би-си или получая приглашения на приемы в «великие» британские газеты, я ощущал атмосферу такого же взаимного недоброжелательства и зависти.

Но для человека, в котором подспудно и еще неведомо для него самого созревал будущий пи-

сатель, не было ничего лучше, чем эта тоскливая обстановка мира спецслужб.

Окончательно подтолкнул меня к занятиям литературой Джон Бингем — здесь нет никаких сомнений. Джон внешне несколько походил на Смайли и писал свои детективы в обеденные перерывы. Позже — и не совсем по своей вине — он стал графом, чего я не простил бы ни одному человеку, обладающему чувством юмора. Но он оставался хорош в любой роли — графа или шпиона: добрым, любезным, проницательным человеком, бывшим журналистом, бывшим членом контрольной комиссии. Профессионалом разведки до мозга костей. И он живо напоминал человека, оказавшего на меня еще большее влияние на раннем этапе жизненного пути: Вивиана Грина, который начинал капелланом в моей средней школе и триумфально увенчал профессиональную карьеру постом ректора Линкольн-колледжа в Оксфорде. Если у меня когда-то и был исповедник, то это Грин, а Джон Бингем с его рассеянной манерой поведения, но с чрезвычайно острым взглядом и с чутким слухом стал для меня его заменой на секретной службе. Но если Вивиан Грин создавал научные трактаты об Уэсли и о поздних Плантагенетах, то Бингем пи-

сал беллетристику и делал это у меня на глазах.

Его примера для меня оказалось более чем достаточно. Я был уже готов попробовать сам. И меня нисколько не удивляет, что, создавая в воображении своего главного героя Джорджа Смайли, я придал ему частичку мудрости Вивиана Грина наряду с глубокими научными познаниями, но в то же время наделил такими чертами Бингема, как недюжинная изобретательность и, в конце концов, элементарный патриотизм. Ведь любой литературный персонаж представляет собой сплав, составляющие которого авторы черпают из куда более глубоких источников, чем характеры людей, которых они встречают в реальной жизни. Каждый герой книги, подобно несчастным подозреваемым из моих досье, подвергается рихтовке и обработке авторским воображением, пока не становится, вероятно, в большей степени похож на него самого, чем на кого-либо другого. Но теперь, когда Бингем уже умер и превознесен до небес самозваными историками секретной службы, будет только справедливо, если и я отдам ему долг не просто как прототипу Джорджа Смайли, но и как человеку, который высек искру, пробудившую к жизни мотор моей литературной карьеры.

Я писал в дешевых ученических тетрадках. В поездах из Грейт-Миссендена и обратно, во время обеденных перерывов, в серые предутренние часы перед отъездом на работу. Энн — в то время моя жена — перепечатывала написанное; жили мы бедно, но брали напрокат пишущую машинку «Оливетти» за несколько шиллингов в неделю. Причем писал я, что называется, сразу набело, не утруждая себя продумыванием будущих сюжетов, схемами и предварительными набросками. При этом я не имел ни малейшего понятия, куда эта писанина зайдет. Но у меня был Смайли и ящики с досье на мужчин и женщин, которых по долгу службы я в чем-то подозревал, хотя никогда не встречался с ними лично. И еще у меня оставалась в памяти маленькая француженка, лежавшая с переломами в больнице, когда вскоре после войны я отправился кататься на горных лыжах в Шамони. Мы жили с ней в одном отеле, и, когда управляющий сообщил, что она сломала себе обе ноги, я счел своим долгом навестить ее.

Она лежала на спине с ногами на вытяжке, миниатюрная женщина лет пятидесяти с короткими, обесцвеченными перекисью водорода волосами и с большими губами, нарисованными помадой поверх на самом деле маленького и

тонкогубого рта. Она со смехом рассказала мне, что всю войну сражалась в рядах Сопротивления. Ее забрасывали на парашюте в различные районы Франции бессчетное число раз — она уже и не помнила, сколько именно. И она никогда ничего себе не ломала. Для этого нужно было отправиться кататься на лыжах! Снова смех. А волосы! — взволнованно начала объяснять она. Ее волосы, как она теперь опасалась, так уже никогда и не отрастут. Последний военный год она провела в концлагере, рассказывала женщина, словно речь шла о каникулах на Ривьере. И там, конечно же, всем обривали головы наголо. У многих волосы тут же снова начинали нормально расти, но только не у нее, говорила она все с тем же самоуничижительным смешком. Чего она потом только не перепробовала — мази, лосьоны, кремы, порошки, но все тщетно. Потом я скопировал с нее свою Эльзу Феннан.

Когда книга была закончена, я начал опасаться, что у меня начнутся проблемы. Я, разумеется, ни с кем не советовался, насколько уместно писать шпионский детектив, находясь на службе в разведке, а теперь, как я слышал, каждый новый сотрудник дает обязательство ничего подобного не делать и только при таком условии получа-

ет работу. Кроме того, я был осведомлен, что у моего ведомства достаточно негласных связей и влияния, чтобы положить под сукно любое сочинение, не получившее официального одобрения. А потому я послал рукопись нашему юридическому советнику Бернарду Хиллу, который всегда казался мне самым скучным человеком даже в нашей компании скучнейших в мире людей, и, представьте, уже через пару дней он вернул мне книгу с запиской, где говорилось, что он получил от чтения огромное удовольствие. Хилл попросил меня внести лишь одно изменение, на что я охотно пошел. Причем речь шла не об угрозе безопасности — просто он посчитал, что один из пассажей может быть сочтен клеветническим. Он также посоветовал мне взять псевдоним. Посасывая трубку, Хилл заявил, что это будет умным ходом с моей стороны, и пожелал удачи.

Затем, когда издатель Виктор Голланц, принял рукопись в печать, я спросил, какой псевдоним мне выбрать. Он рекомендовал, что-нибудь короткое и англосаксонское. Например, Чанк Смит или Хэнк Браун. Но я решил стать Ле Карре. Одному Богу известно, почему и откуда я взял эту фамилию, но совет Голланца не пришелся мне по душе. Когда репортеры достают меня вопросами

на эту тему, я говорю, что увидел такую фамилию на вывеске магазина, когда ехал в лондонском автобусе. Это не так. Я не знаю, откуда она взялась. И впредь не забывайте: нельзя верить писателю, когда он утверждает, что говорит вам чистую правду.

Звонок мертвецу

Глава 1
Краткое жизнеописание Джорджа Смайли

Когда леди Энн Серком ближе к концу войны вышла замуж за Джорджа Смайли, она объясняла свой поступок изумленным подругам из светских кругов Мейфэра тем, что будущий супруг показался ей неотразимо заурядным. Когда же два года спустя она бросила его и сбежала со знаменитым кубинским автогонщиком, то сделала загадочное заявление. Дескать, если бы она не ушла от него сейчас, то не смогла бы уже никогда. По такому случаю виконт Солей специально отправился в свой клуб, где язвительно заметил, что кот наконец сбежал из мешка. В том смысле, что тайное стало явным.

Эта ремарка какое-то время считалась одной из самых удачных острот сезона, хотя понять ее смысл до конца могли только те, кто знал Смайли лично. Низкорослый, полноватый, по натуре невозмутимый, он тратил немалые деньги на очень плохие костюмы, которые сидели на его приземистой фигуре как сморщенные шкурки

на жабе. Между прочим, еще во время свадьбы тот же Солей шутил, что «Серком выходит замуж за бойцовую лягушку в зюйдвестке». А бедняга Смайли, не слышавший этого злого сравнения, на глазах у всех проковылял по центральному проходу церкви, чтобы получить поцелуй, так и не превративший его в прекрасного принца.

Был ли он состоятелен, крестьянского или духовного сословия? И вообще, где она такого откопала? Очевидность мезальянса только подчеркивалась несомненной красотой леди Энн, а его загадочность усугублялась диспропорциями телосложений жениха и невесты. Но ведь сплетня все окрашивает в черно-белые тона, награждая своих героев любыми грехами и странными мотивами, которые легко укладываются в стенографический стиль салонной болтовни и еще легче забываются. А потому Смайли, не окончивший дорогой частной школы, не имевший знатных родителей, не служивший в королевской гвардии, не будучи ни богат, ни беден, скоро оказался в хвосте мчавшегося вперед экспресса светской жизни, а после того, как развод стал свершившимся фактом, остался пылиться, как чемодан, забытый в камере хранения на полке утративших актуальность вчерашних новостей.

Впрочем, отправившись за своей звездой автогонок на Кубу, леди Энн еще не раз вспоминала Смайли и с невольным восхищением тайно признавала, что если в ее жизни и присутствовал настоящий мужчина, то это был именно он. Еще позже она ставила себе в заслугу, что продемонстрировала понимание этого, сочетавшись с ним священными узами брака.

Эффект, произведенный отъездом леди Энн на ее бывшего мужа, не представлял интереса для светского общества, которое быстро забывает сенсации. И все же интересно, что подумал бы Солей и ему подобные, если бы могли наблюдать реакцию Смайли на события, видели его мясистое лицо с очками на носу и глаза, внимательнейшим образом вчитывавшиеся в строки стихов второстепенных немецких поэтов, а также то, как он стискивал при этом в кулаки плотные и потные ладони под чересчур длинными рукавами рубашки? Но Солей лишь отмахнулся, выдав по сему случаю очередной каламбур: «Partir c'est courir un peu»[4], — и его совершенно не волновало, что в то время, как леди Энн просто сбежала, какая-то часть души Смайли действительно умерла.

---

[4] Примечания: 4

Намеренно искаженное французское выражение: расставание — это маленькая смерть.

А та часть, что уцелела, казалась такой же несовместимой с его внешними данными, как любовь к красивой женщине или увлечение непризнанными поэтами. Речь о его профессии офицера разведки. И свою работу он очень ценил. Она имела еще и то преимущество, что окружавшие его коллеги отличались в массе своей таким же спокойствием и невзрачной внешностью, как и он сам. Секретная служба открывала перед Смайли возможность заниматься тем, что давно казалось ему увлекательнейшим делом на свете: исследовать таинственные свойства человеческого поведения и проверять на практике умозрительные дедуктивные выводы, что весьма благоприятно сказывалось на дисциплине мышления.

Где-то в двадцатых годах Смайли окончил не слишком престижную школу и объявился в сумрачных коридорах столь же заштатного колледжа в Оксфорде. В то время он мечтал лишь о должности младшего научного сотрудника и о жизни, посвященной никому не известным пиитам Германии XVII столетия. Но куратор Смайли, знавший, что тот способен на большее, мудро не позволил ему потратить время на получение скромных почестей ученого мужа, которые он,

несомненно, с течением времени заслужил бы. А потому приятным июльским утром 1928 года озадаченный и слегка раскрасневшийся Смайли предстал для собеседования перед советом директоров Комитета по научным исследованиям за рубежом — организации, о существовании которой прежде не знал. Джебеди (тот самый куратор) был странно уклончив, отвечая на вопросы:

— Поговори с этими людьми, Смайли. Ты можешь им подойти, а платят они достаточно мало, чтобы твоими будущими коллегами стали вполне достойные парни.

Но Смайли был раздражен и не скрывал этого. Его в первую очередь обеспокоило именно то, что Джебеди, обычно предельно откровенный, напустил столько тумана. Но после короткой перепалки скрепя сердце согласился повременить с ответом колледжу Всех Святых и встретиться сначала с «таинственными людьми», которым его рекомендовал Джебеди.

Членов совета ему не представили, но половину из них он узнал, поскольку видел раньше. Там был Филдинг — специалист по эпохе Средневековья из Кембриджа, Спарк из школы восточных языков и Стид-Эспри, ужинавший за Высоким столом в тот вечер, когда Смайли пригласили

туда как гостя Джебеди. Смайли мысленно признал, что состав совета произвел на него изрядное впечатление. Необходимо было по меньшей мере чудо, чтобы тот же Филдинг покинул свой факультет, не говоря уж о Кембридже. Позже Смайли неизменно вспоминал о том собеседовании как о своеобразном и забавном танце, продуманной последовательности па, каждое из которых давало чуть больше информации и приоткрывало что-то новое в деятельности загадочной организации. Закончилось тем, что Стид-Эспри сдернул последний покров тайны и правда предстала во всей своей поразительной наготе. Ему предлагали работу в ведомстве, которое Стид-Эспри, подыскав наиболее благозвучное определение, несколько смущенно назвал «секретной службой».

Смайли попросил время на размышления. Ему дали неделю. О жалованье речь не заходила вообще.

В ту ночь он остался в Лондоне в довольно-таки приличном отеле и даже отправился в театр. В голове царила поразительная легкость, что его немного встревожило. Он знал, что примет предложение, что мог ответить согласием сразу же после встречи с советом директоров. Только

инстинктивная осторожность и, возможно, простительное желание подразнить Филдинга не позволили ему сделать этого.

Вслед за одобрением его назначения последовала подготовка: сельские усадьбы без названий, инструкторы, не называвшие своих имен, многочисленные разъезды и надвигавшаяся перспектива еще более дальней поездки с фантастической возможностью работать в полном одиночестве.

Его первое оперативное задание оказалось даже относительно приятным: командировка на два года на должность englischer Dozent[5] в провинциальный университет Германии: лекции о творчестве Китса и каникулы в баварских охотничьих домиках с группами серьезных и абсолютно неразборчивых в связях немецких студентов. Под конец каждого из длительных каникулярных периодов он даже привозил некоторых с собой в Англию, уже пометив вероятные кандидатуры и тайно переправив на явочный адрес в Бонне свои рекомендации, но при том за все эти два года он так и не узнал, прислушивался ли кто-то к его отзывам или же их полностью

---

[5] Примечания: 5
Английского доцента *(нем.)*.

игнорировали. У него не было даже возможности выяснить, разговаривал ли кто-нибудь с отобранными им кандидатами. Да что там — он не ведал даже, доходили ли его секретные донесения до адресата, поскольку не вступал ни в какие контакты со своим департаментом во время кратких визитов на родину.

Выполняя эту работу, он испытывал противоречивые, порой плохо уживавшиеся друг с другом эмоции. С одной стороны, было занятно, заняв позицию стороннего наблюдателя, оценивать то, что его научили называть «агентурным потенциалом» человека; разрабатывать собственные тонко продуманные тесты на проверку черт характера и возможные линии поведения, которые давали информацию о пригодности или непригодности кандидатуры.

В этой части своей деятельности Смайли являл собой образец хладнокровия и полнейшей объективности, то есть играл по правилам подлинного специалиста своей профессии, не считаясь с моральной стороной дела и не имея другой мотивации, кроме личного удовлетворения от проделанной работы.

С другой стороны, он с грустью отмечал, как в нем постепенно отмирает способность просто

наслаждаться жизнью. Сдержанный от природы, он обнаружил, что научился подавлять в себе последние зачатки тяги к сближению, дружбе, взаимному доверию; он держался настороже и не позволял себе ни на что реагировать спонтанно. Силой интеллекта он заставлял себя наблюдать за человеческими особями с точки зрения почти клинической, но, сознавая, что его жизнь не бесконечна и сам он порой далеко не безгрешен в своих выводах, начинал порой ненавидеть и бояться фальши, которой наполнилось его существование.

При этом Смайли оставался человеком сентиментальным, и долгая отлучка только усилила его и без того глубокую любовь к Англии. Он с жадностью подпитывал себя воспоминаниями об Оксфорде, его красоте, рациональной легкости тамошней жизни, зрелой неторопливости выносившихся там суждений. Он мечтал об осенних каникулах в Харленд-Ки, о долгих пеших прогулках по крутым тропам среди скал Корнуолла, где его гладкое разгоряченное лицо обдувал бы свежий морской ветер. Это была другая сторона его тайной жизни, а потом ему быстро стала ненавистна нарождавшаяся новая вульгарная Германия, крикливые и безликие студенты в

мундирах, их наглые, покрытые шрамами лица и предельно упрощенные ответы на любые вопросы. Не мог он спокойно воспринимать и возмутительно изменившееся отношение к своему любимому предмету — к его бесценной немецкой литературе. И была ночь, та жуткая ночь 1937 года, когда Смайли стоял у окна и смотрел на огромный костер в центре университетского двора: вокруг костра стояла плотная толпа студентов с радостно-возбужденными лицами, на которых играли отблески яркого пламени. И в этот поистине языческий огонь они сотнями бросали книги. Он знал, кто их авторы: Томас Манн, Гейне, Лессинг и многие другие. И Смайли, держа сигарету в потной ладони, наблюдал за всем этим с ненавистью, но и с торжеством, потому что знал теперь своих врагов очень хорошо.

1939 год он встретил в Швеции как аккредитованный торговый представитель широко известной швейцарской фирмы, производившей стрелковое оружие, — благо его связям с компанией заблаговременно придали вид давней истории. Очень кстати пришлось и изменение внешности, а Смайли обнаружил к этому незаурядные способности, которые шли гораздо дальше перекраски волос в другой цвет или от-

ращивания усов. Эту роль он играл четыре года, постоянно перемещаясь между Швейцарией, Германией и Швецией. Никогда прежде он и не представлял, что человек может испытывать страх в течение столь длительного времени. У него развился нервный тик левого глаза, который не прошел и пятнадцать лет спустя; от постоянного напряжения глубокие морщины пролегли на мясистом лице и в уголках глаз. Он узнал, что такое почти не спать, не иметь права расслабиться, в любое время дня и ночи чувствуя учащенное биение собственного сердца. Ему стали знакомы ощущения бесконечного одиночества и жалости к себе, как и внезапное иррациональное желание немедленно овладеть женщиной, напиться, приступить к физическим упражнениям — то есть любым способом снять стресс, преследовавший его.

И в этих условиях он умел заниматься нормальной с виду коммерцией, прикрывавшей тайную работу секретного агента. С течением времени шпионская сеть разрасталась, особенно по мере того, как другие страны очнулись и стали компенсировать проявленные в свое время беспечность и полную неготовность к войне. В 1943 году Смайли был отозван. Шесть недель он

рвался обратно, но его так и не отпустили.

— Ты свое отработал, — сказал Стид-Эспри. — Теперь занимайся подготовкой новичков и просто отдохни. Женись, что ли. Одним словом, дай пружине разжаться.

И Смайли сделал предложение секретарше Стида-Эспри — леди Энн Серком.

Война закончилась. Ему щедро заплатили, и вместе с красавицей женой он отправился в Оксфорд, чтобы посвятить себя изучению безвестных немецких поэтов XVII века. Но уже через два года леди Энн занесло на Кубу, а показания русского шифровальщика, перебежавшего из посольства в Оттаве, породили повышенный спрос на людей с тем опытом, который имел за плечами Смайли.

Работа оказалась новой, угроза не столь прямой, как прежде, и поначалу это доставляло Смайли удовольствие. Но в разведку стали приходить молодые люди со свежим взглядом на мир. Повышение Смайли больше не светило, и постепенно он осознал, что стал пожилым человеком, непостижимым образом миновав стадию зрелости, и что его — со всей обходительностью — убрали на задворки профессии.

Все менялось. Стид-Эспри удалился на покой; от новых реалий он сбежал в Индию в

попытке познать иную цивилизацию. Джебеди сгинул. В 1941 году вместе со своим радистом, молодым бельгийцем, он сел на поезд в Лилле, и с тех пор оба бесследно исчезли. Филдинг с головой ушел в докторскую диссертацию о Роланде. Остался только Мастон, завербованный во время войны, типичный карьерист, советник кабинета министров по вопросам разведки и, по словам Джебеди, «первый, кто начал на Уимблдоне играть в силовой теннис». Создание НАТО и радикальные меры, к которым хотели прибегнуть американцы, в корне изменили ту секретную службу, к которой привык Смайли. Минули времена Стида-Эспри, когда приказы по большей части раздавались за бокалом портвейна в его кабинете на Модлин-стрит. Ушел в прошлое вдохновенный дилетантизм кучки высококвалифицированных низкооплачиваемых специалистов, сменившийся эффективностью, бюрократией и бесконечными внутренними интригами крупного государственного учреждения, которое полностью контролировал Мастон с его дорогими костюмами, рыцарским званием и внушительной седой шевелюрой в тон галстукам в серебристых тонах. Мастон, никогда не забывавший о дне рождения своей

секретарши, обладавший манерами, о которых ходили легенды среди дам из картотеки. Мастон, ухитрявшийся под благовидными предлогами неустанно расширять свою империю и с притворными сожалениями переезжать во все более просторные здания. Мастон, устраивавший знаменитые званые вечера у себя дома в Хенли и всегда ловко снимавший пенки с любого успеха своих подчиненных.

Во время войны Мастона вытащили из какого-то заурядного гражданского министерства. Это был профессиональный чиновник, все таланты которого заключались в том, чтобы складно сочинять отчеты и создавать из штата сотрудников безукоризненно работавший бюрократический механизм. Но Великим было приятно иметь дело именно с такой личностью — хорошо им знакомым типом, который умел обратить любой тревожно яркий цвет в спокойный серый, знал привычки начальства и вращался в самых высоких сферах. Чувствовал он себя при этом раскованно и непринужденно. Им нравилась смиренная робость его извинений за людей, к услугам которых он вынужден был прибегать, нагловатая неискренность его оправданий порой чересчур экстравагантных выходок своих

сотрудников, гибкая готовность взять на вооружение любую новую доктрину. Не упускал он и случая как бы нехотя воспользоваться репутацией «рыцаря плаща и кинжала», причем в плащ закутывался перед своими хозяевами, а кинжал приберегал для собственных верных слуг. Впрочем, со стороны его позиции выглядели до странности шаткими. Номинально он не считался главой секретной службы, числясь всего лишь советником кабинета министров, за что и получил от Стида-Эспри пожизненное прозвище Верховного евнуха.

Для Смайли это был совершенно иной мир: ярко освещенные коридоры, по которым сновали с иголочки одетые молодые люди. Он чувствовал себя пешеходом среди моря автомобилей, ощущал свою старомодность и ностальгировал по неухоженному, построенному угловатыми уступами зданию в Найтсбридже, где все когда-то начиналось. Этот дискомфорт нашел отражение даже в его внешности — он словно бы заметно сдал физически, еще больше ссутулился и походил на жабу, как никогда прежде. Он часто моргал, за что его прозвали Кротом. Но вот его молоденькая секретарша обожала своего шефа и за глаза называла исключительно «мой очарова-

тельный медвежонок».

Теперь Смайли считался уже слишком старым, чтобы выполнять задания за рубежом. Мастон сам недвусмысленно объявил ему об этом:

— Вы, дорогой коллега, слишком истощены перипетиями войны. Вам, старина, лучше оставаться на родине и следить, чтобы не погас огонь в нашем домашнем очаге.

Но это лишь отчасти объясняет, почему в два часа ночи на четвертое января Джордж Смайли сидел в лондонском такси, направлявшемся на Кембридж-серкус.

Глава 2
Мы никогда не закрываемся

В такси он чувствовал себя в безопасности. В безопасности и тепле. Причем тепло было контрабандой похищено из постели и пронесено через сырость январской ночи.

А ощущение безопасности возникало от нереальности происходившего: это его призрак ехал сейчас по улицам Лондона, обращая внимание на грустные фигуры поздних искателей развлечений, прятавшихся под стандартными черными зонтами, и на проституток в подарочных обертках из прозрачных полиэтиленовых плащей. Это всего лишь его призрак, решил он, мог очнуться от глубокого сна и прекратить трезвон телефона на прикроватном столике… Оксфорд-стрит… Почему именно Лондон из всех столиц мира ночью терял свое неповторимое лицо? Укутываясь плотнее в пальто, Смайли не мог припомнить ни одного другого города от Лос-Анджелеса до Берна, который с такой легкостью отказывался от ежедневной борьбы за свою уникальность.

Такси свернуло на Кембридж-серкус, и Смайли

резко выпрямился на сиденье. Он вспомнил, почему звонил дежурный офицер, и от воспоминания окончательно вышел из дремоты. Разговор он запомнил дословно, что для его памяти было равносильно небольшому подвигу, которого она давненько не совершала.

— Вас беспокоит дежурный офицер, Смайли. У меня на линии ждет Советник…

— Смайли? Говорит Мастон. Это вы проводили в понедельник беседу с Сэмюэлом Артуром Фенианом из министерства иностранных дел, или я ошибаюсь?

— Да… Да, это был я.

— В чем там суть дела?

— Анонимное письмо с обвинением в принадлежности к компартии во время учебы в Оксфорде. Обычный разговор с санкции директора по безопасности.

(Феннан не мог нажаловаться, подумал Смайли, он знал, что я снял все вопросы. Не было ничего необычного. Абсолютно ничего.)

— Вы не пытались надавить на него? Скажите мне откровенно, Смайли, между вами возникла враждебность?

(Боже, судя по голосу, он напуган. Неужели Феннан смог натравить на нас весь кабинет ми-

нистров?)

— Нет. Напротив, беседа протекала исключительно в дружеских тонах. Мне кажется, мы понравились друг другу. Должен признать, я даже в некотором смысле вышел за привычные рамки.

— В каком смысле, Смайли? В каком?

— Я более или менее ясно дал ему понять, что волноваться не о чем.

— Что?

— Я сказал ему, что беспокоиться не стоит. Мне показалось, что он несколько взвинчен, я счел своим долгом унять его волнение.

— Что конкретно вы ему сказали?

— Сказал, что хотя не имею полномочий делать такие заявления официально от имени нашей службы, у меня нет причин полагать, что мы снова потревожим его по данному вопросу.

— И это все?

Смайли секунду помедлил с ответом — он прежде никогда не знал подобного Мастона, до такой степени не уверенного в себе.

— Да, это все. Абсолютно все. (Он ни за что мне этого не простит. Вот тебе и прославленная невозмутимость, кремовые рубашки, серебристые галстуки и изысканные обеды с министрами!)

— Он утверждает, что вы подвергли сомнению его лояльность, что его карьере в МИДе теперь конец, что он стал жертвой клеветников, которым хорошо заплатили.

— Что-что он утверждает? Он, вероятно, просто сошел с ума. Ему прекрасно известно, что все подозрения с него сняты. Чего он добивается?

— Ничего. Он мертв. Покончил с собой в десять тридцать прошлым вечером. Оставил письмо на имя министра иностранных дел. Полицейские позвонили одному из его секретарей и получили разрешение вскрыть письмо. После чего информировали нас. Теперь не избежать расследования, Смайли. Вы ведь уверены, не так ли?

— Уверен в чем?

— Ладно, оставим это. Приезжайте как можно скорее.

Ему потребовалась целая вечность, чтобы вызвать такси. Он позвонил по телефонам трех парков, но нигде не ответили. Наконец в гараже на Слоун-сквер трубку сняли, и Смайли ждал, стоя в пальто у окна спальни, пока не заметил подъехавшую к его дверям машину. Ему это напомнило бомбардировки, пережитые в Германии: такое же нереальное ощущение тревоги посреди глубокой ночи.

На Кембридж-серкус он остановил такси в ста ярдах от входа в контору — отчасти по привычке, отчасти чтобы в голове немного прояснилось перед ожидаемым потоком вопросов Мастона.

Показав пропуск констеблю в вестибюле, он медленно дошел до лифта.

Дежурный офицер с заметным облегчением поздоровался, когда он вышел на нужном этаже, и они вместе двинулись вдоль коридора с окрашенными в светло-кремовый цвет стенами.

— Мастон уехал на встречу со Спэрроу в Скотленд-Ярд. Там началась свара из-за того, какому из полицейских управлений вести дело. Спэрроу кивает на особый отдел, Ивлин настаивает на уголовном розыске, а полиция графства Суррей пока еще вообще не знает, что случилось на их территории. Дальше ехать некуда. Пойдем и выпьем кофе в норе, отведенной для дежурных офицеров. Кофе паршивый, но лучше, чем ничего.

Смайли был рад, что в эту ночь дежурил Питер Гиллам. Образованный, вдумчивый сотрудник, чьей специальностью был спутниковый шпионаж, а по натуре — добрая душа, у кого всегда можно было одолжить расписание пригородных поездов или перочинный ножик.

— Из особого отдела позвонили в пять минут

первого. Жена Феннана ходила в театр и нашла его только по возвращении домой в десять сорок пять. Она и вызвала полицию.

— Он жил где-то в Суррее, как я понял?

— В Уоллистоне рядом с кингстонской объездной дорогой. Буквально на границе Большого Лондона. Когда полицейские приехали, на полу рядом с телом нашли письмо на имя министра иностранных дел. Старший инспектор позвонил главе службы констеблей, тот связался с дежурным в министерстве внутренних дел, который, в свою очередь, поставил в известность клерка из МИДа. Так они добились разрешения вскрыть письмо. И вот тут началась свистопляска.

— Рассказывай дальше.

— Нам сразу же позвонил начальник отдела кадров МИДа. Требовал номер домашнего телефона Советника. Орал, что в последний раз людям из секретной службы позволили запугивать его сотрудников, что Феннан был лояльным и способным работником, ла-ла-ла, ла-ла-ла…

— Таким он, несомненно, и был. Таким и был.

— Заявил, что это дело наглядно подтверждает, насколько спецслужбы отбились от рук. Мол, применяют гестаповские методы без малейшей на то причины… Бла-бла-бла… Я продиктовал ему

номер Советника, а сам с другого аппарата позвонил ему, пока мидовец рвал и метал. Получилось чертовски удачно: человек из МИДа был у меня на одном проводе, а Мастон на другом, и он сразу получил необходимую информацию. Было это в ноль двадцать. А уже к часу Мастон примчался сюда в состоянии, похожем на родильную горячку, — ему же завтра утром придется обо всем доложить министру.

Они какое-то время молчали, пока Гиллам засыпал в чашки растворимый кофе и наливал кипятка из электрического чайника.

— Каким он был? — спросил Гиллам.

— Кто? Феннан? Знаешь, до нынешней ночи я бы легко ответил тебе на этот вопрос. А теперь просто теряюсь. Здесь нет никакого смысла. Если говорить о внешности — типичный еврей. Из ортодоксальной семьи, но забросил иудаизм в Оксфорде, заделавшись марксистом. Восприимчивый, интеллигентный… разумный человек. Говорил спокойно и сам умел слушать. Великолепно образован. Ну, ты понимаешь, просто ходячая энциклопедия. Из таких. Но, разумеется, и анонимщик был прав: он действительно состоял в компартии.

— Сколько ему было лет?

— Сорок четыре. Но выглядел старше. — Смайли, не прерывая разговор, оглядывал комнату. — Чувственное лицо, густые прямые черные волосы, стрижка, как у студента-старшекурсника лет двадцати. Очень нежная, но сухая кожа лица, немного бледноватая. И морщинистая. Морщины буквально избороздили лицо. Тонкие пальцы… Характер замкнутый, как у всякой самодостаточной личности. Если получал удовольствие, то в одиночку. И если страдал, то тоже ни с кем не делился, как я полагаю.

Они поднялись, потому что появился Мастон.

— А, Смайли! Заходите ко мне. — Он открыл дверь кабинета и вытянул левую руку, приглашая Смайли войти первым. В его логове не было ни единой казенной вещи. Как-то по случаю он купил коллекцию акварелей девятнадцатого века и часть ее развесил здесь по стенам. И остальная обстановка была тщательно подобрана им лично. Да и сам Мастон выглядел образцово. Быть может, только наспех надетый костюм был светловат и ему чуть не хватало респектабельности. Но шнурок монокля падал на неизменную кремовую рубашку. Он успел повязать светло-серый шерстяной галстук. Немец назвал бы его flott, подумал Смайли; шикарным. Собственно, таким он и был

— воплощенной мечтой любой барменши о том, как должен выглядеть настоящий джентльмен.

— Я встречался со Спэрроу. Это очевидное самоубийство. Тело уже увезли, и за исключением самых обычных формальностей глава констеблей не видит оснований для работы криминалистов на месте происшествия. Но в течение ближайшей пары дней будет произведено расследование. Достигнуто соглашение — я вынужден особо подчеркнуть это, Смайли… Достигнуто взаимное соглашение, что ни слова о нашем интересе к личности Феннана не должно просочиться в прессу.

— Понимаю. — «А ты опасен, Мастон, когда слаб и напуган. Знаю, ты готов подставить любую шею, кроме своей. Ты и на меня смотришь сейчас так, словно прикидываешь, сколько в данном случае потребуется веревки». — Только не подумайте, что я собираюсь подвергать ваши действия критике, Смайли. Если директор по безопасности санкционировал беседу, то вам не о чем тревожиться.

— Не о чем. Если не считать Феннана.

— О, разумеется. К сожалению, директор по безопасности забыл подписать письменное разрешение на разговор с Феннаном. Но вами было

получено его устное указание, не так ли?

— Да. Я уверен, он это подтвердит.

Мастон снова пристально посмотрел на Смайли, что-то быстро прикидывая в уме, отчего Смайли начал ощущать некоторую сухость в горле. Он понимал, что пытается вести себя слишком принципиально и независимо. А Мастону необходимо было сближение. Он хотел, чтобы Смайли стал участником сговора.

— Вы в курсе, что из департамента Феннана со мной уже связывались?

— Да.

— Будет проведено очень серьезное расследование. Быть может, нам даже не удастся избежать внимания газетчиков. А мне утром предстоит явиться с докладом к министру внутренних дел. — «Ну, напугай меня еще раз… Я уже в возрасте… Можно отправить на пенсию… Подвергнуть сомнению мою компетентность… Что угодно… Вот только лгать в один голос с тобой, Мастон, я все равно не стану». — Мне нужны все факты, Смайли. Я должен выполнить свой долг. Если есть что-то еще, о чем вы мне не рассказали в связи с проведенной беседой, чего, вы, возможно, не изложили в отчете, то самое время поделиться сейчас. Любой мелочью. А потом предоставьте

мне судить, важна она или нет.

— Мне в самом деле нечего добавить к тому, что уже изложено в досье, и к сказанному прежде этой ночью. Вот только, быть может, вам полезно будет понять, — слово «вам» прозвучало с излишним нажимом, как показалось самому Смайли, — что я провел эту беседу в исключительно неформальной атмосфере. Обвинения против Феннана показались мне слабо аргументированными — член партии в тридцатые годы, еще студентом, и какие-то смутные намеки на нынешние симпатии коммунистам. Да половина нынешнего кабинета министров побывала в тридцатые членами партии. — Мастон насупился. — Когда я пришел к нему в служебный кабинет в МИДе, там оказалось слишком многолюдно. Кто-то постоянно заходил и выходил. Поэтому я предложил отправиться на прогулку в парк.

— Дальше.

— Так мы и поступили. День был прохладный, но солнечный и довольно-таки приятный. Мы наблюдали за утками. — Мастон сопроводил эти слова нетерпеливым жестом. — В парке мы пробыли примерно полчаса и за это время провели беседу по всем вопросам. Говорил в основном он сам. Он был интеллигентным человеком, умным

и интересным собеседником. Но, конечно, немного нервничал, что мне показалось естественным. Люди его типа любят рассказывать о себе, и, по-моему, он был только рад стряхнуть с себя это бремя. Он поведал мне всю свою историю — и не затруднился назвать известные ему имена. А потом мы зашли в кафе рядом с Миллбанк.

— Куда?

— В кофейню. Они варят особый сорт кофе по шиллингу за чашку. Мы им угостились.

— Понятно. И в этой… безмятежной обстановке вы и сообщили ему, что наше ведомство не станет предпринимать никаких дальнейших действий?

— Да. Мы часто поступаем подобным образом, но обычно не фиксируем этого в письменных отчетах.

Мастон кивнул. В легкой подтасовке ему не виделось ничего предосудительного. «Бог ты мой, — подумал Смайли, — а ведь он вполне достоин презрения». Его даже слегка взволновало открытие, что Мастон оказался действительно неприятным типом, полностью оправдав его ожидания.

— Могу я, исходя из услышанного, предположить, что самоубийство — и написанное покойным письмо — стало для вас полнейшим

сюрпризом? И вы не можете найти этому объяснения?

— Было бы очень кстати, если бы смог. Но нет.

— Вы не знаете, кто именно выдвинул против него обвинения?

— Нет.

— Он был женат. Хотя бы это вам известно?

— Да.

— Вот я и подумал… Представляется вероятным, что его жена могла бы восполнить некоторые пробелы в имеющейся у нас информации. Не без некоторых колебаний я все же предложу, чтобы кто-то из нашего ведомства навестил ее и исходя из всех соображений приличия задал несколько вопросов.

— Сегодня? — Смайли посмотрел на него совершенно бесстрастно.

Мастон стоял рядом со своим обширным рабочим столом, поигрывая обычными атрибутами кабинета делового человека — ножом для бумаг, портсигаром, зажигалкой. Но на самом деле, заметил Смайли, он рассматривал кремовые манжеты рубашки, торчавшие из-под рукавов ровно на дюйм, и любовался белизной своих рук.

Потом Мастон поднял взгляд, изобразив безграничное терпение.

— Я понимаю ваши чувства, Смайли, но вопреки происшедшей трагедии вам следует ясно видеть сложившуюся ситуацию. Министры внутренних и иностранных дел захотят получить как можно более полный отчет об этом деле, и именно на меня ложится щекотливая задача его подготовить. Особый интерес представляет информация о настроении и душевном состоянии Феннана непосредственно после беседы с… С нами. Возможно, он разговаривал с женой. Ему не положено было этого делать, но давайте будем реалистами.

— Так вы хотите, чтобы к ней поехал я?

— Но ведь кто-то должен. Речь не идет об официальном расследовании. Конечно, последнее слово здесь за министром внутренних дел, но на данный момент у нас попросту не хватает фактов. Время не ждет, а вы знакомы с делом, изучили историю вопроса. Никому другому не успеть ознакомиться с ним столь же детально. Поэтому если кому-то и ехать к ней, то именно вам, Смайли.

— Когда вы хотите меня туда отправить?

— Как мне объяснили, миссис Феннан в известном смысле не совсем обычная женщина. Иностранка, еврейка, как и ее покойный муж,

но к тому же серьезно пострадавшая во время войны, что только усугубляет неловкость. Она — сильная личность и восприняла смерть мужа с относительным стоицизмом. Хотя нет сомнений, что это лишь поверхностное впечатление. При этом она разумный человек, открытый для общения. По словам Спэрроу, она готова помочь и, по всей вероятности, сможет встретиться с вами, как только вы туда прибудете. Полиция Суррея предупредит ее о вашем визите, чтобы вы смогли увидеться с ней уже утром. Позже сегодня я сам позвоню вам по ее номеру.

Смайли повернулся, чтобы уйти.

— Да, и вот еще что, Смайли… — Он почувствовал, как рука Мастона легла ему на плечо, и был вынужден посмотреть на него: Мастон нацепил на себя улыбочку, которую обычно приберегал для самых пожилых сотрудниц службы. — Вы должны знать, что можете на меня рассчитывать; я всегда готов поддержать вас.

«Бог ты мой! — подумал Смайли. — А ведь ты действительно работаешь без остановки. Круглосуточное кабаре — вот что ты такое: «Мы никогда не закрываемся»».

Он вышел на улицу.

Глава 3
Эльза Феннан

Мерридейл-лейн — один из тех уголков Суррея, чьи обитатели ведут неустанную битву, чтобы избавиться от неизгладимой печати провинциальности. Здесь не жалеют ни трудов, ни удобрений, чтобы высадить на передней лужайке как можно больше деревьев, которые бы скрыли притулившиеся за ними бедноватые домики, именуемые «комфортабельным семейным жильем». Но близость к деревне не столько маскируют, сколько подчеркивают резные деревянные фигурки сов, украшающих таблички с названиями домов, и потрескавшиеся гномы, притулившиеся у прудов с золотыми рыбками. Причем жители Мерридейл-лейн нарочно не покрывают гномов ни лаком, ни красками, подозревая в этом признак деревенского дурного вкуса, и по тем же причинам не касаются малярной кистью сов, а терпеливо дожидаются, чтобы те с годами прибрели вид подлинного антиквариата, но добиваются только того, что древесные жуки заводятся даже в перекрытиях домов и в

потолочных балках гаражей.

Пусть агенты по продаже недвижимости уверяют, что переулок заканчивается тупиком, на самом деле это не совсем так. В дальнем от кингстонской объездной дороги конце он просто переходит в крытую гравием тропу, которая чуть дальше превращается в совершенно уже запущенный земляной проселок, пересекающий луг Меррис-Филд и упирающийся в начало другого проулка, совершенно неотличимого от Мерридейл-лейн. Примерно до 1920 года проселок вел к местной приходской церкви, но она теперь оказалась на окруженном со всех сторон транспортными потоками островке, где местные дороги вливаются в шоссе, ведущее в Лондон, и тропа, когда-то служившая верующим путем к храму, теперь остается лишь кратчайшим, пусть и неудобным, соединительным маршрутом между Мерридейл-лейн и Кадоган-роуд. Зато открытое пространство луча, именуемого Меррис-Филд, даже приобрело нежданную скандальную известность, когда из-за него разгорелась нешуточная свара между застройщиками и защитниками зеленых насаждений, причем такая яростная, что в какой-то момент привела к полному параличу работы механизма местных властей Уоллистона.

Впрочем, с течением времени страсти улеглись, и сам собой был достигнут сомнительный компромисс: Меррис-Филд не стали застраивать, но и не сохранили в первозданном виде, установив вдоль луга через равномерные интервалы три колонны из стали. А в самом центре луча находится нечто, напоминающее хижину каннибала с островерхой крышей, именуемое «Мемориальным приютом», возведенным в 1951 году в память о павших в двух мировых войнах, предназначение которого — дать место отдыха усталым и старым путникам. При этом, кажется, никто не задался вопросом, каким ветром могло занести старых и усталых путников на Меррис-Филд, но крыша приюта стала истинным раем для пауков, и какое-то время его использовали как удобную бытовку рабочие, устанавливавшие колонны.

В восемь часов утра Смайли пешком добрался до Мерридейл-лейн, оставив машину у здания полицейского участка, располагавшегося в десяти минутах ходьбы оттуда.

Шел сильный дождь — холодные, крупные капли били прямо в лицо.

Полицию Суррея это дело уже совершенно не интересовало, но Спэрроу тем не менее направил туда офицера из особого отдела, чтобы тот

дежурил при полицейском участке и в случае необходимости обеспечивал связь между спецслужбами и Скотленд-Ярдом. По поводу того, как именно погиб Феннан, вроде бы не могло быть двух мнений. Его убила пуля, пущенная в висок с близкого расстояния из маленького пистолета, произведенного в Лилле в 1957 году. Оружие нашли рядом с трупом. Все обстоятельства смерти указывали на самоубийство.

Дом номер пятнадцать по Мерридейл-лейн оказался приземистым строением в стиле Тюдоров, где спальни располагались под скатами фронтонов, и с гаражом — наполовину каменным, наполовину деревянным. Здесь царило запустение и на первый взгляд никто не жил. Такие дома любят художники, подумал Смайли. Но для Феннана место выглядело совершенно неподходящим. Такие, как Феннан, жили в лондонском Хэмпстеде и нанимали прислугу из числа юных иностранок, приехавших в Англию изучать язык.

Он открыл защелку ворот и неторопливо пошел по подъездной дорожке к дому, безуспешно пытаясь разглядеть хоть какие-то признаки жизни внутри сквозь отсвечивавшие свинцовой серостью окна. Было очень холодно. Он нажал на

кнопку звонка.

Дверь открыла Эльза Феннан.

— Мне позвонили и спросили, не возражаю ли я. Даже не знала, что им ответить. Но, пожалуйста, входите. — Она говорила с заметным немецким акцентом.

Жена выглядела старше самого Феннана. Невысокая подвижная женщина с очень короткой стрижкой и с волосами, вытравленными почти под цвет никотина. Несмотря на внешнюю хрупкость, она излучала силу и смелость, а карие глаза на слегка искаженном лице делали взгляд почти невероятно пронзительным. Это было изможденное лицо. Лицо человека, которого в прошлом долго терзали и мучили, лицо ребенка, выросшего в голоде и лишениях, лицо вечной беженки, лицо узницы концлагеря, подумал Смайли.

Она протянула ладонь для пожатия — розовая, но загрубелая рука показалась ему костлявой на ощупь.

— Ведь это вы проводили с моим мужем беседу по поводу его лояльности, — сказала она и провела гостя в темную гостиную с низким потолком.

Камин отсутствовал. Смайли внезапно почувствовал себя полным идиотом. Лояльности к кому, к чему? И это при том, что она не вложила

в свои слова ни нотки презрения. Он был для нее из числа угнетателей, но ей не привыкать к роли угнетенной.

— Мне очень понравился ваш муж. Все обвинения с него были бы сняты.

— Обвинения? В чем же?

— Мы получили основание для проверки — анонимное письмо, — и это дело поручили мне. — Смайли сделал паузу и посмотрел на женщину с искренним сочувствием. — Вы понесли ужасную утрату, миссис Феннан… И, вероятно, безмерно устали. Едва ли вам удалось нормально поспать в эту ночь…

Но ее не растрогало проявление столь откровенной симпатии.

— Спасибо, конечно, но я даже не пыталась спать. Сон для меня — это вообще почти недоступная роскошь. — Она с грустной усмешкой оглядела свою фигуру. — Я вынуждена как-то коротать по меньшей мере двадцать часов в сутки. А это не так легко даже для меня. А что касается ужасной потери, то да, вероятно, это можно назвать и так. Но знаете, мистер Смайли, у меня так долго не было ничего, кроме зубной щетки, что я не привыкла чем-то владеть даже за восемь лет супружества. И потом, у меня большой опыт

переносить страдания молча.

Кивком она указала ему место, куда он мог сесть, а потом до странности старомодным движением подломила под себя юбку и уселась напротив него сама. В этой комнате тоже было очень холодно. Смайли гадал, с чего бы ему начать разговор; прямо на собеседницу он смотреть не осмеливался и уставился куда-то в пустоту перед собой, отчаянно пытаясь мысленно проникнуть в изможденное, кривоватое лицо Эльзы Феннан. Показалось, что прошло немало времени, прежде чем она вновь заговорила сама:

— Вы упомянули, что он вам понравился. Но у него самого явно не сложилось такого впечатления.

— Я не читал письма, оставленного вашим мужем, но мне передали его содержание. — Серьезное пухлое лицо Смайли теперь было повернуто в сторону собеседницы. — Но это бессмыслица какая-то. Я практически открытым текстом сказал ему… что никакого дальнейшего хода его дело не получит.

Она сидела неподвижно, ожидая продолжения. А что он мог ей сказать? «Простите, что убил вашего мужа, миссис Феннан, но лишь исполнял свой долг (долг перед кем, ради всего святого?).

Двадцать четыре года назад в Оксфорде он был членом коммунистической партии, а последнее повышение по службе открыло ему доступ к весьма секретной информации. Поэтому какой-то «доброжелатель» написал на него анонимку, и нам ничего не оставалось, как провести по ней проверку. Расследование, по всей видимости, повергло вашего мужа в такую глубокую печаль, что он наложил на себя руки».

Он предпочел промолчать.

— Это была всего лишь игра, — неожиданно сказала Эльза, — глупое жонглирование идеями, на самом деле не имевшее отношения ни к нему, ни к любому другому живому человеку. Чего ради вы на нас отвлекаетесь? Возвращайтесь к себе на Уайтхолл и продолжайте передвигать фигурки шпионов на своем картонном игровом поле. Она немного помолчала, никак не проявляя эмоций, если не считать обжигавшего взгляда темных глаз. — Вы страдаете застарелой болезнью, мистер Смайли, — продолжала она, доставая из пачки сигарету, — я часто встречала жертв этого недуга. Сознание как бы отделяется от тела; оно продолжает мыслить в отрыве от реальности, властвует в бумажном королевстве и бесстрастно создает и уничтожает таких же на первый взгляд

бумажных людей. Но порой граница между вашим и нашим мирами вдруг стирается, бумажное досье обретает плоть и кровь, и это ужасный момент, не правда ли? У абстрактных бумажных человечков, оказывается, есть семьи, есть прошлое и мотивы для тех мелких проступков, которые вы превращаете в грехи, описывая их в своих досье. И когда так случается, мне становится очень вас жалко.

Она сделала еще одну небольшую паузу, а потом продолжила:

— Это как государство и народ. Ведь государство — это тоже всего лишь сон, пустой символ, за которым не стоит ничего реального, как сознание, оторванное от тела, как попытка играть с облаками в небе. Но ведь именно государства развязывают войны и сажают людей в тюрьмы, верно? Вы спите, и вам снятся чистые доктрины. Здесь невозможно даже замараться. Но только теперь мы с мужем тоже чисты в ваших глазах, или я не права?

Она смотрела на него в упор. Ее акцент стал намного заметнее.

— Вы отождествляете себя с государством, мистер Смайли, вам нет места среди реальных людей. Если вы сбросили бомбу с небес, то не надо

приходить на место ее падения, чтобы посмотреть на кровь и послушать крики умирающих.

Она говорила, не повышая голоса, а смотрела теперь куда-то выше и мимо него.

— По-моему, вы все еще в шоке. Как же! Вы, видимо, ожидали застать меня в слезах, но у меня слезы кончились уже давно, мистер Смайли — я пуста. Мне пришлось оплакивать слишком многих. Спасибо, что навестили, мистер Смайли, теперь можете отправляться обратно — здесь вам больше делать нечего.

Он подался вперед в своем кресле, держа пухлые руки на коленях. Вид у него был одновременно и самоуверенный, и встревоженный, как у бакалейщика, которого отчитал недовольный клиент. Лицо побледнело, кожа на висках и над верхней губой слегка поблескивала. Под глазами четко обозначились два лиловых полумесяца, рассеченных толстой оправой очков.

— Послушайте, миссис Феннан, наша беседа была не более чем простой формальностью. Мне показалось, что ваш муж получил от нее удовольствие и пребывал в отличном настроении, когда мы завершили разговор.

— Как вы смеете делать подобные заявления, как у вас язык поворачивается…

— Но я говорю правду. Если уж на то пошло, я даже не стал с ним разговаривать в помещении министерства. Когда я пришел к нему, то обнаружил, что его кабинет — это нечто вроде проходного двора между другими комнатами, и потому мы отправились сначала в парк, а потом в кафе. Едва ли похоже на инквизицию, если подумать. Я сказал, что ему не о чем беспокоиться, — именно так звучали мои слова. И потому я никак не могу понять, откуда взялось такое письмо. Это не имеет…

— А я сейчас думаю вовсе не о письме, мистер Смайли. Я вспоминаю то, что он сказал мне сам.

— Что вы имеете в виду?

— Беседа с вами до крайности расстроила его, и он рассказал мне об этом. Вернувшись домой в понедельник вечером, он был в отчаянии, граничившем с невменяемостью. Он рухнул в кресло, и мне с большим трудом удалось позже заставить его лечь в постель. Я дала ему успокоительное, которого хватило только на первую половину ночи. И он продолжал говорить об этом все следующее утро. Черные мысли не шли у него из головы до самой смерти.

Сверху донеслись звонки телефона. Смайли поднялся.

— Прошу прощения, но мне должны звонить из офиса. Надеюсь, вы не возражаете?

— Телефон стоит в большой спальне прямо у нас над головами.

Смайли медленно поднялся по лестнице, все еще находясь в полном недоумении. Что, черт возьми, следует сказать Мастону?

Он снял трубку, машинально прочитав написанный на аппарате номер.

— «Уоллистон двадцать девять сорок четыре» слушает.

— Это с телефонной станции. Доброе утро. Звоним вам в восемь тридцать, как вы и просили.

— А?.. Ах да, спасибо вам огромное.

Он дал отбой, довольный, что получил небольшую передышку. Затем бегло осмотрел комнату. Это явно была спальня самих Феннанов, обставленная просто, но удобно. Перед газовым камином стояли два кресла. Смайли вспомнил, что три послевоенных года Эльза Феннан была прикована к постели. Вероятно, еще с тех времен супруги приобрели привычку вечерами сидеть здесь вдвоем у огня. Альковы по обе стороны камина занимали полки с книгами. В дальнем углу на столике он заметил пишущую машинку. Было во всей атмосфере комнаты что-то настолько

интимное и трогательное, что, вероятно, впервые Смайли по-настоящему ощутил весь трагизм ухода Феннана из жизни. И он вернулся в гостиную.

— Это вас, — сказал он. — Звонок с телефонной станции, который вы заказывали на восемь тридцать.

Вновь возникла пауза. Смайли бросил взгляд на хозяйку, но она тут же отвернулась от него и стояла, глядя в окно, с напряженной, очень прямой тощей спиной и с жесткими короткими волосами, которые казались темными на фоне утреннего света.

Тут он всмотрелся в нее пристальнее. До него только сейчас дошло то, что он должен был понять сразу — еще там, в спальне. Нечто настолько невероятное, что мозгу потребовалось некоторое время, чтобы осознать это. Чисто автоматически он продолжал что-то говорить, но чувствовал желание как можно быстрее уйти отсюда, держаться подальше от телефона, по которому мог позвонить Мастон и засыпать его истеричными вопросами, убраться из мрачноватого, вселявшего беспокойство дома Эльзы Феннан. Уйти и хорошенько поразмыслить.

— Я и так отнял у вас слишком много времени, миссис Феннан. Лучше будет последовать вашему

совету и вернуться в Уайтхолл.

Снова пожатие холодной хрупкой руки, его невнятные слова соболезнования. Он взял в прихожей свое пальто и вышел под лучи утреннего зимнего солнца, ухитрившегося пробиться сквозь тучи после затяжного дождя. И оно немедленно новыми, еще влажными красками покрыло деревья и дома на Мерридейл-лейн. При этом небо оставалось почти черным, и тем более странным казался лежавший под ним неожиданно яркий мир, солнечный свет в котором выглядел как будто украденным из другого места на Земле.

Смайли неспешно спустился по гравию дорожки, опасаясь, что его могут в любой момент окликнуть и предложить вернуться.

В полицейский участок он пришел, полный глубоко взволновавших его мыслей. И главная из них заключалось в том, что не Эльза Феннан попросила телефонную станцию сделать звонок-напоминание в восемь тридцать утра нынешним утром.

Глава 4
Кафе «Фонтан»

Начальником уголовного розыска в полицейском участке Уоллистона был добродушный гигант, для которого главным мерилом профессиональной компетенции являлась выслуга лет. И он считал свое мнение единственно верным. В противоположность ему инспектор Мендель, которого сделал своим связником Спэрроу, оказался худосочным остролицым джентльменом с манерой говорить очень быстро и одним уголком рта. Он показался Смайли чем-то похожим на хорошего лесничего, который досконально знал свою территорию и не любил, когда на нее вторгались посторонние.

— Для вас оставили сообщение из вашего департамента, сэр. Вам необходимо срочно позвонить Советнику. — Главный местный сыщик указал огромной лапищей на телефон и тут же вышел в открытую дверь своего кабинета. Мендель остался сидеть на месте. Смайли какое-то время всматривался в него, размышляя, можно ли этому человеку доверять.

— Закройте дверь.

Мендель подошел к двери и без стука захлопнул ее.

— Мне нужно навести кое-какие справки на местном телефонном узле в Уоллистоне. С кем там лучше всего будет поговорить?

— С заместителем директора. Ее шефа вечно нет на месте, и она тащит на себе всю работу.

— Кто-то из дома пятнадцать по Мерридейл-лейн попросил телефонисток со станции позвонить сегодня в восемь тридцать утра. Мне необходимо выяснить, в котором часу была сделана такая заявка и кем именно. Кроме того, хотелось бы узнать, регулярно ли заказывались подобные звонки, и если да, то все известные подробности о них.

— Помните номер?

— «Уоллистон двадцать девять сорок четыре». Владельцем должен значиться Сэмюэл Феннан, я так думаю.

Мендель взялся за телефон, набрал «ноль» и, дожидаясь ответа, спросил Смайли:

— Вы ведь не хотите, чтобы кто-то пока об этом знал, верно?

— Никто ничего не должен знать. Включая даже вас самого. По всей вероятности, это ничего

не значит. И если мы начнем трепать языками о возможном убийстве, то…

В этот момент Менделю ответили со станции, и он попросил соединить его с заместителем директора.

— Беспокоит полиция Уоллистона, уголовный розыск. Нам необходима проверка данных… Да, конечно… В таком случае перезвоните мне сами… По прямому номеру нашего подразделения — «Уоллистон двадцать четыре двадцать один».

Мендель положил трубку и стал ждать звонка со станции.

— А неглупые девчонки там сидят, — пробормотал он, не глядя на Смайли. Телефон зазвонил, и он вернулся к прерванному разговору. — Мы расследуем ограбление на Мерридейл-лейн. Дом восемнадцать. Есть вероятность, что преступники использовали дом номер пятнадцать как наблюдательный пункт, чтобы вломиться в жилище напротив. Нельзя ли установить все входящие и исходящие звонки с телефона «Уоллистон двадцать девять сорок четыре» за последние двадцать четыре часа?

Последовала пауза. Мендель приложил ладонь к микрофону трубки и повернулся к Смайли с легкой плутовской усмешкой. И Смайли вдруг

почувствовал к нему прилив симпатии.

— Она опрашивает девочек, — шепнул Мендель, — а потом просмотрит записи в книге регистрации.

Он снова отвернулся, сосредоточился на телефоне и стал записывать что-то в блокноте начальника, лежавшем на столе. Потом резко замер и подался вперед.

— Вот как? — Голос его звучал расслабленно по контрасту с напряженной позой. — А в котором часу это было?

Еще пауза.

— В девятнадцать пятьдесят пять?.. И звонил мужчина? Ваша сотрудница уверена в этом?.. Ну конечно… Теперь понятно. Все четко. Это нам очень поможет… Все равно спасибо вам большое за помощь. По крайней мере мы теперь владеем информацией… Вы очень любезны… Нет, это рабочая версия, и только. Придется, наверное, немало поломать голову. Еще раз благодарю, и, пожалуйста, сохраните мой запрос в тайне, насколько это возможно… Всего хорошего!

Он дал отбой, вырвал из блокнота листок и сунул в карман.

Теперь уже быстро заговорил Смайли:

— Я знаю одно жуткое кафе здесь неподалеку.

Мне все равно пора позавтракать. Пойдемте со мной. Выпьете чашку кофе.

Телефон снова зазвонил. Смайли почти физически ощущал Мастона на другом конце провода. Мендель бросил на него беглый взгляд и, кажется, все понял. Они оставили аппарат трезвонить дальше, а сами поспешно вышли из полицейского участка и направились в сторону Хай-стрит.

Кафе «Фонтан» (владелица мисс Глория Адам) отличали все тот же тюдоровский стиль, обилие медных деталей конской упряжи в интерьере и местный мед, продававшийся на шесть пенсов дороже, чем по всей округе. Мисс Адам лично разносила самый отвратительный кофе, который можно найти южнее Манчестера, и называла клиентов «мои друзья». Причем своих «друзей» мисс Адам не обслуживала, а откровенно грабила, считая это, видимо, важным атрибутом домашней обстановки, иллюзию которой всеми силами старалась поддерживать в своем заведении. Ее социальное происхождение оставалось неясным, но в разговорах она часто именовала своего покойного отца «полковником». Среди тех «друзей» мисс Адам, которые платили за дружбу с ней особенно дорого, была популярна сплетня, что упомянутый полковничий чин папаша

получил скорее всего за деятельность на ниве благотворительности в Армии спасения.

Мендель и Смайли заняли угловой столик рядом с камином и дожидались возможности сделать заказ. Мендель смотрел на Смайли с несколько озадаченным выражением лица.

— Девушка запомнила звонок очень хорошо. Запрос поступил перед самым окончанием ее смены — в девятнадцать пятьдесят пять прошлым вечером. Просили позвонить в восемь тридцать утра сегодня. Это сделал сам Феннан — она абсолютно уверена.

— Почему?

— Как я понял, Феннан звонил в прошлое Рождество, когда дежурила та же девушка. Пожелал всем сотрудницам телефонной станции веселого праздника. Она была приятно удивлена. Они немного поболтали о том о сем. И теперь она убеждена, что тот же человек вчера вечером заказал предупредительный звонок. «Очень культурный джентльмен», по ее словам.

— Но это же ерунда какая-то! Предсмертное письмо он написал в двадцать два тридцать. Что могло произойти между восемью и половиной одиннадцатого?

Мендель поднял с пола свой дипломат. Посколь-

ку замок на нем отсутствовал, он больше напоминал футляр для музыкального инструмента, отметил про себя Смайли. Из чемоданчика инспектор вытащил простую папку для бумаг и подал Смайли:

— Факсимиле письма. Шеф попросил вручить его вам. Оригинал ждут в МИДе, а еще одна копия пойдет лично в руки Марлен Дитрих.

— А это еще, черт побери, что за птица?

— Простите, сэр, но так мы называем вашего Советника. Прозвища — обычное дело среди полицейских. Весьма сожалею, если звучит бестактно.

Наоборот, подумал Смайли. Прозвище восхитительное, бесподобное по точности. Он открыл папку и окинул факсимиле взглядом. Мендель продолжал:

— Первое на моей памяти письмо самоубийцы, напечатанное на машинке. И, кстати, чтобы точно указывали время написания, я тоже вижу впервые. А вот к подписи не придерешься. Сравнил ее в участке с образцом, который он однажды оставил, расписываясь в получении своей потерянной вещи, найденной нами. Один к одному.

Письмо действительно было напечатано, и, возможно, на портативной пишущей машинке. Как

и анонимка. Но на этом листке Феннан оставил свой аккуратный, разборчивый автограф. Вверху листка под строкой с адресом была напечатана дата, а еще ниже время: 22.30.

Уважаемый сэр Дэвид!

Обдумав ситуацию, я не без некоторых колебаний все же принял решение добровольно уйти из жизни. Для меня невыносима мысль, что на мне отныне всегда будет лежать тень подозрений в предательстве. Мне совершенно ясно, что с моей карьерой покончено, пусть я и стал жертвой платных доносчиков.

Искренне Ваш, Сэмюэл Феннан

Смайли перечитал текст несколько раз, сжав от напряжения губы и вздернув брови, словно от удивления. Мендель между тем о чем-то его спрашивал.

— Как вы об этом узнали?

— О чем?

— О том утреннем звонке.

— Дело в том, что я сам на него ответил. Думал, звонят мне. Однако это оказался звонок со станции. Но сразу я даже ничего не сообразил. Предположил, что позвонить попросила вдова, понимаете? Спустился вниз и сообщил ей об

этом.

— Спустились вниз?

— Да. У них телефон стоит в спальне. Хотя это скорее комбинация спальни и гостиной… Миссис Феннан ведь долго пробыла на инвалидности, и они оставили комнату в прежнем виде, как мне показалось. Там еще и что-то вроде кабинета в одном из углов: книги, стол, пишущая машинка и тому подобное.

— Пишущая машинка?

— Да. Портативная. Думаю, на ней он и напечатал это свое письмо. Но, видите ли, ответив на звонок, я совершенно упустил из виду, что его никак не могла заказать миссис Феннан.

— Почему же?

— Она страдает бессонницей — сама мне об этом сказала. Когда я посоветовал ей отдохнуть, она ответила: «Я вынуждена как-то коротать по меньшей мере двадцать часов в сутки. А это не так легко даже для меня». И еще добавила, что сон для нее — недоступная роскошь. Так с какой стати ей просить разбудить ее в восемь тридцать?

— А с какой стати это было делать ее мужу или кому-то другому? Это почти обеденное время для многих — Боже, спаси и сохрани государственных служащих!

— Вот именно! Это и для меня загадка. В министерстве рабочий день начинается поздно. В десять, если не ошибаюсь. Но даже в таком случае Феннану следовало встать гораздо раньше восьми тридцати, чтобы побриться, одеться, позавтракать и успеть к своему поезду. И потом, почему его не могла разбудить жена?

— Не исключаю, что она преувеличивает свои проблемы со сном, — сказал Мендель. — Женщины часто раздувают из мухи слона, когда речь заходит о мигренях, бессоннице и других пустяках. Думают, что их будут считать из-за этого натурами нервными, утонченными и темпераментными. Как правило, это обычное кокетство.

Смайли только головой покачал:

— Нет, она все равно никак не могла заказать звонок. Она ведь вернулась домой только в двадцать два сорок пять. Но даже если предположить, что она ошиблась по поводу времени своего возвращения, ей никак не удалось бы добраться до телефона, не наткнувшись сначала на тело мужа. Вы же не станете меня уверять, что это нормальная реакция: найти супруга мертвым, но первым делом кинуться заказывать звонок на утро?

Они какое-то время молчали, попивая кофе.

— Есть еще соображение, — сказал Мендель.

— Какое?

— Жена вернулась из театра в двадцать два сорок пять, так?

— Да, по ее же словам.

— Она ходила в театр одна?

— Без понятия.

— Держу пари, что не одна, а потому вынуждена была сказать правду. Для того и время в письме проставила, чтобы создать себе алиби.

Смайли вспомнил Эльзу Феннан, ее злость, ее покорность судьбе. И ему показалось совершенно неуместным говорить о ней в подобном ключе. Нет. Только не Эльза Феннан. Нет.

— Где было найдено тело? — спросил Смайли.

— У подножия лестницы.

— У нижних ступеней?

— Да. Распластавшимся в холле. Револьвер лежал под ним.

— А записка? Где была она?

— Рядом с ним на полу.

— Что-нибудь еще примечательное?

— Да. Кружка с какао в гостиной.

— И что у нас получается? Феннан решает покончить с собой. Просит телефонную станцию позвонить ему назавтра в восемь тридцать.

Потом наливает себе какао и оставляет кружку в гостиной. Поднимается наверх и печатает предсмертную записку. Снова спускается и простреливает себе голову, не притронувшись к какао. Как складно, не правда ли?

— Да, что верно, то верно. Между прочим, не пора ли вам позвонить в свою контору?

Смайли лукаво посмотрел на Менделя:

— Вот и конец тому, что обещало перерасти в крепкую мужскую дружбу.

Но, направляясь к телефону-автомату, он услышал, как за спиной Мендель пробормотал:

— Держу пари, ты всем так говоришь.

И потому, называя оператору номер Мастона, Смайли не смог сдержать улыбки.

Мастон пожелал видеть его немедленно.

Смайли вернулся к их столику. Мендель помешивал сахар еще в одной чашке кофе с таким видом, словно это занятие требовало полнейшей концентрации. И ел очень большую булочку.

Смайли встал рядом.

— Мне нужно ехать в Лондон.

— Ну и наделаете вы там переполоха, как лиса в курятнике. — Острое лицо резко повернулось к нему. — Или нет?

Теперь Мендель говорил передней частью

рта, пока задняя продолжала расправляться с булочкой.

— Если Феннана убили, то нет такой силы в природе, которая помешает прессе узнать об этом, — ответил Смайли, а про себя подумал: «Едва ли Мастону такой вариант понравится. Он предпочел бы самоубийство».

— Но ведь теперь с этим ничего не поделаешь, верно?

Смайли помедлил с ответом, хмурый и серьезный. Он уже как будто слышал, как Мастон иронизирует над его подозрениями, как спешит сразу поднять их на смех.

— Не знаю, — сказал он. — Я действительно пока ничего не знаю.

Назад в Лондон, назад в Идеальный дом Мастона, назад к крысиной гонке перекладывания ответственности с больной головы на здоровую. И назад к иллюзорному миру, где человеческую трагедию следует изложить на трех страничках рапорта.

Снова дождило, но теперь лил непрерывный, более теплый дождь, и даже за то короткое время, пока Смайли добирался от кафе «Фонтан» до полицейского участка, он успел основательно промокнуть. Сняв пальто, он кинул его на зад-

нее сиденье своей машины. Он с облегчением покидал Уоллистон, пусть ему и предстояло вернуться в Лондон. Сворачивая на главную улицу, он периферийным зрением заметил фигуру Менделя, который упрямо шлепал по тротуару к железнодорожной станции в потемневшей от сырости и почти потерявшей форму фетровой шляпе. Смайли почему-то даже в голову не пришло предложить подбросить его в город, и он почувствовал себя неловко. Но Мендель, ничуть не смущенный, сам открыл пассажирскую дверь и запрыгнул внутрь.

— Вот повезло! — только и сказал он. — Ненавижу поезда. Вы ведь едете на Кембридж-серкус? Тогда высадите меня где-нибудь в районе Вестминстера, если не трудно.

Они тронулись в путь. Мендель достал исцарапанную жестянку с табаком и свернул себе сигарету. Он уже почти вложил ее себе между губ, но передумал, протянул Смайли и дал прикурить от своей замечательной зажигалки, выдававшей струю голубоватого пламени в два дюйма высотой.

— У вас до крайности обеспокоенный вид, — заметил Мендель.

— Точное наблюдение.

После паузы Мендель сказал:

— Вас грызет чувство, что вы многое так и не выяснили.

Но они проехали еще четыре или пять миль, прежде чем Смайли остановился у тротуара и повернулся к Менделю.

— Вы не будете сильно возражать, если мы вернемся в Уоллистон?

— Отличная идея. Повидайтесь с ней еще раз и спросите у нее самой.

Смайли развернулся и медленно поехал в обратном направлении в сторону Уоллистона, в сторону Мерридейл-лейн. Оставив Менделя ждать в машине, он спустился по уже знакомой, крытой гравием дорожке.

Она открыла дверь и впустила его в гостиную, не вымолвив ни слова. На ней было все то же платье, и Смайли стало интересно, как она провела время после его отъезда этим утром.

Ходила ли по дому из угла в угол или просидела неподвижно на первом этаже? А быть может, в одном из кожаных кресел, стоявших наверху в спальне? Как ощущала она себя в роли только что овдовевшей женщины? Воспринимала ли уже свое одиночество всерьез или как раз находилась в том тайно приподнятом настроении, которое,

как правило, возникает ненадолго сразу вслед за первым приступом горя? Смотрелась ли в зеркало, стараясь заметить перемену в себе, с лицом, перекошенным от ужаса и бесслезных рыданий?

Оба остались стоять, инстинктивно стремясь избежать повторения утренней встречи.

— Есть кое-что, о чем я обязан вас спросить, миссис Феннан. А потому, уж извините, пришлось потревожить еще раз.

— Как я догадываюсь, насчет утреннего звонка с телефонной станции?

— Да.

— Я была уверена, что это вас удивит. Страдающая бессонницей просит разбудить ее утром. — Беспечный тон звучал неестественно.

— Верно. Мне это показалось странным. Вы часто ходите в театр?

— Да. Раз в две недели. Я — член клуба при репертуарном театре Уэйбриджа и стараюсь не пропускать их мероприятий. А они гарантируют мне место по вторникам на каждой премьере. Мой муж как раз по вторникам всегда задерживался на работе. И поэтому никогда не ходил со мной, он вообще предпочитал только театральную классику.

— Но он любил Брехта, не правда ли? Был в

восторге, когда его «Берлинер ансамбль» гастролировал в Лондоне.

Она окинула Смайли быстрым взглядом, а потом вдруг улыбнулась — впервые. Это была изумительная улыбка, все ее лицо осветилось, как у ребенка.

Перед Смайли на секунду возник образ Эльзы Феннан в детстве — долговязая, подвижная девчонка-сорванец, подобная маленькой Фадетте у Жорж Санд — лишь формирующаяся женщина, словоохотливая и часто лживая. Она могла быть хитрой и вкрадчивой, готовой на все ради себя самой, а потом вдруг оказалась в голоде и страхе концлагеря, где каждый вел безжалостную войну за выживание. Вот почему улыбка показалась ему одновременно и жалкой — в ней смешались невинность детства и стальная воля, выкованная как оружие в борьбе за существование.

— На самом деле этот звонок имеет самое простое объяснение, — сказала она. — Я, кроме прочего, страдаю провалами в памяти — это что-то ужасное! Отправляюсь в магазин и не помню, что собиралась купить, назначаю по телефону встречу, но забываю о ней, как только кладу трубку. Приглашаю друзей погостить в выходные, а когда они приезжают, нас нет дома.

Вот почему, когда мне нужно вспомнить о чем-то действительно важном, я иногда договариваюсь с телефонной станцией, чтобы мне позвонили за несколько минут до назначенного времени. Это как узелок на платочке, но вот только узелок не услышишь, верно?

Смайли всматривался в нее. У него пересохло в горле, и он с трудом сглотнул, прежде чем смог задать следующий вопрос.

— И о чем же вы просили их себе напомнить в этот раз, миссис Феннан?

Снова милая улыбка:

— Вот видите. Я уже напрочь забыла.

Глава 5
Мастон и пламя свечей

Пока они медленно ехали в сторону Лондона, Смайли перестал ощущать рядом присутствие Менделя.

В былые дни само по себе вождение автомобиля служило ему отдыхом, во время долгой поездки в одиночестве его усталый мозг переставал непрерывно работать, а физическое утомление от нескольких часов, проведенных за рулем, позволяло забыть о самых мрачных делах.

Вероятно, следовало считать еще одной приметой приближения преклонного возраста его нынешнюю неспособность отвлечься подобным образом. Теперь он нуждался в более сильных средствах: в последнее время он часто пытался вообразить себе прогулку по одному из европейских городов, вспоминая все магазины и интересные здания, которые должен был бы миновать. В Берне, например, его маршрут пролегал от Мюнстерского собора до университета. Но никакие самые напряженные умственные упражнения не мешали постоянному вторжению

призраков дня сегодняшнего, возвращавших от грез к реальности. Это Энн похитила его душевный покой, Энн, с которой только реальность стала важна, а жить следовало здесь и сейчас. С ее уходом образовалась пустота.

Он не мог поверить, что Эльза Феннан убила мужа. Ее инстинкты велели ей защищать, лелеять ценности своей жизни, окружать себя символами нормальности нынешнего существования. В ней отсутствовала агрессия. Не было иных порывов, кроме как хранить и оберегать.

Но кто он такой, чтобы судить об этом? Как там писал Гессе? «Странно бродить в тумане, где каждый сам по себе. Даже дерево не знает другого, что растет рядом с ним. Каждый сам по себе». «Мы же не знаем друг о друге ничего, вообще ничего, — размышлял Смайли. — Как бы ни были мы близки, пребывая в иллюзии, что читаем самые потаенные мысли другого, на самом деле не знаем ничего. Как я могу разобраться в душе Эльзы Феннан? Мне только кажется, будто я понимаю ее страдания и причины ее испуганной лжи, но что мне действительно известно о ней? Ровным счетом ничего».

Мендель ткнул пальцем в дорожный указатель:

— Здесь я теперь живу. В Митчаме. Неплохое местечко, ей-богу! Я уже сыт по горло холостяцкими квартирами. Вот и купил полдома в этих краях. Перед уходом на пенсию.

— На пенсию? А тебе еще далеко до этого?

— Очень далеко. Целых три дня. Потому мне и поручили это задание. Ничего особенного, никаких возможных осложнений. Пусть этим займется старина Мендель, ему в самый раз.

— Вот оно как… Что ж, тогда к понедельнику мы оба останемся без работы.

Он довез Менделя до здания Скотленд-Ярда и отправился на Кембридж-серкус.

Когда Смайли входил внутрь, ему казалось, что здесь уже всем все известно. Он словно улавливал это во взглядах, в чуть изменившемся отношении к нему. Направился он прямиком к кабинету Мастона. Секретарша Советника в приемной быстро вскинула взгляд на Смайли.

— Советник у себя?

— Да. И ждет вас. Он как раз один. Когда я постучу, сразу входите.

Но Мастон открыл дверь сам и уже подзывал его к себе. На нем был черный пиджак и брюки в тонкую полоску. Он явно собирается в кабаре, подумал Смайли.

— Я тщетно пытался связаться с вами. Вам передавали мои сообщения? — спросил Мастон.

— Да, но у меня не было возможности поговорить с вами.

— Не понимаю почему?

— Потому что я не верю, что Феннан покончил с собой. Полагаю, его убили. А это не телефонный разговор, согласитесь.

Мастон снял очки и посмотрел на Смайли с глубочайшим удивлением.

— Убили? С чего вы это взяли?

— Феннан написал прощальное письмо в двадцать два тридцать прошлым вечером, если мы примем на веру время, указанное на листке.

— Ну и что?

— А в девятнадцать пятьдесят пять он позвонил на телефонную станцию и попросил разбудить его в восемь тридцать на следующее утро.

— Откуда, черт побери, вам об этом известно?

— Я как раз был там сегодня утром, когда со станции позвонили. И подошел к телефону, предполагая, что меня вызывают из офиса.

— Но откуда уверенность, что звонок заказал Феннан?

— Я навел справки. Девушка со станции хорошо знала голос Феннана; она не сомневается, что это

был он. И позвонил в девятнадцать пятьдесят пять вчера вечером.

— Феннан водил знакомство с этой девицей, так что ли?

— Боже упаси, нет, конечно. Они просто иногда болтали по телефону.

— А с чего вы взяли, что его убили?

— Я задал его жене вопрос об этом звонке…

— И…

— И она мне солгала. Заявила, что заказала звонок сама. Она, дескать, страдает от провалов в памяти и потому иногда просит о напоминаниях телефонисток. Как завязывает узелок на носовом платке, если предстоит важная встреча. И еще одна деталь. Прежде чем застрелиться, он приготовил себе какао. Которое так и не выпил.

Мастон слушал молча. Но под конец улыбнулся и поднялся из кресла.

— Вы, как представляется, не поняли смысл своего поручения, — сказал он. — Я отправил вас выяснить, почему Феннан покончил с собой. А вы возвращаетесь и говорите, что он этого не делал. Не надо выполнять за полицейских их работу, Смайли. Мы с вами не детективы в штатском.

— Нет. И я иногда задумываюсь, кто мы вообще такие.

— Вам удалось выяснить хоть что-то касающееся непосредственно нас? Нечто, что хоть как-то объясняет его мотивы? Факты, подтверждающие содержание его предсмертного письма?

Смайли замялся, прежде чем ответить, хотя заранее знал, что до этого дойдет.

— Да. Насколько я понял со слов миссис Феннан, ее муж был очень расстроен после нашей беседы. — Теперь ему уже ничто не мешало выложить все начистоту. — Он очень нервничал, не мог нормально заснуть. Ей пришлось дать ему снотворное. Ее рассказ о реакции Феннана на беседу полностью совпадает с настроением письма. — Он немного помолчал, глядя перед собой с глуповатым видом и часто моргая. — Но я как раз и пытаюсь объяснить, что не верю ей. Не верю, что Феннан написал то письмо сам, как и в его самоубийство. — Он повернулся к Мастону. — Мы не можем просто отмахнуться от странностей в этом деле. Есть и кое-что другое, — поспешил добавить он, пока его не прервали. — Я еще не отдавал их на экспертизу, но существует определенное сходство между анонимкой и письмом Феннана. Шрифт идентичен. Понимаю, звучит невероятно, но это так. Нам необходимо привлечь к делу полицию и сообщить им все

имеющиеся факты.

— Факты? — переспросил Мастон. — А какие факты? Предположим, жена действительно солгала, но, судя по моей информации, она уже старая женщина, иностранка, еврейка. Одному Богу известно, что творится у нее в голове. Мне сказали, что она пострадала во время войны, попала за колючую проволоку и все такое. Она могла видеть в вас очередного врага, своего рода инквизитора. Поняв, что вы за что-то зацепились, она начинает паниковать и выдает вам ложь, какая только приходит ей на ум. Разве это делает из нее убийцу?

— Тогда зачем Феннан сделал тот звонок? Почему приготовил себе напиток, к которому так и не прикоснулся?

— А кто вообще может объяснить что-то подобное? — Голос Мастона с каждой минутой становился раскатистее и увереннее. — Если бы я или вы, Смайли, однажды подошли к той ужасной черте, когда человек хочет добровольно уйти из жизни, кто смог бы предсказать наши поступки и мысли в последние минуты? Что же до Феннана, то здесь все проще. Он видит, что карьере пришел конец, его жизнь лишается смысла. Разве кому-то покажется столь уж невероятным,

что в минуту слабости, еще ни на что не решившись окончательно, ему захотелось в последний раз услышать голос другого человека, получить частичку чужого тепла, прежде чем умереть? Согласен, это всего лишь допущение с налетом некоторой сентиментальности, но разве такое развитие событий не было возможным, принимая во внимание, в каком состоянии находился человек, стоявший на грани самоубийства?

Смайли не мог не отдать ему должного. Мастон превосходно играл свою роль, и в этом он никогда не смог бы с ним тягаться. Он вдруг почувствовал, нарастающую волну паники от собственного невыносимого бессилия. Но вместе с этим чувством пришла почти безотчетная злость на позера и лицемерного подхалима, на шлюховатую бабу в мужском обличье с седеющими волосами и такой умной с виду улыбкой. Страх и ярость овладели им одновременно, пронизав тело, стеснив грудь. Лицо покраснело и разгорячилось, он ничего не видел сквозь очки, потому что на глаза навернулись слезы, только усугубляя унижение.

А Мастон продолжал, к счастью, ничего не замечая:

— Вы никогда не убедите меня отправиться с

этими так называемыми фактами к министру внутренних дел и заявить ему, что полиция пришла к неверному заключению; вам известно, что наши отношения с полицейскими и без того оставляют желать много лучшего. Конечно, у нас имеются определенные основания для подозрений: если излагать вкратце, то поведение Феннана прошлым вечером не совсем соответствует намерению покончить счеты с жизнью. Его жена, по всей вероятности, вам солгала. Но против нас мнение опытных сыщиков, досконально владеющих своей профессией, которые не обнаружили никаких странностей в обстоятельствах смерти, а миссис Феннан готова официально подтвердить, что собеседование довело ее мужа до полного отчаяния. Простите, Смайли, но здесь даже обсуждать нечего.

Воцарилось молчание. Смайли постепенно приходил в себя, чувствуя подавленность и не желая продолжать бессмысленный спор. Он по-прежнему близоруко смотрел прямо перед собой, его одутловатое морщинистое лицо оставалось багровым, уголки рта безвольно опущены. Мастон ждал возражений, но Смайли смертельно устал и понял, насколько ему все это стало безразлично. Даже не взглянув больше на начальника,

он поднялся и вышел.

Добравшись до своего кабинета, он сел за стол и принялся машинально перебирать текущие дела. В лотке с принесенными сегодня входящими бумагами лежало всего два-три служебных циркуляра и личное письмо, адресованное в министерство обороны на имя Дж. Смайли, эсквайра. Почерк на конверте был ему не знаком. Вскрыв его, он прочитал письмо.

Уважаемый мистер Смайли!

Для меня крайне важно встретиться с Вами завтра за обедом в «Комплит энглер» на Марлоу. Пожалуйста, сделайте все возможное, чтобы увидеться там со мной в час дня. Есть нечто, о чем я должен Вам сообщить.

Ваш

Сэмюэл Феннан

Письмо было написано от руки и датировано предыдущим днем, вторником третьего января. Судя по почтовому штемпелю, его отправили в шесть часов вечера из района Уайтхолла.

Смайли разглядывал его несколько минут, крепко зажав в пальцах и склонив голову набок с каменным выражением лица. Затем он отложил письмо, выдвинул ящик стола и достал листок

девственно чистой бумаги. На нем он написал краткое прошение об отставке и пришпилил скрепкой приглашение Феннана. Вызвав звонком секретаршу, Смайли положил написанное в лоток «Исходящие» и направился к лифту. Кабина, как это часто происходило, надолго застряла в подвале, доставив туда каталку с чайными принадлежностями для дам из картотеки, и, подождав немного, Смайли стал спускаться по лестнице. На полпути вниз он спохватился, что оставил в кабинете плащ и кое-какие личные мелочи. Ничего, подумал он, пришлют как-нибудь ему на дом.

Он сидел в машине на стоянке, уставив взгляд в покрытое каплями дождя лобовое стекло.

Ему плевать. Да, черт возьми, ему на все наплевать! Не мог он избавиться только от удивления. От нежданного ощущения почти полного контроля над собой. Различного рода беседы и допросы играли в жизни Смайли такую большую роль, что он уже давно привык считать себя надежно защищенным от них: касались ли они вопросов дисциплины, научных тем, медицины или религиозных взглядов. Скрытный от природы, он ненавидел допросы в любой форме, презирал попытки влезть в чужую душу, докопаться

до каких-то фактов, которые порой неизбежно всплывали во время таких бесед. Ему вспомнился один особенно веселый и счастливый ужин с Энн в «Куалино» — дорогом ресторане в центре Лондона, за которым он рассказал ей о своей системе «хамелеона-броненосца», помогавшей оставить ни с чем любого инквизитора.

Они ужинали при свечах, белая кожа, жемчуга они пили бренди — и широко распахнутые влажные глаза Энн, только для него; Смайли, разыгрывавший из себя пылкого любовника и делавший это на удивление хорошо; Энн, еще любившая его и очарованная установившейся между ними гармонией.

— …Сначала я научился быть хамелеоном.

— Неужели ты пугал их отвратительной отрыжкой, мой мерзкий лягушонок?

— Нет, здесь все дело в цвете. Хамелеоны меняют окраску.

— Ах, ну, конечно, меняют окраску. Они садятся на зеленые листочки и становятся зелеными. Ты тоже зеленел, лягушонок?

Кончиками пальцев он прикоснулся к ее руке.

— Помолчи, шалунья, и послушай, как с помощью метода «хамелеона-броненосца», разработанного Смайли, обвести вокруг пальца самого

настырного интервьюера.

Ее лицо придвинулось совсем близко, в глазах читалось обожание.

— Система основана на теории, что любой интервьюер никого не любит так, как самого себя, и будет невольно испытывать симпатию, увидев в тебе свое отражение. Твоя задача — окраситься в те же социальные, политические, эмоциональные и интеллектуальные цвета, отличающие человека, который тебя допрашивает.

— Как ты высокопарно выражаешься, мой надутый лягушонок. Тебя извиняет только то, что ты хороший любовник.

— Помолчи. Порой этот метод не срабатывает, когда интервьюер полный идиот или же находится в дурном расположении духа. И тогда ты превращаешься в броненосца.

— То есть надеваешь на себя такие непрошибаемые кольца, да, лягушонок?

— Нет, все гораздо проще. Силой воображения ты ставишь оппонента в такое положение, что начинаешь чувствовать себя существом более высокого порядка. Вот тебе пример. Меня готовил к конфирмации один бывший епископ. А поскольку я оказался единственной его паствой, то и получил испорченную половину каникул,

отдуваясь перед ним за целую епархию. Но както, глядя на лицо епископа, я вообразил, что оно у меня на глазах покрылось толстым слоем шерсти, и тон нашего собеседования сразу же изменился. Теперь я уже говорил с ним свысока. А потом стал еще изощреннее. Приобрел способность превращать его в обезьяну, заставлял застревать в оконных проемах, мог отправить его нагишом на банкет к масонам, проклясть и заставить пресмыкаться на брюхе…

— Какой же ты жестокий, мой ласковый лягушонок!

Верно, так оно и было. Но вот в последних беседах с Мастоном магия мысленной отстраненности покинула его, он все принимал слишком близко к сердцу. Стоило Мастону завладеть инициативой, как Смайли почувствовал чрезмерную усталость и отвращение, мешавшие бороться с ним. Он предполагал, что Эльза Феннан убила мужа, имея на то веские причины, но только ему это вдруг стало совершенно безразлично, не волновало абсолютно. Проблемы больше не существовало. Его подозрения, его опыт, его безошибочные инстинкты, здравый смысл, наконец, — для Мастона все это не было реальностью и фактами. Фактом был только бумажный рапорт,

отчет. Фактами были министры, среди которых министр внутренних дел выделялся как особо тяжелый случай. А потому департамент Мастона совершенно не интересовало мнение даже самого мудрого из его сотрудников, если оно шло вразрез с нужной политической линией.

Совершенно измученный, Смайли неторопливо ехал в сторону дома. Сегодня он устроит себе ужин в ресторане. Причем закажет что-нибудь необычное. Время только приближалось к обеду — до наступления вечера он мог предаться чтению истории путешествия Олеария через бескрайнюю Россию с ганзейской торговой миссией. А потом — ужин в «Куалино» и тост, который он поднимет в одиночестве. Тост за удачливых убийц, то есть за Эльзу, причем с благодарностью: покончив с Сэмюэлом Феннаном, она заодно подвела черту под долгой карьерой Джорджа Смайли.

Не забыв по дороге забрать белье из прачечной, он наконец свернул на Байуотер-стрит, обнаружив свободное место для парковки только в трех домах от своего. Он выбрался из машины, держа под мышкой коричневый пакет, полученный в прачечной, а потом не только запер замок, но и по привычке обошел вокруг автомобиля, подергав

все двери. По-прежнему сеял мелкий дождик. Он с раздражением заметил, что кто-то опять занял место для стоянки у тротуара напротив его дома. Слава Богу, миссис Чэпел догадалась закрыть в его спальне окна, иначе дождь мог…

Внезапно он насторожился, заметив легкое движение в гостиной. То ли световой блик, то ли тень, то ли фигура человека, но что-то бросилось ему в глаза, в этом он не сомневался. Впрочем, действительно ли он заметил нечто, или сработал инстинкт, выработанный годами профессиональный навык? Что бы то ни было — предчувствие, чутье или напряженные нервы, которые иногда обретали повышенную восприимчивость, но он получил предупреждение и не мог игнорировать его.

Ни секунды не колеблясь, он снова положил уже приготовленные ключи от дома в карман пальто, взошел по ступенькам и нажал кнопку звонка.

Звук эхом прокатился по дому. Несколько секунд тишины, а потом Смайли явственно услышал, как к входной двери изнутри приближаются шаги, четкие и уверенные. Скрежет цепочки, щелчок засова, и дверь открылась спокойно, без малейшей заминки.

Смайли никогда прежде его не видел. Высокий, светловолосый, привлекательный, лет тридцати пяти. Светло-серый костюм, белая рубашка, серебристый галстук — униформа дипломата. Немец или швед. Левая рука небрежно лежала в кармане пиджака.

Смайли посмотрел на него, словно извиняясь, что потревожил.

— Добрый день. Не подскажете, мистер Смайли дома?

Дверь теперь открылась нараспашку. Лишь мгновенная нерешительность выдала незваного гостя.

— Да. Почему бы вам не войти?

На секунду испытал замешательство и он сам.

— Нет, спасибо. Передайте ему, пожалуйста, вот это.

Он вручил мужчине пакет из прачечной и спустился по ступенькам обратно к своей машине. Он знал, что за ним продолжают наблюдать. Завел двигатель, отъехал от тротуара и свернул на Слоун-сквер, ни разу не бросив взгляда назад. На Слоун-сквер он сразу нашел место, чтобы остановиться, и поспешно записал в своем ежедневнике семь номеров автомобилей. Тех, что были припаркованы вдоль Байуотер-стрит.

Что ему теперь делать? Обратиться к ближайшему патрульному полисмену? Но того, кто вломился к нему в дом, должно быть, уже и след простыл. Впрочем, были у него и другие соображения. Он снова запер машину, перешел улицу к будке телефона-автомата. Позвонил в Скотленд-Ярд и попросил соединить его с инспектором Менделем из особого отдела. Но, как выяснилось, инспектор отчитался перед комиссаром, а потом в предвкушении скорой отставки отправился в Митчам. После продолжительных препирательств Смайли все же дали его адрес. Он снова сел в машину, объехал вокруг площади и свернул в сторону моста Альберта. В новом пабе с видом на реку он съел сандвич, выпил двойную порцию виски и уже через четверть часа пересек мост в направлении Митчама. Дождь все еще поливал неприметную маленькую машину Смайли. Но теперь он был встревожен, встревожен всерьез.

Глава 6
Чай и гостеприимство

Когда он добрался до нужного места, дождь все еще не кончился. Мендель возился в саду, напялив самую нелепую шляпу, какую Смайли когда-либо видел. Она начала свое существование как военно-полевой головной убор австралийского солдата, но теперь ее необъятные поля провисли по всей окружности, и Мендель в ней больше всего напоминал высоченный гриб. Он в задумчивости стоял над тремя пнями, крепко сжимая в мускулистых руках зловещего вида кирку.

Какое-то время Мендель пристально смотрел на Смайли, а потом его губы медленно скривила усмешка, и он протянул руку для пожатия.

— Проблемы? — скорее констатировал, чем спросил Мендель.

— Проблемы.

Смайли по тропинке последовал за ним в дом: типичный для пригорода, но комфортабельный.

— Извини, не успел развести огонь в гостиной. Сам приехал совсем недавно. Не возражаешь,

если попьем чаю в кухне?

Они прошли в кухню. Смайли с легким удивлением отметил безупречную чистоту и почти женскую аккуратность во всем, что его окружало. Только полицейский календарь на стене портил общее впечатление. Пока Мендель ставил чайник на плиту, доставал чашки и блюдца, Смайли без излишних эмоций рассказал ему о том, что произошло на Байуотер-стрит. Когда он закончил, Мендель долго молчал, глядя на него.

— Но зачем он пригласил тебя войти?

Смайли сморгнул и слегка порозовел.

— Мне тоже интересно узнать ответ на этот вопрос. Своим приглашением он на мгновение привел меня в замешательство. К счастью, подвернулся тот пакет из прачечной. — Он отхлебнул из своей чашки. — Впрочем, не думаю, что пакет ввел его в заблуждение. Мог, но едва ли. Мне в это верится с трудом.

— Почему же?

— Я бы сам, например, не купился на это. Низкорослый мужчина на простом «форде» без маркировки доставляет белье из прачечной? Что-то не сходится, верно? Кроме того, я спросил, дома ли Смайли, а потом не пожелал увидеть его — это тоже должно было показаться довольно-та-

ки странным.

— Но какие цели он преследовал? Что собирался сделать с тобой? За кого он тебя принял?

— В том-то и дело, в том-то и суть, понимаешь? Я считаю, что именно меня он и дожидался, но не мог предположить, что я стану звонить в собственную дверь. Это и смутило его. Полагаю, он собирался меня убить. Потому и пригласил войти: он узнал меня, но не сразу, потому что, по всей вероятности, видел прежде лишь фотографию.

Мендель снова некоторое время молча смотрел на него.

— Боже! — наконец произнес он потом.

— Предположим, я прав, — продолжил Смайли, — и прав во всем. Допустим, Феннан все-таки был убит прошлым вечером, а я едва не стал следующей жертвой сегодня утром. Но моя профессия тем и отличается от твоей, что мы не каждый день сталкиваемся с убийствами.

— К чему ты клонишь?

— Не знаю. Я просто ничего не знаю. Вероятно, прежде чем мы сможем продолжить, ты мог бы проверить для меня вот эти номера машин. Они были припаркованы вдоль Байуотер-стрит нынешним утром.

— А почему ты не можешь сделать это сам?

Несколько секунд Смайли смотрел на него в полнейшем недоумении. И только потом до него дошло, что он даже не упомянул о своей отставке.

— Прости, с этого надо было начинать. Утром я подал заявление об уходе. Думаю, успел подсунуть его как раз вовремя, чтобы не быть уволенным. А потому я теперь свободен как птица. И примерно в такой же степени имею перспективу найти другую работу.

Мендель взял у него список номеров и вышел в прихожую к телефону. Вернулся он уже через пару минут.

— Они перезвонят через час, — сказал он. — А пока пойдем. Я покажу тебе свою усадьбу. Скажи мне, многое ли тебе известно, например, о пчелах?

— Признаться, если и известно, то очень мало. В Оксфорде я одно время увлекся естественными науками.

Ему хотелось рассказать Менделю, как он мучительно пытался разобраться с метаморфозами растений и животных у Гете в надежде, подобно Фаусту, постичь «в чем истина и сущность мирозданья». Он хотел объяснить, почему нельзя понять Европу девятнадцатого столетия, если не

ознакомиться с трудами ведущих натуралистов той эпохи, он чувствовал себя серьезным и преисполненным важных мыслей, хотя в глубине души понимал, что для его ума это всего лишь способ отвлечься от событий дня, что на самом деле им попросту владеет нервное возбуждение. У него обильно потели ладони.

Мендель вывел его из дома через дверь заднего двора: три опрятных улья стояли у невысокой кирпичной стены, служившей границей его садика. Мендель заговорил, пока они стояли под мелкой моросью.

— Мне всегда хотелось завести их, понять, что это за существа. Успел прочитать массу литературы, и, если честно, эти странные мелкие твари до сих пор наводят на меня страх.

Он дважды подряд кивнул, словно для того, чтобы усилить эффект своих слов, а Смайли снова с интересом оглядел его. Лицо Менделя — острое и худое, было тем не менее мужественным, а его выражение по большей части непроницаемым; короткие седые, с металлическим отливом, волосы стояли торчком. Казалось, погода ему совершенно безразлична и интересует его не больше, чем интересовал погоду он сам. Смайли подумал, что он в точности знает, какая жизнь

осталась за плечами у Менделя, поскольку встречал этот тип полицейских по всему миру: с такой же загрубелой кожей лица, неограниченным запасом терпения, но исполненных горечи и злости. Он догадывался о многих и долгих ночах бесплодной слежки при любой погоде за кем-то, кто так и не появлялся… Или появлялся, чтобы мгновенно снова скрыться. И он знал, как сильна была зависимость Менделя и ему подобных от расположения духа различных личностей — капризных и грубых, нервных и переменчивых, которые лишь изредка проявляли здравый смысл и симпатию к своим подчиненным. Ему случалось наблюдать, как часто умного человека мог сломать тупой начальник, как недели тщательной и кропотливой работы сводились на нет единственной глупостью подобного босса.

По скользкой, выложенной щебенкой дорожке Мендель подвел его к улью и, по-прежнему не обращая внимания на дождь, принялся разбирать один из них, демонстрируя и объясняя. Говорил он быстрыми репликами, между которыми следовали продолжительные паузы, точно и неторопливо указывая на предмет рассказа тонкими пальцами.

Наконец они вернулись в дом, и Мендель

ознакомил гостя с двумя помещениями первого этажа. Гостиная была вся в цветочек: шторы и ковер с цветочными узорами, такие же покрывала на мебели. В дальнем углу расположилась небольшая горка с коллекцией пивных кружек в виде пузатых человечков и парой весьма симпатичных пистолетов рядом с кубком, полученным хозяином за точность стрельбы.

Потом Смайли провели наверх. На лестничной площадке пахло керосином от плитки, а из туалета доносилось угрюмое журчание воды в бачке.

Сначала Мендель показал свою спальню.

— Почти свадебные хоромы. Кровать купил по распродаже за гроши. Прямоугольный матрац на пружинах. Поразительно, чего там только не найдешь, если порыться как следует. Обрати внимание — ковры еще времен королевы Елизаветы. Отхватил их у старьевщика в Уотфорде. Там каждый год находишь что-нибудь новенькое.

Смайли стоял в дверях, испытывая некоторую неловкость. Мендель повернулся и открыл дверь второй спальни.

— А это — комната для тебя. Если пожелаешь. — Он вскинул взгляд на Смайли. — На твоем месте я бы не осмелился ночевать сегодня дома. Ни в чем ведь нельзя быть уверенным, верно? К тому же

здесь ты лучше выспишься. Совершенно другой воздух.

Смайли попытался возражать.

— Что ж, как будет угодно. — Мендель нахмурился, тоже, видимо, почувствовав неловкость. — Правду сказать, совершенно не понимаю твоей работы, как и ты ничего не смыслишь в полицейском деле. Поступай как знаешь. Насколько я успел убедиться, ты вполне способен позаботиться о себе сам.

Они спустились вниз. Мендель разжег газовый камин в гостиной.

— По крайней мере ты должен позволить мне угостить тебя сегодня ужином, — сказал Смайли.

В прихожей зазвонил телефон. Секретарша Менделя сообщила информацию о номерах машин.

Мендель вернулся в гостиную и подал Смайли список с семью фамилиями и адресами. Четыре можно было исключить сразу — владельцы автомобилей жили на Байуотер-стрит. Оставались три варианта: машина, взятая напрокат в фирме «Адам Скарр и сыновья» в Баттерси; фургон, принадлежавший компании «Северн тайл», торговавшей керамической плиткой в Истберне; третье транспортное средство находилось в лич-

ной собственности посла Панамы в Лондоне.

— Я послал человека проверить панамский след. Там сложностей не возникнет. На все посольство у них всего три автомобиля. Баттерси недалеко отсюда, — продолжал Мендель. — Можем заскочить туда вместе на твоей машине.

— Непременно, непременно, — сказал Смайли, — а потом отправимся в Кенсингтон ужинать. Я закажу для нас столик в «Антраша».

Было только четыре часа дня. Они какое-то время сидели и просто довольно-таки бессвязно болтали то о пчелах, то о ведении домашнего хозяйства. Причем если Мендель уже почувствовал себя раскованно, то Смайли все еще не мог преодолеть беспокойства и неловкости, силясь взять нужный тон в разговоре, чтобы не выглядеть умником на фоне собеседника. Он догадывался, что сказала бы о Менделе Энн. Она бы полюбила его, вылепила из него исключительную личность, научилась бы подражать его голосу и манере говорить, придумала бы ему историю, чтобы окончательно вписать в свой круг и он больше не казался в нем белой вороной: «Милый, ну кто бы мог подумать, что он окажется настолько приятным в общении! Кто еще мог бы так непринужденно посоветовать мне, где покупать

дешевую рыбу? И какой славный у него домик! Такой простой! Он же наверняка прекрасно знает, что эти пивные кружки просто ужасны, но не придает этому значения. Мне он сразу понравился. Ты просто обязан, мой лягушонок, пригласить его к нам на ужин. Обязан, слышишь? И вовсе не для того, чтобы похихикать, а чтобы узнать поближе». Смайли, разумеется, никогда бы не пригласил его, но для Энн уже самого желания пообщаться было довольно, чтобы таким образом выразить симпатию к Менделю, а потом сразу забыть о нем.

Это было как раз то, к чему сейчас искренне стремился Смайли — найти способ полюбить Менделя. Сделать это так быстро, как получилось бы у Энн, он и не мечтал. Но то была Энн. Она однажды чуть не убила своего окончившего Итон племянника за то, что тот пил кларет под рыбу, но она бы и бровью не повела, вздумай Мендель раскурить трубку над тарелкой с ее crepe Suzette[6].

Мендель заварил еще чая, и они выпили по чашке. А примерно в четверть шестого отправились на машине Смайли в Баттерси. По дороге Мендель купил вечернюю газету. Читать ее при

---

[6] Примечания: 6

Креп-сюзетт, десерт: блинчики с апельсиновым соусом *(фр.)*.

свете мелькавших мимо фонарных столбов было непросто. Однако несколько минут спустя он заговорил с довольно неожиданной злобой в голосе:

— Фрицы. Эти проклятые фрицы! Боже, как же я их ненавижу!

— Фрицев?

— Да, фрицев, Гансов, бошей. Чертовых немцев. Гроша ломаного не дал бы за них всех. Грубое кровожадное стадо баранов. Снова нападки на евреев. А ведь там повсюду наши. Наказать бы их в назидание другим. Но нет: простим и забудем! С какой стати забывать, хотел бы я понять? Почему мы должны простить и забыть об ограблениях, убийствах и изнасилованиях только потому, что в них повинны сразу миллионы людей? Господи, стоит какому-нибудь банковскому клерку прикарманить десять шиллингов, как на него устраивает охоту вся столичная полиция. Но господа Крупп и вся остальная банда — это святое. Их не тронь. Боже, да будь я евреем в Германии…

Смайли неожиданно словно проснулся:

— И что бы ты сделал? Как бы ты поступил, а, Мендель?

— Что ж, я бы, наверное, тоже сидел и терпел. Теперь это все статистика и голая политика. Ведь

не здравый смысл подсказывает дать им водородную бомбу, а чистейшее политиканство. И еще янки… Миллионы розовощеких евреев живут в Америке. И что же они делают? Они, черт побери, своими руками вооружают фрицев. Друзья навеки. Только однажды эти друзья подложат тебе твою же бомбу.

Мендель кипел от ярости, а Смайли молчал, думая об Эльзе Феннан.

— И как же решать проблему? — спросил он потом, чтобы молчание не слишком затянулось.

— Одному Богу известно, — резко ответил Мендель.

Они свернули на Баттерси-Бридж-роуд и подъехали к патрульному констеблю, стоявшему посреди проезжей части. Мендель показал ему свое удостоверение офицера Скотленд-Ярда.

— Гараж Скарра? Я бы не назвал это гаражом, сэр. Просто обычный двор. Он в основном торгует металлоломом и подержанными машинами. Если не продадутся как одно, то уж точно сойдут за другое — любимая присказка Адама. Вам нужно проехать по Принс-оф-Уэльс-драйв до здания больницы. Там он и находится между парой домов из сборных конструкций. А раньше на том месте была просто большая воронка от бомбы.

Старина Адам завалил ее шлакоблоками и стал использовать под свою площадку. С тех пор никто даже не пытался выселить его оттуда.

— Похоже, вы его хорошо знаете, — заметил Мендель.

— Мне ли его не знать! Не раз случалось прищемить ему хвост. В уголовном кодексе почти не осталось статей, по которым Адам Скарр еще не привлекался. Он — один из наших здешних мелких рецидивистов.

— Понятно. А сейчас у вас есть на него что-нибудь?

— Так сразу не скажу. Хотя вы можете смело брать его в любой момент за незаконное букмекерство. И вообще он уже давно просится под Акт, сэр.

Они поехали дальше в сторону больницы. Справа тянулся парк, казавшийся зловеще темным за линией уличных огней.

— Что значит просится под Акт? — спросил Смайли.

— А! Это теперь популярная угроза. По недавно принятому закону, если за тобой числится длинный список преступлений и правонарушений, то тебя можно упечь за решетку в профилактических целях — причем надолго. Похоже, этот

Скарр — мой клиент, — продолжал Мендель. — Предоставь его мне.

Владения Скарра они нашли в точности там, где указал констебль — между двумя захудалыми панельными домишками и неровным рядом каких-то еще строений, возведенных на месте падения бомбы. Все вокруг было усеяно кусками шлака, бытовым мусором и обломками кирпичей. Листы асбеста, железа и доски, очевидно, приобретенные мистером Скарром для перепродажи, громоздились в одном из углов, едва различимые в скудном свете, пробивавшемся из окон домишек. Двое мужчин какое-то время стояли молча, озираясь по сторонам. Потом Мендель пожал плечами, сунул два пальца в рот и оглушительно свистнул.

— Скарр! — крикнул он.

Тишина. Затем на одном из сборных домов зажегся наружный фонарь, высветивший по краям двора три или четыре машины еще довоенного производства и разной степени изношенности.

Медленно открылась дверь, и на пороге появилась девочка лет двенадцати.

— Папа дома, милая? — спросил Мендель.

— Не-а. Пошел в «Приблуду», как пить дать.

— И на том спасибо, милашка.

Они направились обратно в сторону улицы.

— Можно поинтересоваться, что это еще за «Приблуда»? — спросил Смайли.

— «Приблудный теленок». Это паб здесь за углом. До него не больше ста ярдов пешком. Так что оставь машину здесь.

Время открытия только-только наступило, и в пабе никого еще не было. Но пока они ждали появления владельца в зале, внутрь ввалился тучный мужчина в черном костюме. Он сразу подошел к стойке и принялся стучать по ней монетой в пол кроны.

— Уилф! — заорал он. — Высунь суда свой нос. У тебя появились клиенты, счастливый ты сукин сын! — Потом повернулся к Смайли. — Добрый вечер, дружище.

Откуда-то из подсобки донесся голос:

— Скажи им, пусть оставят деньги на стойке и зайдут попозже.

Толстяк еще какое-то время разглядывал Менделя и Смайли, а потом вдруг разразился хохотом:

— Они тебе ничего не оставят, Уилф. Эти парни — полицейские ищейки!

Комичность ситуации так развеселила его, что он плюхнулся на скамью, тянувшуюся вдоль стены заведения, положил ладони на колени

и зашелся от смеха. Даже слезы выступили на глазах и потекли по пухлым щекам.

Он едва успел отдышаться, чтобы пробормотать: «Вот хохма-то!» — и опять начал мелко трястись в новом приступе.

Смайли с интересом разглядывал колоритную фигуру. На мужчине был очень грязный и жесткий воротничок с закругленными углами, красный галстук в цветочек, тщательно подколотый булавкой к черному жилету, армейские башмаки и лоснящийся черный костюм, очень сильно поношенный и без всяких следов стрелок на брюках. Рукава рубашки потемнели от пота и машинного масла, а запонки заменялись скрученными узлами канцелярскими скрепками.

Появился бармен и принял заказы. Незнакомец взял себе двойное виски и бокал имбирного вина, которые сразу же отнес за столик в зале поближе к камину, который топили углем. Хозяин наблюдал за ним с брезгливой гримасой.

— Вот он весь в этом, мелкая сволочь. Платить за столик не желает, но любит погреться на дармовщинку[7].

— Кто он такой? — спросил Мендель.

---

[7] Примечания: 7

Как и в большинстве европейских баров, выпивка за стойкой в английских пабах стоит дешевле, чем за столом в зале.

— Это? Скарр. Адам Скарр. Только какой из него, к дьяволу, Адам? Вообразите себе такого в райском саду. Чудовищное зрелище. И сам он чудовище. У нас здесь шутят, что если бы Ева дала ему яблоко, он бы стрескал его вместе с огрызком. — Бармен выпустил воздух сквозь зубы и покачал головой. А потом крикнул, обращаясь к Скарру: — Но ты все равно приносишь мне пользу, правда, Адам? Народ стекается сюда за много миль, чтобы полюбоваться на тебя — чумазого пришельца из космоса. Спешите видеть! Адам Скарр: одного взгляда достаточно, чтобы захотелось напиться.

На этот раз засмеялись оба. Мендель склонился к Смайли:

— Иди и подожди в машине. Тебя в это впутывать ни к чему. Есть пятерка?

Смайли достал из бумажника пять фунтов, кивнул и вышел из паба. Его действительно тошнило от одной мысли о том, что придется иметь дело со Скарром.

— Ты — Скарр? — спросил Мендель.

— В самую точку, дружище. Он самый.

— Машина с номером ТРХ ноль восемь девяносто твоя?

Мистер Скарр сразу помрачнел, оглядывая бо-

калы с виски и вином. Вопрос явно не пришелся ему по вкусу.

— Ну, так как же?

— Была моя, сквайр, была моя.

— Выражайся яснее! Что значит — была?

Скарр воздел правую руку вверх, а потом плавно опустил ее.

— Темна вода во облацех, сквайр. Ох и мутна.

— Послушай, у меня сейчас на крючке такая большая рыба, какая тебе и во сне не приснится. Так что не надо морочить мне голову. Никого не волнует твой мелкий рэкет. Говори, где машина.

Но Скарр не торопился с ответом, словно тщательно взвешивая смысл услышанного.

— Вот теперь я узрел свет, дружище. Тебе, значит, нужна информация?

— Само собой! Стал бы я иначе тратить здесь время.

— Но ныне наступили тяжелые времена, сквайр. Стоимость жизни взлетела до небес, друг мой. А информация — тот же товар, который продается и покупается. Или я ошибаюсь?

— Скажи мне, кто взял у тебя машину, и с голода не помрешь.

— Я не страдаю от голода, дружище. Я хочу кушать лучше.

— Пятерка.

Скарр выпил один из бокалов и с громким стуком поставил на стол. Мендель поднялся и заказал ему еще выпить.

— Ее у меня угнали, — сказал Скарр. — Понимаешь, я несколько лет сдавал ее напрокат. За депо.

— Где?!

— Не где, а как. За депо, то есть за депозит. Скажем, парню нужна машина на день. Ты берешь у него двадцать фунтов наличкой, так? Когда он ее возвращает, то должен за прокат сорок монет[8]. Ты якобы вручаешь ему чек на тридцать восемь фунтов и в бухгалтерской книге списываешь по статье убыток. А в итоге десятка чистоганом достается тебе. Дошло?

Мендель кивнул, хотя мало что понял.

— Так вот, три недели назад ко мне пришел один тип. Высокий шотландец. С виду денежный мешок. Ходит с тростью. Он внес депозит, взял тачку, и больше я не видел ни его, ни машины. Чистый грабеж.

— Почему же не заявил в полицию?

Скарр помедлил, держа в руке бокал.

---

[8] Примечания: 8

Сорок монет — в данном случае сорок шиллингов, или восемь фунтов.

— Слишком много факторов подсказывали, что лучше не делать этого, сквайр.

— То есть ты угнал ее сам у себя?

Скарра подобное предположение как будто шокировало.

— Скажем так, я недавно узнал, что у того, кто продал мне когда-то эту машину, возникли серьезные неприятности. Не стану вдаваться в детали, — добавил он с лицемерной грустью.

— Но когда ты сдавал машину в прокат, он должен был заполнить разные бланки, не так ли? Страховка, расписка и тому подобное. Где они?

— Все оказалось фальшивкой и враньем. Он дал мне свой адрес в Илинге. Я поехал туда, но такого дома нет в природе. Не сомневаюсь, что и фамилия вымышленная.

Мендель свернул однофунтовые купюры в трубочку, не вынимая из кармана, а потом протянул через стол Скарру. Скарр разгладил бумажки на столе и демонстративно пересчитал, чтобы это могли видеть все, кому была охота наблюдать за ними.

— Я знаю, где тебя найти, — сказал Мендель, — и имею на тебя кое-какой компромат. Если ты только что наплел мне небылиц, я тебе шею сверну.

Снова шел дождь, и Смайли пожалел, что не надел шляпу. Он пересек улицу, свернул в проулок, где располагалась фирма мистера Скарра, и направился к своей машине. Вокруг не было ни души, и царила необычайная тишина. В двухстах ярдах дальше располагалась районная больница Баттерси, небольшое, но аккуратное здание с ярко освещенными окнами. Мостовая буквально пропиталась влагой, а его собственные шаги отдавались резким и неприятным эхом.

Он поравнялся с первым из сборных домов, отмечавшим начало владений Скарра. Прямо посреди двора стояла машина с включенными подфарниками. Заинтригованный Смайли пошел к ней. Это был седан марки «Эм-джи». Номерной знак был плохо освещен и местами забрызган грязью. Он остановился, чтобы разобрать его, проводя пальцем по каждой цифре и букве: ТРХ 0890. Ну, конечно, это был один из номеров, записанных им нынешним утром.

За спиной раздались шаги. Смайли поднялся и начал поворачиваться, но успел только слегка приподнять руку, когда ему нанесли удар.

В удар была вложена ужасающая сила — показалось, что череп раскололся пополам. Упав, Смайли почувствовал, как кровь струей бежит

вокруг левого уха. «Только не это, — подумал он, — Боже, не дай ему ударить снова». Но больше он уже почти не почувствовал — видел только свое тело откуда-то со стороны, словно оно попало в камнедробильную машину и там трещало и распадалось на части, а потом и вовсе ничего не стало. Ничего, кроме ощущения теплоты собственной крови, растекавшейся по валявшимся на земле шлакоблокам, и отдаленного грохота камнедробилки. Но не здесь, а действительно где-то очень далеко.

Глава 7
Рассказ мистера Скарра

Мендель посмотрел на него. Оставалось только гадать, жив он или нет. Опустошив карманы своего плаща, Мендель бережно накрыл им Смайли, а потом как безумный побежал в сторону больницы, ворвался сквозь вращающуюся дверь поликлинического отделения и оказался в круглосуточно освещенном приемном покое. Дежурил молодой врач из «цветных». Мендель совал ему под нос свое удостоверение, что-то кричал, хватал за руку и пытался вытащить на улицу. Но доктор лишь терпеливо улыбался, качал головой и по телефону дозванивался в «скорую». Мендель кинулся назад и стал ждать. Через несколько минут «скорая помощь» прибыла, из нее вышли хорошо обученные своему делу санитары и увезли Смайли.

«Если он умрет, — подумал Мендель. — я заставлю эту сволочь заплатить за все сполна».

Какое-то время он оставался на месте, изучая грязный шлак, на который упал Смайли. При красном свете задних габаритных огней маши-

ны толком разглядеть ничего не удавалось. Все кругом было безнадежно затоптано санитарами и несколькими обитателями сборных домишек. Местные жители сначала слетелись, как хищные птицы на падаль, а потом молниеносно исчезли, поняв, что у них могут возникнуть проблемы, а проблем не хотелось никому.

— Сволочь, — снова прошипел Мендель и медленно побрел назад к пабу.

Зал постепенно заполнился. Скарр заказал себе еще порцию выпивки. Мендель взял его за рукав. Скарр повернулся к нему и сказал:

— А, ты вернулся, дружище. Присаживайся и выпей какой-нибудь отравы покрепче.

— Заткнись, — бросил Мендель. — Мне нужно снова поговорить с тобой. Пойдем на улицу.

Мистер Скарр помотал головой и причмокнул:

— Ничего не получится, старина. Никак не могу. У меня здесь намечается компания.

Он кивком указал на восемнадцатилетнюю крашеную блондинку с белесой помадой на губах, которая неподвижно сидела за угловым столиком. Ее густо подведенные глаза хранили выражение вечного испуганного изумления.

— Слушай меня внимательно, — прошептал Мендель. — Даю тебе ровно две секунды. А потом

я оторву тебе уши, ты, лживая мразь!

Скарр отдал бокал на сохранение бармену, а потом неторопливо, с чувством собственного достоинства направился к выходу. На девицу он даже не посмотрел.

Мендель перевел его на противоположную сторону улицы, к сборным домам. В восьмидесяти ярдах оттуда были видны включенные подфарники машины Смайли.

Они свернули во двор. «Эм-джи» все еще стояла на прежнем месте. Мендель крепко держал Скарра за руку, готовый при необходимости с силой вывернуть ее вверх, чтобы сломать или вывихнуть плечевой сустав.

— Вот так дела! — воскликнул Скарр, приятно удивленный. — Она, стало быть, сама вернулась в родное гнездышко.

— Значит, угнали? — переспросил Мендель. — Увел высокий шотландец с тростью и адресом в Илинге? Как мило с его стороны вернуть украденное, верно? Дружеский жест, пусть и немного запоздалый. Ты явно занялся не своим делом, Скарр. — Менделя трясло от злости. — И почему габариты включены? Открой дверь.

Скарр в темноте повернулся к Менделю, свободной рукой похлопал по карманам в поисках

ключей. Достал связку, ощупал каждый ключ, нашел нужный и отпер дверь машины.

Мендель забрался в салон, нашел выключатель в крыше кабины и нажал на него. Затем методично обыскал автомобиль. Скарр стоял снаружи и ждал.

Мендель работал быстро, но тщательно. Перчаточное отделение, сиденья, полы, пространство перед задним стеклом: ничего. Затем он запустил руку в кармашек пассажирской двери, достав оттуда дорожную карту и конверт. Он был длинный и плоский, серо-голубой, окантованный ленточкой. Сделано на континенте, отметил про себя Мендель. Никаких надписей сверху не оказалось. Он вскрыл конверт. Внутри лежали десять потрепанных пятифунтовых купюр и простая открытка без рисунка. Мендель поднес ее к свету и прочитал записку, выведенную печатными буквами шариковой ручкой:

ДЕЛО СДЕЛАНО. ПРОДАЙ ЕЕ.

Подпись отсутствовала.

Он вышел из машины и ухватил Скарра за локти. Тот невольно сделал шаг назад.

— В чем проблема, дружище? — спросил он.

Мендель ответил спокойно и негромко:

— У меня проблем нет, Скарр. А вот у тебя есть. И большая. У тебя охренительная проблема, каких еще никогда не возникало. Сговор с целью убийства, покушение на убийство, нарушение закона о государственной тайне. И можешь для довеска добавить нарушение правил сдачи в аренду транспортных средств, мошенничество, уклонение от уплаты налогов и еще пятнадцать других обвинений, основания для которых я найду, пока ты будешь париться на койке в камере.

— Минуточку, легавый, минуточку! Давай без эмоций. О чем ты толкуешь? При чем здесь убийство?

— Лучше послушай меня, Скарр. Ты — мелкая сошка, влез в дела больших людей, верно? Так что не удивляйся, если и отвечать придется покрупному. Думаю, потянет лет на пятнадцать.

— Заглохни! Я не из пугливых.

— Нет, тебе придется все выслушать до конца, мелкий подонок. Ты вляпался в очень серьезное дело и расплатишься по полной программе. А мне что? Я буду сидеть и посмеиваться, пока ты сгниешь в Скрабсе[9], пялясь на свое толстое брюхо. Видишь ту больницу? Там сейчас лежит при

---

[9] Примечания: 9

Имеется в виду Уормвуд-Скрабс — известная лондонская тюрьма.

смерти мой товарищ, которого пытался отправить на тот свет твой высокий шотландец. Его нашли полчаса назад истекающим кровью в твоем дворе. А до этого был еще покойник в Суррее и, откуда мне знать, может, еще по одному в каждом графстве. Так что это твоя проблема, сволочь ты несчастная, а не моя. И есть еще кое-что. Ты ведь единственный, кто знает шотландца в лицо, угадал? Ему скорее всего захочется окончательно замести за собой следы. Не боишься?

Скарр медленно обошел вокруг машины.

Мендель уселся за руль и отпер пассажирскую дверь изнутри. Скарр расположился рядом с ним. Свет они больше не включали.

— Я так спокойно занимался здесь своим бизнесом, — грустно сказал Скарр. — Навар был небольшой, но стабильный. То есть до тех пор, пока не объявился этот тип.

— Что за тип?

— Давай без спешки, легавый. Не подгоняй меня. Это случилось четыре года назад. До встречи с ним я не верил в Санта-Клауса. Он назвался голландцем, сказал, что занимается бриллиантами. Не скажу, что поверил ему на слово, потому что я, как и ты, не такой уж простак. Я не задавал вопросов о его делах, а он со мной не откровенничал,

но, думаю, это была контрабанда. Деньжищи у него водились пачками, это правда. Был увешан ими, как рождественская елка. «Скарр, — сказал он мне, — ты деловой человек. Я тоже. Оба не любим шумихи. По всему видать, мы с тобой птицы одного полета. Мне нужна машина. Но не навсегда, а на время». Это не в точности его слова, поскольку он говорил на ломаном английском, но смысл я тебе передаю точно. «Что ты предлагаешь? — спросил я. — Выкладывай».

«Что ж, — ответил он, — я еще и очень скромный человек. Мне нужна машина, чтобы никто по ней не смог меня найти. Даже если попаду в аварию. Купи мне тачку, Скарр, старую, но надежную, с хорошим движком под капотом. Но купи на свое имя и держи наготове для меня. Вот тебе пять сотен для начала, и будешь получать по двадцатке за каждый месяц хранения в гараже. Плюс плата за каждый день использования. Но хочу повторить, Скарр. Я — скромный и застенчивый, а потому ты меня не знаешь. За это и будешь получать хорошие деньги. За то, что даже не знаком со мной». Так он это изложил.

Никогда не забуду тот день. Дождь лил как из ведра, а я возился со старым такси, которое как-то купил у одного приятеля в Уонусворте. Я

тогда задолжал одному букмекеру сорок фунтов, и легавым бы не понравилось, если бы мне пришло в голову швыряться деньгами. Так что я для вида просто обменял такси на невзрачный с виду «эм-джи», который нашел в Клэпхеме.

Мистер Скарр глубоко вздохнул с таким грустным видом, что выглядел почти комично.

— А потом возник тот тип, как нечистая совесть, засыпав меня купюрами, словно это были старые лотерейные билеты.

— Как он выглядел? — спросил Мендель.

— Довольно молодой. Высокий, светловолосый. И хладнокровный. Непроницаемый, как скала. После того как он мне заплатил, я его больше ни разу не видел. Он отправлял мне письма откуда-то из Лондона, напечатанные на простых листках. Просто: «Будь готов в понедельник вечером», «Будь готов во вторник вечером» и так далее. Мы обо всем заранее условились. Я оставлял машину во дворе, проверенную механиком и с полным баком. Он никогда не предупреждал, когда вернет ее. Обычно пригонял к закрытию моего заведения или позже. Бросал на прежнем месте с включенными подфарниками и запертыми дверцами. В карман дверцы клал по два фунта за каждый день использования.

— А что произошло бы в случае непредвиденных обстоятельств? К примеру, взяли бы тебя по какому-нибудь пустяковому делу?

— Он дал мне номер телефона. Велел позвонить и попросить к телефону определенного человека.

— Как ты должен был его называть?

— В том-то и дело, что он предложил мне самому выбрать для него прозвище. Я сказал, что он будет для меня Блондинчиком. Не думаю, что ему понравилось или он оценил юмор, но так и осталось. Номер был «Примроуз ноль ноль девяносто восемь».

— Ты им пользовался?

— Да. Пару лет назад меня сцапали и посадили в Маргейт на десять суток. Я решил, что будет лучше дать ему знать об этом. К телефону подошла девица — тоже голландка, судя по акценту. Она сказала, что Блондинчик в Голландии, но она передаст ему информацию. А потом я уже не утруждал себя звонками.

— Почему?

— Понимаешь, я кое-что стал соображать. Он приезжал за машиной регулярно раз в две недели — в первый и третий вторник каждого месяца, кроме января и февраля. В этот раз он объявился

в январе впервые. Возвращал автомобиль, как правило, по четвергам. Странно, что он вдруг приехал сегодня. Но теперь у нас с ним все кончено, как я понимаю. — Скарр держал в огромной лапище открытку, которую взял у Менделя.

— Он делал паузы? Бывало, что долго не давал о себе знать?

— Зимой появлялся реже. В январе и феврале не приезжал никогда, как я сказал.

Мендель все еще сжимал в кулаке пятьдесят фунтов. И вдруг швырнул их Скарру на колени.

— Только не думай, что тебе повезло. Я бы не согласился поменяться с тобой местами и за вдвое большую сумму. И учти — я непременно вернусь.

Теперь Скарр действительно казался напуганным.

— Я бы не стал так с тобой откровенничать, — сказал он нервно, — но не хочу встревать ни в какие секретные делишки. Не могу допустить, чтобы моя старая добрая родина пострадала. Я прав, сквайр?

— О, ради всего святого, заткнись, — сказал Мендель, ощущая страшную усталость. Забрав у Скарра открытку, он выбрался из машины и побрел в сторону больницы.

Новостей не было. Смайли все еще оставался без сознания. Известили уголовный розыск. Менделю посоветовали продиктовать свои координаты и отправляться домой. Из больницы с ним свяжутся, как только появится новая информация. После долгих препирательств Мендель убедил старшую медсестру отдать ему ключи от машины Смайли.

Все-таки Митчам — не самое лучшее место, чтобы поселиться там надолго, решил он.

Глава 8
Размышления в больничной палате

Он ненавидел кровать, как утопающий, должно быть, ненавидит море. Он ненавидел простыни, в которые был укутан так, что не мог пошевелить ни ногой, ни рукой.

И он ненавидел эту комнату, потому что она пугала его. У двери стояла каталка со всякими медицинскими причиндалами вроде ножниц, бинтов и склянок с лекарствами, странными предметами, наводившими страх именно неясностью своего предназначения, причем некоторые были завернуты в марлю, словно для последнего причастия. Там стояли стеклянные банки — высокие, накрытые сверху белыми салфетками, которые напоминали хищных птиц, готовых в любой момент выклевать ему внутренности. В стеклянных сосудах поменьше лежали на дне резиновые трубочки, свернувшиеся змейками. Он ненавидел все это и боялся. Ему становилось жарко, и пот лил с него ручьями, а потом делалось холодно, и пот застывал где-то между ребер каплями запекшейся крови. День сменялся ночью

снова и снова, но Смайли даже не подозревал об этом. Он вел отчаянную борьбу с сонливостью, потому что, стоило ему закрыть глаза, как они, казалось, обращались внутрь и взирали на хаос, царивший в его мозгу. Когда по временам веки смыкались просто под собственной тяжестью, он собирался с силами, чтобы разлепить их и снова видеть бледный свет, колыхавшийся где-то вверху.

Но затем наступил благословенный день, когда кто-то раздвинул шторы на окнах и впустил внутрь лучи зимнего солнца. Он услышал шум машин на улице и только тогда поверил, что теперь точно останется в живых.

Отныне проблема смерти снова переместилась в чисто умозрительную академическую плоскость, стала долгом, который он отдаст, как только разбогатеет и сможет сам оплатить собственный уход из жизни. Это было восхитительное в своей чистоте и простоте ощущение. Роскошное чувство. Его ум чудесным образом прояснился и царил над всей Землей подобно разуму Прометея. Кстати, где он слышал эту фразу: «Сознание как бы отделяется от тела, властвуя в бумажном королевстве…»? На него наводил тоску льющийся сверху блеклый свет, ему хо-

телось иметь возможность видеть больше. Он уже не мог выносить винограда, как и запахов меда, цветов и шоколада. Он нуждался в книгах и литературных журналах; как он мог продолжать научную работу, если ему не давали книг? О том историческом периоде, специалистом в котором он был, и без того написано крайне мало. Творцы XVII столетия не были по достоинству оценены литературной критикой.

Менделю позволили впервые навестить его только через три недели. Он вошел в палату, держа в руках новую шляпу и книгу о пчелах. Шляпу он разместил в ногах кровати, а книгу положил на тумбочку. На его лице играла улыбка.

— Я купил тебе книжку, — сказал он. — О пчелах. Это крошечные, но очень умные создания. Должны заинтересовать тебя.

Он присел на край постели.

— Еще я приобрел себе шляпу. Довольно дурацкую. В ознаменование своей отставки.

— Ах да! Я и забыл, что ты теперь тоже будешь пылиться на полке.

Оба посмеялись и снова замолчали.

Смайли часто моргал.

— Боюсь, ты у меня сейчас расплываешься перед глазами. Мне не разрешают пользоваться

старыми очками. Обещают принести новые. — Он сделал паузу. — Ты узнал, кто это сделал, или нет?

— Быть может, и узнал. Пока трудно сказать. Но есть ниточка. Проблема в том, что мне пока слишком мало известно. Я имею в виду твою работу. Тебе о чем-нибудь говорит такое название, как «Представительство сталелитейной промышленности ГДР»? То есть Восточной Германии?

— Да, что-то припоминаю. Они появились в Лондоне года четыре назад и зарегистрировались в Торгово-промышленной палате.

Мендель пересказал ему свою содержательную беседу с мистером Скарром.

— …Назвался голландцем. Единственным способом связи с ним для Скарра был телефон с кодом «Примроуз». Я проверил абонента. Номер числился за представительством сталелитейной промышленности ГДР на Белсайз-парк.

Отправил одного из своих парней на разведку. Они оттуда съехали. Не осталось ничего. Никакой мебели, никаких бумаг или хотя бы канцелярской скрепки. Только телефонный аппарат, да и тот был с корнем вырван из розетки.

— И когда же они освободили помещение?

— Третьего января. В тот же день, когда был

убит Феннан.

Он выжидающе посмотрел на Смайли.

— Свяжись с Питером Гилламом из министерства обороны и приведи его завтра сюда. Если придется, притащи за шкирку.

Мендель взял шляпу и направился к двери.

— До свидания, — сказал Смайли. — Спасибо за книгу.

— Завтра увидимся, — ответил Мендель и вышел.

Смайли откинулся на подушку. У него разболелась голова. «Черт, — подумал он, — я ведь забыл поблагодарить его за мед. Впрочем, он все равно купил его в «Фортнумс»».

Зачем же все-таки понадобился тот утренний телефонный звонок? Эта загадка мучила Смайли больше всего. Он понимал, насколько это глупо, но из всех необъяснимых деталей дела именно эта лишала его сна и покоя.

Объяснение, данное Эльзой Феннан, представлялось совершенно нелепым, абсолютно неправдоподобным. Энн — другое дело. Энн, если бы ей понадобилось, сумела бы поставить на уши всю телефонную станцию, но не Эльза Феннан. Ничто в ее настороженном маленьком интеллигентном личике не подтверждало странного

утверждения, что она страдает рассеянностью. Это как раз было одной из противоречивых странностей характера самого Сэмюэла Феннана, которую Смайли обнаружил, когда готовился к беседе и наводил предварительные справки. Жадный читатель, любитель вестернов, отличный шахматист, музыкант, человек философского склада ума, но при этом — рассеянный. Из-за этого с ним однажды даже случился крупный скандал, когда он по ошибке вынес из здания МИДа секретные документы. Прихватил со стола вместе с номерами «Таймс» и вечерней газеты, сунул не глядя в портфель и отправился домой в Уоллистон.

Не поддалась ли Эльза Феннан в состоянии паники искушению закутаться в мантию мужа? Или даже взять на себя двигавший мужем мотив? Быть может, Феннан заказал звонок, чтобы ему о чем-то напомнили, а Эльза сделала это напоминанием себе? Вот только о чем было напоминание? Что именно его жена так усердно стремилась скрыть?

Сэмюэл Феннан. Новый и старый миры столкнулись в нем. «Вечный жид», культурный, космополитичный, целеустремленный, трудолюбивый, восприимчивый и, с точки зрения

Смайли, весьма привлекательный внешне. Дитя своей эпохи, он, как и Эльза, подвергся гонениям, был вынужден покинуть принявшую когда-то его семью Германию и отправиться учиться в английский университет. А потом исключительно благодаря своим способностям сумел преодолеть все препятствия и предрассудки, чтобы попасть на службу в министерство иностранных дел. Это было немалое достижение, которого он добился исключительно за счет своего блестящего интеллекта. И если он немного возгордился, порой проявляя несогласие с решениями умов более приземленных и ограниченных, чем его собственный, то его трудно в этом винить. В министерстве случился переполох, когда Феннан открыто поддержал идею раздела Германии, но раздувать дела не стали, а просто перевели Феннана в департамент Азии, и вскоре казус забылся. В остальном же он проявил себя человеком великодушным и бескорыстным, был в равной степени уважаем и в Уайтхолле, и в Суррее, где несколько часов в неделю уделял благотворительности. Страстно увлекался горными лыжами. Каждый год он брал положенный ему отпуск целиком и проводил шесть недель в Швейцарии или Австрии. Насколько помнил

Смайли, Германию он посетил лишь однажды — года четыре назад вместе с женой.

Выглядело вполне естественным, что в Оксфорде Феннан сблизился с левыми. То был период расцвета симпатий к коммунистам в университетской среде, а проповедовавшиеся ими идеалы, по понятным причинам, оказались ему близки. Приход к власти фашистов в Германии и Италии, вторжение Японии в Маньчжурию, мятеж Франко в Испании, депрессия в Америке, а прежде всего — волна антисемитизма, прокатившаяся по Европе. Феннан просто вынужден был искать политическую силу, которая помогла бы ему выплеснуть ярость и отвращение к происходившему. Кроме того, компартия пользовалась тогда уважением; неудачи, преследовавшие лейбористов, а затем и коалиционное правительство, убедили многих интеллектуалов, что только коммунисты способны стать эффективной альтернативой капитализму и фашизму. Добавьте сюда сам характер партии с ее духом товарищества и атмосферой конспирации, которые соответствовали некоторому духу авантюризма в характере Феннана и давали возможность избежать грозившего в противном случае полного одиночества. Он даже порывался воевать в Ис-

пании, и многие действительно отправились на ту войну, как Корнфорд — коммунист из Кембриджа, чтобы не вернуться живыми.

Смайли мог вообразить, каким был в те дни Феннан — полный энтузиазма, живой, очень серьезный, он мог, кроме того, поделиться со своими товарищами личным опытом реальных страданий, что делало его закаленным ветераном среди неоперившихся птенцов. Родители его умерли. Отец был скромным работником банка с единственной мечтой иметь небольшой счет в Швейцарии. Накопил он немного, но достаточно, чтобы сын смог себе позволить учиться в Оксфорде и не прозябать в бедности.

Смайли очень хорошо запомнил беседу с Феннаном. Она была одной из многих подобных, но все же складывалась иначе. И главное отличие заключалось в способе общения, в самом его языке. Феннан умел говорить так выразительно, так быстро, так уверенно. «Их величайший день наступил, когда пришли шахтеры из Рондды[10], помните? — рассказывал он. — И для наших товарищей словно сам дух Свободы снизошел с холмов Уэльса. Это был марш голодных людей, но

---

[10] Примечания: 10

Имеется в виду поход безработных шахтеров в Лондон в ноябре 1936 г.

до членов нашей ячейки почему-то не доходило, что участники похода были голодны в буквальном смысле слова. Только я сообразил. Мы наняли грузовик, а девушки приготовили тушеное мясо — целые тонны. Говядину купили дешево у одного симпатизировавшего нам мясника на рынке. И на этом грузовике выехали встречать их. Они подкрепились и пошли дальше. Но, если честно, чувствовалось, что мы им не нравимся, не пользуемся их доверием. — Он рассмеялся. — Они все были такие низкорослые — это мне запомнилось особенно отчетливо, — приземистые и темные, как сказочные эльфы. Нам очень хотелось, чтобы они хором запели. И они затянули песню, но не для нас — для себя самих. Я тогда впервые встретил настоящих валлийцев.

И в чем-то, как мне показалось, это помогло мне лучше понять свою этническую принадлежность. Я ведь еврей, как вы, должно быть, знаете».

Смайли кивнул.

«А мои товарищи по партии не знали, что делать, когда люди из Уэльса пришли к ним домой. Как себя вести, если твоя мечта сбылась? В тот момент многим в Оксфорде стало понятнее, почему в партии не слишком уважают интеллектуалов. Думаю, они почувствовали что-то вроде своей

бесполезности и стыда. Стыдились мягких кроватей в спальнях, своих всегда сытых желудков и даже мудреных научных работ. Стыдились своих талантов и тонкого чувства юмора. Среди них бытовала легенда, что один из основателей лейбористского движения, Кир Харди, сам бывший шахтер, учился писать мелом на почерневшей от угля руке. И они устыдились своих письменных принадлежностей и дорогих сортов бумаги. Но ведь проблема состояла не только в этом, и ее нельзя было решить, попросту избавившись от излишеств обеспеченной жизни, понимаете? К этому я пришел очень скоро и, вероятно, потому покинул ряды компартии».

Смайли хотелось подробнее узнать о чувствах самого Феннана, но тот все продолжал говорить. Он понял, что не имеет с коммунистами ничего общего. Они были не взрослыми людьми, а незрелыми подростками, которым мечталось о кострах Свободы, цыганской музыке и Едином мире, который внезапно возникнет сам собой уже завтра. Им хотелось скакать на белых конях в прибое Бискайского залива. Им доставляло детское удовольствие угощать пивом голодных эльфов из Уэльса. Они, как несмышленыши, не способны были критически сопротивляться

манящим лучам солнца с Востока и послушно поворачивали к нему свои лохматые головы. Они любили друг друга, а считали, что любят все человечество; они спорили друг с другом, а мнили, что решают судьбы планеты.

Уже скоро бывшие соратники стали казаться ему трогательными, но смешными. С его точки зрения, намного полезнее было бы вязать носки для солдат. Столь явное расхождение между мечтой и реальностью подвигло его на более пристальное изучение и того и другого. Он стал тратить почти все свое время на изучение исторических и философских трудов. К своему удивлению, он обнаружил, насколько его привлекает и успокаивает душевно сама по себе интеллектуальная простота и прямота марксизма. Он наслаждался его умственной безжалостностью, его увлекала смелость мыслей и решительная переоценка традиционных понятий. И кончилось тем, что именно теория, а не членство в партии, дала ему силы пережить одиночество, философия, требовавшая безоговорочно пожертвовать всем во имя неопровержимой идеи, что его унижало и вдохновляло одновременно. А потом, когда ему удалось добиться успеха, процветания и интеграции в общество, он с грустью отвер-

нулся от сокровищ мудрости, которые перерос и поневоле должен был оставить там, в Оксфорде времен своей юности.

Так Феннан описал свою эволюцию, а Смайли поверил и понял. Это едва ли была та история озлобленности и отторжения, к каким Смайли привык в подобных беседах, и (вероятно, именно поэтому) она показалась ему гораздо более реалистичной. Но от разговора все же остался некоторый осадок: Смайли был уверен, что Феннан так и не поделился с ним чем-то крайне важным.

Но сейчас куда интереснее было другое. Существовала ли прямая, основанная на фактах связь между инцидентом на Байуотер-стрит и смертью Феннана? Смайли уже упрекал себя, что чересчур увлекся очевидными совпадениями. Если же смотреть трезво, то ничто, за исключением последовательности событий, пока не подтверждало, что Феннан и Смайли стали действующими лицами одного и того же дела.

Хотя не одна лишь последовательность событий сыграла свою роль. Нельзя было сбрасывать со счетов интуицию Смайли, его опыт — называйте как хотите, хоть шестым чувством. Именно это заставило его позвонить в дверь собственного

дома. Но, однако же, не уберегло от преступника, стоявшего в ночи у него за спиной с обрезком свинцовой трубы в руке.

Беседу с Феннаном он провел неформально, что правда, то правда. Парк, по которому они прогуливались, больше напоминал ему об Оксфорде, чем об Уайтхолле. Да, процедура была необычной — поход в парк, потом столик в кафе у Миллбанк, но как это выглядело со стороны? Чиновник из МИДа прогуливается и очень серьезно разговаривает с каким-то невысоким, никому не известным мужчиной… Вот только что, если личность мужчины как раз была кому-то хорошо известна?

Смайли взял книжку в бумажном переплете и принялся карандашом писать на форзаце:

Есть предположение, которое пока ничем не подтверждено: что убийство Феннана и покушение на убийство Смайли — это звенья одной цепи. Какие обстоятельства связывали Смайли с Феннаном до гибели последнего?

1. До беседы, состоявшейся в понедельник 2 января, я никогда с Феннаном не встречался. Я лишь ознакомился с его личным делом в министерстве и провел кое-какую подготовительную работу.

2. К зданию министерства я добрался 2 янва-

ря один и на такси. Нашу беседу организовали чиновники форин офиса, но они не знали, и это следует особо подчеркнуть, кто именно будет ее проводить. Отсюда следует, что ни Феннан, ни кто-либо другой за пределами моей собственной организации не имели обо мне никакой предварительной информации.

3. Сама по себе беседа распалась на две части: первая проходила в стенах форин офиса, где рядом постоянно находились люди, которые не обращали на нас никакого внимания, зато вторая протекала там, где нас мог видеть кто угодно.

Что же из этого вытекает? Ничего, если только…

Да, отсюда следовал единственный вывод: некто наблюдавший за ними на улице узнал не только Феннана, но и Смайли, причем их встреча вызвала с его стороны бурную негативную реакцию.

Почему? Чем Смайли мог быть опасен? Ответ вроде бы казался очевидным, но для Смайли он стал почти прозрением. Естественно, опасность он мог представлять только по одной причине. Он был офицером секретной службы. В данном конкретном случае — сотрудником контрразведки.

Он отложил карандаш в сторону.

Стало быть, тот, кто убил Сэма Феннана, был до крайности обеспокоен его контактом с британской службой безопасности. По всей видимости, кто-то в министерстве иностранных дел. И ему была известна также личность Смайли. Вероятно, Феннан знал убийцу еще по Оксфорду, знал как коммуниста, и тот, не желая огласки, опасался, что Феннан заговорит, если уже не заговорил. А если заговорил, то, стало быть, и Смайли подлежал устранению — причем срочному, пока он не составил детальный рапорт о проведенной беседе.

Это объясняет убийство Феннана и покушение на Смайли. Вроде бы в такой версии присутствовал здравый смысл, хотя и в умеренных дозах. Он построил высоченный карточный домик. Дальше строить было вроде бы некуда, но на руках еще оставалось много карт. Например, Эльза, ее ложь, ее возможное соучастие, ее страх. А была еще прокатная машина и тот звонок в восемь тридцать утра. Как быть с этим? И тогда вызывало вопросы анонимное письмо. Если убийцу пугала связь между Смайли и Феннаном, он едва ли написал бы письмо, привлекая к Феннану внимание спецслужб. Тогда кто же его написал? Кто?

Он откинулся в кровати и закрыл глаза. В го-

лове снова пульсировала боль. Вероятно, Питер Гиллам сумеет помочь. На него вся надежда. А пока голова у Смайли шла кругом и разболелась с новой силой.

Глава 9
Подчищая за собой

Мендель привел в палату Питера Гиллама, улыбаясь во весь рот.

— Вот тот, кого ты хотел видеть.

Разговор ладился плохо, по крайней мере Гиллам чувствовал себя неуютно, не зная причин внезапной отставки Смайли и сознавая всю неуместность своего появления в его больничной палате. На Смайли была синяя казенная пижама, волосы беспорядочно торчали из-под повязки, а на левом виске все еще отчетливо виднелся огромный кровоподтек.

После особенно затянувшейся неловкой паузы Смайли сказал:

— Послушай, Питер. Мендель просветил тебя о том, что со мной случилось. Ты — настоящий эксперт в нашем деле. Можешь сказать, известна ли нам организация под названием «Представительство сталелитейной промышленности ГДР»?

— Известна. И они чисты, как только что выпавший снег, друг мой, если не считать внезапного и поспешного отъезда. В ней и работали-то, как

говорится, всего трое, не считая собаки. Они обосновались где-то в Хэмпстеде. Поначалу никто не мог понять цели их появления в Лондоне, но за четыре года они провернули здесь неплохую работу.

— Каков был круг их интересов?

— Один Бог знает. Мне кажется, по прибытии они рассчитывали, что наша Торгово-промышленная палата поможет им найти нишу среди сплоченной группы европейских производителей стали, но наткнулись на противодействие. И тогда они переключились на более простые вещи вроде торговли станками и другой готовой продукцией, обмена опытом в сфере производства и промышленных технологий. То есть ничего общего с их первоначальными целями, но гораздо более невинная с виду деятельность.

— Кто их здесь представлял?

— О, всего двое специалистов. Герр Доктор Такой-то и герр Доктор Сякой-то. Пара девиц-секретарш. И номинальный руководитель представительства.

— Что за фигура?

— В точности не знаю. Но вроде бы какой-то бывший дипломат, чтобы вести переговоры и сглаживать углы. У нас есть на них досье. Навер-

ное, смогу достать для тебя копии.

— Будь любезен, если это тебя не слишком затруднит.

— Не вижу большой проблемы.

После очередной паузы. Смайли попросил:

— Было бы очень полезно иметь фотографии. Сможешь принести?

— Да, конечно. — Гиллам в смущении избегал встречаться взглядом со Смайли. — Пойми, мы вообще мало что знаем о восточных немцах. Так, какие-то фрагменты данных, но в целом они для нас — загадка. Если они и проводят секретные операции здесь, то никогда не используют как «крышу» торговые представительства. Вот почему ты прав относительно того типа. Очень странно, если он действительно был здесь главным представителем сталелитейной промышленности.

— Вот, значит, как, — отозвался Смайли равнодушно.

— Как же они работают? — спросил Мендель.

— Очень трудно обобщать на основе лишь нескольких отдельных случаев, о которых нам доподлинно известно. У меня сложилось впечатление, что они руководят агентурой непосредственно из ГДР, и куратор никогда не

поддерживает прямого контакта с подопечным агентом в зоне его действий.

— Но это должно значительно ограничивать их возможности! — с неожиданной горячностью воскликнул Смайли. — Можно ждать месяцы, пока твой человек выберется из страны, чтобы организовать с ним личную встречу. А у кого-то вообще может не найтись для этого благовидного предлога.

— Да, им это явно мешает, но и их цели, как правило, весьма незначительны. Они по большей части вербуют иностранцев — шведов, обосновавшихся здесь поляков и прочих иммигрантов — для выполнения краткосрочных разовых заданий, при которых оперативные ограничения не так уж важны. В исключительных случаях, когда у них появляется в какой-то стране серьезный агент из числа местных граждан, они прибегают к системе курьерской связи, копируя советский опыт.

Теперь Смайли слушал его внимательно.

— Между прочим, — продолжал Гиллам, — американцам недавно удалось перехватить такого курьера, и во многом благодаря этому мы теперь хоть что-то знаем о методах разведки ГДР.

— Например?

— Например, их агенты никогда не ждут подолгу на месте встречи, не приходят точно в назначенное время, а являются минут на двадцать раньше. Есть система распознавания «свой — чужой», порой это придает внешний блеск совершенно пустяковым делишкам. Занятна их система кодовых имен и оперативных псевдонимов. Скажем, курьер может контактировать с тремя-четырьмя агентами, а у куратора их иногда до пятнадцати. Но каждый знает их под разными именами, потому что они никогда не придумывают их для себя сами.

— Не понимаю? Разве такое возможно?

— Псевдонимы изобретают для них сами агенты. Агент присваивает куратору имя по своему вкусу, и тот начинает отзываться на него. Простая штука, если вдуматься, но… — Он осекся и с удивлением посмотрел на Менделя.

Потому что Мендель вдруг вскочил.

Гиллам откинулся на спинку стула и подумал, разрешено ли ему будет здесь закурить. Потом смирился с мыслью, что едва ли, хотя сигарета сейчас не помешала бы.

— Расскажи ему, — попросил Смайли, и Мендель посвятил Гиллама в детали беседы со Скарром.

— Все сходится, — отозвался Гиллам. — Подходит под ту картину, которую мы имеем. Хотя картина, конечно, далеко не полная. Если ваш Блондинчик — курьер, то это исключительный случай, насколько я знаю. Мы ни разу не слышали, чтобы они работали под прикрытием торговых представителей.

— Вы сказали, что представительство открылось здесь четыре года назад, — продолжал Мендель. — И ровно четыре года назад Блондинчик впервые появился у Скарра.

Какое-то время все снова молчали. Потом Смайли произнес очень серьезно:

— Но ведь это возможно, Питер, не правда ли? При определенных условиях они вполне могли открыть здесь резидентуру, которую использовали наряду с курьерами.

— Да, конечно. Но, думаю, в таком случае речь шла о какой-то по-настоящему важной операции.

— То есть если на них работал очень хорошо информированный источник и к тому же гражданин Великобритании?

— Да, примерно так.

— А предположив, что у них был агент уровня Маклина или Фукса, мы можем допустить веро-

ятность, что они открыли точку под прикрытием торговой миссии с исключительной и единственной целью — быть с этим человеком постоянно на связи, верно?

— Да, не исключено, но уж слишком неправдоподобно, Джордж. Получалось бы, что руководство работой агента осуществляли из-за рубежа, приставив к нему не только курьера, но еще и своего сотрудника из подставной коммерческой организации, который также выполнял бы курьерские функции, а заодно был бы своеобразным персональным ангелом-хранителем. Что же это за агент такой? Некто просто выдающийся.

— Я имел в виду не совсем такую схему, но что-то похожее. И я согласен, что на это они могли пойти только ради агента самого высокого ранга. Причем не следует забывать, мы лишь со слов самого Блондинчика знаем, что он якобы был иностранцем.

— И подобный агент имел бы прямой выход на представительство? — вставил свой вопрос Мендель.

— Ни в коем случае, — ответил Гиллам. — Но у него наверняка имелись способы дать им знать, что необходима встреча. Скорее всего определенный телефонный сигнал.

— Какой, к примеру? — спросил Мендель.

— Их множество. Чаще всего используется метод ошибки номером. Ты звонишь из телефона-автомата и спрашиваешь Джона Брауна. Тебе отвечают, что такого по этому номеру нет. Ты извиняешься за ошибку и кладешь трубку. Время и место встречи обусловлено заранее, а степень важности зашифрована, скажем, в самом имени человека, которого ты просишь подойти. От этого может зависеть, кого они пришлют на свидание.

— Какие еще функции могло выполнять торговое представительство? — спросил Смайли.

— Трудно сказать. Они могли, наверное, платить ему денежное вознаграждение. Иметь тайник для передачи информации. Разумеется, все действия агента находились бы прежде всего под контролем куратора, а распоряжения передавались через курьера. Как я уже говорил, они во многом копируют принципы, разработанные советской разведкой, а значит, каждая мелочь должна быть согласована с куратором. Они почти не предоставляют самостоятельности людям, работающим непосредственно в стране.

Снова воцарилось продолжительное молчание. Смайли посмотрел сначала на Гиллама, потом на Менделя, часто заморгал и сказал:

— Блондинчик не навещал Скарра в январе и феврале, я правильно понял?

— Да. В этом году в январе он появился впервые.

— Обычно в это время Феннан уезжал кататься на горных лыжах. И впервые за последние четыре года он уже никуда не поедет.

— Я думаю, мне необходимо снова встретиться с Мастоном, — сказал Смайли.

Гиллам от души потянулся и сказал с улыбкой:

— Конечно, отчего не попытаться? Мастон придет в восторг, узнав, что тебе дали по мозгам. Правда, как я подозреваю, он считает, что Баттерси — это где-то на морском побережье, но какая кому разница? Расскажешь ему, что на тебя напали, когда ты забрался в чужие владения, — это он легко поймет. И сообщи ему о личности нападавшего, Джордж. Только помни, что ты даже не видел его и не знаешь настоящего имени. Уверен ты в одном — это был курьер разведки Восточной Германии. Мастон непременно поддержит тебя, как делал всегда. Особенно если потом приходилось идти с докладом к министру.

Смайли посмотрел на Гиллама и промолчал.

— А полученный тобой удар по голове послужит для него дополнительным аргументом в

твою пользу, — не унимался Гиллам.

— Но, Питер…

— Я-то понимаю твои чувства, Джордж. Все понимаю.

— Тогда позволь мне добавить к сказанному еще кое-что. Блондинчик забирал у Скарра машину в первый вторник каждого месяца.

— И что с того?

— Как раз в те вечера, когда Эльза Феннан ходила в театр «Уэйбридж». Феннан по вторникам всегда работал допоздна, как сказала она сама.

Гиллам поднялся.

— Хорошо, я постараюсь накопать для тебя побольше материалов, Джордж. До скорого, Мендель. Я, возможно, позвоню вам уже сегодня вечером. Если честно, не представляю, что вы сможете за это время придумать, но все равно позвоню. — И уже от самой двери палаты спросил: — Между прочим, где сейчас личные вещи Феннана? Те, что были найдены на трупе?

— По всей видимости, все еще в участке, — ответил Мендель. — Их возвращают после окончательного закрытия дела.

Гиллам еще немного постоял в дверях, раздумывая, не забыл ли что-нибудь.

— От меня требуется еще что-нибудь, Джордж?

— Нет, это все. Хотя… Есть еще одна просьба.

— Слушаю тебя внимательно.

— Не мог бы ты объяснить парням из уголовного розыска, что не надо больше меня тревожить? Они, конечно же, не напали ни на какой след, но таскаются ко мне по три раза на дню. Намекни им, что на дело наложен гриф секретности и вопрос касается только спецслужб. Напусти таинственности. Будь с ними обходителен, но строг.

— Хорошо. Думаю, что справлюсь.

— Понимаю, у тебя могут возникнуть сложности, Питер, поскольку официально я больше не числюсь…

— Да, чуть не забыл! Есть еще новость, способная приободрить тебя. Я попросил провести сравнительный анализ предсмертной записки Феннана и анонимного письма. Их написали разные люди, которые использовали одну и ту же машинку. Разный нажим и интервалы, но идентичный шрифт. А теперь позволь распрощаться, старина. Налегай на виноград.

Гиллам закрыл за собой дверь, и они услышали звучные шаги, удалявшиеся вдоль пустынного коридора.

Мендель скрутил себе сигарету.

— Видит Бог, ты — отважный человек, — заме-

тил на это Смайли. — Никого не боишься. Или ты еще не встречался со здешней старшей медсестрой?

Мендель покачал головой и улыбнулся.

— Двум смертям не бывать, одной не миновать, — отшутился он, вставив сигарету между губами. Смайли наблюдал, как из ее раскуривания он сделал целую церемонию. Достал зажигалку, откинул колпачок, покрутил колесико испачканным чернилами большим пальцем, прикрыл вспыхнувшее пламя двумя ладонями и осторожно поднес к кончику сигареты. Можно было подумать, что в палате бушевал ураганный ветер.

— Ты у нас специалист в криминалистике, — сказал Смайли. — Как выглядит наше дело с твоей точки зрения?

— Грубая и неряшливая работа, — ответил Мендель.

— Почему?

— Слишком много обрубленных, но не проверенных ниточек. Полиция толком не подключилась. Ничего ведь не проверено. Нужно за собой все подчистить. Это как та же алгебра.

— А с чего ты приплел сюда алгебру?

— Потому что там тоже следует сначала до-

казать то, что возможно доказать. Определить константы. На самом ли деле она ходила тем вечером в театр? Была ли там одна? Слышали ли соседи, как она вернулась? Если да, то в котором часу? Правда ли, что Феннан всегда задерживался по вторникам? И посещала ли его супруга спектакли раз в две недели, как утверждает она сама?

— И еще звонок в восемь тридцать. Подчисти и этот конец для меня, пожалуйста.

— Этот звонок сильно действует тебе на нервы, как я погляжу.

— Верно. Из всех непроверенных нитей для меня это самая важная. И сколько я ни ломаю себе над этим голову, никак не могу найти разумного объяснения. Я уже знаю расписание поездов почти наизусть. Феннан был пунктуальным человеком — часто приезжал на работу вообще самым первым и отпирал все двери. Он предпочитал поезда, которые отправлялись в восемь пятьдесят четыре и девять ноль девять. Самое позднее — в девять четырнадцать. Электричка в восемь сорок пять позволяла ему быть на месте в девять тридцать восемь. Ему нравилось быть на рабочем месте уже к четверти десятого. Поэтому он никак не мог попросить разбудить его только

в восемь тридцать.

— Возможно, ему просто нравились звуки звонков, — сказал Мендель, поднимаясь.

— И еще письма, — продолжал Смайли. — Разные люди, но одна машинка. Не считая убийцы, только двое имели доступ к той пишущей машинке: сам Феннан и его жена. Если мы признаем, что предсмертную записку напечатал он сам, — а он, несомненно, собственноручно подписал ее, — то нельзя исключать, что анонимку с обвинениями напечатала Эльза. Зачем ей это понадобилось?

Теперь Смайли чувствовал, что действительно очень устал и был рад избавиться от Менделя.

— Отправляйся и займись подчисткой. Определи, какие константы мы имеем… Да, тебе ведь могут понадобиться деньги. — Смайли открыл бумажник, лежавший рядом с кроватью. Мендель взял деньги, ничуть не смутившись, и вышел.

Смайли без сил откинулся на подушку. Голова у него не просто болела — казалось, мозг раскалился и жжет череп изнутри. Он хотел позвать медсестру, но не стал, потому что она внушала ему робость. Головная боль стала постепенно стихать. Снаружи донеслись звонки «скорой

помощи»[11], сворачивавшей с Принс-оф-Уэллс-драйв во двор больницы.

— Возможно, ему просто нравились звуки звонков, — пробормотал он и заснул.

Разбудили его громкие голоса из коридора. Он слышал, как старшая медсестра с кем-то спорит на повышенных тонах, а Мендель столь же горячо ей возражает. Затем распахнулась дверь, и кто-то включил свет. Смайли часто заморгал, сел в постели, прищурился и посмотрел на часы. Без четверти шесть. Мендель что-то говорил ему, почти кричал. Что он пытался ему сообщить? Что-то про мост Баттерси… Про речную полицию… Пропал со вчерашнего вечера… Смайли окончательно сбросил с себя сон. Адам Скарр был найден мертвым.

---

[11] Примечания: 11

В те времена спецтранспорт еще не был оборудован сиренами.

Глава 10
Рассказ девственницы

Мендель водил машину очень хорошо, но с тем ученическим педантизмом, который наверняка позабавил бы Смайли. Движение по Уэйбридж-роуд было, как всегда, почти парализовано. Мендель ненавидел владельцев автомобилей. Дайте мужчине собственную машину, и он оставит все свои человеческие качества вместе со здравым смыслом в гараже. Причем это никак не было связано с личностными особенностями. Ему доводилось видеть, например, как епископ в пурпурной мантии мчался на скорости семьдесят миль в час через оживленный жилой район, пугая пешеходов до смерти. Но машина Смайли ему нравилась. Он с удовольствием отмечал, какая она ухоженная, как продуманно Смайли поставил самое необходимое дополнительное оборудование — зеркала по бокам, лампочку, включавшуюся, если нужно было сдать назад.

Ему вообще были симпатичны люди, следившие за своими вещами и никогда не бросавшие начатого дела. Ему нравились дотошность и

точность. Взялся — доведи до конца. Как этот убийца. Что сказал о нем Скарр? Молодой, но хладнокровный. Невозмутимее камня. Менделю был знаком этот тип, а теперь и Скарр с ним познакомился, даже слишком близко. Он представлял безжалостные глаза на молодом лице убийцы. Это не взгляд бешеного зверя, не бессмысленная ухмылка маньяка, а глаза, исполненные чувства собственного превосходства, уже не раз проверенного и доказанного на практике. Такое не приходит с военным опытом. Постоянное соседство со смертью на войне тоже дает опыт, но совершенно другого рода. А вот убежденность в своей непогрешимой эффективности и преимуществе над жертвой, живущая в сердце профессионального убийцы, — это гораздо опаснее. Да, Менделю доводилось сталкиваться с таким человеком прежде. Он помнил его. Тот сразу бросался в глаза на фоне остальных членов банды. Глаза бесцветные и почти лишенные всякого выражения. Никогда не улыбавшиеся. Он был действительно невозмутимее камня, причем именно поэтому пользовался, как ни странно, успехом у молоденьких девушек.

Гибель Скарра испугала Менделя всерьез. Он взял со Смайли слово, что тот не отправится к

себе на Байуотер-стрит, если его выпишут из больницы. Была надежда, хотя и слабая, что противник уже считает его мертвым. Смерть Скарра свидетельствовала об одном: убийца все еще находился в Англии и тоже стремился подчистить за собой.

«Когда я оправлюсь, — сказал Смайли прошлым вечером, — мы должны будем снова выманить мышку из норки. Поманим ее кусочком сыра».

И Мендель знал, кто станет этим кусочком сыра: сам Смайли. Впрочем, если они не заблуждались относительно мотивов убийцы, то была еще одна приманка: жена Феннана. Если вдуматься, тот факт, что она до сих пор жива, красноречиво свидетельствует не в ее пользу. Но Мендель сразу пристыдил себя за такие мысли и снова переключился на размышления о Смайли.

Странный маленький упрямец, таким он ему виделся. И напоминал одного толстого паренька, с которым Мендель играл в футбол еще школьником. Не способный быстро бегать, не умевший точно бить по мячу, полуслепой, он все равно вкладывал в игру всю душу, все усердие и уходил с поля совершенно изможденный приложенными усилиями. А ведь он еще пытался боксировать. Выходил на ринг, широко расставив руки, и раз-

махивал ими в пустоте, а рефери останавливал бой, только когда паренек уже валялся на помосте почти без сознания. Но при этом мальчишка был чертовски умен.

Мендель сделал краткую остановку в кафе на чашку кофе с булочкой, а потом въехал в Уэйбридж. Репертуарный театр располагался в переулке с односторонним движением, ответвлявшемся от Хай-стрит, где припарковаться было невозможно в принципе. После долгих мытарств ему пришлось оставить машину перед железнодорожным вокзалом и вернуться в городок пешком.

Парадный вход в театр оказался заперт. Мендель обошел здание со стороны, миновав кирпичную арку. Сбоку он обнаружил открытую зеленую дверь с длинной ручкой и нацарапанной мелом надписью «Служебный вход». Звонок отсутствовал, но из темного коридора за дверью отчетливо доносился запах кофе. Мендель вошел и двинулся по коридору, который упирался в каменную винтовую лестницу с металлическими перилами. Она вела еще к одной зеленой двери. Аромат кофе усилился, и стали слышны голоса.

— О, но всему же есть предел, в конце-то концов, дорогой мой! Если этим культурным стервятни-

кам из Суррея угодно три месяца подряд смотреть пьесы Барри, то пусть объедятся ими. У нас будет либо Барри, либо «Кукушкино гнездо» Бена Трэверса, поставленное сто лет назад. По мне, так Барри даже лучше.

Это произнесла немолодая женщина.

Тут же ворчливо отозвался мужчина:

— Но ведь Людо всегда может возобновить постановку «Питера Пена», верно я говорю, Людо?

— Тупое предложение, — раздался еще один голос, тоже мужской.

Мендель открыл дверь и оказался за кулисами театральной сцены. Слева на стене висела толстая доска с прикрепленной к ней панелью, которая, судя по обилию кнопок и переключателей, служила пультом управления. Для того, кто им распоряжался, рядом стояло абсурдно роскошное кресло в стиле рококо: все в позолоте, с причудливо вышитой обивкой.

В центре сцены на бочках сидели двое мужчин и женщина, курившие и попивавшие кофе. Декорация являла собой палубу корабля. Под потолок уходила мачта с вантами, а большая деревянная пушка упиралась дулом в нарисованные на холсте море и небо.

При появлении Менделя разговор оборвался.

Кто-то прошептал:

— Господи, это что еще за призрак оперы?

Они посмотрели на него и захихикали.

Первой заговорила женщина:

— Вы заблудились или кого-то ищете, друг мой?

— Извиняюсь, если помешал. Хотел узнать, как можно приобрести ваш абонемент. Так сказать, вступить в клуб.

— Ах, вот как! Приятно слышать. — Женщина встала и подошла к Менделю. — Очень приятно слышать.

Она взяла его за левую руку и крепко сжала ладонями, одновременно сделав шаг назад, чтобы оглядеть гостя. Это была отточенная поза хозяйки. Так леди Макбет, должно быть, встречала Дункана в ее постановке. Потом она склонила голову набок, кокетливо улыбнулась и, не отпуская руки, повела Менделя в противоположную кулису. Там располагалась дверь в крохотную контору, захламленную старыми афишами, программками, коробочками с гримом, париками и разрозненными деталями матросских костюмов.

— Вы не были на нашей последней премьере? Мы давали пантомиму по мотивам «Острова сокровищ». Это был оглушительный успех.

Просто потрясающий! И мы сумели обогатить содержание очень неожиданным социальным подтекстом. Это ведь так важно в наши дни, вы согласны? Не просто развлекать публику, а чему-то учить без излишней назидательности.

— Да, вполне согласен, — кивнул Мендель, понятия не имевший, о чем она толкует. При этом острым глазом он заметил на столе довольно-таки аккуратную пачку счетов, скрепленную зажимом. Верхний был выписан на имя миссис Людо Ориел, и срок выплаты по нему истек четыре месяца назад.

Женщина пристально посмотрела на него сквозь стекла очков. Она была невысокая, темноволосая, с морщинистой шеей и обильно пользовалась косметикой. Темные круги под глазами она попыталась скрыть слоем грима, но это дало лишь кратковременный эффект. На ней были свободные брюки и свитер, больше похожий на балахон, весь перепачканный темперой. Курила она непрестанно. Зажатая в губах сигарета кривила ее широкий рот, придавая лицу нетерпеливое и брюзгливое выражение. Мендель уже начинал опасаться, что договориться с ней окажется трудно, и потому даже испытал облегчение, заметив неоплаченные счета.

— Вы и в самом деле хотите приобрести право на членство в клубе?

— Нет.

Ярость овладела ею мгновенно.

— Если вы еще один наш кредитор, то выметайтесь отсюда немедленно! Я обещала заплатить и заплачу, только не надо все время доставать меня. Если публика заподозрит, что у меня нет денег, я действительно обанкрочу театр. И кто тогда окажется в реальном проигрыше? Вы, а не я.

— Я не кредитор, миссис Ориел. Наоборот, я пришел предложить вам денег.

Она замолчала и ждала объяснений.

— Я занимаюсь частным сыском. В основном бракоразводными делами. Сейчас у меня как раз богатый клиент. Хотел бы задать несколько вопросов и готов заплатить за беспокойство.

— Слава тебе, Господи, — с явным облегчением вздохнула женщина. — Почему же вы сразу не сказали, что вам нужно?

Они рассмеялись. Мендель положил пять фунтовых бумажек поверх счетов и пересчитал их у нее на глазах.

— А теперь, — сказал он, — я хотел бы узнать, есть ли у вас список членов клуба? И что дает приобретение абонемента?

— Во-первых, каждое утро ровно в одиннадцать мы подаем водянистый кофе прямо на сцену. И члены клуба имеют возможность пообщаться с актерами в перерыве между репетициями с одиннадцати до одиннадцати сорока пяти. За кофе им приходится платить дополнительно, разумеется, но на сцену допускаются только члены клуба.

— Понятно.

— Если вам это интересно, то по утрам к нам приходят в основном девицы и дамы постарше.

— Любопытно. А что еще у вас тут происходит?

— Каждые две недели мы меняем спектакль. Члены клуба имеют право зарезервировать за собой место на любой из вечеров в эти четырнадцать дней. К примеру, на вторую среду нового показа и так далее. Смена представления обычно происходит в первый и третий понедельник каждого месяца. Спектакль начинается в девятнадцать тридцать, и места для владельцев абонементов мы держим до девятнадцати двадцати. Девочка в кассе на плане зала отмечает каждое занятое кресло. Забронированные места помечены красным цветом, и билеты на них продаются только в самый последний момент.

— Ясно. Значит, если член клуба не явился в назначенный день, его место все равно будет

помечено на плане как занятое?

— Только если его удастся успеть продать.

— А, ну конечно.

— После первой недели зал обычно уже заполняется плохо. Мы стремимся перейти на еженедельную смену репертуара, но это сложно с… материальной точки зрения. Мы и с двухнедельным графиком справляемся порой с трудом, если честно.

— Да, вижу, вам тяжело приходится. А вы сохраняете старые планы рассадки зрителей?

— Иногда. Они бывают нужны, чтобы свести цифры по бухгалтерии.

— Я говорю о конкретном вечере. Это был вторник, третье января.

Женщина выдвинула ящик шкафа и достала пачку отпечатанных типографским способом планов зрительного зала.

— Это, стало быть, вторая неделя нашей пантомимы. Хорошо держаться традиции, не правда ли?

— Совершенно с вами согласен, — с готовностью кивнул Мендель.

— Так кто же именно вас интересует? — спросила миссис Ориел, открывая нечто похожее на гроссбух.

— Невысокая светловолосая женщина лет сорока двух — сорока трех. Фамилия ее Феннан. Эльза Феннан.

Миссис Ориел стала просматривать книгу записей. Мендель без тени смущения заглядывал ей через плечо. Имена членов клуба были аккуратным почерком занесены в левую колонку на странице. Жирная красная галочка еще левее означала, по всей видимости, что данная персона своевременно внесла членский взнос. В правой части делались пометки относительно мест, заказанных в течение нынешнего года. Всего в клуб записались восемьдесят человек.

— Что-то я сразу не припомню такой фамилии. Где примерно она обычно сидит?

Понятия не имею.

— Ах, ну вот же! Мерридейл-лейн, Уоллистон. Боже, Мерридейл-лейн! Ну и дыра, доложу я вам. Но давайте посмотрим. В самом углу последнего ряда. Странный выбор, вам не кажется? Кресло P2. Но только Богу известно, была ли она на спектакле третьего января. Боюсь, что план за тот вечер не сохранился, хотя лично я никогда сама ничего не выбрасываю. Вещи просто имеют свойство куда-то пропадать сами собой. С вами такое бывает? — Она искоса бросила на него

взгляд, гадая, по всей видимости, отработала ли уже свои пять фунтов. — Вот что я вам скажу. Мы сейчас расспросим нашу Девственницу, нашу Непорочную деву.

Она поднялась со стула и направилась к двери.

— Феннан, Феннан, — повторяла она. — Минуточку! Мне эта фамилия явно о чем-то напоминает. Вот только о чем именно? Точно! Случай с папкой для нот. Будь я проклята!

Она открыла дверь.

— Где Девственница? — Вопрос адресовался кому-то на сцене.

— Кто ее знает.

— Спасибо, ты мне очень помог, свинья, — сказала миссис Ориел и снова закрыла дверь. Потом повернулась к Менделю: — Девственница — это наша будущая звезда, видите ли. Английская роза, дочь местного адвоката, помешанного на театре. В фильдеперсовых чулочках и с видом недотроги. Мы над ней посмеиваемся и откровенно недолюбливаем, но иногда даем эпизодические роли, потому что папаша щедро платит за обучение актерскому мастерству. Еще она иногда помогает рассаживать зрителей, когда у нас случаются аншлаги. Она и миссис Торр — гардеробщица. А когда все тихо, миссис Торр

справляется одна. Девственнице остается только болтаться за кулисами и надеяться, что у ведущей актрисы случится сердечный приступ, чтобы ее выпустили на сцену.

Она сделала паузу.

— Феннан. Феннан… Теперь я совершенно уверена, что встречала эту фамилию. Интересно, куда занесло нашу молодую корову?

Она вышла и через несколько минут вернулась, ведя за собой рослую и плечистую, но довольно-таки хорошенькую девушку с пушистыми светлыми волосами и со здоровым цветом лица, который обычно отличает тех, кто играет в теннис или плавает в бассейне.

— Знакомьтесь, Элизабет Пиджен. Возможно, она сумеет вам помочь. Милочка, этот джентльмен наводит справки о миссис Феннан, члене нашего клуба. По-моему, ты мне что-то говорила о ней.

— Ну, конечно, Людо. — Девушке, видимо, казалось, что у нее мелодичный голос. Она вяло улыбнулась Менделю, склонила голову набок и подала для пожатия два пальца. Мендель ответил ей коротким поклоном.

— Ты знаешь ее? — спросила миссис Ориел.

— Да, знаю. Она ужасно музыкальна. То есть

я так думаю, потому что она всегда приносит с собой ноты. Она жутко тощая и немного не в себе. По-моему, иностранка.

— Что значит — не в себе? — спросил Мендель.

— Она со странностями. Когда приходила на спектакль в последний раз, то устроила страшный скандал из-за соседнего места. Оно, видите ли, тоже зарезервировано за членом клуба, но только прошел уже, наверное, час после положенного времени. Мы тогда только начали показы пантомимы, и у кассы стояла огромная очередь за билетами, вот я и решила это место продать. Но она все твердила, что ее сосед непременно явится, потому что приходит всегда.

— А он пришел? — спросил Мендель.

— Нет. И я продала место. Она, видно, была ужасно расстроена, поскольку ушла после второго действия и даже забыла папку с нотами.

— Тот человек, которого она ждала… Они с миссис Феннан друзья?

Людо Ориел окинула Менделя понимающим взглядом. Девица кивнула:

— Да уж, наверное, друзья. Если он ее муж. А вы как думаете?

Мендель в задумчивости смотрел на нее почти минуту, а потом улыбнулся и попросил:

— Не найдется ли здесь места, куда наша очаровательная Элизабет могла бы присесть?

— Вот за это спасибо, — сказала девица и опустилась на подлокотник такого же золоченого кресла, как и то, что стояло за кулисами. Красноватые пухлые ручки она положила на колени и склонилась вперед, непрерывно улыбаясь и радуясь возможности в кои-то веки оказаться в центре всеобщего внимания. Миссис Ориел бросала на нее исподтишка язвительные взгляды.

— Почему вы решили, Элизабет, что тот мужчина был ее мужем? — В голосе Менделя появилась напряженная интонация, которой не слышалось прежде.

— Конечно, они всегда приезжали порознь, но поскольку специально заказали два кресла в стороне от мест, где сидят остальные члены клуба, я и решила, что они — муж с женой. И потом он тоже всегда приносил ноты.

— Понятно. Вы запомнили о том вечере что-нибудь еще, Элизабет?

— Да, много чего. Потому что я расстроилась, когда она так внезапно ушла со спектакля. А потом в тот же вечер позвонила. Я имею в виду миссис Феннан. Она позвонила. Назвала свою фамилию, сказала, что ей пришлось уйти по сроч-

ному делу и она случайно оставила свою папку с нотами. Судя по голосу, она была почти в истерике. По-моему, даже плакала. Словом, находилась в ужасном состоянии. Из трубки доносился еще чей-то голос, а потом она спросила, нельзя ли прислать кого-то за папкой и чтобы его пустили без билета. Я ответила, конечно. И через полчаса приехал мужчина. Очень представительный. Высокий и светловолосый.

— Ясно, — сказал Мендель. — Спасибо, Элизабет, вы мне очень помогли.

— Да что там, пустяки. — Она поднялась.

— Интересно, — догадался в последний момент спросить Мендель, — ноты забрал не тот мужчина, что обычно сидел с ней рядом на спектакле?

— О, черт, конечно. Извините. Мне следовало сразу упомянуть об этом.

— Вы с ним разговаривали?

— Да, мы вроде как поздоровались и все такое.

— Какой у него был голос?

— С иностранным акцентом, как у миссис Феннан, — она ведь иностранка, верно? Я тогда еще подумала: вот и объяснение скандальному характеру и истеричности. Иностранный темперамент.

Она улыбнулась Менделю, подождала немного

других вопросов, а потом тихо удалилась.

— Корова, — бросила со злостью миссис Ориел, глядя на закрывшуюся за ней дверь. Потом она посмотрела на Менделя. — Надеюсь, то, что вы узнали, стоило пяти фунтов?

— Думаю, вполне, — ответил он.

Глава 11
Не слишком респектабельный клуб

Когда Мендель вошел, Смайли сидел в кресле и был полностью одет. Зато на его кровати во весь рост с удовольствием растянулся Питер Гиллам, небрежно державший в руке бледно-зеленую папку. Небо за окном потемнело и выглядело угрожающе.

— Входит третий убийца, — выдал театральную реплику «от автора» Гиллам, едва Мендель переступил порог палаты. Тот присел в ногах постели и приветливо кивнул Смайли, который выглядел бледным и подавленным.

— Мои поздравления. Отрадно снова видеть тебя на ногах.

— Спасибо. Только не спеши с поздравлениями. Я слаб, как новорожденный котенок.

— Когда тебя выписывают?

— Точно не знаю.

— И ты даже не спрашивал?

— Нет.

— Лучше поинтересуйся. У меня есть для тебя новости. Пока не разобрался, что именно из них

следует, но явно что-то очень любопытное.

— Ну надо же, — сказал Гиллам. — У нас у всех есть новости друг для друга. Просто восхитительно. Джордж просмотрел мой семейный фотоальбом, — он чуть приподнял зеленую папку, — и, представь, узнал старых знакомых.

Мендель был озадачен и даже несколько обижен, словно ему забыли сообщить нечто важное. Но Смайли поспешил успокоить его:

— Я все расскажу вам за ужином завтра вечером. Утром уйду отсюда, разрешат они мне или нет. Думаю, теперь мы знаем, кто убийца, как и многое другое. Давай же, выкладывай свои новости.

Его глаза при этом не блестели торжеством. В них читалось только тревожное возбуждение.

О членстве в клубе, к которому принадлежал Смайли, едва ли стали бы упоминать как об одной из своих почестей те знаменитости, чьими именами полнятся страницы толстенных фолиантов «Кто есть кто». Его основал молодой изгнанник гораздо более престижного клуба «Карлтон-младший» по фамилии Стид-Эспри, которого покарали за богохульство в присутствии архиепископа Южной Африки. Тогда он убедил свою бывшую квартирную хозяйку в Оксфорде сменить дом

в тихом квартале Холлиуэлла и стать хозяйкой двух залов в полуподвале на Манчестер-сквер, которые достались ему в наследство от богатого родственника. В свое время клуб насчитывал сорок членов, каждый из которых платил пятьдесят гиней в год. Теперь их остался тридцать один. Хотя отсутствовали устав и секретарь и туда по негласному соглашению не допускались женщины и епископы. Ты мог взять бесплатный сандвич и купить бутылку пива, а мог взять сандвич и не купить ничего. Если ты оставался относительно трезв и не мешал другим членам, никто не обращал внимания, как ты одет, что ты говорил или делал, кого привел с собой. Миссис Стерджон сама не колдовала больше за стойкой бара и не подавала свиные отбивные, но лично следила за порядком и уютом с помощью двух отставных сержантов полка береговой охраны.

Вполне естественно, что большинство членов относились к тому же поколению студентов Оксфорда, что и Смайли. С самого начала было решено — клуб послужит именно этой генерации, состарится и умрет вместе с последним ее представителем. Война нанесла клубу урон. Не стало Джебеди и еще нескольких человек, но никто даже не заикался о приеме новых членов. В

притоке денег особой необходимости не ощущалось — помещение теперь принадлежало самому клубу, будущее миссис Стерджон было обеспечено, и заведение легко сводило концы с концами.

Субботним вечером здесь собралось всего с полдюжины членов. На этот раз Смайли заранее заказал трапезу, и для них накрыли стол в малом зале у камина с ярко пылавшими углями. Там они сидели одни за бифштексами из вырезки и кларетом; на улице монотонно шумел дождь. Всем троим мир казался на удивление спокойным и тихим, несмотря на необычное дело, которое свело их.

— Чтобы мой рассказ получился полным и обрел смысл, — начал Смайли, обращаясь главным образом к Менделю, — мне поневоле придется много говорить о себе самом. Как вы знаете, я офицер разведки и был им, кажется, со времен Всемирного потопа, то есть задолго до того, как в наши действия стали вмешиваться политики с Уайтхолл. В те дни нас было мало, и нам плохо платили. После обычной подготовки и стажировки в Южной Африке и Центральной Европе я получил должность преподавателя в одном из университетов Германии с секретной миссией намечать среди немецких студентов тех, которые

могли стать агентами. — Он сделал паузу, улыбнулся Менделю и продолжил: — Заранее прошу простить, если придется прибегать к профессиональному жаргону.

Мендель в ответ лишь кивнул с серьезным выражением лица, и Смайли смог продолжить. Он чувствовал, что вещает несколько высокопарно, но не знал, как этого избежать.

— Самое трудное время началось незадолго до последней войны. Ужасный период для Германии, где царила вакханалия нетерпимости. В таких условиях было бы чистым безумием пытаться вербовать кого-то самому. Мой шанс заключался в том, чтобы держаться как можно незаметнее, быть социально и политически бесцветной фигурой, а кандидатов отбирать, чтобы на контакты с ними выходил кто-то другой. Некоторых из них я привозил на студенческие каникулы в Англию, но при этом исключал всякие контакты со своим ведомством, потому что понятия не имел, насколько эффективно работала тогда германская контрразведка. Я не знал, кого из отобранных мной людей в итоге вербовали, и так было лучше для всех — ведь меня в любой момент могли разоблачить.

Но если переходить к самой сути, то начало мо-

ей истории относится к тридцать восьмому году. Как-то летним вечером я сидел в своей комнате. Стояла прекрасная погода — теплая и безветренная. О фашизме можно было на какое-то время забыть вообще. Я работал, сидя у окна, в одной рубашке, причем трудился не слишком усердно — уж слишком славный выдался вечерок.

Он сделал паузу, почему-то слегка смутившись, и поболтал портвейн в бокале. На щеках у него выступили два розовых пятна. Он чувствовал себя слегка пьяным, хотя выпил совсем немного.

— Да, продолжим, — произнес он, чувствуя нелепость своего поведения. — Простите, если мысли у меня немного путаются… Так вот, я сидел за столом, когда в дверь постучали и вошел совсем юный студент. Вообще-то ему уже исполнилось тогда девятнадцать, но выглядел он моложе. Звали его Дитер Фрей. Он занимался в моем семинаре, был умненьким мальчиком, к тому же удивительно привлекательным.

Смайли снова помедлил, глядя перед собой. Возможно, его собственное ранение и ощущавшаяся теперь слабость вызвали настолько живое воспоминание.

— Дитер был красивым мальчиком с высоким открытым лбом и непослушной густой черной

шевелюрой. Однако нижняя часть его тела была деформирована, поскольку он перенес детский церебральный паралич. Он ходил с тростью, тяжело опираясь на нее при каждом шаге. Вполне естественно, что в небольшом университете Дитер стал известной личностью с налетом байронического романтизма и тому подобного. Немцам вообще свойственна склонность создавать себе юных гениев от Гердера до Стефана Георга — им всегда нужен кто-то, чтобы объявить его великим чуть ли не с колыбели. Но Дитер не позволял излишне возвеличивать себя. В нем жил дух яростного стремления к независимости, безжалостности к себе, который отпугивал любого, кто хотел ему покровительствовать. И этот защитный панцирь он носил не только из-за инвалидности, но и в силу расовой принадлежности, поскольку был евреем. Я так и не понял, каким образом ему удавалось тогда сохранять за собой место в университете. Возможно, руководство не знало о его еврейских корнях, а южный тип лица Дитера при желании можно было отнести, пожалуй, к итальянскому, но мне в это плохо верится. Лично я понял, что он еврей, с первого взгляда.

Кроме того, Дитер был социалистом. Причем не

скрывал своих взглядов даже в те времена. Я одно время рассматривал его как потенциального агента, но мне казалось пустой тратой времени вербовать человека, который в любой момент мог отправиться в концентрационный лагерь. К тому же личностью он был увлекающейся, делавшей порой поспешные выводы, слишком яркой и неумеренно тщеславной. В университете он возглавлял почти все студенческие общества — ораторское, политическое, поэтическое и так далее. Ему удавалось добиваться успехов даже в спорте. Он ухитрялся воздерживаться от спиртного в учебном заведении Германии того времени, где высшей доблестью мужчины считалось не просыхать почти весь первый курс.

Вот таким был тогда Дитер: высокий, красивый, даже величавый в увечье, кумир своего поколения студентов и еврей. Именно он явился ко мне в тот вечер.

Я усадил его, предложил вина, но он отказался. Тогда я сварил кофе, как сейчас помню, на газовой горелке. Мы немного поговорили о поэзии, обсудили мою последнюю лекцию о творчестве Китса. Я неизменно считал неверным применять методологию немецкой критической школы к английской поэзии, а потом мы плавно перешли

к популярной тогда теме нацистской интерпретации «упадничества» в искусстве. Дитер первым заговорил об этом, а потом, становясь все более и более откровенным, перешел к негативным отзывам о современной Германии вообще и о фашизме в частности. Естественно, я держался настороже — думаю, в те годы я был куда проницательнее и умнее, чем сейчас. Под конец он задал мне в лоб вопрос, что я думаю о нацистах. Я так же прямо ответил ему, что, во-первых, не считаю уместным критиковать страну, гостем которой являюсь, а, во-вторых, вообще не получаю удовольствия от разговоров на политические темы. Никогда не забуду его реакции. Он пришел в ярость, с трудом поднялся на ноги и заорал на меня: «Von Freude ist nicht die Rede!» — «Мы здесь не об удовольствиях разговариваем!»

Смайли прервался и посмотрел через стол на Гиллама:

— Извини, Питер, если мне пришлось начать слишком издалека.

— Не надо извиняться, старина. Рассказывай свою историю, как считаешь нужным.

Мендель тоже проворчал что-то одобрительное, хотя сидел в довольно-таки напряженной позе, положив руки на стол перед собой. В ком-

нате не было другого света, кроме яркого огня в камине, который отбрасывал высокие тени их фигур на грубо отделанные стены зала. Графин с портвейном на три четверти опустел; Смайли плеснул каплю себе и пустил его по кругу.

— Он по-настоящему разозлился на меня. Ему казалось непостижимым, как я мог отстаивать критерии независимости в искусстве, оставаясь столь политически нейтральным, как мог я вещать о свободе творчества, когда треть Европы уже была в оковах. Разве для меня ничего не значило, что у нас на глазах современная цивилизация истекала кровью? Что такого сокровенного обнаружил я в семнадцатом столетии, чтобы не замечать происходящего в двадцатом? Он пришел ко мне, потому что ему нравились мои семинары и он считал меня человеком передовых взглядов, но теперь понял — я даже хуже остальных.

С этим я и дал ему уйти. А что еще мне оставалось? У меня был формальный повод относиться к нему с подозрением — еврей-вольнодумец, который непостижимым образом не только оставался на свободе, но и продолжал учебу в университете. И все же я продолжал наблюдать за ним. Семестр подходил к концу, нас ожидали

продолжительные каникулы. Во время заключительных дебатов три дня спустя Дитер позволил себе необычайно дерзкие высказывания. Его слова по-настоящему напугали всех, кто там присутствовал, и после его выступления в аудитории воцарилось напряженное молчание. Занятия закончились. Дитер уехал, не попрощавшись со мной. И, честно говоря, я полагал, что больше никогда его не увижу.

Но не минуло и шести месяцев, как это произошло. Я гостил у друзей в Дрездене, родном городе Дитера, и перед отъездом приехал на вокзал за полчаса до отправления поезда. Чтобы не торчать все это время бесцельно на платформе, я решил совершить короткую прогулку. Буквально в двухстах метрах от станции возвышалось мрачноватое здание семнадцатого века. Перед ним располагался небольшой двор, обнесенный высокой оградой из металлических прутьев с воротами из кованого железа. Дом явно превратили в нечто вроде тюрьмы временного содержания: группу обритых налысо заключенных — мужчин и женщин — выпустили во двор на прогулку, заставляя двигаться цепочкой по кругу. В центре стояли два охранника с автоматами. Пока я рассматривал эту сцену, мне бросилась в глаза

знакомая фигура — на голову выше остальных, но хромавшая и мучительно старавшаяся не отставать. Это был Дитер. Трость у него, конечно же, отобрали.

Задним числом я понял, что гестапо едва ли осмелилось бы арестовать самого заметного человека в университете, пока он был на вершине популярности. Забыв о своем поезде, я вернулся в город и по телефонному справочнику разыскал его родителей. Я знал, что отец у него был врачом, и потому трудностей с этим не возникло. Но, отправившись по найденному адресу, обнаружил только его матушку. Отец к тому времени уже погиб в концлагере. О Дитере она говорила с большой неохотой, но, как выяснилось, его посадили не в лагерь для евреев, а в обычную тюрьму и якобы только на исправительный срок. Примерно через три месяца она ждала его домой. Я оставил ему записку под тем предлогом, что у меня якобы лежат его книги, которые могу вернуть, если он свяжется со мной.

Однако события тридцать девятого года закружили меня в сумасшедшем вихре, и, признаться, за весь тот год я о Дитере не вспомнил больше ни разу. Вскоре после возвращения из Дрездена мое ведомство отозвало меня в Англию. Я поспешно

собрал вещи и отбыл в течение сорока восьми часов, застав Лондон в самый разгар паники. Мне дали новое задание, которое требовало интенсивной подготовки, приготовлений, тренировок. Потом я должен был сразу вернуться в Европу, чтобы наладить связи с совершенно неопытной агентурой в Германии, завербованной в спешке военной обстановки. Мне пришлось наизусть заучивать десятки самых разнообразных имен и адресов. И можете представить мою реакцию, когда в списке мне попался Дитер Фрей.

Ознакомившись с его личным делом, я обнаружил, что он фактически пришел сам, буквально ворвавшись в наше консульство в Дрездене и потребовав ответа, почему мы и пальцем не хотим пошевельнуть, чтобы положить конец уничтожению евреев. — Смайли усмехнулся. — Да, Дитер умел заставить других действовать.

Потом он посмотрел на Менделя и Гиллама и убедился, что оба не сводят с него глаз.

— Моей первой реакцией стали раздражение и отторжение. В конце концов, я знал этого молодого человека лучше всех, но отмел его кандидатуру. И о чем только думал какой-то идиот в Дрездене? Потом я изрядно испугался, словно получил в руки неразорвавшийся снаряд — им-

пульсивный несдержанный характер Дитера мог стоить жизни не только мне одному. Несмотря на некоторые изменения во внешности и новую «легенду», которую я использовал, к Дитеру я мог прийти только как прежний Джордж Смайли из университета, и все мое прикрытие тогда летело к черту. Казалось, хуже начала и придумать нельзя, и я всерьез подумывал о том, чтобы исключить Дитера из агентурной сети. Но оказался глубоко не прав. Из него получился превосходный разведчик.

Он не то чтобы стал скрывать свой темперамент, но научился использовать его на пользу делу. Увечье избавило его от призыва в армию, и он нашел работу чиновника в железнодорожном ведомстве. Очень быстро ему удалось сделать там неплохую карьеру, получив достаточно важный чин, и количество информации, которую он стал для нас добывать, было просто фантастическим. Данные о перевозках войск и боеприпасов, пункты назначения составов, даты отправления и прибытия. Позднее он даже доносил об эффективности наших бомбовых ударов, выделяя для них ключевые цели. Его всегда отличали способности блестящего организатора, и, думаю, это служило ему надежной защитой. Он так усердно трудился

в системе железных дорог, что сделался, по сути, незаменимым, вкалывая день и ночь. Таких людей и тайная полиция не трогает. Ему даже вручили медаль за заслуги перед отечеством, и, как я подозреваю, его досье надежно затерялось в архивах гестапо.

Дитер руководствовался теорией, почерпнутой из «Фауста». Мысль сама по себе не имеет ценности. Чтобы эту ценность обрести, необходимо действие. Он не уставал повторять, что величайшую ошибку совершают люди, отделяющие дух от тела: приказ не существует, если его не выполнили. И часто цитировал Клейста: «Если бы наши глаза были сделаны из зеленого стекла, а все, что кажется белым, оказалось на самом деле зеленым, то что изменилось бы?» Что-то в этом роде.

Как я уже говорил, Дитер был потрясающим агентом. Он дошел до того, что стал отправлять некоторые эшелоны с особо ценными военными грузами в те ночи, когда бомбардировка их была особенно удобна. Разработал целый набор хитроумных трюков, словно от природы был создан для шпионажа, настолько досконально овладел его приемами. Нам не верилось, что так может продолжаться долго, но эффект наших

бомбовых ударов оказывался обычно настолько масштабен и имел такую широкую географию, что невозможно было заподозрить, что это могло стать следствием предательства всего лишь одного человека. Да еще такого словоохотливого, как Дитер.

Что касается моей с ним связи, то и здесь проблем не существовало. По долгу службы Дитер часто бывал в разъездах, имея спецпропуск, дававший доступ повсюду. Поэтому контакты с ним были детской игрой в сравнении с некоторыми другими агентами. Иногда мы попросту встречались и беседовали в каком-нибудь кафе. Или он мог посадить меня в свою машину, выделенную ему министерством, и провезти по шоссе миль на шестьдесят или семьдесят под видом случайного попутчика. Но чаще всего мы садились с ним в один поезд и в коридоре обменивались одинаковыми чемоданами. Могли пойти в театр, сдать в гардероб по пакету, а потом передать друг другу свои квитанции. Я редко получал от него оригиналы документов — по большей части это были снятые под копирку вторые экземпляры. Над их изготовлением прилежно трудилась его секретарша, а он регулярно «уничтожал» их, складывая в свой чемоданчик перед уходом на обед.

Но в сорок третьем году меня снова отозвали. Мое коммерческое прикрытие перестало быть надежным, да и сам я был переутомлен до крайности.

Он прервался и достал сигарету из портсигара Гиллама.

— Впрочем, не Дитер был тому виной, — продолжал Смайли. — Он был моим лучшим агентом, но далеко не единственным. Работа с ним напоминала легкий пикник в сравнении с той головной болью, что доставляли другие. Когда война закончилась, я через своего преемника попытался узнать дальнейшую судьбу Дитера и остальных своих подопечных. Одни обосновались чуть ли не в Австралии и Канаде, другие вернулись на пепелища родных городов в Германии. Как я понял, Дитер долго колебался, как ему поступить. Если вы помните, Дрезден заняли русские, и у него могли возникнуть сомнения, стоит ли отправляться туда. Но в итоге он все-таки поехал. Жизнь заставила — ведь там оставалась его мать. А американцев он вообще на дух не переносил. Не забудем и о его социалистическом мировоззрении.

Позже я слышал, что и там он сумел сделать неплохую карьеру. Огромный опыт администра-

тивной работы, накопленный во время войны, пригодился правительству Германской Демократической Республики. Пошли на пользу и репутация критика нацизма, и страдания, перенесенные семьей, расчистив ему дорогу. Короче, он кое-чего добился и при новой власти.

— Чего, например?

— Еще месяц назад он возглавлял лондонское представительство сталелитейной промышленности ГДР.

— И это еще не все, — поспешил продолжить Гиллам. — Если ты думаешь, Мендель, что теперь знаешь все, то должен тебя разочаровать. Этим утром я избавил тебя от необходимости повторного визита в Уэйбридж и сам навестил Элизабет Пиджен. Правда, эта мысль пришла в голову Джорджу.

Он повернулся к Смайли.

— Она напомнила мне Моби Дика. Большого белого кита-людоеда.

— Ну, так что же? — нетерпеливо спросил Мендель.

— Я показал ей фото молодого дипломата по фамилии Мундт, которое взял в нашем архиве. И Элизабет сразу узнала в нем приятного мужчину, который приехал за нотами, оставленными в гар-

деробе Эльзой Феннан. Интересно, не правда ли?

— А как же?..

— Я заранее знаю, что хочет спросить наш молодой детектив. Тебе интересно, не опознал ли его и Джордж? Ответ положительный. Это тот самый негодяй, который пытался заманить его в собственную квартиру на Байуотер-стрит. Весьма мобильный человек, ничего не скажешь.

Мендель поехал в Митчам. Смайли смертельно устал. Снова шел дождь, похолодало. Смайли плотнее завернулся в пальто и, несмотря на усталость, с умиротворенным удовольствием смотрел на проплывавшие мимо оживленные улицы вечернего Лондона. Ему всегда нравилось путешествовать по земле. Даже сейчас, если бы он встал перед таким выбором, то предпочел бы пересечь всю Францию на поезде, но не сел бы в самолет. В его памяти все еще жила магия шумов ночных поездок по Европе, странная какофония переклички звуковых сигналов и голоса французов, нарушавшие его английские сны. Энн это тоже любила, и они вместе совершили две длительные поездки, пусть комфортабельными их условия назвать было трудно.

Когда они добрались до места, Смайли сразу же улегся в кровать, а Мендель заварил чай. Они

выпили его в спальне, отведенной для Смайли.

— Что будем делать дальше? — спросил Мендель.

— Хочу съездить завтра в Уоллистон.

— Тебе нужно хотя бы еще день провести в постели. Зачем тебе туда?

— Повидаться с Эльзой Феннан.

— Одному опасно. Мне лучше поехать с тобой. Посижу в машине, пока ты будешь с ней беседовать. Она ведь иудейка?

Смайли кивнул.

— Мой отец был иудеем, — заметил Мендель. — Но не придавал этому никакого значения.

Глава 12
Мечта на продажу

Она открыла дверь и какое-то время молча смотрела на него.

— Могли бы предупредить о своем приезде, — сказала она.

— Я подумал, что лучше этого не делать ради собственной безопасности.

— Не понимаю, о чем вы, — произнесла она после небольшой паузы.

Было видно, что ложь далась ей с огромным трудом.

— Могу я войти? — спросил Смайли. — У нас не так много времени.

Она выглядела постаревшей, утомленной и, похоже, не столь воинственно настроенной. Проведя его в гостиную, рассеянно указала на кресло.

Смайли предложил ей сигарету и закурил сам. Эльза Феннан встала у окна. Наблюдая за ней, замечая участившееся дыхание, лихорадочный блеск в глазах, он понял, что она почти утратила волю к сопротивлению.

А потому, когда он с ней заговорил, его голос звучал мягко и без признаков агрессии. Для Эльзы Феннан это был, вероятно, именно тот голос, который она так хотела услышать: успокаивающий, придающий сил, сострадательный, создающий иллюзию безопасности. Она медленно отошла от окна; правая рука, которой она держалась за раму, как бы нехотя скользнула вниз и потом упала вдоль тела в жесте, означавшем покорность судьбе. Эльза села напротив него, глядя с такой верой и надеждой, с какой возлюбленная могла бы смотреть на любовника.

— Вам, должно быть, сейчас очень одиноко, — сказал он. — Никому не под силу выдерживать одиночество вечно. Нужна смелость. А трудно быть храброй, когда рядом никого нет. Они не способны этого понять, верно? Им не ведомо, как это может быть сложно — все время чувствовать на себе грязь обмана и лжи, жить в изоляции от нормальных людей. Они считают, что вы способны держаться на том же топливе, которое поддерживает их самих, — на развевающихся флагах и бравурных патриотических маршах. Но вам нужно совсем другое топливо, когда вы остаетесь одна, не так ли? Вас вынуждают все время кого-то ненавидеть. А где взять на это силы, если

то, что вы любите, так далеко от вас, настолько потеряло очертания, что перестало ощущаться родным?

Он сделал паузу. Скоро, подумал он, уже скоро ты сломаешься. И мысленно отчаянно молился, чтобы она приняла его, приняла предложенное утешение. Он снова посмотрел на нее. Да, скоро она сломается.

— Я сказал, что у нас мало времени. Вы поняли, что я имел в виду?

Она разглядывала сложенные на коленях руки. Смайли заметил темные корни ее осветленных волос и не мог понять, зачем ей вообще нужно было их осветлять. Она то ли в самом деле не расслышала вопроса, то ли сделала вид.

— Когда в то утро месяц назад я уехал от вас, то отправился домой в Лондон. А там уже ждал мужчина, который хотел меня убить. Той же ночью ему это почти удалось. Он ударил меня по голове три или четыре раза. Я только что вышел из больницы. Но мне еще повезло. Ведь существовал человек, у которого он брал напрокат машину. Не так давно речная полиция выловила его труп из Темзы. На нем не обнаружили следов насилия — он был просто накачан виски. Они не знали только одного — этот человек годами

даже не приближался к реке. Но мы ведь имеем дело с очень опытным негодяем, не так ли? С профессионально обученным убийцей. И он стремится устранить всех, кто вступал в контакт с Сэмюэлом Феннаном. Или с его женой — не забудем и о ней. И есть еще та юная блондинка в репертуарном театре…

— Что вы такое говорите? — прошептала она. — В чем хотите меня убедить?

Смайли внезапно овладело желание причинить ей боль, окончательно сломать ее волю, избавиться от нее, как от врага. Слишком долго, пока он лежал в полнейшем бессилии, образ этой женщины преследовал его, представлялся некой силой — таинственной и потому страшной.

— В какие игры вы с ними играли? Вы двое? Неужели вы думали, что можно шутить с их могуществом, флиртовать с ними, ничем или почти ничем не рискуя и не жертвуя? Неужели вы считали себя в этом танце ведущим партнером, который может в любой момент остановиться? Что все под контролем у вас самих? Какие мечты вы лелеяли, миссис Феннан, не понимая, что им нет места в мире этих людей?

Она закрыла лицо ладонями, и он увидел, как слезы заструились между пальцами. Ее тело

начало сотрясаться в рыданиях, а слова она выдавливала медленно, с усилием:

— Я… Я ни о чем не мечтала. Мечта была только у него. Да, и великая мечта… — Она продолжала плакать в горькой безысходности, а Смайли, чувствуя одновременно торжество победителя и стыд, ждал, чтобы она продолжила говорить. Но Эльза внезапно вздернула голову и посмотрела на него, не утирая все еще струившихся по щекам слез. — Посмотрите на меня, — сказала она. — Какие еще мечты могли у меня оставаться? Я мечтала о длинных золотистых локонах, но меня обрили наголо. Я мечтала иметь красивое тело, но его искалечили голодом. Мне довелось видеть, во что превращаются люди, так как же я могла верить в человеческое совершенство? И я твердила ему: не разрабатывай законов, не придумывай мифических идеалов, не выноси категорических суждений, и люди могут быть счастливы. Стоит дать им еще одну великую доктрину, вооружить грандиозной теорией, выдвинуть великий лозунг, и смертоносная игра начнется сызнова. Я не раз повторяла ему это. Мы говорили ночами напролет. Но нет, этот маленький мальчик вынашивал свою мечту, и если новый мир строился, Сэмюэл Феннан должен был стать его строителем.

«Послушай, — говорила я ему. — Тебе дали все, что необходимо для жизни, — дом, деньги, вклад на будущее. Зачем же ты работаешь против них?» А он отвечал: «Я делаю это для их же блага. Я — их врач, и однажды они сами признают это». Он был ребенком, и им манипулировали, как ребенком, мистер Смайли.

Он не осмеливался вмешиваться, не пытался прерывать ее.

— Пять лет назад он познакомился с этим Дитером. В горнолыжном отеле рядом с Гармишем. Позже Фрайтаг сказал нам, что так и было запланировано — ведь Дитер не мог кататься из-за изуродованных болезнью ног. Тогда вообще все казалось нереальным. Фрайтаг было не настоящим именем. Эту кличку дал ему сам Сэмюэл Феннан — вспомнив Пятницу из «Робинзона Крузо». Дитеру это показалось настолько забавным, что Сэм никогда больше не обращался к ним иначе, как мистер Робинзон и Пятница. — Она прервалась и посмотрела на Смайли с чуть заметной улыбкой. — Извините, мой рассказ довольно бессвязен.

— Мне все в нем понятно.

— Эта девушка… Вы упомянули про девушку. Что с ней?

— Она жива. Не волнуйтесь за нее. Продолжайте.

— Вы были правы. Феннану вы понравились. А Фрайтаг пытался вас убить… Почему?

— Как я полагаю, потому что я вернулся и спросил вас о звонке в восемь тридцать. Вы ведь рассказали об этом Фрайтагу?

— О мой Бог! — Она в испуге приложила пальцы к губам.

— Вы позвонили ему, ведь так? Позвонили, как только я ушел.

— Да, да. Мне стало страшно. Я хотела предупредить, чтобы они с Дитером срочно уезжали и больше не возвращались, потому что поняла — вы все узнаете. Если не сразу, то очень скоро. И почему они не хотят оставить меня в покое? Они опасались меня, зная, что я не верю в их мечты и идеалы, что мне нужен был только Сэмюэл, только его я хотела любить и заботиться о нем. Только на это они и могли положиться.

В голове у Смайли пульсировала невыносимая боль.

— Стало быть, вы сразу же позвонили ему, — констатировал он. — Первым набрали номер «Примроуз», но там никто не ответил.

— Да, — ответила она тихо. — Так и было. Но

только оба номера относятся к зоне «Примроуз».

— И тогда вы воспользовались другим номером, запасным…

Эльза снова подошла к окну. Было заметно, что она совершенно обессилела. Но одновременно казалась сейчас спокойнее и явно испытывала облегчение — признание далось нелегко, но сняло часть бремени с ее плеч.

— Да, Фрайтаг — большой мастер по части запасных вариантов.

— Приведите мне второй номер, — настойчиво попросил Смайли. Он все еще испытывал беспокойство, замечая, что она с отрешенным видом смотрит в глубину темного сада.

— Зачем он вам?

Он тоже подошел к окну и встал рядом с ней, краем глаза следя за ее профилем. И когда он снова заговорил, голос его звучал напористо и немного грубовато:

— Я заверил вас, что с девушкой все в порядке. Мы с вами тоже пока живы. Но не думаю, что мы в безопасности.

Она повернулась к нему с неприкрытым страхом в глазах, пристально посмотрела и кивнула. Смайли взял ее за руку и подвел к креслу. Сейчас ей не помешал бы какой-нибудь горячий напи-

ток. Но она послушно села с пылающим, почти безумным взглядом.

— Запасной номер был девяносто семь сорок семь.

— А адрес? Вы знали адрес?

— Нет, адреса мне не дали. Только номер телефона. У них все трюки с телефонами. Никаких адресов, — повторила она, но с интонацией настолько фальшивой, что у Смайли сразу зародились сомнения. Его вдруг пронзила мысль — воспоминание об умении Дитера налаживать систему связи.

— Фрайтаг ведь не встретился с вами в тот вечер, когда убили Феннана, не так ли? Не пришел в театр?

— Да.

— И такое случилось впервые, верно? Вы запаниковали и ушли со спектакля.

— Нет… То есть да, конечно, я запаниковала…

— Это неправда. Вы ушли из театра до окончания спектакля не потому, что испугались. Просто так у вас и было запланировано. И почему же вы ушли рано? Почему?

Она молчала и лишь снова прижала ладони к лицу.

— Да неужели вы не понимаете? — заорал на

нее Смайли. — Все еще считаете, что ситуация под контролем? А Фрайтаг убьет вас, убьет ту девушку. Он будет убивать, убивать, убивать!

Она зарыдала, но ничего так и не сказала. Смайли присел рядом с ней на корточки, продолжая яростно кричать:

— Хотите, я сам расскажу вам, почему вы ушли рано? Поделюсь своей версией. Вы убежали столь поспешно, чтобы успеть к последней отправке почты из Уэйбриджа. Он не пришел, вы не смогли обменяться квитанциями из гардероба, а потому, в точности следуя инструкции, вы отправили ему свою квитанцию по почте, потому что у вас был адрес. Нигде не записанный, но запомненный, зазубренный наизусть. «Если возникнет кризис и я не смогу прийти, вот адрес, которым можно воспользоваться». Он вам так сказал? И добавил, что об адресе никому нельзя рассказывать, что вам этот адрес необходимо запомнить, чтобы тут же забыть. Так ведь все обстояло на самом деле? Говорите!

Не глядя на него, Эльза поднялась, подошла к столу, нашла лист бумаги и карандаш. Слезы неудержимо струились у нее по щекам. Мучительно медленно выводила она каждую букву адреса; рука замирала, словно отказываясь пи-

сать.

Когда она закончила, Смайли сразу же взял листок, аккуратно сложил пополам и убрал в бумажник.

Теперь он приготовит для нее чашку чая.

У нее был вид ребенка, спасенного из океана после кораблекрушения. Она сидела на краю дивана, крепко держа чашку тонкими пальцами и плотно прижимая ее к груди, чтобы согреться. Тощие плечи подались вперед, ступни и лодыжки сдвинулись вместе. При взгляде на нее у Смайли возникло странное чувство, что он сломал нечто, к чему вообще не следовало прикасаться — настолько это было хрупко. Он ощущал себя омерзительно грубым солдафоном, и чашка чая представлялась до нелепости неадекватной компенсацией его неуклюжей жестокости.

Он не знал, что сказать. Прошло какое-то время, и первой заговорила Эльза:

— А вы ему понравились. Действительно понравились… Он назвал вас очень умным маленьким человеком. Сэмюэл редко называл кого-то умным.

Она медленно покачала головой. Вероятно, воспоминание о реакции мужа даже заставило ее грустно улыбнуться.

— Он любил повторять, что в мире борются две силы — положительная и отрицательная. «И как же мне поступить? — часто спрашивал он меня. — Позволить им уничтожить весь урожай только потому, что мне лично выделяют мою буханку хлеба? Творчество, прогресс, невиданная мощь — все будущее человечества уже стоит у порога. Так что же, мне не позволить им войти?» А я отвечала: «Но, Сэмюэл, быть может, люди будут счастливее без всего этого?» Но в слово «люди» мы, как видно, вкладывали не один и тот же смысл.

И я не в силах была остановить его. Знаете, что мне казалось самым странным в Феннане? При всех своих сомнениях, при всех попытках в бесконечных разговорах развеять их, он уже давно и прочно решил, что именно будет делать. А все остальное считал пустой лирикой. Его ум казался мне разбалансированным, и я говорила ему об этом…

— И тем не менее помогали, — заметил Смайли.

— Да, помогала. Он нуждался в помощи, и я ему ее оказывала. В нем была вся моя жизнь.

— Это я могу понять.

— Но тут коренилась моя ошибка. Понимаете,

он был маленьким мальчиком. Даже рассеянным по-мальчишески. И очень тщеславным. Он решился делать это, но делал из рук вон плохо. Еще и потому, что относился ко всему не так, как вы или я. Вы бы назвали это по-другому. А для него это стало просто работой, и ничем другим.

Все началось так обыденно. Однажды вечером он принес домой текст телеграммы и показал мне его. Сказал только: «По-моему, Дитеру необходимо с этим ознакомиться». И больше ничего. Я сначала не могла поверить… В то, что он — шпион. А ведь он и был им, если называть вещи своими именами. Но постепенно до меня дошло. Они начали давать ему особые поручения. В папке для нот, которую я получала у Фрайтага, теперь часто лежали прямые приказы и иногда деньги. Я сказала ему: «Посмотри на то, что они тебе присылают. Разве ты нуждаешься?» И мы действительно не знали, что делать с деньгами. В результате мы их попросту раздали, вот и все. Зимой, когда я рассказала об этом Дитеру, он очень рассердился.

— О какой зиме идет речь? — спросил Смайли.

— О второй зимней встрече с Дитером. В пятьдесят шестом году в Мюррене. А впервые мы с ним столкнулись в январе пятьдесят пятого года.

Тогда все и началось. И знаете, что интересно? События в Венгрии 1956 года не оказали на Сэмюэла никакого воздействия. Оставили совершенно равнодушным. Дитер очень тревожился по этому поводу. Я знаю. Мне об этом рассказал Фрайтаг. И когда Феннан вручил мне в ноябре новые документы для доставки в Уэйбридж, я действительно рассердилась не на шутку. «Разве ты не видишь, что все кончается одинаково? — кричала я на него. — Те же пушки, те же дети, погибающие на улицах? Только мечта изменилась, а цвет пролитой крови не меняется никогда. Ты этого добивался? — спрашивала я его. — А если бы такое произошло в Германии, тебе тоже было бы наплевать? Если бы стреляли в меня, ты бы и с этим смирился?» Но он лишь сказал: «Нет, здесь все иначе». И я продолжала носить папки с нотами. Вам это понятно?

— Даже не знаю. Нужно подумать. Но, вероятно, могу понять.

— Он был для меня в этой жизни всем. Он, наверное, и составлял смысл моего существования. А потому можно сказать, что я и себя тоже защищала. Постепенно втянулась в их дела, и останавливаться оказалось слишком поздно… Иногда, — добавила он почти шепотом, — я даже

радовалась за нас, когда казалось, что весь мир аплодировал бы тому, чем мы с Сэмюэлом занимались. Подъем Западной Германии мы никак не могли приветствовать. Вернулись многие из прежних имен, которые наводили на нас ужас в детстве. Вернулся этот страшный тупой шовинизм. Было видно даже по газетным снимкам, как им хочется вышагивать строем под звуки старых маршей. Феннан разделял мои чувства, хотя, слава Богу, ему не довелось пережить того же, что и мне.

Нас поместили в лагерь на окраине Дрездена, где мы тогда жили. Моего отца разбил паралич. Больше всего он страдал от невозможности достать табак, и я делала ему самокрутки из любой ветоши, какую только могла найти, — как заменитель сигарет. Однажды охранник заметил, как он «курит», и поднял его на смех. Потом подошли другие и тоже принялись веселиться. Дело в том, что папа держал самодельную сигарету в парализованной руке и у него уже горели пальцы. А он ничего не чувствовал…

Так вот, когда они снова стали вооружать немцев, дали денег, обмундировали солдат… В те времена — пусть они продлились недолго — меня радовало то, что мы делали вместе с Сэмюэлом.

Мы ведь, как вы знаете, евреи, а потому…

— Да, я все понимаю, — сказал Смайли. — Я ведь тоже был свидетелем, пусть многого и не видел.

— Да, Дитер говорил об этом.

— Дитер говорил вам об этом?

— Нет. Фрайтагу. Как и мой муж, он тоже сказал, что вы очень умный человек. По словам Фрайтага, однажды, еще перед войной, вы сумели обмануть Дитера, который узнал об этом лишь много лет спустя. Он считает вас лучшим в своей профессии.

— Когда же Фрайтаг рассказал вам все это?

Она долго смотрела на него. Смайли еще не доводилось видеть столь скорбного выражения лица, полного безнадежности и отчаяния. Ему вспомнились слова, сказанные ею раньше: «У меня слезы кончились уже давно, мистер Смайли — я пуста. Мне пришлось оплакивать слишком многих». Он понимал ее настроение лучше, чем тогда, и вновь уловил его отголоски во фразе, которую и ожидал услышать:

— А разве вы еще не догадались? В тот вечер, когда он убил Сэмюэла. В том-то и заключалась самая невероятная ирония судьбы, мистер Смайли, что в тот самый момент, когда у Сэмюэла появилась возможность дать им действительно много

— не какие-то обрывки информации и не время от времени, а чуть ли не каждый день, — когда им оставалось лишь заготовить побольше папок для нот, именно в этот момент их собственный страх все разрушил, лишил разума, превратил в животных, заставил уничтожить то, что они создали.

Сэмюэл постоянно повторял: «Они победят, потому что знают, а остальные погибнут, потому что этим знанием не обладают. Люди, которые работают ради осуществления своей мечты, не остановятся на полпути». Это его слова. Но мне-то было виднее. Я предчувствовала, что их мечта нас уничтожит. Идеи губят людей. Даже вера в Христа, мечта о Его вечном царствии.

— Это Дитер видел меня в парке с Феннаном?

— Да.

— И подумал, что…

— …что Феннан предал его, и приказал Фрайтагу убить Сэмюэла.

— А анонимное письмо?

— Ничего о нем не знаю. Понятия не имею, кто его написал. Но мне кажется, этот человек хорошо знал Сэмюэла. Быть может, работал с ним вместе, имел возможность наблюдать за ним и обо всем догадался. Или они познакомились еще

в Оксфорде, оба были членами компартии. Для меня это загадка. И Сэмюэл тоже предположить не мог, кто это был.

— Но предсмертное письмо…

Эльза посмотрела на него, и ее лицо сморщилось, словно от боли. Она готова была зарыдать и потому низко склонила голову.

— Его написала я. Фрайтаг принес бумагу, и я напечатала текст. А подпись на листке уже стояла. Подпись Сэмюэла.

Смайли подошел, сел рядом на диване и взял ее за руку. Но она резко повернулась к нему и с нежданной злобой почти выкрикнула:

— Уберите от меня руки! Неужели вы решили, что я теперь вся ваша только потому, что больше не принадлежу им? Убирайтесь! Отправляйтесь убивать Фрайтага и Дитера. Игра должна продолжаться, не так ли, мистер Смайли? Но только не думайте, что я теперь на вашей стороне, слышите? Потому что я — Вечная Жидовка, всегда на ничейной земле и под огнем с двух сторон там, где вы играете в солдатики. Вы можете бить меня, топтать ногами, но никогда, слышите, никогда не прикасайтесь ко мне и не говорите, что сожалеете. Понятно? А теперь уходите! Идите и продолжайте убивать!

Она сидела, вся дрожа, словно от холода. Дойдя до двери, он обернулся. В глазах у нее не было слез.

В машине его ждал Мендель.

Глава 13
Странные поступки Сэмюэла Феннана

В Митчам они приехали к обеду. Там их подкарауливал Питер Гиллам, сидевший в машине.

— Ну, ребятишки, какие у нас новости?

Смайли достал из бумажника листок бумаги и отдал ему.

— Был еще и телефонный номер на случай чрезвычайных обстоятельств — «Примроуз девяносто семь сорок семь». Проверь и его, и адрес, но я не связываю с этим особых надежд.

Питер вышел в прихожую и сел на телефон. Мендель принялся хлопотать в кухне и через десять минут вернулся в гостиную и принес на подносе пиво, хлеб и сыр. Гиллам присоединился к ним и уселся, ни слова не говоря. Вид у него был обеспокоенный. После затянувшейся паузы он спросил:

— Так что же она тебе рассказала, Джордж?

Когда Смайли подошел к концу отчета о своей утренней беседе, Мендель принялся убирать со стола.

— Понятно, — протянул Гиллам. — Все это

очень тревожно. Что ж, пора ставить точку, Джордж. Мне придется изложить это дело на бумаге в виде рапорта и сразу же отправиться с ним к Мастону. Охота за мертвыми шпионами — дело неблагодарное и может обернуться самыми печальными последствиями.

— Какой доступ он имел к документам МИДа? — спросил Смайли.

— В последнее время самый обширный. Потому и было решено провести с ним беседу, как тебе, несомненно, известно.

— Но все же в основном к какого рода материалам?

— Этого я пока точно не знаю. Он работал на азиатском направлении, но несколько месяцев назад получил повышение, и характер его деятельности изменился.

— Он стал заниматься американцами, если мне не изменяет память, — сказал Смайли. — Но есть один важный вопрос, Питер.

— Какой?

— Ты задумывался, зачем им срочно понадобилось убивать Феннана? Даже если допустить, что, как они полагали, он их действительно предал, зачем его устранять? От этого же ничего не менялось. Его смерть ничего им не давала.

— Верно, скорее всего ты прав. Здесь есть над чем поразмыслить… Или же объяснение лежит на поверхности. Вообрази, что их предал бы агент уровня Маклина или Фукса. Что произошло бы в таком случае? Предположим, они опасались возникновения цепной реакции — не только здесь, но и в Америке, а быть может, и по всему миру. Могли они пойти на убийство, чтобы предотвратить ее? К сожалению, многого мы так никогда и не узнаем.

— Как, например, о звонке в половине девятого утра? — спросил Смайли.

— Вот именно. А теперь — до встречи. Побудьте здесь, пока я не позвоню. Мастон должен непременно пожелать встретиться с тобой. Представляю, как они забегают по коридорам, когда я сообщу им радостные новости. Мне придется нацепить особую улыбочку, которую я приберегаю на случай кризисных ситуаций.

Мендель проводил Питера и вернулся в гостиную.

— Лучшее, что ты сейчас можешь сделать, — это улечься отдохнуть, — сказал он Смайли. — Ты выглядишь так, словно вот-вот собираешься рассыпаться на части. Поверь, я не преувеличиваю.

«Мундт либо еще в стране, либо уже нет, — ду-

мал Смайли, лежа на кровати, не сняв жилетки и заложив руки за голову. — Если он сбежал, то делу конец. Мастон будет решать, как поступить с Эльзой Феннан, и, зная его, можно предсказать — он решит вообще ничего не делать».

Если Мундт остался в Англии, то по одной из трех причин:

а) потому что Дитер приказал ему затаиться и ждать, пока пыль осядет;

б) потому что он сейчас не в фаворе и боится возвращаться сам;

в) потому что у него остались незавершенные дела.

Первый вариант почти исключен. Излишний риск — не в характере Дитера, и вообще это было бы странно.

Вероятность второго варианта тоже ничтожна; если Мундт теперь боится Дитера, то у него не меньше оснований опасаться быть схваченным и осужденным за убийства; в таком случае разумнее всего было бы бежать в какую-то другую страну.

Третий вариант представляется наиболее очевидным объяснением. На месте Дитера меня бы очень волновала Эльза Феннан. Девица из театра — эта Пиджен — сама по себе ничего не значит.

Она сможет представлять опасность, только если Эльза даст показания и прояснит картину. Пиджен не была участницей преступного сговора, и ее описание внешности приятеля Эльзы ни один суд не сочтет достоверным. Нет, для них только Эльза — реальная угроза».

Была, конечно, и еще одна возможность, которую Смайли не имел права полностью сбрасывать со счетов. Дитер мог курировать через Мундта еще и других агентов. Сам Смайли в это верил с трудом, но догадывался, что эта мысль пришла в голову и Питеру Гилламу.

Нет… Его теориям по-прежнему не хватало стройности. Какой-то хаос. И он решил начать размышления заново.

«Что нам известно?» Смайли сел, ища глазами карандаш и бумагу, отчего пульсирующая боль в голове сразу же возобновилась. Но он тем не менее встал с постели. Карандаш лежал во внутреннем кармане его пиджака. Блокнот он предусмотрительно упаковал в чемодан. Вернувшись затем к кровати, он взбил подушку поудобнее, принял сразу четыре таблетки аспирина из пузырька, стоявшего на столе, а потом уселся на кровать, опершись спиной о подушку и вытянув коротковатые ноги. И принялся писать.

Начал с заголовка, выведя его ровным ученическим почерком и подчеркнув.

Что мы знаем?

Затем Смайли начал одно за другим перечислять происшедшие до сих пор события, стараясь оставаться объективным и беспристрастным.

В понедельник 2 января Дитер Фрей видел, как я в парке разговариваю с его агентом, и пришел к выводу… «Кстати, интересно, к какому именно выводу пришел Дитер? Что Феннан нам во всем признался? Что собирается признаться? Или он вообще мой агент с самого начала?..» «И пришел к выводу, что Феннан представляет опасность по причинам, которые нам пока не известны. Следующим вечером, в первый вторник месяца, Эльза Феннан отнесла донесения своего мужа в папке для нот в репертуарный театр Уэйбриджа, где по заранее согласованной схеме оставила папку в гардеробе, получив на нее квитанцию. Мундт должен был прийти со своей папкой и проделать ту же операцию. Во время спектакля Эльза и Мундт обменялись бы квитанциями. Но Мундт не пришел. И тогда, следуя процедуре для чрезвычайных обстоятельств, она отправила

свою квитанцию на известный ей адрес, покинув театр раньше, чтобы успеть к последней отправке корреспонденции из почтового отделения Уэйбриджа. Затем она поехала домой, где и застала Мундта, уже убившего ее мужа, вероятно, по приказу Дитера. Он застрелил его в упор, как только они встретились в прихожей. Зная Дитера, я подозреваю, что предосторожности ради он давно держал при себе несколько чистых листов бумаги с подписью Феннана — подлинной или тщательно сфабрикованной — на случай, если возникнет необходимость скомпрометировать или шантажировать его. А если так, то Мундт предусмотрительно захватил с собой один из таких листов, чтобы напечатать предсмертное письмо Феннана на его же пишущей машинке. Во время отвратительной сцены, которая должна была последовать вслед за появлением Эльзы дома, Мундт понял, что Дитер неверно истолковал причины встречи Феннана со Смайли, но уговорил Эльзу во имя сохранения репутации покойного мужа не раскрывать их тайны, как и ее собственной вовлеченности в дело. После этого Мундт мог уже чувствовать себя относительно спокойно. Он уговорил Эльзу напечатать письмо, поскольку его собственный английский далек от совершен-

ства. (N.B.: Кто же, черт возьми, написал первое письмо, пресловутую анонимку с обвинениями?)

Затем Мундт наверняка захотел получить папку с нотами, которую не смог забрать сам, и Эльза сообщила ему, что, строго следуя полученным инструкциям, отправила квитанцию из гардероба по адресу в Хэмпстеде, оставив папку в театре. Примечательна реакция Мундта. Он заставил ее позвонить в театр и сделать так, чтобы он смог забрать папку тем же вечером по пути в Лондон. Для этого могли быть две причины. Либо адрес, по которому почтой ушла квитанция, был уже недоступен. Либо Мундт собирался вернуться туда только утром, не имея возможности немедленно получить квитанцию и соответственно папку.

Смайли приезжает в Уоллистон рано утром в среду 4 января и во время первой беседы случайно отзывается на звонок в 8.30 с телефонной станции, заказанный (вне всякого сомнения) Феннаном в 19.55 накануне вечером. С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ?

Позже тем же утром С. возвращается к Эльзе Феннан, чтобы узнать о звонке в 8.30, который, как она догадалась (и это ее собственные слова), неизбежно «заинтересует вас» (здесь, несомненно, сыграл свою роль лестный отзыв Мундта о

моих способностях). Наговорив С. кучу глупейшей лжи о своей якобы плохой памяти, она в панике звонит Мундту.

Вооруженный либо описанием внешности, либо фотографией С., Мундт решает ликвидировать его (по приказу Дитера?), и вечером того же дня это ему почти удается. (N.B.: Мундт возвращает машину в гараж Скарра только поздно вечером 4 января. Но это не значит, что он не планировал покинуть страну ранее. Хотя в таком случае ему куда сподручнее было бы оставить машину Скарру уже днем и отправиться в аэропорт автобусом.)

Таким образом, представляется возможным, что Мундт изменил свои планы после звонка Эльзы. Остается неясным, изменил ли он их из-за ее звонка.

Могла ли Эльза нагнать на него такого страха, что он решил ради собственной безопасности задержаться и ликвидировать Адама Скарра? — задавался вопросом Смайли.

В холле зазвонил телефон…

— Джордж? Это Питер. Ни адрес, ни телефон ничего нам не дают. Там мы уперлись в тупик.

— Что ты имеешь в виду?

— И телефон, и адрес привели в одно и то же

место — меблированную квартиру в Хайгейт-Виллидж.

— Ну и?..

— Квартира была арендована пилотом авиакомпании «Люфтойроп». Еще пятого января он заплатил за два месяца вперед и с тех пор больше не появлялся.

— Проклятие!

— Зато квартирная хозяйка очень хорошо запомнила Мундта. Друга того пилота. Для немца, говорит, очень приятный и обходительный молодой человек. Часто спал там на софе в гостиной.

— Бог ты мой!

— Я обыскал это жилье. Перевернул сверху донизу. В углу гостиной стоит письменный стол. Все его ящики пусты, за исключением того, где обнаружилась квитанция из театрального гардероба. И откуда она только могла там взяться, правда? Смешно… Но если хотите по-настоящему похохотать, приезжайте на Кембридж-серкус. Вот где наконец все засуетились по-настоящему. Вплоть до небожителей с самой вершины Олимпа. Да, и еще…

— Есть что-то еще?

— Да. Я прочесал бывшую квартиру Дитера. Там тоже кисло. Пропал четвертого января, не пре-

дупредив молочника, что больше не нуждается в его услугах.

— А почту проверил?

— Он никогда ничего не получал, кроме счетов. Проверил я и личное гнездышко товарища Мундта: пара комнат над конторой сталелитейного представительства. Но оттуда вывезли все до последней тумбочки. Уж извините.

— Понятно.

— Но могу рассказать тебе, Джордж, что мне показалось самым странным. Помнишь, мы решили просмотреть личные вещи Феннана — бумажник, записную книжку и тому подобное? Все, что забрала полиция.

— Конечно, помню.

— Так вот, я их разыскал. В разделе адресов его ежедневника имя Дитера значится черным по белому вместе с телефоном представительства. Чертовски неосторожно или нагло, воспринимай как хочешь.

— Это не просто неосторожно. Чистое безумие с его стороны. Невероятно!

— А на страничке за четвертое января записано: «Смайли С. А. Позвонить в восемь тридцать». На предыдущей странице напоминание: «Запросить звонок на утро в среду». Вот тебе и твой

загадочный звонок.

— Все равно здесь не все ясно.

Пауза.

— Джордж, я отправил Феликса Тавернера в министерство, чтобы он провел там необходимую работу. С одной стороны, там все хуже, чем мы опасались, но зато намного лучше — с другой.

— То есть?

— Тавернер добыл регистрационные книги за последние два года. И выписал все дела, которые попадали в распоряжение Феннана. Если досье запрашивал он сам, там еще сохранились подписанные им формы.

— Я весь внимание.

— Феликс заметил, что три или четыре папки с делами обычно выдавались Феннану в пятницу после обеда, а возвращались обратно только в понедельник утром. Похоже, на выходные он брал материалы домой.

— О Боже!

— Да, но вот ведь что действительно странно, Джордж. За последние шесть месяцев — то есть фактически со времени своего повышения и перевода в другой отдел — он уносил домой в основном дела без грифа «секретно», которые едва ли для кого-то могли представлять интерес.

— Но ведь именно в последние месяцы он получил доступ к действительно секретной информации, — сказал Смайли. — И мог выносить из министерства практически все, что угодно.

— Знаю, но он этого не делал. Если взглянуть пристальнее, то может даже показаться, что он так поступал намеренно. Домой он забирал совсем пустяковые досье, почти не связанные с его повседневной работой. Его бывшие коллеги ломают над этим головы и не могут понять. Он иногда брал с собой материалы, вообще не относившиеся к деятельности его отдела.

— И незасекреченные?

— В том-то и дело. Не представлявшие никакого интереса для любой иностранной разведки.

— А как было прежде, до его нового назначения? Что он увозил домой тогда?

— Вполне ожидаемые вещи — документы, необходимые ему для работы, меморандумы и прочее.

— Секретные?

— Одни были засекречены, другие — нет. Все подряд.

— Но ничего необычного? Чего-то, что выходило бы за пределы его компетенции?

— Абсолютно ничего. Можно сказать, у него

под рукой были настоящие сокровища, но он словно не замечал их. Вот уж рассеянность так рассеянность!

— Еще какая! Если он открыто записал фамилию своего куратора в ежедневнике.

— И делай из этого какие угодно выводы, но на четвертое января он запросил свое начальство предоставить ему внеурочный выходной. На тот день, накануне которого погиб. Это было нечто действительно необычное. Он жить не мог без работы, как говорят все, кто его знал.

— И что предпринял Мастон, получив эти сведения? — спросил Смайли после паузы.

— Сейчас он просматривает документы и задает мне глупейшие вопросы каждые две минуты. У меня такое чувство, что он совершенно растерялся, оказавшись в мире реальных фактов.

— О, не волнуйся за него, Питер. Этот все утрамбует до уровня своего понимания.

— Он уже пытается утверждать, что все дело Феннана построено на показаниях женщины, страдающей нервным расстройством.

— Спасибо за звонок, Питер.

— До скорого, старина. И будь осторожен.

Смайли положил трубку, гадая, куда запропастился Мендель. На столике в холле лежала

вечерняя газета. В глаза бросился заголовок: «Новый погром. Еврейская общественность протестует». В репортаже речь шла об убийстве еврейского торговца в Дюссельдорфе. Он открыл дверь гостиной, но Менделя там не оказалось. И только взглянув в окно, он увидел его: Мендель в рабочей шляпе яростно корчевал киркой пни. Смайли некоторое время наблюдал за ним, а потом отправился в спальню отдохнуть. Однако стоило ему добраться до верха лестницы, как внизу опять зазвонил телефон.

— Прости, что снова приходится беспокоить тебя, Джордж, но речь идет о Мундте.

— Что с ним такое?

— Улетел вчера вечером в Берлин рейсом компании «Би-и-эй». Воспользовался паспортом на другое имя, но стюардессы легко опознали его. Боюсь, мы его упустили. Жаль.

Смайли лишь на секунду положил трубку, а потом набрал номер «Уоллистон 2944». Долго раздавались гудки, прежде чем он услышал голос Эльзы Феннан:

— Алло!.. Алло!.. Слушаю вас.

Он плавно дал отбой. Она была жива.

Почему же, черт возьми, именно сейчас? Почему Мундт сбежал домой сейчас, через пять недель

после убийства Феннана, через три после смерти Скарра, и почему он устранил такую несущественную угрозу, как Скарр, но оставил в живых Эльзу Феннан — издерганную, озлобленную, готовую в любой момент сорваться, пренебречь собственными интересами и выложить все властям? Какое воздействие оказала на эту женщину та жуткая ночь? Как мог Дитер продолжать доверять Эльзе, которую с ним больше практически ничто не связывало? Теперь, когда уже даже доброе имя ее мужа невозможно стало защитить, она в любой момент могла поддаться импульсивному желанию отомстить и явиться с повинной. Ясно, что между «самоубийством» Феннана и гибелью его жены должно было пройти какое-то время. Но какая же новая информация, какая угроза заставила Мундта бежать из страны вчера вечером? Безжалостный и продуманный план уничтожения свидетелей и сохранения в тайне предательства Феннана остался незавершенным. Так что же произошло вчера, о чем стало известно Мундту? Или время его бегства выбрано случайно и не имеет отношения к делу? Смайли отказывался в это верить. Если Мундт не побоялся задержаться в Англии после двух убийств и покушения на Смайли, то сделал он это не по своей

воле и должен был дождаться какого-то события или просто возможности свободно сбежать. Он не задержался бы здесь ни на день дольше, чем был вынужден. И тем не менее что он делал после убийства Скарра? Прятался в потайной комнате, полностью изолированный от внешнего мира? Так почему же улетел на родину так внезапно?

А Феннан? Что это за шпион, который снабжает своих хозяев бессмысленными данными, имея доступ к подлинным жемчужинам секретной информации? Быть может, он передумал? Потерял мотивацию? Тогда почему ничего не сказал жене, для которой его предательство было источником бесконечных терзаний? Она была бы несказанно рада такой перемене. Впрочем, создавалось впечатление, что Феннан и прежде не отбирал особо секретных материалов, а приносил домой все подряд, что лежало в данный момент на его рабочем столе. Хотя смена приоритетов, ослабление мотивации легко объясняли попытку назначить свидание Смайли, как и подозрения Дитера, что Феннан переметнулся. И кто же все-таки написал злополучное анонимное письмо?

Пока концы с концами не сходились. Все казалось лишенным смысла. Начиная с личности самого Феннана — умницы, краснобая, обаятель-

ного человека, которому обман дался так легко и профессионально, что он сумел внушить Смайли подлинную симпатию. Тогда как же мог столь искушенный агент совершить детскую ошибку, записав данные Дитера в свой ежедневник? И продемонстрировал полнейшую неопытность в отборе материалов для иностранной разведки?

Смайли поднялся наверх, чтобы упаковать те немногие личные вещи, которые Мендель привез ему с Байуотер-стрит. Все было кончено.

Глава 14
Дрезденская группа

Смайли остановился на верхней ступени перед дверью и поставил чемодан рядом с собой, выуживая из кармана ключ от американского замка. Открыв дверь, он вспомнил, как на пороге выросла фигура Мундта, смотревшего на него бледно-голубыми глазами, хладнокровными и оценивающими. Было странно думать, что Мундт — ученик Дитера. Мундт действовал с прямолинейностью тренированного наемника — умелый, целеустремленный, но узколобый. В его тактике не присутствовало ничего своего: во всем он оставался лишь жалкой тенью своего наставника. Создавалось впечатление, что все блестящие трюки и приемы Дитера включили в некий учебник, который Мундт не поленился выучить наизусть, но от себя добавил лишь грубой соли жестокости.

Смайли намеренно не оставил адреса для пересылки почты, и корреспонденция грудой валялась на коврике у двери. Он собрал ее, положил на столик в прихожей, а потом начал по очереди

заглядывать в комнаты с необъяснимым чувством удивления и растерянности. Собственный дом казался чужим: холодным и сырым. Переходя из комнаты в комнату, он впервые начал ощущать, насколько пустой стала его жизнь.

Поискал спички, чтобы разжечь газовый камин, но так и не нашел. Потом сел в кресло в гостиной и стал взглядом пробегать по книжным полкам, где стояли сувениры, привезенные из многочисленных поездок. Когда Энн его бросила, первым порывом Смайли было как можно скорее избавиться от всех следов ее пребывания. Даже ее книги отправились на свалку. Но с течением времени он стал чуть терпимее и позволил некоторым вещицам, связывавшим их жизни, остаться на своих местах: в основном это были свадебные подарки от друзей, которые слишком много для него значили, чтобы так просто от них отделаться. Среди них уцелели набросок Ватто, презентованный Питером Гилламом, и группа из трех статуэток дрезденского фарфора от Стида-Эспри.

Он поднялся и подошел к угловому буфету, где стояли статуэтки. Ему всегда нравилась изящная красота этих фигурок в стиле рококо: маленькая куртизанка в костюме пастушки, которая вроде

бы протягивала руки в сторону одного влюбленного в нее мужчины, но ее миниатюрное личико было повернуто так, что одновременно одаривало взглядом второго. Причем, глядя на это хрупкое совершенство, он неизменно чувствовал собственную непривлекательность, как это происходило в начале его ухаживаний за Энн, закончившихся свадьбой, так поразившей светское общество. Хотя возникало и другое чувство, даривше ему порой утешение и понимание, что требовать верности от Энн так же бесполезно, как и от этой ветреной пастушки под стеклянным колпаком. Стид-Эспри купил эту группу в Дрездене еще до войны. Сам он считал ее одной из лучших вещей в своей коллекции фарфора, но все же преподнес им в подарок. Вероятно, старый мудрец предвидел, что в один прекрасный день Смайли понадобится философия именно того толка, которую можно было почерпнуть из созерцания фигурок.

Дрезден — любимый немецкий город Смайли. Ему нравились архитектура, прихотливое смешение Средневековья и классицизма. Он чем-то напоминал Оксфорд — вероятно, своими куполами, башнями и шпилями, чуть позеленевшими медными кровлями, блестевшими под горячи-

ми лучами солнца. Название города означало «поселение лесных жителей», и именно здесь король Богемии Венцеслав собирал менестрелей и поэтов, щедро одаривая их деньгами и привилегиями. Смайли вспомнил свою последнюю поездку туда, когда он навещал университетского коллегу, профессора философии, с которым познакомился в Англии. Именно в тот приезд он случайно заметил Дитера Фрея, ковылявшего по тюремному двору. Он живо помнил его и сейчас: высокого, озлобленного, чудовищно неузнаваемого с обритой головой, — Дитер даже в тот момент казался слишком крупной фигурой, чтобы быть узником небольшой тюрьмы. А еще он вспомнил, что в Дрездене родилась Эльза Феннан. Он просматривал досье на нее, хранившееся в МИДе: Эльза, в девичестве Фрейманн, родилась в Дрездене в 1917 году, родители — граждане Германии; образование получила тоже в Дрездене; находилась в заключении с 1938 по 1945 год. Он пытался представить ее в семейном кругу ортодоксальных евреев, вынужденных жить во враждебной среде и выносить нападки. «Я мечтала о длинных золотистых локонах, но меня обрили наголо». И только сейчас с тошнотворной ясностью он понял, почему она красила волосы.

Она ведь могла стать похожей на эту пастушку — хорошенькой и полногрудой. Но голод изуродовал ее тело, сделав его навечно кривым и тощим, как скелет маленькой птички.

Он мог вообразить себе ее в ту ночь, когда она стояла над телом только что убитого мужа; почти слышал, как сквозь сухие рыдания она объясняет, почему Феннан встречался в парке со Смайли; и Мундта, нисколько не пристыженного и не смущенного, а лишь пытавшегося вновь заставить ее пойти против собственной воли, продолжить участие в заговоре, в ужасных преступлениях. И преуспевшего, принудившего ее позвонить в театр и даже написать то предсмертное письмо-фальшивку, а потом бросившего наедине с новой мучительной болью накануне расследования, которое не могло не последовать. Во-первых, это представлялось Смайли чем-то совершенно бесчеловечным, а во-вторых, его не покидала мысль, как сильно рисковал Мундт, поступая подобным образом.

Впрочем, она, конечно же, показала себя в прошлом весьма надежным союзником, хладнокровным и, по иронии судьбы, более искушенным в технике шпионажа, чем сам Феннан. И, Бог свидетель, для женщины, прошедшей ночью че-

рез такие испытания, она отменно сыграла свою роль при их первой встрече следующим утром.

Вот так, стоя и глядя на красавицу пастушку, навсегда застывшую между двумя воздыхателями, Смайли вдруг совершенно неожиданно понял, что у дела Феннана существует совершенно иная разгадка, при которой складывались воедино все обстоятельства и детали, объяснялись все столь очевидные противоречия в характере и поведении Феннана. Причем это понимание пришло поначалу в виде чистейшего логического заключения, за которым пока не стояли живые люди. Смайли просто двигал личностями, как картонными фрагментами мозаики, поворачивая их то так, то эдак, чтобы они вписывались в уже обрисовавшийся каркас из известных фактов, пока в какой-то момент все не сложилось в четкую картину и в ту же секунду перестало быть всего лишь игрой ума.

У Смайли участилось сердцебиение, когда он со все возраставшим изумлением пересказывал себе заново эту историю, реконструируя отдельные сцены и события в свете только что сделанного открытия. Теперь он знал, почему Мундт в тот день покинул Англию, почему Феннан отбирал так мало ценных материалов для Дитера, заказал

звонок на 8.30 утра и почему его жена не пала жертвой Мундта, систематически и беспощадно уничтожавшего свидетелей. Он понял наконец, кто был автором анонимного письма. Увидел, какого дурака свалял сам, поддавшись эмоциям и направив не в ту сторону силу своего интеллекта.

Он подошел к телефону и набрал номер Менделя. Поговорив с ним, позвонил Питеру Гилламу. Затем надел пальто, шляпу и направился к расположенной за углом Слоун-сквер. В газетном киоске рядом с универмагом «Питер Джонс» он купил открытку с изображением Вестминстерского аббатства. Спустившись в метро, поехал на север и вышел в районе Хайгейта. В расположенном там почтамте купил марку и написал на открытке адрес Эльзы Феннан несколько неуклюжими печатными буквами, какие более характерны для жителей континентальной Европы. На пространстве, отведенном для текста, угловатым почерком вывел: «Жаль, что тебя здесь нет». Опустив открытку в ящик, отметил для себя время отправления. Потом вернулся на Слоун-сквер. Это было пока все, что он мог сделать.

В ту ночь он спал крепко, поднялся рано утром — была суббота — и отправился в соседний мага-

зин за круассанами и кофе в зернах. Сварив себе побольше кофе, взял свежий номер «Таймс» и уселся на кухне завтракать. Ощущал он себя на удивление спокойно и, когда зазвонил телефон, сначала аккуратно сложил газету и только потом поднялся наверх, чтобы снять трубку.

— Джордж? Это Питер! — Голос звучал возбужденно, с нотками триумфа. — Джордж, она клюнула. Клянусь, она взяла наживку!

— Как это было?

— Почту доставили в восемь тридцать пять. А в девять тридцать она уже вышла из дома, причем явно торопилась. На станции села в поезд, отправлявшийся в девять пятьдесят две на вокзал Виктория. Я посадил Менделя в ее поезд, а сам помчался вслед на машине, но только к их прибытию в Лондон немного опоздал.

— Как ты сможешь теперь снова связаться с Менделем?

— Я дал ему телефон отеля «Гроувенор», где сейчас и нахожусь. Он позвонит мне при первой же возможности, и тогда я присоединюсь к нему, где бы он ни находился.

— Питер, я надеюсь, вы действуете максимально осторожно.

— Осторожнее некуда, старина. Мне кажет-

ся, она потеряла голову от страха. Мчится, как гончая.

Смайли дал отбой. Снова взялся за «Таймс», открыв на этот раз театральную страницу. Он должен быть прав… Должен…

После завтрака утро тянулось мучительно медленно. Он подолгу стоял у окна, сунув руки в карманы и наблюдая сначала, как длинноногие девушки из Кенсингтона отправлялись на прогулку в сопровождении симпатичных молодых людей в модных голубых пуловерах, а потом, как соседи, прилежно вымыв машины перед домами, сбились в группу, чтобы обсудить все те же автомобили, и наконец дружной толпой двинулись к ближайшему пабу пропустить по первой пинте пива в эти выходные.

Когда ожидание уже грозило перерасти в пытку, в дверь позвонили. В прихожую ввалились Мендель и Гиллам, улыбающиеся, довольные собой и зверски голодные.

— Рыбка на крючке. Осталось подсечь и подставить сачок, — заявил Гиллам. — Но пусть Мендель рассказывает. Он проделал все основную работу. Я лишь немного помог.

Мендель изложил события точно и в хронологическом порядке, глядя в пол перед собой и

слегка склонив голову.

— Она села в поезд девять пятьдесят две до Виктории. В вагоне я держался от нее на расстоянии и приблизился только после того, как она миновала контрольный барьер и вышла в город. Затем взяла такси до Хаммерсмита.

— Такси? — перебил Смайли. — Она, должно быть, действительно слегка не в себе.

— Так и есть. Для женщины у нее походка вообще достаточно быстрая, а по платформе на вокзале она вообще чуть ли не бежала. Вышла на Бродвее и направилась к театру «Шеридана». Подергала дверь кассы, но там было закрыто. Немного пометалась в растерянности, но увидела кафе в сотне ярдов ниже по улице. Заказала кофе, причем расплатилась сразу. Через сорок минут вернулась к театру. Касса уже работала, и я шмыгнул вслед за ней, чтобы оказаться следующим в очереди. Она купила два билета на четверг в самом конце партера, ряд Т, места двадцать семь и двадцать восемь. Выйдя из театра, она вложила один билет в конверт, запечатала и бросила в почтовый ящик. Адреса я не разглядел, но марка была шестипенсовая, а это значит, что письмо отправилось за границу.

Смайли сидел совершенно неподвижно и слу-

шал.

— Интересно… — сказал он. — Интересно, придет ли он.

— Я присоединился к Менделю у «Шеридана», — дополнил рассказ Гиллам. — Пока она сидела в кафе, Мендель успел позвонить мне. А уже потом последовал за ней в кассу.

— Я и сам был не прочь выпить кофейку, — продолжал Мендель. — Гиллам нашел меня в кафе. Я его там оставил, пока ходил в кассу. Все было сделано чисто, и волноваться нет причин. Она на нервах, это точно, но ни о чем не подозревает.

— Что она сделала после?

— Вернулась на вокзал Виктория, где мы ее и оставили. Какое-то время все молчали.

— Каковы будут наши дальнейшие действия? — спросил Мендель после паузы.

Смайли по привычке сморгнул и серьезно посмотрел Менделю прямо в глаза.

— Купим билеты в «Шеридан» на четверг.

Они уехали, и Смайли снова остался один. Только теперь у него дошли руки разобрать почту, пришедшую за время его вынужденного отсутствия. Циркуляры, каталоги от «Блэкуэллса», счета и обычная груда скидочных талонов на мыло, купонов на замороженный зеленый горошек,

бланки от футбольных букмекеров и несколько частных писем все еще лежали в прихожей. Он отнес все это в гостиную, устроился в кресле и начал с того, что стал вскрывать личные письма. Одно из них оказалось от Мастона, и он прочитал его с чувством, близким к смущению.

Мой дорогой Джордж!

С огромным сожалением узнал я от Гиллама о Вашем несчастном случае и хотел бы прежде всего выразить надежду, что к настоящему времени Вы уже полностью оправились.

Быть может, Вы помните, как в момент рабочей горячки написали на мое имя заявление об уходе как раз перед тем, как с Вами произошло несчастье, и считаю своим долгом проинформировать Вас, что, конечно же, не принял его всерьез. Порой, когда события развиваются слишком стремительно, люди, бывает, склонны терять ощущение перспективы. Но такие старые бойцы, как мы с Вами, Джордж, не так-то легко теряют головы, верно? Поэтому я с нетерпением жду Вашего возвращения в строй, как только Вы окончательно встанете на ноги, а до тех пор я и все мы продолжаем считать Вас нашим опытным и верным соратником.

Отложив листок в сторону, Смайли взялся за следующее письмо. Лишь в первое мгновение он не узнал почерк, всего лишь мгновение с недоумением смотрел на швейцарскую марку и конверт из бювара в дорогом отеле. Внезапно он почувствовал приступ легкой дурноты, перед глазами все поплыло, а пальцам словно не хватало сил, чтобы вскрыть письмо. Что ей еще понадобилось? Если деньги, он отдаст все, что у него есть. Это его сбережения, он волен распоряжаться ими по своему усмотрению, и если ему доставит удовольствие выбросить их на нужды Энн, то так он и поступит. Ничего больше он дать ей не мог — она давно все забрала сама. Украла его смелость, его любовь, его человеческое участие и увезла в шкатулке для драгоценностей, чтобы играть ими небрежно где-нибудь под жарким кубинским солнцем, трясти перед глазами нового возлюбленного, сравнивать с такими же безделушками, которые ей, возможно, успели с тех пор преподнести другие.

Джордж, милый!

Я хочу сделать тебе предложение, которое не принял бы ни один истинный джентльмен. Хочу вернуться к тебе.

До конца месяца я остановилась в отеле «Бор-о-

лак» в Цюрихе. Дай мне знать о своем решении.
Энн

Смайли снова взял конверт и посмотрел на данные отправителя: мадам Хуан Альвида. Все правильно. Ни один джентльмен не принял бы такого предложения. Никакая любовь не пережила бы дня отъезда Энн с этим сахариновым латиноамериканцем, улыбавшимся, как надрезанный апельсин.

Смайли однажды видел сюжет в новостях о том, как Альвида выиграл какую-то гонку в Монте-Карло. И запомнил, что отвратительнее всего выглядели волосы у него на руках. В защитных очках, перепачканный моторным маслом, с нелепым лавровым венком на шее, он походил на человекообразную обезьяну, которая только что слезла с дерева. На нем была белая тенниска с короткими рукавами, каким-то чудом не испачканная во время гонки, и на фоне ее белизны эти его смуглые руки примата выглядели еще более отталкивающе.

Это было в стиле Энн. «Дай мне знать». Проверь, сможешь ли вернуть свою жизнь и начать жить снова. Я утомила своего любовника, мой любовник смертельно мне надоел, так позволь же снова ворваться в твой мир: в моем мне скучно. «Я хочу

вернуться к тебе»… Я хочу, я хочу…

Смайли встал и с письмом в руке снова подошел к фарфоровой группе. Несколько минут он стоял, любуясь маленькой пастушкой. Она была так красива!

Глава 15
Последний акт

В театре Шеридана давали «Эдуарда II» Кристофера Марло в трех актах при аншлаге. Гиллам и Мендель заняли соседние кресла лицом прямо к сцене в дальнем конце полукруга широкого U-образного партера. С их левого края были отчетливо видны задние ряды, которые трудно было бы разглядеть из любого другого места в зале. Свободное кресло отделяло Гиллама от группы студентов, в веселом возбуждении ожидавших начала спектакля.

Впереди простиралось море чуть покачивавшихся голов и мелькавших программок, которое порой то там, то здесь словно вспенивалось, когда пропускали к своим креслам припоздавших зрителей. Это напоминало Гилламу какой-то восточный танец, где неожиданный взмах руки или ноги оживлял совершенно неподвижное тело. По временам он бросал взгляды на задний ряд, но ни Эльза Феннан, ни ее гость пока не появились.

И лишь только когда почти отзвучала записанная на пленку увертюра и он снова бегло

посмотрел на два крайних кресла последнего ряда, его сердце чуть подпрыгнуло в груди, потому что он увидел хрупкую фигуру Эльзы Феннан, сидевшей неподвижно и очень прямо. Она смотрела строго перед собой, как ребенок, который учится держать правильную осанку.

К театру непрерывным потоком подъезжали такси, из которых выходили знаменитые и не очень персоны, приехавшие на спектакль. Они в спешке давали водителям явно чрезмерные чаевые, а потом по пять минут стояли на тротуаре и рылись в поисках билетов. Такси, в котором приехал Смайли, миновало здание театра и высадило его у соседнего отеля «Кларендон», где он сразу же спустился вниз, к расположенным там бару и ресторану.

— Мне в любой момент могут позвонить, — предупредил он. — Моя фамилия Сэвидж. Вы ведь позовете меня к телефону, не правда ли?

Бармен сразу оповестил о его просьбе портье и службу размещения.

— А теперь плесните мне немного виски с содовой, пожалуйста, и, если желаете, налейте себе за мой счет.

— Спасибо, сэр, но я избегаю употреблять спиртное.

Открылся занавес, свет в зале погас, а сцена оказалась освещена скудно, и Гиллам, всматриваясь в конец партера, понял, что не видит ничего в наступившем вдруг мраке. Но постепенно его глаза привыкли, и в едва мерцавшем свете лампочек, отмечавших аварийные выходы, он снова стал различать силуэт Эльзы и по-прежнему пустое кресло рядом с ней.

Лишь невысокая перегородка отделяла последние ряды от тянувшегося вдоль них прохода, а позади располагались несколько дверей, которые вели в фойе, буфет и гардероб. На короткое мгновение одна из них открылась и, как по замыслу режиссера, косой луч света упал прямо на Эльзу Феннан, подсветив тонкие черты ее лица и углубив черные тени под глазами. Она чуть склонила голову, словно вслушиваясь во что-то у себя за спиной, чуть приподнялась в кресле, но, поняв ошибку, приняла прежнюю позу.

Гиллам почувствовал, как ладонь Менделя легла ему на руку, повернулся и увидел, что тот смотрит мимо него в проход между рядами. Проследив за его взглядом, он тоже заметил высокую фигуру, медленно идущую от сцены в сторону последних рядов. Даже в полумраке мужчина производил впечатление: рослый, прямой, с

темной челкой, доходившей почти до бровей. Он заметно хромал, и именно с этого элегантного гиганта не сводил глаз Мендель. В нем было нечто притягивавшее внимание, выделявшее в толпе, привлекательное и отталкивающее одновременно. Сквозь стекла очков Гиллам тоже наблюдал за его неспешными движениями, поражаясь размеренной грации, которую мужчина ухитрялся придавать даже своей хромоте. Сразу становилось ясно, что это человек необычайный, одаренный, встреча с которым запоминается на всю жизнь, прибавляет опыта. В свое время для Гиллама такой мужчина мог стать портретом почти любого романтического героя: он стоял бы у мачты рядом с Конрадом, искал бы следы потерянной греческой цивилизации с Байроном, его описал бы в своих поэмах Гете.

По мере того как он шел, чуть заметно выбрасывая вперед здоровую ногу, от него исходил дух властности и месмеризма: Гиллам заметил, как многие в зрительном зале, забыв о сцене, завороженно провожали его взглядами.

Проскользнув мимо Менделя, Гиллам поспешил к одному из аварийных выходов у них за спинами. Пройдя вдоль длинного коридора и спустившись по лестнице, он оказался наконец

в главном вестибюле. Окошко кассы закрылось, но за ним все еще сидела девушка, прилежно трудившаяся над какими-то подсчетами, пуская в ход то карандаш, то ластик.

— Прошу прощения, — сказал Гиллам, — но мне нужно воспользоваться вашим телефоном. Это очень срочно. Вы не возражаете?

— Тсс! — шикнула она на него и покачала за стеклом карандашом, даже не подняв взгляда. У нее были мышиного оттенка волосы и нездоровый, с жирноватым блеском, цвет лица — результат работы поздними вечерами и пристрастия к картофельным чипсам. Гиллам немного выждал, гадая, сколько времени ей еще понадобится, прежде чем цифры в написанных паучьим почерком колонках сойдутся с суммой в банкнотах и монетах, лежавших в металлическом ящике рядом с ней.

— Послушайте, — сказал он затем уже с угрозой в голосе, — я — полицейский. В театре сейчас находятся преступники, которые собираются завладеть вашей выручкой. Так вы позволите мне позвонить или нет?

— О Господи, — отозвалась девушка усталым голосом и впервые посмотрела на него. В простеньких очках она казалась совсем дурнушкой.

Слова Гиллама нисколько не испугали и даже не встревожили ее. — По мне, так пусть забирают все. Я от этих подсчетов уже готова на стенку лезть.

Отложив свои бумаги в сторону, она встала и открыла дверь расположенной рядом кабинки, куда Гиллам поспешил проникнуть.

— Могли бы придумать предлог и получше, — с усмешкой сказала девица. У нее был голос образованного человека. Вероятно, студентка подрабатывает себе на булавки, успел подумать Гиллам. Он вызвал отель «Кларендон» и попросил к аппарату мистера Сэвиджа. Смайли ответил почти немедленно.

— Он здесь, — сказал Гиллам. — И был в театре уже давно. Вероятно, купил еще один билет в первые ряды. А потом Мендель заметил, как он направился в конец партера.

— Хромает?

— Да. Это не Мундт. Это Дитер собственной персоной.

Смайли замолчал, и через какое-то время Гиллам почувствовал необходимость спросить:

— Джордж, вы слушаете?

— Боюсь, что в таком случае придется все сворачивать, Питер. У нас нет ничего против Фрея.

Отзовите людей. Мундт сюда сегодня не явится. Первый акт закончился?

— Нет, но антракт уже скоро.

— Я буду с вами через двадцать минут. Если они разделятся, следуйте за Эльзой по пятам. Мендель пусть следит за Дитером. В антракте перед третьим актом подежурь в фойе. Они могут уйти раньше окончания спектакля.

Гиллам дал отбой и повернулся к девушке.

— Спасибо, — сказал он и положил перед ней четыре пенса, но она с неожиданным проворством сгребла монеты и сунула ему в ладонь.

— Только этого мне еще не хватало. У меня и так будут неприятности.

Он вышел на улицу, переговорил с несколькими мужчинами в штатском, стоявшими у входа в театр, а потом вернулся в зал к Менделю как раз в тот момент, когда дали занавес после первого действия.

Эльза и Дитер сидели рядом, мило болтая, Дитер даже смеялся, а Эльза своей оживленностью при угловатых движениях напоминала марионетку, приведенную в действие кукловодом. Мендель с интересом наблюдал за ними. Она тоже рассмеялась в ответ на шутку Дитера, склонилась вперед и положила ладонь поверх его руки. Мендель

отчетливо видел ее пальцы на фоне ткани рукава его смокинга, заметил, как он склонился к ее уху и прошептал что-то, заставив вновь расхохотаться. Но Менделю пришлось прервать наблюдения, потому что свет в зале стал меркнуть, разговоры стихли и зрители приготовились внимать второму акту.

Смайли вышел из «Кларендона» и неспешно направился по тротуару в сторону театра. Обдумывая все заново, он понимал теперь, что появление Дитера было логичным. Присылать на эту встречу Мундта было бы с их стороны чистейшим безумием. Теперь его уже больше интересовал другой вопрос. Сколько времени понадобится Эльзе или Дитеру, чтобы выяснить, что это не Дитер назначил ей свидание в театре, что не Дитер отправил открытку проверенным путем? Вот это, усмехнулся он мысленно, будет прелюбопытный момент. А всерьез рассчитывать он мог теперь только еще на одну серьезную беседу с Эльзой Феннан.

Через несколько минут он занял свободное кресло рядом с Гилламом. С тех пор, как он в последний раз видел Дитера, немало воды утекло.

Тот почти не изменился. Романтизм в его

внешности поразительно дополнялся магией шарлатана; он сражался, чтобы поднять Германию из руин, но делал это по-своему, ни перед чем не останавливаясь, не разбирая средств, с почти сатанинским упрямством, с темной силой, подобной мощи богов Севера. Смайли многое скрыл от друзей тем вечером в клубе. Дитер был гигантом во всем, все у него приобретало небывалый размах — его мастерство, его опыт, его хитрость, его мечты. И годы не были властны над этим. Этот человек мыслил и действовал исходя из абсолютных категорий, не желая ни ждать, ни заключать сделки, ни идти на компромиссы.

Смайли немало вспомнил, сидя в темноте зрительного зала и глядя на Дитера сквозь массу чужих и неподвижных лиц. Вспомнил пережитые вместе опасности, безграничное доверие друг к другу, когда один держал в руках жизнь другого… Потом Смайли на секунду показалось, что и Дитер разглядел его в темном зале, вроде бы почувствовал на себе его взгляд.

Поэтому перед самым окончанием второго действия, когда занавес был готов опуститься, он быстро вышел в боковую дверь и затаился в углу коридора, пока не дали звонок к последнему акту. Вскоре к нему присоединился Мендель, а потом

и Гиллам вернулся со своего наблюдательного поста в фойе.

— Возникла проблема, — доложил Мендель. — Они поссорились. Она выглядит испуганной. Что-то пытается ему объяснить, но он только качает головой в ответ. Она на грани паники, как мне кажется, а Дитер выглядит обеспокоенным. Он принялся осматривать зал так, словно оценивает позицию и строит какие-то планы. И еще: он точно смотрел на то кресло, в котором сидел ты, Джордж.

— Он не позволит ей уйти одной, — сказал Смайли. — Дождется момента и попытается выйти наружу, слившись с толпой. Поэтому до конца спектакля они останутся на месте. Дитер предполагает, что окружен. Его шанс обмануть нас — это неожиданно бросить ее на выходе одну и скрыться другим путем.

— Как нам поступить? Почему мы не можем просто подойти и арестовать обоих?

— Нет, нам придется подождать, хотя я сам не знаю, чего именно. У нас нет никаких доказательств. Ни для обвинения в убийстве, ни даже в шпионаже, если только Мастон не изменит своих взглядов. Но следует помнить: Дитеру об этом неизвестно. Если Эльза испугана, а Дитер

озабочен, они обязаны что-то предпринять — это точно. Пока они думают, что у нас есть на них дело, не все шансы потеряны. Пусть попытаются бежать, запаникуют, устроят переполох… Что угодно. Но необходимо действие с их стороны…

В зале снова была почти полная темнота, и все же краем глаза Смайли мог разглядеть, как Дитер склонился к Эльзе и стал шептать, что-то ей настойчиво внушая, успокаивая.

Между тем спектакль шел своим чередом, кричали солдаты, визжал сошедший с ума король. Все эти звуки оглашали театр до самого решающего момента притворной смерти. При этой сцене почти весь зрительный зал издал отчетливый вздох. Дитер обнял Эльзу за плечо одной рукой, а другой собрал складки ее тонкой накидки вокруг шеи, всей своей позой словно показывая, что желает защитить спутницу, как испуганного ребенка. Так они просидели до самого окончания спектакля. Дали занавес. Оваций не последовало. Дитер нашел сумочку Эльзы, сказал ей что-то ободряющее и положил сумочку ей на колени. Она едва заметно кивнула ему в ответ. Раздалась предупреждающая барабанная дробь перед традиционным исполнением национального гимна в конце спектакля. Смайли

инстинктивно поднялся и с удивлением заметил, что Мендель исчез. Дитер тоже медленно встал, и только тогда Смайли понял: что-то произошло. Эльза оставалась сидеть в кресле, и хотя Дитер, видимо, уговаривал ее подняться, никак на это не реагировала. Да и поза, в которой она сидела, казалась странной. Потом ее голова упала на грудь…

Звуки гимна еще звучали, когда Смайли выбежал за дверь, бросился вдоль коридора, а потом спустился по широким каменным ступеням в вестибюль. Но было уже поздно. Путь ему преградила толпа зрителей из той категории, которые готовы уйти раньше времени, лишь бы первыми поймать такси. Он лихорадочно искал глазами Дитера, но уже знал, что это дело безнадежное. Дитер поступил так, как поступил бы он сам, — воспользовался одной из аварийных дверей, вышел прямо на улицу и скрылся. Тараня встречных своим невысоким, плотным телом, Смайли пробился сквозь толпу к входу в зал, где заметил Гиллама, метавшегося в поисках Дитера и Эльзы. На его окрик Гиллам обернулся.

Все еще двигаясь против течения, они дошли до заднего ряда партера, где увидели Эльзу Феннан, по-прежнему сидевшую без признаков жизни,

в то время как уже все вокруг давно устремились к выходу. А потом раздался крик. Это был внезапный резкий и тонкий вопль, в котором смешались ужас и отвращение. В проходе, глядя на Эльзу, стояла девушка, совсем еще юная и очень красивая. Пальцы правой руки она прижала ко рту. У нее за спиной выросла высокая, осанистая фигура ее отца. Когда он понял, что случилось, то моментально ухватил дочь за плечи и увлек прочь от жуткого зрелища.

Накидка соскользнула с плеч Эльзы, а голова так и оставалась прижатой подбородком к груди.

Вот где Смайли оказался прав. «Пусть попытаются бежать, запаникуют, устроят переполох… Что угодно. Но необходимо действие с их стороны…» И вот какое действие последовало: это изломанное, а теперь еще и задушенное тело красноречивее всего свидетельствовало о том, насколько Дитер поддался панике.

— Тебе лучше сразу вызвать полицию, Питер. А я отправлюсь домой. Не хочу, чтобы мое имя фигурировало в этом деле. Где меня найти, ты знаешь. — Он кивнул и повторил, словно самому себе: — Я отправлюсь домой.

Стоял туман и лил довольно сильный дождь, когда Мендель быстро перебежал Фулем-Пэлас-

роуд, преследуя Дитера. Фары автомобиля внезапно появились из мокрой пелены в двадцати ярдах от него. В ненастье шум транспорта казался визгливым и каким-то особенно нервным.

Однако у Менделя не оставалось выбора, кроме как двигаться, не разбирая дороги, и сидеть «на хвосте» у Дитера, стараясь не отпускать его вперед дальше чем на двадцать шагов, чтобы не потерять из виду, а самому не попасть на глаза. Пабы и кинотеатры уже закрылись, но кофейни и танцевальные залы все еще привлекали посетителей, местами шумной гурьбой запруживавших тротуары. Видя хромавшего впереди Дитера, Мендель замерял расстояние между ним и собой по свету фонарных столбов, замечая, как высокий силуэт то пропадал из виду, то снова появлялся в очередном световом конусе.

Увечье не мешало Дитеру двигаться очень резво. Но когда он ускорял шаг, хромота делалась заметнее и создавалось впечатление, что левую ногу он может переставлять только мощным усилием всего плечевого пояса.

Примечательным было и выражение лица Менделя. Оно отражало не ненависть, не решительную настойчивость, а откровенное омерзение. Для Менделя все сложности и тонкости профес-

сии Дитера не значили ровным счетом ничего. В поле зрения он видел сейчас только грязного преступника, подонка и труса, который платил подручным за убийства. Когда в зрительном зале Дитер незаметно отделился от остальной аудитории и направился к пожарному выходу, Мендель увидел лишь то, что и ожидал увидеть как полицейский: заурядную попытку преступника уйти от наказания. Это было предсказуемо и понятно. Мендель не делил криминальный мир на классы. Для него воришка-карманник и крупный корпоративный воротила, присваивавший огромные суммы, были одного поля ягодами. Они преступили закон, и его, Менделя, не слишком приятная, но необходимая задача заключалась в том, чтобы посадить их за решетку. И что из того, если этой ночью ему пришлось иметь дело с немцем?

Туман стал плотнее и приобрел чуть желтоватую окраску. Ни на том, ни на другом не было верхней одежды. «Как там сейчас миссис Феннан?» — подумал Мендель. Ничего. Гиллам о ней позаботится. Странно только, что она даже не проводила Дитера взглядом, когда тот совершал побег. Впрочем, она вообще странная особа. Кожа да кости, но держится неплохо, хотя, похоже, питается одними крекерами и бульонами из

кубиков.

Дитер резко свернул направо в переулок, а потом налево в другой. Они шли вот так уже почти час, но немец и не думал замедлять ход. Переулок казался совершенно вымершим. По крайней мере Мендель точно не слышал звуков других шагов. Только их собственные — четкие и сбивчивые, и их эхо заметно искажал туман. По обе стороны тянулись почти сплошь Викторианской эпохи дома, местами обновленные в стиле ридженси с тяжеловесными фасадами и подъемными оконными рамами. По прикидкам Менделя, они находились в районе Фулем-Бродвей, а быть может, уже и дальше — на подходе к Кингз-роуд. Но Дитер неутомимо двигался вперед, его искривленная фигура рассекала туман уверенно и как будто даже целеустремленно.

Когда они снова приблизились к перекрестку с крупной магистралью, Мендель услышал тот же заунывный шум транспортного потока, в котором машины двигались чуть ли не на ощупь. Порой движение вообще замирало. Затем прямо у них над головой мрак чуть рассеял бледный свет уличного фонаря, лампа которого в туманной ауре напоминала нечто вроде зимнего солнца. Дитер секунду колебался, стоя на краю

тротуара, а потом, презрев опасность угодить под колеса одного из почти невидимых автомобилей, поспешно пересек дорогу, нырнув затем в очередной из многочисленных узких переулков, которые, как Мендель знал наверняка, все вели вниз к реке.

Одежда Менделя промокла насквозь, по щекам стекали тонкие струйки дождя. Теперь они уже точно подошли к самой реке; ему казалось, что до него доносятся запахи смолы и кокса, а телом он начал ощущать вечный холод, исходивший от темных вод Темзы. На мгновение он решил, что потерял Дитера из виду. Быстро рванулся вперед, споткнулся о бордюрный камень, прошел еще немного вперед и увидел перед собой стальное ограждение набережной. Ступени вели к воротам, которые оказались чуть приоткрыты. Встав рядом с ними, он посмотрел вниз. Отсюда к воде спускались крепкие деревянные сходни, и Мендель услышал, как скрытый туманом Дитер следует этим необычным путем — его неровные шаги эхом разносились по округе. Выждав немного, Мендель осторожно и почти бесшумно тоже спустился по сходням. Это была не времянка, а основательно сработанный трап с сосновыми перилами по обеим сторонам, и

Мендель понял, что сделали этот спуск к воде уже довольно давно. Закачивался он чем-то вроде примитивного дебаркадера из нескольких пустых топливных бочек, накрытых настилом из досок. К этому плоту-пристани были пришвартованы три примитивных плавучих домика, которые тихо покачивались на воде, едва различимые в тумане.

Мендель беззвучно прокрался по настилу, рассматривая каждый из домиков-барж по очереди. Два из них оказались соединены вместе переброшенными между ними досками. Третий располагался футах в пятнадцати позади, и в его каюте горел свет. Мендель вернулся на набережную, слегка прикрыв за собой воротца.

Потом он медленно пошел вдоль мостовой, все еще не до конца уверенный, где именно находится. Минут через пять дорога повернула вправо и плавно пошла в гору. Он догадался, что поднимается на мост. Щелкнув зажигалкой, Мендель в длинном языке ее пламени разглядел сначала только камни, а потом и грязноватую металлическую табличку с названием: мост Баттерси. Вернувшись к проходу в ограждении, он окончательно сориентировался на местности.

Где-то правее его прятались в тумане четыре

массивные трубы фулемской тепловой электростанции. Слева протянулась Чейни-уок с длинными рядами дорогих яхт у настоящих причалов. А он стоял как раз в том месте, где проходила граница между богатством и бедностью, где Чейни-уок встречалась с Лотс-роуд — одной из самых уродливых улиц во всем Лондоне. Ее южная часть была застроена складами, верфями и мельницами, а по северной стороне ютились более похожие на лачуги дома, типичные для этой части Фулема.

Стало быть, прямо под сенью труб электростанции и не более чем в шестидесяти футах от богатых причалов Чейни-уок нашел для себя потайное убежище Дитер. Менделю это место было хорошо знакомо еще по одной причине. Всего в нескольких сотнях ярдов выше по течению из мутных вод Темзы были выловлены останки Адама Скарра.

Глава 16
Эхо в тумане

Уже давно перевалило за полночь, когда в доме Смайли зазвонил телефон. Он поднялся из кресла, стоявшего у камина, и поплелся наверх в спальню, крепко держась правой рукой за перила. Это наверняка был Питер или полиция, и теперь ему придется выступить с официальным заявлением. Или даже кто-то из прессы. Убийство произошло достаточно рано, чтобы сообщения о нем попали в завтрашние газеты, но, к счастью, слишком поздно, чтобы его мусолили в утренних новостях телевизионщики. Какие будут заголовки? «Маньяк-убийца в театре»? «Таинственная смерть неизвестной женщины»? Он ненавидел газеты такой же лютой ненавистью, как рекламу и телевидение вообще. Он ненавидел все средства массовой информации — неизлечимую чуму двадцатого столетия. Все, чем он восхищался или любил, было интимно и индивидуально. Вот почему он так ненавидел сейчас Дитера, как никогда сильно презирал его извечную веру, что личность всегда следует приносить в жертву,

если это в интересах масс. Где и когда массовая философия порождала мудрость или приносила благо? Для Дитера отдельная человеческая жизнь не представляла ценности: в мечтах ему виделись армии безликих мужчин и женщин, которых связывает между собой только общность самых примитивных целей; он стремился сформировать мир как идеальной формы дерево, отсекая от него все, что выбивалось из ровной кроны. Именно для этого он воспитывал бездумные и бездушные автоматы, подобные Мундту. Тот как раз и был прообразом безликой армии Дитера, отменно обученный убийца и производитель еще более совершенной породы убийц.

Он снял трубку и назвал свой номер. Это был Мендель.

— Где ты?

— Рядом с набережной Челси. Паб называется «Воздушный шар», на Лотс-роуд. Хозяин — мой друг. Я разбудил его среди ночи… Послушай, приятель Эльзы затаился в плавучем доме, пришвартованном рядом с местной мукомольней. Чудо, что он сумел туда добраться. В этом тумане ходить — как читать по Брайлю.

— О ком ты?

— О ее дружке. Который был с ней в театре. Что

с вами, мистер Смайли? Проснитесь же наконец!

— Ты выследил Дитера?

— А то! Ведь ты так и сказал Гилламу, верно? Он должен был присматривать за женщиной, а я — за мужчиной… Кстати, как дела у Гиллама? Как поживает наша Эльза?

— Никак. Она была уже мертва, когда Дитер скрылся. Мендель, ты слушаешь? Как, черт возьми, мне тебя найти? Что это за место? Оно известно полиции?

— Разумеется. Скажи им, что это переделанная под жилье баржа под названием «Сансет хейвен». Она стоит на приколе у восточной стороны верфи Сеннен, между мельницей и фулемской электростанцией. Они найдут ее… Хотя туман густой. Дьявольски густой.

— Где мы с тобой встретимся?

— Поезжай вдоль реки. Я буду ждать тебя у северной оконечности моста Баттерси.

— Приеду сейчас же. Только позвоню Гилламу.

У Смайли где-то хранился пистолет, и он подумал было прихватить его с собой. Но потом решил, что в этом нет смысла. И кроме того, ему устроят дикий скандал сами же власти[12], если

---

[12] Примечания: 12
Привет *(нем.)*.

он пустит его в ход. Он позвонил Гилламу домой, передал информацию от Менделя и добавил:

— Питер, передай им, чтобы перекрыли все порты и аэровокзалы. Особенно тщательно пусть следят за водными артериями и проверяют все суда, выходящие в море. Впрочем, их этому учить не надо.

Он надел старый макинтош, натянул плотные кожаные перчатки и поспешил выйти на окутанную туманом улицу.

Полицейский ждал у моста. Они кивнули друг другу, и Мендель быстрым шагом повел его вдоль набережной, держась между оградой набережной и рядом высаженных вдоль нее деревьев. Внезапно Мендель остановился и предостерегающе ухватил за рукав Смайли. Они замерли, вслушиваясь. А потом Смайли тоже расслышал эти звуки — гулкие шаги по дощатому настилу, нестройные шаги хромого. Раздался скрип железной калитки, а потом звон, когда она закрылась. И снова шаги, но теперь уже по асфальту. Они делались громче, приближаясь к ним. Смайли затаил дыхание, одновременно пристальнее всматриваясь в туман, стремясь проникнуть в него хотя бы на ярд глубже, чтобы быстрее увидеть фигуру, которая пока скрывалась за ним.

А потом он внезапно выскочил прямо на них, подобно дикому зверю, разметав в стороны, как детей, и побежал дальше, снова поглощенный туманом. Только эхо шагов гулко отдавалось в ночи. Они пришли в себя и бросились за ним. Мендель бежал чуть впереди, а Смайли следовал по пятам, стараясь двигаться как можно быстрее, все еще под впечатлением от того, как Дитер с пистолетом в руке вылетел на них из пелены тумана. Тень Менделя впереди резко свернула вправо. Смайли слепо повторил его маневр. Затем ритм бега внезапно нарушили звуки борьбы. Смайли сделал еще несколько шагов и отчетливо услышал звук, который ни с чем невозможно было спутать — тяжелый удар металла по человеческому черепу. Через секунду он разглядел их. Мендель лежал на земле, а Дитер склонился над ним, уже поднимая оружие, чтобы еще раз ударить в висок рукояткой массивного автоматического пистолета.

Смайли никак не мог отдышаться. Его грудь горела от горького, пропитанного туманом воздуха, во рту тоже ощущались жар и сухость, а еще почему-то привкус крови. Едва восстановив дыхание, он в отчаянии выкрикнул:

— Дитер!

Фрей посмотрел на него, кивнул и ответил:

— Servus[13], Джордж! — И нанес Менделю еще один тяжелый и жестокий удар рукояткой пистолета. Потом медленно выпрямился во весь рост. Пистолет был опущен, но Дитер уже взялся за него обеими руками и начал поднимать ствол.

Смайли инстинктивно бросился на него, начисто забыв, что никогда не владел приемами рукопашного боя, размахивая короткими руками и растопырив ладони. Его голова находилась на уровне груди Дитера, которого он молотил по спине и бокам почти без всякого эффекта. Но Смайли был в бешенстве и неожиданно обнаружил, сколько сил может бешенство придать человеку. Он пер на Дитера, заставляя того пятиться к самой ограде моста, где хромая нога неожиданно подвернулась. Смайли чувствовал, как Дитер наносит ему удар за ударом, но смертельного так и не последовало. Он орал на Дитера:

— Свинья! Свинья!

А когда немец пошатнулся, обнаружил, что руки у него опять свободны, чтобы попытаться еще раз вцепиться ему в лицо, ударить неуклю-

---

[13] Примечания: 13
Привет *(нем.)*.

же, по-детски. В момент, когда Дитер отклонился назад, перед Смайли вдруг возникли его неприкрытое горло и подбородок, и тогда он изо всех сил выбросил кулаки вперед. Дитер сдавливал Смайли шею, но потом ему вдруг пришлось ухватить противника всего лишь за воротник, только бы избежать падения через балюстраду моста. Смайли последним отчаянным усилием стряхнул его руки, и вот они уже не находили опоры, а Дитер перевалился через ограду и падал, падал в клубившийся под мостом туман. Потом наступила странная тишина. Ни крика, ни всплеска воды. Он исчез. Стал человеческим жертвоприношением лондонскому туману и черной воде, скрывавшейся под ним.

Смайли перегнулся и посмотрел вниз. В голове у него громко стучало, из носа обильно текла кровь, сломанные пальцы правой руки бессильно повисли. Перчатки куда-то пропали. Он вглядывался в туман, но ничего не мог разглядеть.

— Дитер! — позвал он, все еще не в силах мыслить разумно. — Дитер!

Он бы кричал еще, но поперхнулся рыданием, и слезы хлынули из глаз.

— О Боже! Что я наделал? Господи, Дитер! Почему ты не остановил меня? Почему не ударил

пистолетом, почему не выстрелил?

Он прижал руки к лицу, ощущая на губах соленую кровь, смешавшуюся с такими же солеными слезами. Опершись на балюстраду, он продолжал плакать, как осиротевшее дитя. А прямо под ним калека, растерянный и выбившийся из сил, отчаянно пытался вырваться из темной и холодной пучины, но она не отпускала, затягивая его все глубже.

Он очнулся и увидел, что на краю его постели сидит Питер Гиллам и разливает по чашкам чай.

— О, Джордж! Пора просыпаться. Уже два часа дня.

— А что было утром?

— Этим утром, друг мой, вы распевали хоралы на мосту Баттерси вместе с товарищем Менделем.

— С Менделем? Кстати, как он там?

— Ему, конечно, справедливо стыдно за себя, но он быстро оправляется.

— А Дитер?

— Мертв.

Гиллам подал ему чашку и миндальный бисквит из «Фортнумса».

— Давно ты уже здесь, Питер?

— Если вдаваться в подробности, то мы совер-

шили два тактических маневра. Сначала тебя отвезли в больницу Челси, где тебе зализали раны и вкололи добрую дозу снотворного. А затем мы приехали сюда, и я уложил тебя в постельку. Не скажу, чтобы процедура раздевания мне понравилась. После чего мне пришлось сесть на телефон и, если можно так выразиться, показать нашим коллегам, где им необходимо навести порядок. Впрочем, я не забывал проведывать тебя. Купидон и Психея. Причем ты либо храпел, как лошадь, либо декламировал в бреду из Уэбстера.

— Боже!

— Что-то из его пьесы «Герцогиня Мальфи», как мне показалось. «В безумии просила я тебя убить столь милого мне друга, и ты послушался…» Чудовищная чушь, если честно, Джордж.

— Как полицейские нашли нас с Менделем?

— Ты, быть может, не помнишь, как поносил Дитера последними словами во всю глотку…

— Ах, конечно. Меня услышали.

— Да, услышали.

— А что Мастон? Он что-нибудь говорил по этому поводу? Что он думает?

— По-моему, он выразил желание увидеться с тобой. Просил передать, чтобы ты зашел, как только придешь в нормальное состояние. Что же

до его мыслей, то мне они не известны, если таковые вообще присутствуют. Чего тут думать-то?

— То есть как это?

Гиллам налил ему еще чая.

— А ты сам пораскинь мозгами, Джордж. Все три главных героя этой маленькой сказочки пошли на корм медведям. Никаких утечек секретной информации за последние шесть месяцев зафиксировано не было. Неужели ты полагаешь, что Мастону захочется копаться в деталях? Или ты думаешь, он горит желанием сообщить МИДу эти хорошие новости, а заодно признать, что мы умеем ловить шпионов, только если случайно спотыкаемся об их трупы?

В дверь позвонили, и Гиллам спустился вниз, чтобы открыть. Не без некоторой тревоги Смайли услышал, как он впустил гостя в прихожую, потом приглушенные голоса и, наконец, шаги вверх по лестнице. В дверь спальни постучали, и вошел Мастон. Он принес с собой букет таких невероятных размеров, словно только что побывал на выставке цветов. Сегодня пятница, вспомнил Смайли. Значит, вечером он устроит очередной прием в Хенли. При этом Мастон широко улыбался. Улыбку он успел нацепить, еще поднимаясь по лестнице.

— Джордж, старина! Всегда в бою.

— Да, боюсь, что так. Еще один несчастный случай.

Мастон скромно уселся на краешек постели, но устроился поудобнее, склонившись назад так, что рука уперлась в матрац по другую сторону ног хозяина.

После тягостной паузы он спросил:

— Вы получили мою записку, Джордж?

— Да.

Новая пауза.

— Ходят разговоры о создании в нашем ведомстве нового отдела, Джордж. Мы (то есть, конечно же, наше управление) чувствуем необходимость в развитии новых технологий. Особый интерес представляет космическая разведка. Должен с удовлетворением отметить, что и министерство внутренних дел поддерживает эту идею. Гиллам любезно согласился поделиться опытом и выдвинуть кандидатуру руководителя. Не согласитесь ли вы взяться за эту работу? Возглавить все дело. Разумеется, с соответствующим повышением и возможностью продолжать свою деятельность по достижении пенсионного возраста. В этом вопросе наш отдел кадров полностью на моей стороне.

— Спасибо… Но не мог бы я сначала обдумать

предложение?

— Конечно, конечно. — Мастон явно ожидал другой реакции. — Когда вы сможете информировать меня о своем решении? Нам, вероятно, понадобится подобрать новый персонал, если речь зайдет о спутниках и прочей технике… Подумайте в выходные, а в понедельник жду вашего ответа. Кстати, и министр хотел бы…

— Да. Я вас информирую. Это очень интересное предложение. Спасибо.

— Не за что. Кроме того, вы же знаете, что я всего лишь Советник, Джордж. Решение принималось коллегиально. А я лишь принес вам хорошие новости. Выполнил роль посыльного, не более того.

Затем Мастон пристально посмотрел на Смайли и после некоторого колебания сказал:

— Я посвятил кабинет министров в некоторые подробности дела, насколько счел это целесообразным. Мы обсудили, что следует предпринять. Министр внутренних дел тоже присутствовал.

— Когда это было?

— Нынешним утром. Был поднят ряд очень серьезных вопросов. Мы рассматривали возможность вынесения ноты протеста правительству Восточной Германии и требования высылки из

страны этого Мундта.

— Да, но мы не признали ГДР и не имеем с этой страной дипломатических отношений.

— Вот именно. Возникла загвоздка. Однако протест может быть передан и через третью сторону.

— Например, через Россию?

— Да, через Россию. Но в данном случае ряд факторов заставил нас воздержаться от подобного шага. По общему мнению, любая огласка в какой бы то ни было форме в конечном счете может негативно отразиться на наших собственных интересах. Уже сейчас в обществе наблюдается рост движения против перевооружения Западной Германии. Мы пришли к соглашению, что публикация материалов о любых действиях немцев против Великобритании — пусть даже за ними стоят русские — может только усилить подобные настроения. Ведь никаких доказательств, что Фрей действовал от имени русских, обнаружено не было. И в глазах публики он может предстать неким агентом объединенной Германии, совершившим преступления на территории нашей страны.

— Понятно.

— В настоящее время лишь весьма ограничен-

ный круг лиц осведомлен о случившемся. И в этом смысле нам повезло. От имени полиции министр внутренних дел заявил, что они всеми силами будут стремиться принизить значение происшедших событий… Кстати, этот Мендель? Что он собой представляет? Ему можно доверять?

Одного этого вопроса было бы достаточно, чтобы Смайли возненавидел Мастона на всю жизнь.

— Да, безусловно.

— Вот и отлично. — Мастон поднялся. — Просто отлично. Что ж, мне пора перейти к другим делам. Могу я чем-то вам помочь?

— Нет, спасибо, Гиллам хорошо за мной присматривает.

Мастон встал в дверях.

— Всего хорошего, Джордж. Примите новую должность, мой вам совет, — произнес он быстро, но с очаровательной улыбкой, словно это действительно многое для него значило.

— Спасибо за цветы, — поблагодарил Смайли.

Дитер был мертв, и он убил его. Сломанные пальцы правой руки, ломота во всем теле, жуткая головная боль и тошнотворное чувство вины — все напоминало об этом. Дитер не стал стрелять, памятуя об их прежней дружбе. А Смайли забыл о ней. Они боролись, словно в облаке, рядом с

водным потоком, на поляне среди леса безвременья. Встретились два друга, а сцепились, как два зверя. Дитер помнил, а Смайли нет. Они пришли из двух разных полушарий полуночи, из двух разных миров с различными мировоззрениями и принятыми нормами морали. Дитер — живой, подвижный, безапелляционный — сражался, чтобы построить иную цивилизацию. А Смайли — рационалист и охранитель устоев — боролся, чтобы помешать ему.

— О Господи, — сказал Смайли вслух, — так кто же из нас проявил себя как джентльмен?

Он с трудом выбрался из постели, начал одеваться и, стоя, даже почувствовал себя немного лучше.

Глава 17
Уважаемый советник

Уважаемый господин советник!

Я рассмотрел предложение отдела кадров о назначении на более высокую должность в нашем ведомстве. Сожалею, что на это потребовалось столь длительное время, но, как Вы знаете, я в последнее время был нездоров и, кроме того, был вынужден уладить целый ряд личных проблем, которые не входят в компетенцию нашей Организации.

Поскольку я не до конца восстановился после длительного недомогания, то посчитал бы самонадеянностью со своей стороны принять указанное предложение.

Прошу Вас лично довести это до сведения отдела кадров.

Уверен, Вам понятны мотивы моего решения.

Ваш

Джордж Смайли

Дорогой Питер!

К сему я прилагаю меморандум по делу Феннана. Это единственный экземпляр. Ознакомившись

с ним сам, передай его, пожалуйста, Мастону. Мне показалось важным изложить детально даже те события, которые якобы на самом деле не происходили вовсе.

Всегда твой Джордж

Дело Феннана

В понедельник 2 января я провел беседу с Сэмюэлом Артуром Феннаном, высокопоставленным сотрудником министерства иностранных дел, чтобы выяснить обоснованность выдвинутых против него обвинений, содержавшихся в анонимном письме. Беседа была организована в соответствии с принятой процедурой, то есть с разрешения представителей МИДа. Мы не владели никакой информацией, компрометирующей Феннана, за исключением его симпатий к коммунистам в Оксфорде в тридцатые годы, которым не придавалось особого значения. А потому собеседование в каком-то смысле становилось с нашей стороны чистой формальностью.

Кабинет Феннана в МИДе мы сочли неудобным местом для откровенного разговора, а потому перенесли его в парк Сент-Джеймс, чему способствовали благоприятные погодные условия.

Как выяснилось впоследствии, во время встре-

чи мы были опознаны и находились под наблюдением агента разведки Восточной Германии, который сотрудничал со мной во время войны. Осталось невыясненным, было ли наблюдение за Феннаном установлено целенаправленно или же агент оказался в парке в одно время с нами случайно.

В ночь на 3 января полиция графства Суррей зафиксировала самоубийство мистера Феннана. В отпечатанной на машинке и подписанной покойным записке утверждалось, что причиной самоубийства были ложные обвинения, выдвинутые против него службой безопасности министерства обороны.

Однако в ходе расследования вскрылись нижеследующие факты, которые наводили на мысль, что было совершено преступление:

1. В 19.55 в вечер своей смерти Феннан сделал заказ на местной телефонной станции с просьбой позвонить ему в 8.30 на следующее утро.

2. Незадолго до смерти Феннан приготовил себе чашку какао, которое, однако, не выпил.

3. Предполагалось, что он застрелился в прихожей у подножия лестницы. Записка лежала рядом с телом.

4. Представляется маловероятным, что он сам

напечатал предсмертную записку, поскольку пользовался пишущей машинкой крайне редко. Еще более странным выглядит следующее обстоятельство: для того чтобы покончить с собой, ему понадобилось спуститься в прихожую.

5. В день своей смерти он отправил мне письмо с настоятельной просьбой непременно встретиться с ним на следующий день и отобедать в одном из ресторанов на Марлоу.

6. Позже выяснилось также, что Феннан попросил на работе предоставить ему внеочередной выходной день на среду 4 января. Причем жену он в известность об этом не поставил.

7. Экспертами было отмечено, что предсмертную записку отпечатали на собственной машинке Феннана. И особенности ее шрифта совпадают с такими же особенностями в тексте анонимного письма. Лабораторный анализ показал, однако, что, хотя оба письма отпечатаны на одной машинке, их авторами были разные люди.

Когда миссис Феннан, которая в вечер смерти мужа находилась в театре, попросили объяснить заказанный на 8.30 утра телефонный звонок, она солгала, заявив, что заказала его сама. Сотрудники телефонной станции полностью изобличили ее ложные показания. Миссис Феннан утвержда-

ла, кроме того, что после беседы с сотрудником службы безопасности ее муж находился в состоянии тревоги и крайней подавленности, чем стремилась подкрепить содержание его «предсмертного письма».

Ближе к вечеру 4 января после моих встреч с миссис Феннан я вернулся к себе домой в Кенсингтон. Заметив сквозь окно постороннее присутствие в доме, я позвонил в дверь. Мне открыл мужчина, который, как установлено сейчас, является сотрудником разведывательной службы Восточной Германии. Он пригласил меня войти, но я отклонил предложение и вернулся к своей машине, запомнив по пути номера нескольких автомобилей, припаркованных рядом с моим домом.

В тот же вечер я нанес визит в небольшой гараж в Баттерси, чтобы установить происхождение одного из этих автомобилей, который был зарегистрирован на имя владельца гаража. При этом я подвергся нападению неизвестного преступника и был избит до бессознательного состояния. Тремя неделями позже сам владелец гаража, Адам Скарр, был найден мертвым в водах Темзы поблизости от моста Баттерси. Скарр утонул, будучи в нетрезвом состоянии. На его теле не обнаружили

следов насилия, и он был известен как человек, сильно пьющий.

Для нашего дела важно отметить, что в последние четыре года Скарр сдавал машину в аренду неизвестному иностранцу, за что получал более чем щедрое денежное вознаграждение. Договор между ними предусматривал сохранение в тайне личности нанимателя автомобиля даже от самого Скарра, который знал своего клиента только под кличкой Блондинчик, а связь мог поддерживать исключительно по телефону. Необходимо отметить, что данный телефон принадлежал представительству сталелитейной промышленности ГДР.

В ходе расследования было проверено алиби миссис Феннан на вечер смерти мужа, и в результате вскрылись важные факты:

1. Миссис Феннан посещала спектакли репертуарного театра в Уэйбридже дважды в месяц — в первый и третий вторник. (N.B.: Клиент Адама Скарра забирал прокатную машину из гаража также в первый и третий вторник каждого месяца.)

2. Она всегда привозила с собой папку с нотами и оставляла ее в гардеробе театра.

3. При посещении театра она неизменно встре-

чалась с мужчиной, чья внешность, по словам свидетелей, совпадает с внешностью напавшего на меня преступника и одновременно клиента мистера Скарра. Одна из сотрудниц театра даже ошибочно посчитала этого мужчину мужем миссис Феннан. Он тоже приносил с собой папку с нотами, которую оставлял в гардеробе.

4. В вечер смерти мужа миссис Феннан покинула театр раньше окончания спектакля, поскольку ее обычный спутник не явился на встречу, причем забыла забрать из гардероба нотную папку. Позже в тот же вечер она позвонила в театр и попросила вернуть ей папку, хотя квитанцию от нее якобы потеряла. За папкой приехал тот же мужчина, который регулярно встречался с миссис Феннан.

К тому времени уже было установлено, что данный мужчина является сотрудником представительства сталелитейной промышленности Восточной Германии по фамилии Мундт. Руководителем этой торговой миссии был герр Дитер Фрей, во время войны сотрудничавший с нашей разведкой и имевший обширный опыт оперативной работы. После войны он поступил на государственную службу в советской оккупационной зоне Восточной Германии. Необходимо

отметить, что в военное время Фрей действовал во взаимодействии со мной на вражеской территории, показав себя блестящим и опытным агентом.

После этого я решил провести третью беседу с миссис Феннан, в ходе которой она не выдержала нервного напряжения и призналась, что являлась курьером, обслуживая шпионскую миссию своего мужа, который был завербован Фреем во время отпуска в горах пять лет назад. Сама она участвовала в этом против воли отчасти из любви к мужу, отчасти исходя из желания уберечь его от ошибок, к которым могла привести свойственная ему рассеянность. Фрей видел, как Феннан беседовал со мной в парке. Зная меня все еще как офицера службы безопасности, Фрей пришел к выводу, что Феннан либо находится под подозрением британских властей, либо уже играет роль двойного агента. По его заданию Мундт ликвидировал Феннана, а его жену принудила к молчанию собственная вовлеченность в шпионскую деятельность. Она даже собственноручно напечатала «предсмертное письмо» мужа на листе бумаге, ранее подписанном Феннаном.

Способ, с помощью которого она передавала Мундту разведывательные материалы, добытые

мужем, имеет непосредственное отношение к делу. Оригиналы и копии документов она помещала в папку для нот, которую брала с собой в театр. Мундт приносил аналогичную папку, содержавшую деньги и дальнейшие инструкции, также оставляя ее в гардеробе. Затем им оставалось лишь обменяться гардеробными квитанциями. Когда Мундт не появился в театре в вышеупомянутый вечер, миссис Феннан, следуя полученным ранее указаниям, отправила квитанцию срочной почтой по адресу в Хайгейте. Она покинула спектакль раньше окончания, чтобы успеть ко времени последней отправки корреспонденции из Уэйбриджа. Когда позже в тот вечер Мундт спросил, где ее нотная папка, она объяснила ему, как вынуждена была поступить. Мундт настоял на том, чтобы забрать папку сразу, поскольку возвращение в Уэйбридж в его дальнейшие планы не входило.

Когда на следующее утро я допросил миссис Феннан, мой вопрос по поводу звонка в 8.30 настолько встревожил ее, что она позвонила Мундту. Это и объясняет попытку ликвидировать меня в тот же день.

Миссис Феннан под давлением с моей стороны сообщила адрес и номер телефона, которые она

использовала для контактов с Мундтом (она знала его под оперативным псевдонимом Фрайтаг). И адрес, и телефон привели к квартире, нанятой восточногерманским пилотом, который часто предоставлял ее в распоряжение Мундта. Сам пилот (по всей вероятности — один из курьеров разведки ГДР) на территории нашей страны после 5 января не появлялся.

К этому, таким образом, сводились показания миссис Феннан, которые в конечном счете заводили нас в тупик. Шпион был мертв, его убийца исчез. Нам оставалось лишь оценить размер нанесенного стране ущерба. По нашему запросу мистер Феликс Тавернер из МИДа провел анализ материалов, которые могли попасть в руки противника. Прежде всего это касалось документов, к которым имел доступ Феннан со времени своей вербовки Фреем. И, как выяснилось, к нашему немалому удивлению, немецкая разведка практически не получала через него доступа к секретным данным. Феннан не стремился заручиться закрытой информацией, если она не касалась деятельности его собственного отдела. Более того, с тех пор как шесть месяцев назад его доступ к секретным документам существенно расширился, он вообще не выносил с работы ни-

каких досье, которые можно было бы отнести к категории содержавших государственные тайны. Материалы, которые он брал на дом в этот период, носили исключительно локальный характер и не имели грифа «секретно». Это противоречило взгляду на Феннана как на агента иностранной разведки. Впрочем, сохранялась вероятность, что он им какое-то время являлся, но затем решил оборвать связи с вражеской агентурой. В этой связи представляется вероятным, что он сам написал анонимное письмо, чтобы привлечь к себе внимание контрразведки Британии.

В данном контексте необходимо упомянуть еще о двух существенных фактах. Под вымышленным именем и по фальшивому паспорту Мундт покинул нашу страну в тот же день, когда миссис Феннан сделала мне свои признания. Ему удалось проникнуть на борт самолета, но позже он был опознан сотрудницами авиакомпании. Кроме того, в ежедневнике Феннана были открыто упомянуты имя и контакты Дитера Фрея — слишком очевидное нарушение элементарных принципов шпионажа.

Было трудно понять, почему Мундт задержался в Великобритании на долгие три недели после убийства Скарра, но еще труднее объяснить, ка-

ким образом роль, приписанная мужу его женой, была совместима с его полнейшей пассивностью в работе с секретными материалами. Неоднократное рассмотрение и изучение данных следствия подвело нас к выводу: единственным подтверждением шпионской деятельности Феннана были показания его супруги. Если бы ее признания соответствовали действительности, она была бы устранена Фреем и Мундтом, как и все, кто располагал опасной для них информацией.

И тогда возник вопрос: а не была ли шпионкой она сама?

Это объяснило бы время бегства из страны Мундта — он вылетел в Восточный Берлин, как только миссис Феннан заверила, что я «клюнул» на ее ложные признания. Это легко пролило бы свет на запись фамилии и номера телефона в ежедневнике Феннана: для него Дитер Фрей был всего лишь знакомым любителем прогулок в горах и, быть может, порой гостем их дома в Уоллистоне. Находит объяснение и еще одна странность — выбор Феннаном материалов, которые он приносил с работы. Уже получив доступ к действительно секретной информации, он намеренно брал с собой только ничего не значившие досье, потому что начал подозревать жену в шпионаже. Для

того он, видимо, и решился встретиться со мной повторно на Марлоу, чтобы поделиться этими подозрениями, когда понял, что может мне доверять. Для этого он попросил предоставить ему свободный от работы день, но ничего не сказал жене. Анонимку на самого себя он явно написал с одной целью — вступить в первичный контакт со службой безопасности, чтобы в дальнейшем разоблачить жену.

Если взглянуть на миссис Феннан с этой точки зрения, то бросаются в глаза ее исключительная эффективность и точность в выполнении полученных заданий, которые плохо вяжутся с ее утверждениями, что она являлась всего лишь невольной соучастницей в предательской деятельности своего мужа.

Однако, даже заподозрив миссис Феннан в шпионаже, мы все еще не имели оснований полагать, что ее показания о случившемся в ночь убийства Феннана тоже были лживыми. Если бы она заранее знала о намерении Мундта убить ее мужа, то не взяла бы с собой в театр папку с нотами и не стала бы посылать квитанцию из гардероба по почте.

Добыть доказательства против нее не представлялось возможным, не активировав ее контакта

с непосредственным куратором. Во время войны Фрей разработал хитроумную систему кодов для связи в экстренных ситуациях с использованием либо фотографий, либо почтовых открыток. Суть сообщения заключалась в изображении. Религиозный сюжет — образ Мадонны или фотография церкви — содержал просьбу о срочной личной встрече. В ответ получатель открытки отправлял вполне невинное письмо. Необходимо было только точно датировать его. Тогда рандеву происходило в условленное время и в условленном месте ровно через пять дней после отправки письма.

Существовала вероятность, что Фрей, чьи методы мало изменились со времен войны, все еще придерживался этой системы, прибегать к которой в новых условиях в любом случае приходилось крайне редко. В надежде на это я отправил Эльзе Феннан открытку с изображением Вестминстерского аббатства. Причем использовал почтовое отделение в Хайгейте. У меня были основания полагать: она поверит, что отправителем был непосредственно Дитер Фрей. И она отреагировала немедленно, послав по неизвестному адресу за границей билет на театральный спектакль в Лондоне, который должен был состо-

яться ровно через пять дней. Послание миссис Феннан достигло Фрея, который воспринял его как просьбу о встрече. Поскольку Мундт уже был скомпрометирован «признанием» миссис Феннан, ему не оставалось ничего, кроме как приехать самому.

Так они и встретились в театре «Шеридана» в Хаммерсмите на спектакле 15 февраля.

Поначалу каждый из них предполагал, что инициатором встречи был другой, но как только Фрей осознал, что его завлекли в театр обманом, он пошел на крайние меры. Вероятно, он заподозрил, что миссис Феннан предала его, что он в ловушке и под наблюдением. Этого мы уже никогда не узнаем. Как бы то ни было, но он убил ее. Примененный им метод описан в отчете патологоанатома так: «Однократное сдавливание трахеи с переломом щитовидного хряща, приведшее к мгновенной смерти, — прием профессиональных убийц».

Затем Фрея отследили до его тайного убежища в плавучем доме в районе Чейни-уок, где, оказывая сопротивление при аресте, он погиб, утонув в реке, откуда позже был извлечен его труп.

Глава 18
Меж двух миров

По воскресеньям мало уважаемый клуб Смайли обычно пустовал, но миссис Стерджон все равно держала двери открытыми на случай, если кому-то из джентльменов захочется заглянуть на огонек. К членам клуба она относилась с такой властной нежностью, как и к своим жильцам в тот период, когда еще сдавала комнаты студентам Оксфорда, где требовала от юношей больше почтительного уважения, чем весь профессорско-преподавательский состав, вместе взятый. Впрочем, простить она могла любое прегрешение, но только каждый раз давала понять, что прощает впервые, единожды и в последний раз. Все помнили случай, когда она покарала Стида-Эспри десятью шиллингами за то, что он притащил с собой без предупреждения сразу семерых гостей. Но зато какой незабываемый ужин она им потом закатила!

Сегодня они расположились за тем же столиком, что и прежде. Мендель выглядел еще более осунувшимся и как будто немного постаревшим.

За едой он почти не разговаривал, орудуя ножом и вилкой с той же точностью, с какой умел владеть любыми инструментами. Гилламу приходилось говорить за троих, потому что Смайли тоже казался не слишком расположенным к беседе. Но к этому времени все трое уже чувствовали себя настолько уютно в обществе друг друга, что каких-то особых слов и не требовалось.

— Зачем она это делала? — неожиданно спросил Мендель.

Смайли медленно покачал головой:

— Мне кажется, я знаю, хотя это все равно только догадки. По-моему, она мечтала о мире, где не будет конфликтов, о доктрине, которая гарантирует мир и порядок для всех. Я рассердил ее, и она выкрикнула: «Я — Вечная Жидовка — всегда на ничейной земле и под огнем с двух сторон там, где вы играете в солдатики!» Она видела возрождение новой Германии на старых принципах, возвращение тщеславного шовинизма. Ей было трудно это пережить, видя всю тщетность пережитых страданий, наблюдая, как процветают те, кто ее угнетал. Она же сказала, что они познакомились с Дитером пять лет назад, когда катались на лыжах в Германии. А к тому времени реваншистские настроения там были

уже в полном разгаре.

— Она была коммунисткой?

— Не думаю, что ей вообще нравились ярлыки. Она хотела жить в обществе без конфликтов. Слово «мир» в наши дни стало чуть ли не ругательством, а она стремилась жить в мире.

— А Дитер?

— Бог знает, чего добивался Дитер. Почестей для себя, как мне кажется, и социализма для всех. — Смайли пожал плечами. — Они мечтали о мире и свободе. А их заклеймили как убийц и шпионов.

— Боже милосердный, — вздохнул Мендель.

Смайли снова замолчал, глядя в бокал, а потом сказал:

— Даже не жду, что вы поймете меня. Вы видели, как Дитеру пришел конец, но не видели, с чего он начинал. Он как бы прошел по замкнутому кругу, потому что со времен войны так и не научился прощать предательства. Предателей он всегда наказывал. Но в результате, пытаясь что-то строить, только и делал, что разрушал. Вот и все.

Гиллам счел, что пора сменить тему:

— Так что же насчет звонка в восемь тридцать?

— Теперь это уже очевидно. Феннану не нужно было на службу, и он заказал звонок, чтобы всего лишь не опоздать на встречу со мной. Естественно, жене он не мог этого объяснить. Она ничего не знала, иначе заготовила бы вполне правдоподобную версию в ответ на мои расспросы. Только и всего.

В жарко натопленном камине бушевало пламя.

Он сел в полуночный самолет до Цюриха. Ночь выдалась ясная и красивая. В окошко иллюминатора ему казалось, что серое крыло лайнера совершенно неподвижно на фоне усыпанного звездами неба — вечного неба, единого меж двух миров. Это зрелище уняло его опасения и сомнения, напомнило, что среди непостижимости Вселенной лучше всего быть фаталистом. Сейчас все казалось ничтожным и жалким. И стремление к любви, и вожделение одиночества.

Вскоре показались огни французского берега. Глядя вниз, он даже вообразил себе жизнь там, внизу: терпкий запах французских сигарет, аромат чеснока и вообще вкусной еды, неизменно громкие голоса завсегдатаев бистро. Как хорошо, что Мастон был сейчас в миллионе миль от него, запертый в своей сухой бумажной пустыне в

компании блестящих политических деятелей.

Сам же Смайли должен был казаться другим пассажирам самолета довольно-таки странной фигурой — низкорослый толстячок с мрачным выражением лица, который вдруг оживился, заулыбался и попросил стюардессу принести ему выпить. Рядом с ним сидел молодой светловолосый мужчина, который покосился на него, всем своим видом говоря: «Знаем мы таких! Биржевой делец решил немного развлечься в выходные. Отвратительный тип!»

Убийство по-джентльменски

Посвящается Энн

От автора

Существуют, вероятно, десятки отличных школ, о которых кто-то с уверенностью скажет, что одна из них послужила несомненным прообразом школы Карн. Но тот, кто возьмет на себя труд искать среди них классы, где преподают Д'Арси, Филдинги и Хекты, только понапрасну потратит время.

Джон Ле Карре

Предисловие

Декабрь 1989 года

Происхождение идей большинства моих книг сейчас представляется мне абсолютной загадкой, хотя я вроде бы должен хорошо помнить каждую, но вот история написания «Убийства по-джентльменски» накрепко засела в памяти. Это была моя вторая книга, и я писал ее, вдохновленный скромным успехом первой — «Звонок мертвецу». За перо я взялся в 1961 году, когда приехал в Бонн (поначалу без семьи), чтобы занять одну из младших должностей в британском посольстве, а ко времени выхода романа в свет оказалось, что у меня уже зародился замысел «Шпиона, пришедшего с холода».

В те времена я стремился писать хотя бы по одному детективу в год, чтобы получить столь необходимые дополнительные пятьсот фунтов к моему жалованью в МИДе. Или по крайней мере я сам себя убеждал в этом, хотя мои тайные амбиции простирались куда дальше. И я писал «Убийство по-джентльменски» сначала в мрачном пансионе в Бад-Годесберге, куда временно

селили молодых британских дипломатов, пока им подыскивали жилье, а потом в крошечном домике на Грингштрассе, где мы теснились с нашими двумя детьми и прислугой, нанятой по принципу au pair[14]. В результате почти вся книга была создана в те короткие часы, когда я мог улечься на кровать и взяться за тетрадку, забыв ненадолго о семейных обязанностях и о работе дипломата.

В источниках информации недостатка не было. Дело в том, что я глубоко ненавидел английские школы-интернаты. Я считал и считаю их систему чудовищной, быть может потому, что сам начал обучение в подобной школе в возрасте пяти лет. Заведение называлось школой Святого Мартина и находилось в Нортвуде. А закончил я курс наук в шестнадцать, когда наотрез отказался продолжать учебу в Уэсткотт-Хаусе (Шерборн), твердо заявив, что ноги моей больше не будет ни в одном из образовательных учреждений.

Однако жизнь вносит свои коррективы, и восемь лет спустя я все же угодил в Итон — на роль младшего преподавателя современных ино-

[14] Примечания: 14

Букв.: обоюдный (*фр.*). Как правило, по принципу au pair работают молодые люди, приехавшие в страну изучать язык, живущие и работающие в принявшей их семье.

странных языков.

Но все же Итон нельзя и близко сравнивать с Шерборном. В дни моей учебы Шерборн был глубоко провинциальной школой, где исповедовались колониализм, шовинизм, милитаризм, клерикализм и широко применялись репрессии. Одни ученики били других учеников, заведующие пансионами били и тех и других, и даже директор не гнушался поднимать руку на учеников, если провинность попадала в разряд серьезных или возникало ощущение общего упадка дисциплины. Не знаю, избивали ли друг друга преподаватели, но их я ненавидел, и больше всего за атмосферу пресмыкательства, которую они насаждали. И по сей день я не нахожу для них прощения за то, что они творили с судьбами маленьких человечков, которые им вверялись.

В те времена нервные срывы считались исключительной привилегией взрослых, и для учеников, не желавших мириться с системой, способами выживания были либо поистине животная хитрость, либо то, что немцы называют «внутренней иммиграцией», либо просто бегство оттуда куда глаза глядят. Долгое время я прибегал к первым двум, но в итоге закончил третьим, перебравшись в Швейцарию.

Но Итон! В Англии это почти государство в государстве. Выпускник Итона навсегда становится прежде всего питомцем этой школы и уже во вторую очередь гражданином своей страны. В годы учебы там школьник имеет значительно больше возможностей для расширения кругозора, а преподавание ведется на самом высоком уровне. Конечно, и там система порой показывает свои варварские зубы, но все равно предоставляет ученикам гораздо больше личной свободы и независимости, учит уважению к себе — кое-кто назвал бы это наглой самоуверенностью, — в значительно большей степени, чем мне представлялось возможным в принципе. Поэтому у меня, совсем молодого учителя, возникло ощущение, что я сам получаю там нечто вроде второго альтернативного образования, что-то принимая, что-то отторгая, но никогда не оставаясь равнодушным, хотя я и не питал иллюзий, что вливаюсь в тамошнюю жизнь и принят как равный. Впрочем, еще не занявшись писательством всерьез, я даже до конца и не понимал, насколько был там чужаком, насколько не принимали меня те, к кому я всей душой стремился.

Читая книгу, вы сами сможете попытаться отделить друг от друга ее главные компоненты:

всю мою злость на школьный опыт в Шерборне и восхищение утонченностью Итона, рассмотреть порой пугающие фигуры людей, сохранившихся в памяти мальчика, проведшего свое детство по большей части в стенах школ и вдали от родителей; оценить вынесенное мной общее впечатление духовного насилия над молодыми умами, которое в этой далекой от совершенства повести выливается в формы кровавого насилия.

Что же до судьбы несчастной Стеллы Роуд и ее нонконформизма, то здесь источник лежит еще дальше в глубинах моего детства, когда мы с братом посещали воскресные службы в прибрежных храмах и церквях Дорсета, внимая гласу гораздо более скромного Бога, чем тот, Другой, который помогает сохранять в непрошибаемой безмятежности совесть британских правящих кругов.

Перечитывая эту книгу сейчас, я вижу перед собой далеко не безупречно написанный детектив, многие огрехи которого извиняет острая и порой резкая социальная сатира. Но ближе всего мне неповторимое воспоминание о сырых и древних камнях, в которых прошло мое детство, потому что именно они с юности научили меня восставать против всего, что грозило заточением и ограничением моей свободы.

Глава 1
Черные свечи

По общепринятому мнению, школа Карн знаменита прежде всего тем, что в ней учился Эдуард VI, чье пылкое стремление к знаниям история приписывает влиянию на него герцога Сомерсета. Но в Карне собственную историю предпочитают связывать более с самим монархом, нежели с его советником, проводившим к тому же весьма сомнительную политику, и черпают вдохновение в той сомнительной идее, что все истинно Великие школы, подобно королевским династиям вроде Тюдоров, ниспосланы нам не иначе, как самими Небесами.

Что же до славы, которой овеяна школа, то ее иначе, чем чудом, никак объяснить невозможно. Основанная безымянными монахами, осыпанная деньгами болезненным королем-мальчиком и вытащенная из забвения одним из проходимцев Викторианской эпохи, Карн нацепила крахмальный воротничок, отмыла от грязи свои деревенские лапы и морду, представ во всем блеске перед современными светскими кругами

двадцатого столетия. И по мановению ока дорсетская деревня полюбилась нынешней лондонской знати, как новоявленный Дик Уиттингтон. В архивах Карна хранились рукописные пергаменты на латыни, скрепленные восковыми печатями, а за территорией аббатства школе принадлежали обширные земельные угодья. Карн, таким образом, владел собственностью, был построен по монастырскому подобию — с крытыми галереями, где деревянные балки проел древесный жук, имел традиционную колоду для телесных наказаний и упоминался одной строкой в Книге Судного дня[15] — что еще требовалось, чтобы приступить к обучению отпрысков сильных мира сего?

И они стали прибывать. Приезжали к началу каждого семестра («полугодие» звучало слишком вульгарно). В этот день поезда высаживали на платформу местной станции печальные группы одетых в черное мальчиков. Некоторых привозили в огромных лимузинах, начищенных до блеска, как катафалки. Мальчики выглядели так, словно заново собирались похоронить несчастного Эдуарда, и катили по мощенным брусчаткой

[15] Примечания: 15

Книга Судного дня — свод материалов первой в средневековой Европе всеобщей поземельной переписи, проведенной в Англии в 1085–1086 гг.

мостовым свои тележки с пожитками или несли похожие на маленькие гробики коробки с гостинцами из дома. На некоторых были черные мантии — в таком облачении они походили на ворон или на темных ангелов, слетевшихся к похоронам. Некоторые отделялись от общей массы и шли поодиночке, тихие и подавленные, — слышался только стук их башмаков по камням. В Карне все и всегда как будто пребывали в трауре: младшие потому, что были обречены оставаться здесь еще долго; старшие потому, что им вскоре предстояло покинуть школу навсегда; а преподаватели потому, что, по их мнению, респектабельность слишком плохо оплачивалась. И сейчас, когда подходил к концу семестр Великого поста (так называлось пасхальное полугодие), сумрачные тучи, как обычно, плотно окутывали серые башни Карна.

Сумрак и холод. Холод был пронизывающим и острым, как зазубренный кусок кремня. Он буквально резал мальчикам лица, пока они медленно брели от опустевших игровых полей после окончания школьного матча. Он проникал под их черные короткие пальто, превращая жесткие стоячие воротники в ледяные обручи вокруг шей. Окоченевшие, они плелись от спортивных

площадок к длинной дороге, обрамленной с обеих сторон каменными заборами, которая вела к городку и его основному продуктовому магазину. Их шеренга постепенно распадалась на группы, а группы — на пары. Двое мальчиков, которые выглядели замерзшими сильнее остальных, пересекли дорогу и вступили на узкую тропу к более отдаленной, но зато и менее посещаемой лавчонке.

— Я просто сдохну, если меня еще раз заставят смотреть, как играют в это отвратительное регби. Шум просто выводит из себя, — сказал один из них: высокий и светловолосый паренек по фамилии Кейли.

— Ребята так дерут глотки, потому что преподаватели наблюдают за ними из павильона, — объяснил второй. — Для этого каждый корпус пансиона и держится вместе. Чтобы потом их наставник мог бахвалиться, что его молодцы, дескать, кричали громче всех.

— Тогда при чем здесь Роуд? — спросил Кейли. — Ему-то зачем торчать вместе с нами и заставлять нас орать? Он же не наставник пансиона. А так, шестерка, и все.

— Он как раз и добивается, чтобы его сделали наставником. Из кожи вон лезет. Ты же видишь,

как на переменах он крутится с начальством в главном дворе. Все младшие преподаватели этим занимаются. — Циничным спутником Кейли был рыжеволосый Перкинс, староста пансиона Филдинга.

— Я однажды пил у Роуда чай, — сказал Кейли.

— Роуд тот еще чудик. Ходит в коричневых ботинках. Чай-то хоть был нормальный?

— Жиденький. Забавно, сколько может сказать о людях чай, который они пьют. Вот миссис Роуд мне понравилась — умеет создать уют, пусть и в плебейском понимании: кругом салфеточки, фарфоровые птички. А накормила вкусно. По рецептам из кулинарных телепрограмм, но все равно недурно.

— В следующем семестре Роуд будет отвечать за военку. Вот уж где он себя покажет во всей красе. Просто рвется в бой, подпрыгивает от нетерпения. Сразу видно, что он не джентльмен. Знаешь, какую школу он окончил?

— Нет.

— Общественную в Брэнксоме. Филдинг рассказал об этом моей маме, когда она в прошлом семестре прилетала из Сингапура.

— Боже! А где он, этот Брэнксом?

— На побережье. Рядом с Борнмутом. А я не

пил чай ни у кого, кроме Филдинга, — добавил Перкинс после долгой паузы. — Кормили жареными каштанами и пышками… Представляешь, он запрещает употреблять слова «благодарю» и «спасибо». Говорит, что выражение признательности — это дешевые эмоции, характерные для низших слоев общества. Типично для Филдинга. Он вообще не похож на других преподавателей. Мне кажется, ученики наводят на него смертную скуку. Каждого из пансиона он приглашает к себе на чай хотя бы раз в семестр, но не всех сразу, а разбивает на четверки. Только тогда с ним и можно поговорить по-человечески.

Какое-то время они шли молча. Потом Перкинс сказал:

— У Филдинга сегодня опять званый ужин.

— Он что-то разошелся в последнее время, — отозвался Кейли неодобрительно. — Держу пари, у вас в пансионе кормежка сейчас хуже некуда.

— Это его последний семестр перед выходом на пенсию. Ему нужно принять каждого коллегу с женой по отдельности. Говорят, он ставит на стол черные свечи. Как бы в знак траура. Чертовски экстравагантно!

— Да уж. Красноречивый жест.

— Мой папаша считает, что он голубой.

Они еще раз пересекли дорогу и зашли в продуктовую лавку, где продолжили обсуждать личную жизнь мистера Теренса Филдинга, пока Перкинсу с большой неохотой не пришлось закончить разговор. Он отставал в естественных науках и без всякого желания отправился на дополнительные занятия.

Обед, о котором в этот день чуть раньше упомянул Перкинс, близился к завершению. Мистер Теренс Филдинг, старший преподаватель школы Карн, налил себе еще немного портвейна и как бы ненароком поставил графин по левую руку от себя. Это был его портвейн, и притом самый лучший. Его оставалось достаточно до конца семестра, а потом… Плевать, что будет потом. Побывав на матче, он чувствовал усталость, слегка опьянел, а Шейн Хект и ее муж наводили на него тоску. До чего мерзкая дама эта Шейн. Толстая, неловкая, она вечно занимала слишком много места и напоминала постаревшую и поблекшую валькирию. И эти густые черные волосы! Ему надо было пригласить сегодня кого-нибудь другого. Супругов Сноу, например. Хотя Сноу имел привычку умничать. Или Феликса Д'Арси. Но тот вечно перебивал, не дослушав. Ладно. Чуть позже он выведет Чарлза Хекта из себя, жена занервни-

чает, и они быстренько отправятся восвояси.

Хект уже беспокойно ерзал. Ему хотелось раскурить трубку, но черта с два Филдинг ему это позволит. Если уж хочет дымить, пусть закурит сигару. А трубка останется в кармане смокинга, где ей и место. Или не место. Но только не украсит собой его и без того мужественный профиль.

— Сигару, Хект?

— Нет, спасибо. Я хотел попросить у тебя разрешения…

— Рекомендую сигару. Моему ученику Хэвлейку их присылают прямо из Гаваны. Как ты знаешь, его отец там посол.

— В самом деле, дорогой, — примирительно вмешалась Шейн. — Вивиан Хэвлейк был у Чарлза в роте, когда мой муж командовал кадетами.

— Да, Хэвлейк — славный мальчик, — сказал Хект и сжал губы, чтобы показать, насколько он строгий судья в таких вопросах.

— Занятно, как все изменилось, — поспешно сказала Шейн Хект с несколько вымученной улыбкой, словно на самом деле не находила в этом ничего хорошего. — В каком сером мире нам теперь приходится жить. А я еще помню, как перед войной Чарлз объезжал строй кадетов на белом коне. Теперь ведь больше парадов не

устраивают, если не ошибаюсь? Нет, я ничего не имею против мистера Айрдейла как руководителя военной подготовки. Отнюдь. Кстати, в каком полку он служил, вы, случайно, не помните, Теренс? Но уверена, что под его началом военная подготовка проводится по всем правилам. И жена у него очень милая женщина… Странно только, почему у них никогда подолгу не задерживается прислуга. Как я слышала, в следующем семестре мистер Роуд возьмет часть военной подготовки на себя.

— Бедный маленький Роуд, — медленно произнес Филдинг. — Носится повсюду, как собачонка, чтобы заслужить хрустящую косточку. Как же он старается! Вы заметили, что во время матчей он кричит громче всех? Он ведь до приезда сюда не видел ни одной игры в регби, знаете ли. В публичных школах в регби не играют. Там сплошной футбол. Помнишь, как он впервые появился здесь, Чарлз? За ним было любопытно наблюдать. Он сразу затаился и старался все впитывать в себя, как губка. Просто пил нас бокалами: усваивал наши привычки, словарный запас, манеры. А потом в один прекрасный день к нему словно вернулся дар речи, и заговорил он сразу на нашем языке. Это было поразительно. Ему словно сде-

лали пластическую операцию. Конечно, над ним основательно поработал Феликс Д'Арси, но лично я никогда прежде не видел такой метаморфозы.

— А эта его милая миссис Роуд… — сказала Шейн Хект тем слегка отстраненным тоном, которым обычно начинала самые ядовитые реплики. — Добрая, но… простоватая. И ей не хватает вкуса. Вам так не кажется? Ну кому бы еще пришло в голову повесить на стенку фарфоровых уточек? Большие впереди, маленькие — сзади. Очаровательно, но сразу заставляет вспомнить дешевые кафе. Интересно, где она их купила? Мне говорили, ее отец живет рядом с Борнмутом. Ему, вероятно, там очень одиноко, как вы думаете? Кругом только вульгарная публика. Даже поговорить не с кем.

Филдинг откинулся в кресле и окинул взглядом стол. Столовое серебро отменное. Лучшее в Карне — он слышал такие отзывы от других и был склонен с ними согласиться. Как украшение в этом семестре он использовал только черные свечи. Именно такие вещи запоминаются лучше всего, когда ты уезжаешь: «Старина Теренс! Замечательно умел принять гостей. В течение своего последнего семестра он устраивал ужины для всех преподавателей с женами. При черных

свечах. Как это было трогательно! Сразу становилось понятно: у человека сердце разрывалось от расставания». А вот Чарлза это наверняка раздражало, к вящему удовольствию жены. Потому что мужа она явно не любила, и внутри ее необъятного, такого некрасивого тела таилась коварная душа и сердце змеи.

Филдинг посмотрел на Хекта, потом на его супругу, и она улыбнулась ему в ответ медленной и наглой улыбкой шлюхи. На мгновение Филдинг представил себе, как Хект пасется на этих необъятных телесах, тонет в жире: это была сцена из Лотрека… Определенно! Из Лотрека. Чарлз весь такой важный, в цилиндре скованно сидит посреди пестрого восточного ковра, а рядом возлежит горой мяса она, голая, но скучающая. Образ доставил ему откровенное удовольствие: в этом было что-то извращенное — перенести Хекта из спартанской стерильности Карна в парижский бордель девятнадцатого века…

А потом Филдинг заговорил. Вернее, принялся вещать с напускной дружеской фамильярностью, которую, как он знал наверняка, Хект ненавидит:

— Когда я оглядываюсь на свои тридцать лет в Карне, то понимаю, что добился меньше лю-

бого дворника. — Теперь супруги слушали его, не сводя глаз. — Были времена, когда я считал, что подметальщик улиц значительно уступает мне в степени полезности своей деятельности. А сейчас я сильно в этом сомневаюсь. Положим, он где-то видит мусор, убирает его, и мир от этого становится лучше и чище. А я… Что сумел сделать я? Содействовал укреплению позиций правящего класса, который на самом деле не обладает никакими особыми талантами — ни высокой культурой, ни остроумием; помог еще на одно поколение продлить существование того, что уже давно отжило свой век.

На противоположном конце стола Чарлз Хект, который, как ни противился этому, всегда прислушивался к мнению Филдинга, побагровел и открыл рот, чтобы возразить:

— Но разве мы их ничему не учим, Филдинг? Вспомни о наших успехах. О наших учениках, получивших почетные звания.

— Я за всю свою жизнь ничему не научил ни одного мальчика, Чарлз. Как правило, недостаточно способным оказывался сам мальчик, а порой не хватало умения мне самому. Видишь ли, у большинства мальчиков восприимчивость умирает по мере полового созревания. Лишь у немногих

она сохраняется, но мы в Карне умеем искусно убивать ее. И вот только если она выдерживает даже наши усилия, мальчик действительно добивается успехов, получает сначала стипендии, а потом и научные звания… Ничего, потерпи меня немного, Шейн. В конце концов, это мой последний семестр здесь.

— Последний семестр или нет, но ты несешь откровенную чушь, Филдинг, — зло сказал Хект.

— Нести чушь стало в нашей школе доброй традицией. Успехи, как ты изволишь их называть, это на самом деле наши провалы. Успехов добиваются те редкие ученики, которые так и не усвоили главного, чему мы их здесь учим. Они не приняли культа посредственности, насаждаемого в Карне. И им мы уже никак не сможем повредить. А вот остальным — растерянным маленьким монахам и слепым оловянным солдатикам, — им кажется, что на стенах Карна написана правда о них. И они ненавидят нас за это.

Хект сделал попытку рассмеяться, но получилось натужно.

— Если они так нас ненавидят, почему тогда многие любят возвращаться сюда? Почему приезжают навестить?

— А потому, дорогой Чарлз, что мы и есть те

самые надписи на стене! Тот самый единственный урок, преподанный им в Карне, который они никогда не забудут. Они приезжают, чтобы вновь прочитать нас, как ты не понимаешь этого? Ведь именно мы поведали им главную тайну жизни: люди стареют, но не становятся умнее. На нашем примере они поняли, что, когда мы повзрослели, ничего глобального не произошло: нам не озарило путь к Дамаску ослепительное небесное сияние, мы не испытали внезапного чудесного ощущения наступившей зрелости.

Филдинг откинул голову и уставился на уродливую викторианскую лепнину потолка с пыльным ореолом вокруг розана, в центре которого располагалась люстра.

— Мы просто стали еще немного старше. Но повторяли все те же шутки, изрекали все те же мысли, желали того же, что и прежде. Год проходил за годом, Хект, а мы оставались все теми же людьми, не делались мудрее, не становились лучше, среди нас не рождалось ни одной новой идеи лет уже, наверное, пятьдесят. И они поняли, что и Карн и мы — это такой трюк, спектакль, где мы рядимся в докторские мантии, отпускаем особого рода академические остроты, делаем вид, что учим их и наставляем на путь истинный. Но

они никак не могут поверить в обман, Хект, и потому после еще одного года бесцельной, пустой жизни вновь приезжают сюда, чтобы взглянуть на меня и тебя, как дети иногда приходят на могилу, думая, что там можно постичь тайну жизни и смерти. Вот и все, чему мы их научили.

Хект какое-то время молча смотрел на Филдинга.

— Налить немного портвейна? — предложил тот, но Хект все еще не сводил с него глаз.

— Надеюсь, все сказанное тобой было не более чем шуткой… — начал он, а его жена с удовлетворением отметила, что теперь он по-настоящему зол.

— Даже не знаю, Чарлз, — ответил Филдинг совершенно серьезно. — Право, мне жаль, но не знаю. Когда-то мне казалось, что очень умно смешивать фарс с трагедией. А теперь, похоже, я потерял способность различать границу между ними.

Последняя фраза ему самому понравилась.

Кофе они перешли пить в гостиную, где Филдинг свел разговор к местным сплетням, но вовлечь в него Хекта уже не удавалось. Филдинг теперь сожалел, что не дал ему закурить трубку. Но потом вспомнил, как вообразил Хекта в Пари-

же, и настроение снова улучшилось. Вечер ему определенно удался. По крайней мере моментами он был в ударе.

Пока Шейн одевалась, мужчины молча стояли в прихожей. Шейн вернулась в порыжевшем от старости боа из горностаев, накинутом на широкие белые плечи. Она склонила голову вправо, улыбнулась и протянула на прощание руку Филдингу, причем слегка опустив вниз.

— Теренс, дорогой, — сказала она, когда Филдинг прикладывался губами к ее мясистым пальцам, — вы так добры. И это ваш последний семестр. Вы просто обязаны отужинать у нас перед отъездом. Так грустно. Совсем мало осталось из прежней старой гвардии.

Она снова улыбнулась, прищурив глаза, чтобы подчеркнуть неподдельность своих эмоций, а потом последовала за мужем на улицу. Там по-прежнему стоял собачий холод, и в воздухе мелькали снежинки.

Филдинг захлопнул и запер за ними дверь на засов, быть может, чуть быстрее, чем диктовала вежливость, и вернулся в гостиную. Хект оставил свой бокал с портвейном наполовину недопитым. Филдинг взял его и аккуратно слил содержимое обратно в графин. Он надеялся, что

не слишком взбесил гостя, — ему, вообще говоря, вовсе не хотелось наживать врагов. Задув пламя черных свечей и затушив фитили указательным и большим пальцами, он включил свет, достал из ящика буфета шестипенсовую тетрадь и открыл ее. В ней содержался список гостей, которых следовало пригласить к ужину до конца семестра. Перьевой ручкой он поставил жирную галочку напротив фамилии Хектов. Сделано. В среду наступала очередь Роудов. Муж был хорош, а вот она, конечно… Ее придется потерпеть. Это было едва ли не исключением из правила с супружескими парами. Как правило, другие жены оказывались гораздо симпатичнее этой.

Филдинг снова открыл буфет и на этот раз извлек из него бутылку бренди и рюмку. Держа их в одной руке, устало прошаркал обратно в гостиную, опираясь другой рукой о стену. Боже! Он внезапно почувствовал себя старым: грудь прорезала тонкая ниточка боли, ноги и руки отяжелели. Сколько же усилий уходило на то, чтобы постоянно быть на виду у людей! Как будто все время на подмостках сцены. Он терпеть не мог оставаться один, но и компании ему быстро надоедали. В одиночестве он тоже чувствовал усталость, но не мог спать. Как это было у того

немецкого поэта? Он ведь уже цитировал его однажды: «Вы можете заснуть. Мне — время танцевать». Что-то в этом роде.

«Вот я каков, — подумал Филдинг. — В этом я — плоть от плоти Карна, старый сатир, танцующий под музыку». Но только темп музыки ускорялся, а их тела дряхлели, хотя танец должен был продолжаться. Его скоро подхватят молодые люди, ждущие своей очереди за кулисами. А ведь когда-то казалось таким забавным исполнять старые танцы под новые мелодии. Он налил себе еще бренди. Если разобраться, он был рад, что уходил, хотя это, по всей видимости, означало необходимость найти работу учителя где-то еще.

Но Карн… Своеобразное, по-своему очень красивое место. Внутренний двор аббатства весной… Похожие на розовых фламинго нежные фигурки мальчиков, ожидающих вечерней молитвы. Отъезд детишек и приезд новых как приметы смены времен года и умирающие здесь же старики. Как жаль, что ему не дан талант живописца! Он бы изобразил праздник в Карне в охристых тонах осени… Несправедливо, подумал Филдинг, что человек, столь восприимчивый к прекрасному, начисто лишен способности отобразить его.

Он посмотрел на часы. Без четверти двена-

дцать. Самое время… танцевать. Не спать же, в самом-то деле?

Глава 2
Ощущения четверга

Наступил вечер четверга, и номер «Христианского вестника» наконец был сверстан и сдан в печать. Едва ли крупное событие для Флит-стрит. Прыщавый мальчишка-курьер, явившийся, чтобы забрать неровную кипу гранок, был вежлив ровно настолько, сколько требовалось, чтобы получить от газеты ежегодную рождественскую премию. А даже этот юнец давно усвоил, что светские издания, выпускавшиеся издательством «Юнипресс», были в этом смысле куда как более многообещающими, поскольку щедрость находилась в прямой зависимости от тиража.

Мисс Бримли — главный редактор еженедельника, поправила под собой подушечку и прикурила сигарету. Ее секретарь и заместительница — должности, которые приходилось совмещать, — зевнула во весь рот, бросила в сумочку склянку с аспирином, причесала имбирного оттенка волосы и пожелала мисс Бримли спокойной ночи, как всегда, оставив за собой пустую коробку из-под бумажных носовых плат-

ков и мощный аромат пудры. Мисс Бримли не без удовольствия вслушалась в ее поспешно удалявшиеся по коридору шаги. В такие минуты ей нравилось оставаться одной и вкушать блаженную возможность расслабиться. Она по-прежнему не уставала дивиться на саму себя, потому что каждое утро в четверг входила в здание «Юнипресс» с чувством легкой тревоги, а потом поднималась на одном эскалаторе за другим, представляясь самой себе чем-то вроде ободранного чемодана на борту роскошного океанского лайнера. Бог свидетель, она возглавляла «Христианский вестник» уже четырнадцать лет, и многие специалисты считали, что макет ее газеты был одним из редких художественных достижений «Юнипресс». И все равно эти ощущения по четвергам никогда не покидали ее. Эта извечная тревога, что именно сегодня номер не будет готов к тому моменту, когда посыльный придет за выправленными гранками. Она часто представляла, что тогда произойдет. Слишком часто доходили до нее слухи о неприятностях в других изданиях, выпускавшихся на этом огромном печатном комбинате, об изъятии из печати целых полос и наказании провинившихся сотрудников. Для нее вообще оставалось загадкой,

почему «Вестник» до сих пор не закрыли. Редакция занимала обширную комнату на седьмом этаже, а тираж, насколько мисс Бримли вообще разбиралась в таких вещах, едва ли окупал расходы на канцелярские принадлежности.

«Христианский вестник» был основан в начале XX века старым лордом Лэндсбери наряду с чисто политической ежедневной газетой и журналом «Умеренный». Однако газета и журнал давно почили в бозе, а сын лорда Лэндсбери не так давно проснулся утром и обнаружил, что весь его издательский бизнес вместе с персоналом, мебелью, типографской краской и всем до последней скрепки перешел в собственность возникшей ниоткуда и на неизвестно кому принадлежавшие деньги компании «Юнипресс».

С тех пор прошло три года, в течение которых мисс Бримли каждый день ожидала уведомления об увольнении. Но никаких уведомлений она не получила, никто не присылал ей никаких директив и не задавал вопросов. Ни слова. А потому, будучи женщиной практичной, она просто продолжала заниматься этим делом, как делала его прежде, постепенно перестав тревожиться понапрасну.

Ее могло только радовать подобное безразличие

руководства компании. Уж слишком легко было смотреть на ее «Вестник» с пренебрежительного высока. Каждую неделю ее газета скоромно и без фанфар публиковала все новые доказательства Божественного вмешательства в мирские дела, пересказывала простыми словами не совсем научную историю древних евреев и под различными псевдонимами давала материнские советы всем, кто их просил в своих письмах. «Вестник» не беспокоили пятьдесят с лишним миллионов человек, живущих в стране, которые никогда о нем не слышали. Это было почти семейное издание, и вместо того, чтобы отчаянно стремиться привлечь новых читателей, еженедельник делал все возможное для сохранения своего тесного семейного круга. Он пытался быть для него источником доброты, оптимизма и своеобразной информации. В Индии миллион детей мог погибать от чумы, но главной новостью «Вестника» на неделе наверняка стало бы чудесное спасение при пожаре группы методистов из Кента. В «Вестнике» не публиковали рекомендаций, как убрать морщины вокруг глаз или контролировать свой вес; он, таким образом, не досаждал читателям напоминаниями о том, что все мы стареем и полнеем. Он сам старился вместе со

своей аудиторией и лишь печатал известного рода предостережения для девушек, проповедовал милосердие и благотворительность. Он был верно рассчитан на тех, кто никогда не изменял застарелым привычкам, и семьи, подписавшиеся на еженедельник в 1903 году, продолжали возобновлять подписку в 1960-м.

Если разобраться, то личность и биография самой мисс Бримли мало соответствовали образу издания. Виной тому были превратности войны, во время которой она попала на службу в разведку, где работала бок о бок с молодым лордом Лэндсбери все шесть лет лихолетья, незаметно, но эффективно трудясь в здании без вывески, расположенном в Найтсбридже. Наступивший мир сделал обоих безработными, и тогда молодой лорд, умевший быть благоразумным и благодарным, предложил ей место редактора. В военное время «Вестник» не выходил, и никто особенно не рвался возобновлять издание. К тому же поначалу мисс Бримли ощущала уколы стыда, редактируя еженедельник, содержание которого, мягко говоря, плохо соответствовало ее собственным религиозным взглядам, которые можно было бы описать как не до конца ясный ей самой деизм. Но вскоре тираж восстановился, в

редакцию потоком потекли весьма трогательные письма, и она обнаружила, что увлеклась новой работой и испытывает симпатии к читателям, а это с лихвой перевесило все ее колебания и сомнения. «Вестник» стал для нее смыслом жизни, а интересы читателей она ставила превыше всего. Она старалась сама отвечать на их порой необычные, беспокоящие душу вопросы, советовалась со специалистами, если не знала ответов сама. Вот так с течением времени под добрым десятком псевдонимов она стала их философом, наставницей, другом и вообще кем-то вроде общей доброй тетушки.

Затушив сигарету, мисс Бримли стала рассеянно прибираться на своем рабочем столе, смахивая в правый верхний ящик ножницы, булавки, скрепки, ластики, карандаши и прочие мелочи, а потом достала из лотка входящих бумаг пачку пришедших за сегодня писем. По четвергам, когда сдавался номер, она оставляла их нетронутыми. Несколько конвертов были адресованы Барбаре Феллоушип — старейшему псевдониму «Вестника», под которым редакторы отвечали на вопросы читателей как частным образом, так и на страницах газеты чуть ли не с первых дней ее основания. С письмами можно

было подождать до завтра. Ей нравилось читать о проблемах подписчиков, но для этого всегда отводилась пятница. Она открыла стоявшее у нее под локтем небольшое бюро и бросила конверты в предназначенную для них папку. При этом одно письмо упало тыльной стороной, и она с удивлением заметила на печати конверта изящное тисненое изображение синего дельфина. Она вынула конверт из общей пачки и стала с любопытством рассматривать его со всех сторон. Он был из бледно-серой, едва заметно разлинованной бумаги. Дорогой. Вероятно, даже ручной работы. Под изображением дельфина находился крохотный свиток, на котором она не без труда разобрала девиз: Regem defendere diem videre[16]. На почтовом штемпеле значилось: «Карн, графство Дорсет». Скорее всего герб принадлежал школе. Но почему название Карн показалось ей таким знакомым? Мисс Бримли всегда гордилась своей памятью, которая действительно была выдающейся, и начинала нервничать, если она подводила ее. Но сейчас ей не оставалось ничего другого, как вскрыть конверт ножом для бумаг из пожелтевшей слоновой кости.

---

[16] Примечания: 16
Храни короля как зеницу ока *(лат.).*

Дорогая мисс Феллоушип!

Не знаю, реальное Вы лицо или нет, хотя в данный момент это и не важно, потому что Вы всегда умеете по-доброму вникнуть в проблему и дать хороший совет. Это я писала Вам в июне прошлого года по поводу теста для печенья. Я не сошла с ума, но мой муж собирается меня убить. Можно ли мне приехать для встречи с Вами в любое удобное для Вас время, но как можно скорее? Уверена, Вы мне поверите и поймете, что я пребываю в здравом уме. Только, пожалуйста, встретьтесь со мной срочно, *потому что меня страшат эти долгие ночи. Я не знаю, к кому еще могла бы обратиться. Мистер Кардью из нашего молельного дома мне ни за что не поверит, а отец слишком слаб здоровьем и чувствителен. Чудо, что я еще жива. С мужем явно что-то не в порядке. По ночам, когда он думает, что я сплю, то лежит и просто смотрит в темноту. Я знаю, что греховно допускать подобные мысли и впускать страх в свои сердца, но только ничего не могу с этим поделать.*

Надеюсь, Вы получаете не слишком много подобных писем.

Искренне ваша

Стелла Роуд (миссис), в девичестве Гластон

Мисс Бримли некоторое время сидела за столом неподвижно, разглядывая гриф в верхнем углу письма — изящно отпечатанный синим адрес: «Графство Дорсет, школа Карн, Норт-Филдз». В момент шока и растерянности в голову пришла и потом долго вертелась фраза: «Ценность разведывательных данных зависит от их источника». Это была любимая сентенция Джона Лэндсбери. Пока не выяснена достоверность источника, ты не можешь знать, насколько ценна полученная информация. Да, так он и говорил: «Мы здесь не разыгрываем из себя демократов. Информацию без рода и племени мы и на порог не пустим». А она пыталась шутить: «Верно, Джон, но иногда даже самый благородный род должен иметь основателя».

Но Стеллу Роуд нельзя было считать неизвестным источником информации. Теперь она все вспомнила. Девочка из семьи Гластонов. Девушка, о чьей свадьбе сообщала ее газета. Победительница летнего конкурса кулинаров. Дочка Сэмюэла Гластона из Брэнксома. На нее в досье мисс Бримли даже была заведена карточка.

Она резко встала из-за стола с письмом в руке и подошла к окну, штора на котором была не задернута. Это было современное окно с рамой из

гнутого белого металла. Странно, подумала мисс Бримли, что на этом подоконнике у нее никогда ничего не росло. Она выглянула наружу — слегка склонившаяся вперед легкая фигурка в обрамлении окна, окруженного с внешней стороны туманом — смогом, который стал желтоватым, пропитавшись краденым светом лондонских улиц. Сами уличные фонари далеко внизу она видела смутно. Они казались бледными и тусклыми. Внезапно ей отчаянно захотелось свежего воздуха, и она с несвойственной для себя порывистостью дернула за ручку, широко распахнув окно. В комнату ворвался холод, злой всплеск городского шума, да и туман не заставил себя долго ждать. Гул транспортного потока казался таким равномерным, что на секунду померещилось, будто снаружи работает какой-то огромный механизм. Затем сквозь рев моторов она услышала выкрики уличных продавцов газет. Голоса их напоминали крики чаек перед штормом. Какое-то время спустя мисс Бримли даже начала различать внизу их фигуры — неподвижных стражей среди потока теней толпы.

Это могло оказаться правдой. Вот в чем заключалась вечная проблема. Всю войну им приходилось вести непрерывный поиск, потому

что информация могла оказаться правдивой. Данные невозможно было принимать на веру, не накопив предварительно определенного объема точных знаний, которые послужили бы отправной точкой. Ей вспомнились первые донесения из Франции по поводу так называемых летающих бомб. Это представлялось не более чем дикими слухами, обывательскими сказками о бетонных взлетных полосах, которые якобы строили в глуши лесов. Необходима была устойчивость к любым псевдосенсациям, легковерности не могло быть места. Да, но что, если это была правда? Что, если это и сейчас правда? Тогда уже через день мальчишки внизу будут выкрикивать другие заголовки, а Стелла Роуд, урожденная Гластон, окажется мертва. И если это так, если существовала хотя бы малейшая вероятность, что муж замыслил убить эту женщину, значит, она, Эйлса Бримли, обязана была сделать все от нее зависевшее, чтобы предотвратить убийство. Кроме того, если кто-то и был вправе ожидать от нее помощи, то именно Стелла Гластон: сначала ее дед, а потом и отец были подписчиками «Вестника», а пять лет назад, когда Стелла выходила замуж, мисс Бримли лично черкнула пару строк по этому поводу в колонку новостей. Ежегодно

Гластоны присылали ей на Рождество поздравительные открытки. Они вообще могли считаться одними из первых подписчиков газеты…

У окна было холодно, но она не отходила от него, зачарованная смутными фигурами внизу, прихотливой игрой теней в тумане, то сходившихся, то расходившихся в сумрачном свете казавшихся совершенно бесполезными фонарей. Она начала воображать убийцу в виде одной из таких теней в толкотне тротуара с черными отверстиями вместо глаз. От таких мыслей ей самой стало страшно и понадобилась помощь.

Но не от полиции. Слишком рано. Если бы Стелла Роуд могла рассчитывать на полицейских, она уже обратилась бы к ним сама. Почему она этого не сделала? Потому что все еще любила мужа? Из страха быть принятой за умалишенную? Потому что голос инстинкта еще нигде и никогда не считался доказательством? Полиции нужны факты. А фактом в таком деле мог послужить только труп. Неужели нужно дождаться, чтобы дошло до этого?

К кому обратиться за помощью? Она сразу подумала о Лэндсбери, но тот давно уже жил на своей ферме в Родезии. Кто еще был рядом с ней на войне? Филдинг и Джебеди погибли, Стид-

Эспри куда-то пропал. Смайли… Интересно, где он сейчас? Джордж Смайли — самый умный, но и самый странный из всех. Ну конечно! Сейчас мисс Бримли припомнились кое-какие детали. Он женился на какой-то невероятно красивой женщине и вернулся к ученым трудам в Оксфорде. Но там он не задержался. Брак, кажется, развалился… Чем же он занимался потом?

Вернувшись за рабочий стол, она взяла том телефонного справочника от «К» до «Т». И уже через десять минут такси везло ее в сторону Слоун-сквер. В руке, плотно затянутой в перчатку, она держала папку с карточкой Стеллы Роуд из своего досье и с перепиской, которую они поддерживали во время проведения летнего конкурса домохозяек. Уже на подъезде к Пиккадилли она вспомнила, что так и оставила окно своего офиса открытым. Но сейчас это ее тревожило меньше всего.

— Кто-то разводит персидских кошек или играет в гольф. А я одержима «Вестником» и его читателями. Вот такая я странная старая дева. Глупо, понимаю. Но так уж обстоят дела. Я не могу обратиться в полицию, пока не предприняла хоть что-то сама, Джордж.

— И все, что ты предприняла, — это примча-

лась ко мне?

— Выходит, что так.

Она сидела в кабинете дома Джорджа Смайли на Байуотер-стрит. Единственным источником света служила странного вида настольная лампа — нечто похожее на черного паука, глаз которого ярко освещал только поверхность стола и разложенные на ней листы какой-то рукописи.

— Значит, ты ушел из ведомства? — спросила она.

— Да, да, ушел. — Он закивал так энергично, словно хотел еще раз убедить сам себя, что худшее позади, а потом смешал для мисс Бримли виски с содовой. — Я, правда, недолго проработал там после… Оксфорда. Но оказалось, в мирное время все совершенно иначе, — продолжил он.

Мисс Бримли понимающе улыбнулась:

— Могу представить. Теперь у преподавателей больше времени на сплетни и склоки.

Смайли промолчал. Лишь закурил сигарету и уселся напротив нее.

— И люди совсем другие. Нет больше Филдинга, Стида, Джебеди, — заметила она уже как бы мимоходом, доставая из своей огромной сумки письмо Стеллы Роуд. — Вот то, о чем я тебе говорила, Джордж.

Прочитав письмо, он ненадолго поднес листок к свету лампы, и его лицо в это мгновение могло показаться кому-то почти до смешного серьезным. Наблюдая за ним, мисс Бримли даже стало интересно, какое первое впечатление он до сих пор производил на людей, которые знали его не слишком хорошо. Она помнила, что ей он показался одним из самых невзрачных мужчин из всех, кого она когда-либо встречала: низкорослый, рыхлый, в очках с толстыми стеклами и с редеющей шевелюрой — с него, решила она при первой встрече, можно было смело писать портрет холостяка-неудачника, ведущего сидячий образ жизни.

Врожденная непрактичность во всех житейских вопросах сказывалась даже в его одежде — всегда дорогой, но плохо сидевшей. Для портных он был просто подарком, и они грабили его напропалую.

Он отложил письмо на маленький столик с инкрустированной поверхностью, стоявший рядом с ним, и посмотрел на гостью взглядом филина.

— А другое послание, которое ты от нее получила, Брим. Где оно?

Она протянула ему папку. Он открыл ее и, помешкав немного, прочитал вслух первое письмо

Стеллы Роуд:

Дорогая миссис Феллоушип!

Я хотела бы поучаствовать в конкурсе «Хозяйке на заметку», и вот совет, которым я могу поделиться.

Как сделать запас теста для сладостей на месяц вперед.

Смешайте равные доли масла и сахара и по одному яйцу на каждые шесть унций смеси. Для приготовления пудингов и пирожных достаточно потом будет добавить только лишь необходимое количество муки.

Такая смесь легко хранится в течение месяца.

К сему прилагаю пустой конверт с обратным адресом и маркой.

Искренне ваша Стелла Роуд (в девичестве Гластон)

P.S. Кроме того, вы легко убережете от ржавчины проволочную мочалку для мытья посуды, если будете хранить ее в банке с мыльной водой. Не знаю, разрешено ли по условиям конкурса вносить два предложения, но если да, то считайте это, пожалуйста, моей второй идеей для хозяек.

— Она стала победительницей конкурса, — сказала мисс Бримли, — но суть не в этом. Хочу

кое-что тебе объяснить, Джордж. Она из семьи Гластон, а Гластоны читали «Вестник» со дня его основания. Дедом Стеллы был Руфус Гластон — магнат керамической промышленности из Ланкастера, вместе с отцом Джона Лэндсбери он построил храмы и молельные дома[17] почти в каждой деревеньке Мидлендса. Смерть Руфуса «Вестник» ознаменовал выпуском отдельного мемориального издания, для которого старик Лэндсбери лично написал некролог. Сэмюэл Гластон продолжил дело отца, но по состоянию здоровья ему пришлось переехать жить южнее. Кончилось тем, что он поселился в окрестностях Борнмута, вдовец с единственной дочерью Стеллой. Она — последний отпрыск этого семейства. Причем это всегда были здравомыслящие люди, и, как я полагаю, Стелла — не исключение. Вот почему я не верю, что она может страдать манией преследования.

Смайли смотрел на нее, не скрывая удивления.

— Непостижимо, моя дорогая Брим! Как тебе удается запоминать все это?

Мисс Бримли улыбнулась почти виновато.

---

[17] Примечания: 17

Речь идет о церквях, отделившихся от официальной англиканской, — баптистской, методистской и пр.; именно для их сторонников издавалась газета «Христианский вестник».

— С Гластонами это легко, настолько тесно они связаны с историей моей газеты. На Рождество они присылают нам открытки, а на каждую годовщину — коробки шоколадных конфет. У нас есть примерно пятьсот семей, которых я называю первооткрывателями. Они стали подписчиками «Вестника» с самого начала и никогда уже не изменяли ему. И они пишут нам письма, Джордж. По любому поводу, который их волнует, они пишут нам: если женятся, переезжают, выходят на пенсию, если болеют, впадают в депрессию или сердиты на что-то — они нам пишут. Не каждый день, Боже упаси, но достаточно часто.

— Как же ты запоминаешь их всех?

— А я и не помню. Просто веду картотеку. И отвечаю на каждое письмо, но только… Видишь ли…

— Что?

Мисс Бримли посмотрела на него очень серьезно.

— Я впервые получила послание от женщины, которая сильно напугана.

— Чем же я могу тебе помочь?

— Пока мне в голову пришла только одна светлая мысль. Я вспомнила, что у Адриана Филдинга был брат, который преподавал в Карне…

— Да, он там старший преподаватель, если, конечно, еще не ушел на покой.

— Нет, пока не ушел. Его провожают на пенсию в конце нынешнего семестра. Об этом писала «Таймс» несколько недель назад в колонке кратких светских новостей — той, куда Карн стремится попасть по любому поводу. Там говорилось: «Школа Карн возобновила сегодня занятия в связи с началом пасхального семестра. Его конец будет ознаменован проводами на пенсию мистера Т. Р. Филдинга, который в течение пятнадцати лет вел там преподавательскую деятельность».

Смайли только рассмеялся.

— Нет, Брим, что ни говори, а твоя память — это нечто потрясающее!

— Просто в заметке упоминалась фамилия Филдинга… Короче, я подумала, ты мог бы ему позвонить. Вы же должны быть знакомы.

— Да, я его знаю. Хотя мы встречались лишь раз. За обедом профессоров колледжа Святой Магдалены. Но только… — Смайли слегка зарделся.

— Но только что, Джордж?

— Он в некотором смысле совсем не похож на своего покойного брата, если ты понимаешь, о чем я.

— Не понимаю, — отрезала мисс Бримли. — Но

ведь это не может помешать ему рассказать, что он знает о Стелле Роуд. И о ее муже.

— Не думаю, что о подобных проблемах следует разговаривать по телефону. Наверное, мне надо поехать туда и лично с ним увидеться. И потом, почему бы тебе самой не позвонить Стелле Роуд?

— Сегодня я уже не смогу этого сделать. Время позднее, и ее муж будет дома. Но я предполагала нынче же отправить ей письмо с приглашением приезжать ко мне в любое время. И все же… — продолжала она, притопнув ногой от нетерпения, — мне бы хотелось с чего-то начать уже сегодня. Пожалуйста, Джордж.

Смайли кивнул и направился к телефону. Сначала он позвонил в справочную и попросил дать ему домашний номер Теренса Филдинга. Его заставили долго ждать, а потом посоветовали позвонить на телефонную станцию, которая могла соединить его с тем, кто ему нужен. Глядя на него, мисс Бримли жалела, что не успела узнать Джорджа Смайли лучше, чтобы понять, до какой степени напускная его внешняя неуверенность в себе. Действительно ли он так робок, нерешителен и лишен истинной хватки разведчика?

— Он лучший, — так отзывался о нем Адриан. — Он сильнее и умнее нас всех.

Но сколько было мужчин, которые во время войны, пройдя через страшные испытания, учились быть сильными и мужественными, но охотно и с облегчением забывали о приобретенном опыте, когда все оставалось позади!

В трубке уже раздавались гудки. Услышав их, она впервые за все это время ощутила легкий приступ паники. Ей вдруг стало страшно, что сейчас выяснится, какую дурочку она сваляла, когда придется вновь излагать свою историю незнакомым и, вероятно, не слишком дружелюбно настроенным людям.

— Мистера Теренса Филдинга, пожалуйста…

Пауза.

— Филдинг? Добрый вечер. Меня зовут Джордж Смайли. Во время войны я был близко знаком с вашим братом. И с вами мы тоже встречались… Верно, в самую точку. Колледж Святой Магдалены позапрошлым летом. Послушайте, не мог бы я приехать и навестить вас по сугубо личному делу?.. Боюсь, оно слишком деликатного свойства, чтобы обсуждать по телефону. Моя знакомая получила крайне встревожившее ее письмо от жены одного из учителей Карна… Речь идет… Да, о Роуд, о Стелле Роуд и ее муже…

Он внезапно напрягся, и мисс Бримли, не сво-

дившая с него глаз, со страхом заметила, как его пухлое лицо исказилось, словно от боли и отвращения. Она больше не слышала того, что он говорил, следя за пугавшими ее изменениями выражения его лица, замечала, как побелели суставы пальцев его руки, сжимавших трубку. Он повернулся к ней и что-то сказал. До нее не сразу дошел смысл его слов… Слишком поздно. Стелла Роуд уже мертва. Ее убили поздним вечером в среду. И произошло это после того, как они с мужем поужинали в гостях у Филдинга.

Глава 3
В ночь убийства

Утренний поезд, отходивший на Йовил в восемь ноль пять с вокзала Ватерлоо, не пользовался популярностью, хотя в ресторане подавали превосходный завтрак. Смайли без труда нашел для себя место в совершенно свободном купе первого класса. День выдался холодным, сумрачным, а темное небо обещало снегопад. Он сидел, укутавшись в плотное дорожное пальто, купленное на континенте, держа в руке, но не снимая пока перчаток, пачку утренних газет. Человек, любивший точный распорядок дня и ненавидевший спешку, он прибыл на вокзал за тридцать минут до отхода поезда. Все еще чувствуя усталость после стресса вчерашнего вечера, когда он просидел, разговаривая с Эйлсой Бримли, до бог знает которого часа, было трудно заставить себя взяться за чтение. Но, глядя в окно на почти пустынную платформу, он, к своему удивлению, вдруг увидел, как вдоль нее быстрым шагом идет мисс Бримли с хозяйственной сумкой в руке, пристально вглядываясь в окна поезда. Приспустив

стекло, Смайли окликнул ее.

— Моя дражайшая Брим, что ты делаешь здесь в столь ужасающе ранний час? Тебе сейчас еще положено видеть третий сон.

Она села напротив него и принялась распаковывать сумку: термос, сандвичи, шоколад.

— Я не знала, можно ли в этом поезде позавтракать, — объяснила она. — И в любом случае хотела проводить тебя. Ты такой милый, Смайли, и мне бы очень хотелось поехать с тобой, но только в «Юнипресс» с ума сойдут, если я исчезну. Как обычно, там замечают, что человек когда-то существовал, стоит лишь ему отлучиться.

— Ты читала газеты? — спросил он.

— Просмотрела по диагонали по дороге сюда. Похоже, полиция считает, что это сделал не муж, а какой-то маньяк…

— Я знаю, Брим. Об этом ведь нам еще Филдинг сказал, верно?

Повисла неловкая пауза.

— Джордж, скажи, что я поступаю не как последняя скотина, отправляя тебя туда? Еще вчера я ни в чем не сомневалась, а теперь…

— Когда ты уехала, я созвонился с Беном Спэрроу из особого отдела. Ты ведь должна его помнить, правда? Он работал с нами во время

войны. И я рассказал ему об этой истории.

— Джордж! Но ведь было три часа утра!

— И тем не менее он обещал позвонить региональному старшему инспектору в Карн, сообщить ему о полученном тобой письме и уведомить о моем приезде. Бен думает, что расследование поручат офицеру по фамилии Ригби. А он вместе с ним учился в полицейском колледже. — Смайли посмотрел на нее, и взгляд его внезапно смягчился. — Кроме того, я ведь человек без определенных занятий, Брим. Перемена обстановки пойдет мне только на пользу.

— Бог тебе в помощь, Джордж, — сказала мисс Бримли, склад ума которой оставался достаточно женским, чтобы поверить ему Она поднялась, чтобы выйти из вагона, а Смайли добавил:

— Если тебе понадобится еще помощь или любое содействие, а до меня не удается дозвониться, в Митчаме живет человек по фамилии Мендель. Отставной полицейский инспектор. Его легко найти по справочнику. Свяжешься с ним и сошлешься на меня. Он сделает все, о чем ты попросишь. А я, между прочим, забронировал себе номер в гостинице «Герб Солеев».

Оставшись в купе один, Смайли с чувством неловкости перебрал провизию, доставленную

ему мисс Бримли. Он заранее предвкушал аппетитный завтрак в вагоне-ресторане. А потому кофе и сандвичи решил отложить на более позднее время. Вероятно, можно будет пустить их на легкий обед, решил он. А вот позавтракает он на славу.

Уже сидя в ресторане, Смайли прочитал первый из наименее сенсационных газетных отчетов о смерти Стеллы Роуд. Как выяснилось, в среду вечером мистер и миссис Роуд ужинали у мистера Теренса Филдинга, старшего преподавателя школы Карн и брата покойного Адриана Филдинга, известного историка Франции, который пропал без вести во время войны, выполняя специальное задание министерства обороны. Дом мистера Филдинга они покинули вместе примерно без десяти одиннадцать и прошли полмили, отделявшие центр Карна от их собственного дома, располагавшегося на окраине, рядом со знаменитыми игровыми полями школы. И только уже добравшись до своего жилища, мистер Роуд вспомнил, что забыл у мистера Филдинга экзаменационные работы, которые требовали проверки тем же вечером. (В этот момент до Смайли дошло, что он не уложил в чемодан смокинг, а Филдинг непременно пригласит к ужину и его.) Роуд ре-

шил вернуться, чтобы забрать бумаги, и пять минут двенадцатого тронулся в обратный путь. Судя по всему, миссис Роуд приготовила себе чашку чая и устроилась в гостиной, дожидаясь возвращения мужа.

К задней части их дома примыкает оранжерея, дверь из которой ведет непосредственно в гостиную. Именно там Роуд обнаружил жену по возвращении. На месте присутствовали признаки борьбы, с тела убитой пропали кое-какие недорогие ювелирные украшения. А в оранжерее царил настоящий разгром. К счастью, в среду днем выпал свежий снег, и сыщики из Дорчестера имели возможность в четверг утром изучить оставленные на нем следы. Мистером Роудом, перенесшим шок, занимались в центральной больнице Дорчестера. Полиция выразила желание допросить женщину из соседней деревни Пилль, известную в округе своими эксцентричными манерами и странностями поведения, по прозвищу Полоумная Джейни. Миссис Роуд, принимавшая активное участие в благотворительной деятельности и в частности организовывавшая некоторые мероприятия в рамках Международного года помощи беженцам, проявляла заинтересованность в ее судьбе и бла-

госостоянии, однако с ночи убийства женщина бесследно пропала. По первоначальной версии полиции, убийца увидел миссис Роуд одну в окно гостиной (она не задернула шторы), а потом миссис Роуд сама впустила преступника в дом, приняв его за вернувшегося от мистера Филдинга мужа. Вскрытие трупа было поручено патологоанатому из министерства внутренних дел.

Тон остальных репортажей был далеко не таким сдержанным. «Жесточайшее убийство в Карне!» — гласил один заголовок. «Учитель обнаружил труп жены в залитой кровью оранжерее» — сообщал другой. Третий вопил: «Умалишенная объявлена в розыск по подозрению в убийстве!» Брезгливо поморщившись, Смайли свернул в трубочку все газеты, кроме «Таймс» и «Гардиан», и зашвырнул их подальше на багажную полку.

В Йовиле он пересел на местную электричку до Стерминстера, Окфорда и Карна. Когда же он вышел наконец на станционную платформу Карна, было около одиннадцати утра.

Со станции он позвонил в отель и отправил туда багаж отдельно на такси. Гостиница «Герб Солеев» полностью заполнялась только дважды в год — на День поминовения и на праздник Святого Андрея. Большую же часть года она пустовала

и торчала, как чопорная викторианская леди в вуали, которой служили покрытые сажей листы кровельной черепицы, посреди неухоженной лужайки между станцией и аббатством Карн.

Землю все еще покрывал слой снега, но денек выдался погожий и сухой, а потому Смайли решил пешком прогуляться до городка, где ему предстояла встреча с офицером, возглавлявшим расследование убийства. Он вышел со станции, построенной в том же скуповатом викторианском стиле, и двинулся по аллее между голыми в это время года деревьями в сторону большой башни аббатства, отчетливо видной издалека на фоне бесцветного зимнего неба. Он пересек внутренний двор аббатства — красивую и даже величавую площадь, окруженную средневековой постройки домами, на крышах которых лежал снег, а в двориках кустами торчала прошлогодняя пожухлая трава.

Когда он входил в западные ворота аббатства и под ногами так приятно поскрипывал снег, где-то высоко над головой пробили часы, из миниатюрных крепостей на воротах навстречу друг другу выехали два закованных в латы конных рыцаря и приветствовали друг друга поднятием копий. Затем, словно они тоже были частью сложного

часового механизма, разом открылись другие двери, из которых толпой вывалились наружу мальчики в черных мантиях, торопливо двинувшиеся по заснеженной площади в сторону главного здания аббатства. Один из них пробежал так близко, что задел рукавом мантии плечо Смайли.

— Что происходит? — успел спросить его на ходу Смайли.

— Всех созывают на шестой час! — выкрикнул парень и пропал из виду.

Стоило Смайли миновать главный вход в школу, как он оказался в муниципальной части городка среди несколько мрачноватых построек XIX века, возведенных из местного камня, где местами еще сохранились готические трубы каминов и замысловатые окна с зубчатыми резными рамами. Вот и здание мэрии, а рядом — штаб-квартира местной полиции с флагом на шпиле, украшенным изображением Святого Георгия. Построенный лет девяносто назад, этот центр закона и порядка явно был рассчитан еще на отражение нападения лучников и пушек, стрелявших ядрами.

Смайли представился дежурному сержанту и сказал, что ему необходимо встретиться с ин-

спектором, отвечающим за расследование по делу миссис Роуд. С непроницаемым выражением лица сержант взялся за трубку местного телефона с таким видом, словно ему предстояло не просто позвонить, а проделать с аппаратом некий сложный трюк. Но, к немалому удивлению Смайли, ему сразу же объявили, что инспектор Ригби будет счастлив принять его немедленно, а навстречу даже выслали кадета-стажера из полицейского колледжа. После чего энергичным шагом провели вверх по лестнице, и уже через несколько секунд он обнаружил, что сидит напротив инспектора.

Это был мужчина столь же низкорослый, сколь и широкоплечий. Он вполне мог сойти за кельта, работавшего на цинковых карьерах Корнуолла, или за шахтера-угольщика Уэльса. Очень коротко постриженные черные волосы сходились в узкую челку к центру лба, чем-то напоминая парики актеров, играющих роль Мефистофеля. Руки его тоже были широкими и мощными. Телосложением и осанкой он напоминал борца, но говорил медленно и чуть картавил, как многие уроженцы Дорсета. Смайли вскоре подметил еще одну особенность его характера, которой редко отличаются малорослые мужчины: от-

крытость. Несмотря на хитроватый разрез глаз и скованность движений, Ригби казался человеком честным и прямодушным.

— Сегодня утром мне позвонил Бен Спэрроу, сэр. Очень рад вашему приезду. Как мне было сказано, вы привезли некое письмо.

Ригби еще раз окинул взглядом Смайли и, видимо, решил, что первое приятное впечатление его не обмануло. Он сам воевал и был наслышан, пусть и не в деталях, о военной работе Смайли. Если бы Бен Спэрроу просто сказал, что Смайли — отличный малый, для Ригби этого было бы достаточно. Но Бен сказал гораздо больше: «Похож на жабу, одевается, как букмекер, но у него мозги… Я бы дорого дал, чтобы иметь такие же. А на войне ему пришлось хлебнуть сполна. Врагу не пожелаешь».

Что ж, действительно смахивает на жабу — приземистый и пухлый. Толстые круглые стекла очков делают глаза нелепо огромными и выпученными. А уж одет так и в самом деле странно. Дорого одет, сразу видно. Но пиджак все равно топорщится там, где ему не положено топорщиться. Однако более всего Ригби удивила в госте его внешняя застенчивость. Он ожидал увидеть больше развязности у столичной штуч-

ки, приехавшей в такое захолустье, как Карн, и тем не менее Смайли держался серьезного и уважительного тона, что не могло не импонировать инспектору, который отличался известным консерватизмом в подобных вопросах.

Смайли достал из бумажника письмо и положил на стол, а Ригби в это время вытащил из потертого металлического футляра очки в золотой оправе и аккуратно завел дужки за уши.

— Не знаю, что вам рассказал об этом письме Бен, — начал Смайли, — но оно пришло с почтой в один небольшой еженедельник неортодоксального религиозного направления, на который была подписана миссис Роуд.

— А мисс Феллоушип — это та леди, которая принесла письмо вам?

— Нет. На самом деле ее фамилия Бримли. Она — главный редактор издания. Феллоушип ее псевдоним. Она подписывается так, когда отвечает в газете на вопросы читателей.

Темно-карие глаза на мгновение задержались на нем.

— Когда именно она получила письмо?

— Вчера, семнадцатого. В четверг еженедельник сдается в печать, и у нее полно других дел. Вот почему почту она просмотрела только вече-

ром. Это письмо она вскрыла, если не ошибаюсь, около шести часов.

— И она сразу показала его вам?

— Да.

— Почему?

— Во время войны она служила со мной в одном управлении. Ей не хотелось сразу обращаться в полицию, а я был единственным не полицейским, кого она сразу вспомнила. — Он понял, что сказанное прозвучало глуповато, и добавил: — Не полицейским, а просто человеком, способным ей помочь, вот что я имел в виду.

— Могу я поинтересоваться, сэр, кто вы сейчас по профессии? Чем зарабатываете на жизнь?

— Так, ерундой. Небольшим частным исследованием Германии семнадцатого столетия.

И снова собственная фраза показалась ему не слишком умной.

Но Ригби, казалось, не придал этому значения.

— А о чем было первое, более раннее письмо?

Смайли передал ему второй конверт, который почти исчез в огромной квадратной лапе инспектора.

— Она тогда выиграла конкурс, — объяснил Смайли.

И это то, с чем она победила. Как я понял, она из

семьи, которая подписывалась на еженедельник со времени его основания. Вот почему мисс Бримли не сочла ее письмо не стоящим внимания. Хотя это ничего не значит.

— Что вы имеете в виду?

— Я хотел сказать, история семейной подписки на газету в течение пятидесяти лет не обязательно исключает вероятность, что миссис Роуд, если можно так выразиться, попросту утратила душевное равновесие.

Ригби понимающе кивнул, но у Смайли возникло сомнение, на самом ли деле его мысль была им правильно истолкована.

— М-да, — произнес Ригби с усталой улыбкой. — Ох уж эти дамочки!

Теперь уже Смайли не знал, верно ли он сам его понял, но на всякий случай поддакнул и тоже улыбнулся. А Ригби между тем смотрел на него с крайне серьезным и задумчивым видом.

— У вас, случайно, нет знакомых среди персонала школы, сэр?

— Только мистер Теренс Филдинг. Мы с ним как-то встречались за обедом в Оксфорде. Предполагаю созвониться и навестить его. Ведь я очень хорошо знал его брата.

При упоминании о Филдинге Ригби чуть за-

метно напрягся, но промолчал и дал Смайли продолжить.

— Именно Филдингу я позвонил, когда мисс Бримли принесла мне письмо. Он и поделился со мной печальной новостью. Это было прошлым вечером.

— Понятно.

Они молча посмотрели друг на друга. Смайли выглядел почти комично в своей растерянности, а Ригби продолжал оценивать собеседника, прикидывая, многое ли стоит ему рассказывать.

— И надолго вы к нам? — спросил он после затянувшейся паузы.

— Пока не знаю, — ответил Смайли. — Мисс Бримли очень хотела приехать сама, но ей надо сдавать очередной номер. Она, видите ли, считает крайне важным сделать для миссис Роуд все возможное, пусть той уже и нет в живых. Просто потому, что та была давней читательницей газеты. Я обещал доставить письмо оперативно и по назначению. Едва ли я смогу помочь в чем-то еще. Задержусь, вероятно, на день-другой, чтобы встретиться с Филдингом и, быть может… Быть может, схожу на похороны. У меня забронирован номер в «Гербе Солеев».

— Неплохой отель.

Ригби бережно уложил очки в футляр и бросил его в ящик письменного стола.

— Любопытное место наш Карн, доложу я вам. Между городом и школой возникла почти пропасть или, как мы здесь говорим, стена между Жителем и Учителем; ни те ни другие не любят и не знают друг друга. А все от недоверия; от взаимного недоверия и непонимания. Вот почему столько сложностей возникает, когда случается нечто подобное. Нет, я, конечно, могу навестить мистера Филдинга или мистера Д'Арси. Они скажут: «Рады вас видеть, сержант», — и даже нальют мне чашку чая где-нибудь в кухне, но я никогда не стану для них своим. Они живут в собственном мирке и никого извне в него не допускают. Нет сплетен, которые можно собрать в пабах, нет осведомителей, нет ничего… Только чашка чая, печенье с тмином и почетное звание сержанта, которое они присваивают всем полицейским подряд.

Ригби вдруг рассмеялся, и Смайли с облегчением тоже рассмеялся.

— А я бы о многом хотел их расспросить. У меня к ним куча вопросов. Например, кому семейство Роуд нравилось, а кто их недолюбливал? Был ли Роуд хорошим преподавателем и как восприни-

мали его жену остальные? Вписывалась ли она в их окружение? А так я располагаю множеством улик как костяком дела, но на эти кости никак не нарастить мяса.

Он выжидающе посмотрел на Смайли.

— Если вам нужна моя помощь, буду только рад оказать ее, — после продолжительной паузы произнес тот. — Но в таком случае мне нужно знать все факты.

— Стелла Роуд была убита в среду шестнадцатого числа примерно между десятью минутами двенадцатого и без четверти двенадцать. Ей нанесли пятнадцать или даже двадцать ударов тяжелой дубинкой, обрезком трубы или чем-то в этом роде. Это было жуткое убийство… Жутчайшее. Следы побоев по всему телу. Первое впечатление, что она вышла из гостиной на звонок или стук в дверь, открыла ее и тут же получила тяжелый удар. Затем Стеллу Роуд отволокли в оранжерею. Наружная дверь туда оказалась не заперта, понимаете?

— Да, странно… Откуда убийца мог знать об этом?

— Он мог прятаться там прежде; но в этом трудно разобраться только по имеющимся следам. На преступнике были сапоги — высокие резиновые

сапоги сорок пятого размера. Замерив ширину шага по следам в саду, мы определили, что ростом он около шести футов. Затащив ее в оранжерею, он продолжал наносить удары — главным образом по голове. Именно в оранжерее найдены лужи артериальной крови. Больше такого количества крови не осталось нигде.

— А пятна крови на одежде мужа?

— Я расскажу об этом подробнее, но, если кратко, их почти не было.

После небольшой паузы он продолжил:

— Я упомянул о следах, и они действительно были. Убийца подошел к дому сзади, со стороны сада. Но как он попал туда и каким путем ушел, остается полнейшей загадкой. Понимаете, не осталось следов, ведущих от дома. По крайней мере следов резиновых сапог. И вообще никаких. Разумеется, можно допустить, что он ушел дорожкой от парадной двери к дороге, где мы сами много натоптали той ночью, но не думаю, что мы даже в таком случае упустили бы отпечатки его подошв.

Он снова посмотрел на Смайли и продолжил рассказ:

— В оранжерее он оставил только одну свою вещь — старый тряпичный пояс темно-синего

цвета. На первый взгляд от дешевого плаща. Мы сейчас с ним работаем.

— Она была ограблена? И вообще что-нибудь ценное пропало?

— Нет никаких признаков, что дом обшарили. У нее на шее были бусы из зеленых камешков. Вот их забрали. Такое впечатление, что убийца пытался снять у нее с пальцев кольца, но они не поддавались.

Он снова сделал паузу.

— Едва ли стоит упоминать, что за прошедшее время нам пришли сообщения о подозрительных типах в синих плащах и резиновой обуви со всех концов страны. Но насколько я знаю, ни у кого из них нет крыльев за спиной или сапогов-скороходов, чтобы перенестись от оранжереи прямо на шоссе.

Им пришлось снова прерваться, потому что стажер из полицейского колледжа принес поднос с чаем. Он поставил его на край стола, искоса посмотрел на Смайли и решил предоставить возможность разлить напиток по чашкам инспектору Он развернул поднос так, чтобы ручка чайника смотрела на Ригби, и удалился. Смайли с интересом разглядывал безукоризненно ровно расстеленную салфетку в тон чайнику с ситечком

на подносе, принесенном таким неуклюжим с виду кадетом. Ригби налил чай, и какое-то время они молча пили его. Смайли отмечал про себя, что Ригби производил даже несколько подавляющее впечатление эффективного в своей работе полицейского.

Сама простота манер этого человека и обстановка его кабинета делали его неотъемлемой частью общества, которую он призван был защищать. Невзрачная мебель, деревянный ящик с картотекой, голые стены, архаичный телефон с наушником, отделенным от микрофона, коричневая полоса по периметру стен и такая же коричневая дверь, блеск отражавшего свет линолеума, легкий запах карболки, неровно горящий газовый камин и календарь страхового общества «Пруденшиал» — все свидетельствовало о сдержанности и скромности, но в этой спартанской обстановке странным образом ощущались комфорт и вера в свои силы.

— Роуд вернулся к Филдингу за экзаменационными работами. Филдинг, само собой, подтвердил это. Пришел Роуд примерно в двадцать три тридцать пять — точнее Филдинг сказать не может. Причем Роуд у Филдинга не задержался ни одной лишней минуты. Просто забрал с порога те бума-

ги в портфеле, в котором обычно носит учебники и всякие школьные бумаги. Встречал ли он кого-то по дороге, Роуд не помнит. Ему показалось, что его обогнал велосипедист, но он в этом не уверен. Если верить Роуду на слово, то он направился прямо домой. Когда добрался, позвонил в дверь. На нем был смокинг, и ключа он с собой не взял. Он предполагал, что жена откроет ему, понимаете ли. И тут начинается чертовщина. Ночь выдалась лунная, землю покрывал снег, а значит, видимость была очень хорошей. Он окликнул ее, но она не отзывалась. Тогда он заметил следы, которые вели вокруг дома. И не просто следы, кровавые полосы на снегу там, где тело волокли к двери оранжереи. Однако даже при свете луны он не понял, что это кровь. Видел лишь что-то темное. Позже Роуд сказал, что принял кровь за грязную воду из сточной канавы, проходящей вдоль дорожки к дому. Однако он пошел по следу и попал к оранжерее. Там было темно. Он попытался включить фонарь, но тот не работал.

— Он не пытался зажечь спичку?

— Спичек у него не было. Он не курит. Его жена — враг табака. Он вошел внутрь. Стены оранжереи почти целиком стеклянные, за исключением нижних трех футов, а крыша покрыта черепицей.

Луна в ту ночь стояла высоко, и внутрь почти не попадало света. Проникало лишь немного в окошко двери, которая разделяла гостиную и оранжерею. Но в том-то и дело, что в гостиной миссис Роуд включила лишь тусклую настольную лампу. И он почти ощупью продвигался вперед, окликая жену по имени. А потом, сделав еще шаг, обо что-то споткнулся и чуть не упал. Наклонился и ощупал руками ее тело снизу доверху. Потом понял, что руки у него в крови. После этого он мало что помнит. В ста ярдах дальше по дороге живет с сестрой старший преподаватель по фамилии Д'Арси. Он услышал, как кто-то громко кричит на улице. Д'Арси вышел и увидел Роуда с окровавленными руками и лицом. Тот был явно не в себе. Д'Арси вызвал полицию, и я приехал туда около часа ночи. Я много страшных сцен повидал на своем веку, но это оказалось куда страшнее. Кровища была повсюду. Тот, кто убил Стеллу Роуд, сам должен был пропитаться кровью насквозь. Там неподалеку есть кран, который торчит из стены оранжереи. Из него текла вода. Видимо, убийца открыл его, чтобы отмыть руки. Сыщики обнаружили прямо под ним следы крови. Как я понял, Роуд сам незадолго до того чинил этот кран…

— А отпечатки пальцев? — спросил Смайли. — Что удалось обнаружить?

— Отпечатки самого Роуда повсюду. Но были и другие, смазанные и испачканные кровью, оставленные, по всей видимости, рукой в перчатке.

— Их оставил убийца?

— Они точно были оставлены до того, как к телу прикоснулся Роуд. Местами отпечатки Роуда частично перекрыли следы пальцев в перчатке.

Смайли ненадолго задумался и замолчал.

— Те экзаменационные работы, из-за которых он вернулся. Они действительно были ему так нужны?

— Да. По крайней мере, как понял я. Хотя, вероятно, все относительно. Он должен был их проверить и поставить оценки, чтобы передать мистеру Д'Арси к середине дня в пятницу.

— Хорошо, но зачем он вообще взял их с собой к Филдингу?

— А он и не брал. Всю вторую половину дня он проводил письменный экзамен и закончил только около шести часов. Поскольку сразу к себе домой он не собирался, то сложил работы в портфель и попросил одного из учеников — старосту корпуса по фамилии Перкинс — доставить его к Филдингу на дом. Перед ужином Роуду еще

нужно было закончить кое-какие дела в храме, в котором ему выпало дежурить всю неделю.

— Тогда где же он переоделся?

— В учительской гардеробной, рядом с общей комнатой корпуса. Ею пользуются, по большей части тренеры спортивных команд — многие живут довольно далеко от Карна.

— Парнишка, который доставил портфель домой Филдингу. Что можно сказать о нем?

— А мне почти нечего добавить к уже сказанному. Фамилия — Перкинс. Он староста корпуса, который курирует Филдинг. Тот сам с ним поговорил. История, рассказанная Роудом, полностью подтвердилась… Кураторы корпусов… Они здесь очень ревностно относятся к своим подопечным, знаете ли… И уж, конечно, не любят, когда им начинают задавать вопросы грубияны — полицейские вроде меня.

Ригби произнес это с неприкрытой досадой.

— Ясно, — отозвался Смайли, понимая, что ничем не в силах помочь, а потом спросил: — Как вы объясните содержание письма?

— Боюсь, что не только письмо требует объяснений. Смайли быстро вскинул на него взгляд.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, — ответил Ригби очень мед-

ленно, — что миссис Роуд за последние несколько недель совершила несколько весьма странных поступков.

Глава 4
Обыватели и преподаватели

— Миссис Роуд не принадлежала к англиканской церкви, как вы, вероятно, уже поняли. У нас в Карне вообще мощная нонконформистская община. Сказать вам правду, — добавил Ригби с легкой усмешкой, — к ней принадлежит и моя жена.

Пару недель назад наш преподобный зашел ко мне поговорить. Это было уже вечером. Примерно в половине седьмого. Я собирался домой, сказать по правде. Вот он и пришел прямо сюда, сел в то кресло, где сейчас сидите вы. Он у нас мужчина видный и рослый, наш священник. Хороший человек. Приехал сюда с севера, откуда родом миссис Роуд. Его фамилия Кардью.

— Тот самый мистер Кардью, упомянутый в письме?

— Именно. Он хорошо знал семью миссис Роуд еще до того, как они с мужем перебрались сюда. Гластоны очень популярны на севере, и мистер Кардью весьма обрадовался, узнав, что Стелла Роуд — дочь мистера Гластона. Так уж был доволен.

Миссис Роуд стала регулярно приходить к нему в молельный дом, и здесь это всем пришлось по душе. Моя жена-то как радовалась новой прихожанке, вы себе и представить не можете. Потому что, как я догадываюсь, у них впервые появился кто-то из школы. В основном прихожане молельного дома — это рабочий люд, городские жители. — Ригби снова улыбнулся. — Редкий случай, чтобы город сблизился со школой, если можно так выразиться. А в наших краях так и вообще уникальный.

— А что ее муж? Он тоже приходил с ней? Тоже был нонконформистом?

— Да, был когда-то. Она сама рассказывала мистеру Кардью. Мистер Роуд родился и воспитывался на севере в Брэнксоме, а вся его семья принадлежала к неофициальной церкви. Так, между прочим, мистер и миссис Роуд впервые познакомились, если я правильно понял — в молельном доме Брэнксома. Бывали когда-нибудь в тех местах? У них молельный дом даст сто очков вперед любой церкви. Настоящий храм и стоит на высоком холме прямо над морем.

Смайли отрицательно помотал головой, и карие глаза Ригби некоторое время в задумчивости взирали на него.

— На вашем месте я бы туда съездил. Непременно, — сказал он. — Однако, перейдя на работу в Карн, мистер Роуд принял англиканскую веру. И даже пытался уговорить жену последовать своему примеру. В школе англиканцы очень сильны. О Роудах мне тоже рассказала жена. Как правило, я запрещаю ей распространять слухи. Все-таки она из семьи полицейского. Но она обо всем узнала лично от Кардью.

— Понятно.

— Так вот, Кардью пришел поговорить со мной. Он был страшно взволнован и обеспокоен. Не знал, как ему быть, и решил поговорить со мной как с другом, а не как с представителем власти. — Ригби скорчил кислую гримасу. — Но когда люди приходят ко мне как к другу, я точно знаю, что нужен им прежде всего в роли полицейского. И он рассказал мне эту историю. В тот день к нему наведалась миссис Роуд. Он как раз уезжал в гости к одному фермеру в окрестностях Окфорда и домой вернулся в половине шестого или около того. А потому миссис Кардью пришлось развлекать гостью беседой до возвращения мужа. Миссис Роуд была бледнее полотна и сидела в напряженной позе у камина. Как только преподобный приехал, миссис Кардью оставила их одних, а миссис

Роуд начала говорить о своем муже. — Он помедлил. — Она заявила, что мистер Роуд собирается ее убить. Одной из долгих зимних ночей. У нее было что-то вроде идеи фикс — ее непременно убьют долгой зимней ночью. Кардью поначалу не принял ее слов всерьез. Но, немного обдумав ситуацию, решил сообщить мне.

Смайли не сводил с него пристального взгляда.

— Он никак не мог взять в толк, почему у нее возникла такая фантазия. Ему даже показалось, что она несколько не в себе. Он человек вполне приземленный, даром что священник. И, думаю, повел себя с ней чересчур жестко. Он так и спросил, с чего она вбила себе в голову столь нелепую мысль, а она расплакалась. Не устроила громкой истерики, а начала тихо лить слезы. Тогда он постарался успокоить ее, обещал помочь, еще раз поинтересовался, откуда у нее взялась подобная идея. Но она не ответила. Встала, подошла к двери, в отчаянии покачала головой. Вроде бы хотела сказать что-то еще, но промолчала и просто ушла.

— Примечательно, — заметил Смайли, — что она так откровенно солгала в своем письме. Там она даже подчеркнула, что ничего не говорила Кардью.

Ригби пожал могучими плечами.

— И вообще, уж простите, но я сам оказался в чертовски сложном положении, — сказал он. — Наш главный констебль скорее сам себе глотку перережет, чем обратится за помощью в Скотленд-Ярд. Ему нужно, чтобы мы сами арестовали преступника, и как можно скорее. И у нас на первый взгляд и в самом деле зацепок более чем достаточно. Следы на снегу, время убийства, описание одежды убийцы и даже орудие.

Смайли посмотрел на него с искренним изумлением.

— Так, значит, вы нашли даже орудие убийства?

Ригби замялся.

— Да, мы нашли его. Но об этом едва ли знает хоть одна живая душа, и моя обязанность предупредить вас, сэр, чтобы вы хранили тайну. Мы нашли его на следующее утро после убийства в четырех милях от Карна, брошенным в сточную канаву у дороги на Окфорд. Восемнадцатидюймовый обрезок так называемого электрического коаксиального кабеля. Знаете, что это такое? Они бывают разного размера, но диаметр нашего примерно два дюйма. По центру проходит толстый медный сердечник, отделенный от оболочки

пластмассовой изоляцией. Он был в крови — группа совпала с группой крови Стеллы Роуд, — и к нему прилипли ее волосы. Мы держим это в секрете от всех. Хвала Всевышнему, что нашел его один из наших людей. Это указывает направление, в котором скрылся преступник.

— Как я полагаю, никаких сомнений в том, что именно этот предмет послужил орудием убийства, у вас нет? — спросил Смайли с невинным видом.

— В ранах на трупе нами обнаружены мелкие частички меди.

— Но все же странно, не правда ли, — размышлял вслух Смайли, — что преступник нес орудие убийства с собой так долго, прежде чем выбросить? Особенно если он шел пешком. Казалось бы, гораздо разумнее было тут же отделаться от него.

— Да, вы правы. Это очень странно. Половина из четырех миль Окфордской дороги проходит вдоль берега канала, он мог бросить кусок кабеля в воду в любом месте. И мы бы не нашли его никогда.

— Кабель старый?

— Да не то чтобы очень. Совершенно стандартный. Таких полно на любой стройке. — Ригби

колебался с минуту, но потом его прорвало: — Послушайте, что я вам скажу, сэр. Обстоятельства подобного дела требуют особенно тщательного расследования. Масштабной поисковой операции, лабораторных анализов, массовых опросов населения. Этого добивается наш шеф, и он совершенно прав. Никаких прямых улик против мужа у нас нет вообще, хотя, если честно, и толка от него не добьешься. Он кажется растерянным, многого не помнит, путается в показаниях, когда речь заходит о мелочах, не имеющих отношения к делу. Забыл дату собственной свадьбы и фамилию лечащего врача. Это все, разумеется, последствия шока, и вполне понятно. Я принимаю во внимание всю важность вашего письма, сэр, и оно действительно наводит на странные размышления, но если бы с его помощью вы смогли объяснить мне, где можно было взять высокие резиновые сапоги, чтобы они потом бесследно исчезли, забить жену до смерти, почти не испачкавшись в крови, забросить орудие убийства за четыре мили от места преступления и сделать все это за десять минут пребывания в доме Филдинга, мне бы это очень сейчас пригодилось. А пока мы ищем незнакомца шести футов ростом, обутого в сапоги фирмы «Данлоп» сорок пятого размера,

одетого в синий, запятнанный кровью плащ и кожаные перчатки. Этот мужчина передвигается пешком и в ночь убийства находился в районе Норт-Филдз между двадцатью тремя десятью и двадцатью тремя сорока пятью, а потом отбыл в направлении Окфорда, прихватив с собой полтора фута коаксиального кабеля, бусы из зеленых самоцветов и брошку с имитацией бриллианта — общая стоимость «драгоценностей» двадцать три шиллинга и шесть пенсов. Мы разыскиваем маньяка, который убивает из удовольствия или ради добычи, сбыв которую, можно разве что неплохо пообедать.

Ригби перевел дух, грустно улыбнулся и продолжал:

— Известно также, что он умеет совершать прыжки по воздуху на пятьдесят футов. А теперь скажите мне, что еще мы можем предпринять, располагая подобной информацией? На что еще потратить время? Кого еще объявить в розыск? Могу я отправлять своих людей на задания, чтобы они гонялись за призраками? У нас ведь есть и другая работа.

— Мне это понятно.

— Но я — полицейский старой закалки, мистер Смайли, и ненавижу неопределенность. Я не

люблю заниматься поисками людей, в существование которых не верю, и терпеть не могу, когда у меня из-под носа уводят свидетелей. Я хочу встречаться с людьми, допрашивать их, совать повсюду свой нос, выслеживать и разнюхивать. Но мне этого не дозволено. Только не в нашей школе! Вы следите за моей мыслью? Вот почему нам приходится устраивать вселенские облавы, надеяться на криминалистов и собак-ищеек, хотя я нутром чую, что это дело совершенно из другого разряда.

— Я еще прочитал в газетах про женщину по прозвищу Полоумная Джейни…

— Как раз собирался перейти к этой теме. Миссис Роуд была доброй женщиной, с которой любой легко находил общий язык. По крайней мере на меня она производила такое впечатление. Не всем женщинам в молельне она нравилась, но вы же знаете этих кумушек. А вот с бедняжкой Джейни она, кажется, сдружилась. Джейни у нас почти нищенка, хотя приторговывает травами и какими-то амулетами через задние дворы. Ну, вы представляете, о чем я. Конечно, не без странностей. Разговаривает с птицами и все такое. Живет в заброшенном норманнском храме в Пилле. Стелла Роуд стала ей подкидывать еду

и кое-какую одежонку — а то она вечно ходила оборванная и полуголодная. А теперь Джейни вдруг исчезла. Ее видели ранним вечером в среду на тропе, ведущей к Норт-Филдз, и с тех пор — ни слуху ни духу. Конечно, это еще ничего не значит. Такие, как она, появляются и пропадают, и никто им не указ. Могут жить у тебя под боком годами, а потом вдруг растаять, как снег под костром. Она могла помереть. Валяется где-нибудь в канаве. Или занемогла и забилась в какой-нибудь угол, как дикая кошка. Джейни у нас не единственная городская дурочка. Но сейчас наделала шума, потому что мы обнаружили еще следы, ведущие вдоль деревьев по самым задам сада Роудов. По виду следы женские и в одном месте проходят совсем близко от оранжереи. Могла быть цыганка или другая бродячая нищенка. Возможно все, но я так думаю, что это Джейни наследила, и никто другой. И не просто думаю, а надеюсь и молю Бога, чтобы это оказались ее следы. Свидетельница нам не помешает, пусть она и немного того…

Смайли поднялся. Когда они пожимали друг другу руки, Ригби сказал:

— До свидания, сэр. В случае необходимости звоните мне в любое время. — Он написал номер телефона на листке лежавшего перед ним блок-

нота, вырвал его и протянул Смайли. — Это мой домашний.

Он проводил Смайли до двери. Немного помялся, но потом все же спросил:

— А вы сами, случайно, не выпускник Карна, сэр?

— Боже упаси!

Ригби снова помолчал, прежде чем сказать:

— Вот наш начальник — выпускник. Раньше служил в Индии. Армейский бригадир Хэвлок. Это его последний год в должности, и потому он так заинтересован в результатах расследования дела. Но тем не менее делает все, чтобы не пустить меня в стены школы. Ему это поперек горла.

— Ясно.

— Он может только требовать быстрого ареста преступника.

— И за пределами Карна, насколько я понимаю?

— Еще раз всего хорошего, мистер Смайли. Звоните. О, есть еще кое-что, о чем я забыл упомянуть. Тот обрезок кабеля…

— И что с ним такое?

— Дело в том, что мистер Роуд демонстрировал ученикам точно такой же, когда проводил занятие по основам электротехники. А недели три

назад куда-то положил и теперь не может найти.

К своей гостинице Смайли шел очень неторопливо.

Моя дорогая Брим!

Сразу же по прибытии сюда я передал твое письмо инспектору уголовного розыска, которому поручено расследование. Как и предполагал Бен, это некто Ригби: выглядит он как помесь Шалтая-Болтая с корнуоллским эльфом — приземистый крепыш, — но сразу видно, что далеко не глуп.

Чтобы, как положено, начать с середины, — наше письмо отнюдь не произвело ожидаемого эффекта; выяснилось, что еще две недели назад Стелла Роуд сообщила местному баптистскому священнику Кардью, что муж замыслил убить ее в одну из долгих ночей, что бы она ни подразумевала под этим. Если описывать обстоятельства убийства, то можно исходить из отчета в «Гардиан», который в целом соответствует действительности.

Говоря субъективно, то чем больше мне рассказывал Ригби, тем менее вероятным начинало казаться, что она была убита мужем. Почти все улики указывают в другом направлении. Мотив преступления неясен, зато найдено орудие убий-

ства, следы ног на снегу (принадлежавшие, по всей видимости, высокому мужчине в резиновых сапогах), а также отпечатки пальцев в оранжерее, оставленные кем-то носившим перчатки. Не забудем и один из самых важных аспектов: тот, кто совершил убийство, должен был весь перепачкаться кровью... По словам Ригби, оранжерея представляла собой ужасающее зрелище кровопролития. Разумеется, на Роуде были заметны следы крови, когда коллеги встретили его позже на улице, но лишь пятна, которые могли появиться, когда он в темноте наткнулся на тело. Примечательно, кстати, что следы ведут в глубь сада, но их нет на выходе из него.

Таким образом, на данный момент, как признает Ригби, у него есть лишь одна версия: убийцей был некий незнакомец, бродяга, вероятно, умалишенный, который совершил преступление либо ради чистого удовольствия, либо в целях похищения ювелирных украшений жертвы (которым грош цена) и удалился по дороге в сторону Окфорда, выбросив по пути орудие убийства. (Непонятно только, зачем он тащил его с собой четыре мили, а не выбросил в канал по другую сторону шоссе? Дорога на Окфорд пересекает обширный заболоченный участок, испещренный

каналами для предотвращения наводнений.) Если подобная интерпретация событий верна, то нам остается только списать послание от Стеллы Роуд и признание Кардью на ее воспаленное воображение или на предчувствие скорой смерти, которое может допустить только человек суеверный. В противном случае это самое невероятное совпадение, о котором мне доводилось слышать. Что и подводит меня к заключительной части моего письма.

В большей степени, судя по тому, о чем Ригби умалчивает, я понял, что главный констебль графства оказывает на него давление, требуя устроить крупномасштабные поиски бродяг в запятнанных кровью синих плащах (в отчете упоминается пояс от такого плаща). Ригби, разумеется, не может противиться воле руководства и выполняет его указания, однако совершенно очевидно, что есть нечто не дающее ему покоя — он мог о чем-то не рассказать мне, а быть может, это всего лишь интуиция старой ищейки. Мне показалось искренним его желание, чтобы я сообщал ему обо всем, что мне удастся узнать в школе — о семье Роудов, о том, как вписывались они в тамошнее окружение, и все такое. Для него самого монастырские стены школы

служат непреодолимым препятствием…

Так что, думаю, мне лучше задержаться здесь, навести кое-какие справки и постараться понять, что происходит. Вернувшись из полицейского участка, я созвонился с Филдингом, и он пригласил меня сегодня отужинать с ним. Напишу снова, как только появится новая информация для тебя.

Джордж

Тщательно запечатав конверт и с особым усилием придавив уголки большими пальцами, Смайли запер дверь номера и спустился вниз по мраморной лестнице, осторожно ступая по устилавшим ступеньки циновкам из копры кокоса. В фойе для удобства постояльцев был установлен красный деревянный почтовый ящик, но Смайли, будучи человеком осторожным, предпочел им не пользоваться. Он дошел до настоящего почтового ящика в виде обычной тумбы на углу улицы, опустил в него письмо и задумался, где бы ему пообедать. Конечно, у него оставались еще сандвичи и кофе мисс Бримли. С огромной неохотой он вернулся в гостиницу. Она была переполнена журналистами, а Смайли журналистов не любил. И было холодно, а Смайли не любил холода. Что ж, сандвичи в номере отеля… Это было до боли

знакомо.

Глава 5
Собачьи дела

Вскоре после семи часов вечера Джордж Смайли поднялся по ступенькам к парадной двери дома мистера Теренса Филдинга. Он позвонил, и его впустила в прихожую маленькая пухлая женщина лет пятидесяти пяти. Справа от него находился камин, в котором на куче пепла жарко пылали дрова, а выше виднелось что-то вроде хоров. Спиральная лестница из красного дерева вилась к верхнему этажу. Свет исходил главным образом от пламени камина, но Смайли смог разглядеть по стенам вокруг себя огромное количество картин различных эпох и стилей, а каминная полка была тесно уставлена всевозможными objects d'art[18]. Невольно содрогнувшись, он отметил, что ни огонь камина, ни многочисленные картины не могли до конца изгладить впечатления, что находишься в помещении школы, — из-за запахов купленной оптом мебельной полироли, какао и общей кухни. В разных направлениях от прихожей отходили коридоры, и Смайли заме-

[18] Примечания: 18
Произведениями искусства *(фр).*

тил еще одну характерную примету, вносимую школьными декораторами, — темно-коричневую или зеленую полосу, тянувшуюся вдоль нижней части коридорных стен. В конце одного из коридоров и появилась затем огромная фигура мистера Теренса Филдинга. Она надвигалась на Смайли — массивная, излучавшая добродушие. Великолепная седая шевелюра небрежно падала на лоб, а позади влачился шлейф мантии.

— Смайли? Ах! Вы уже познакомились с Тру? Я имею в виду мисс Трубоди — мою экономку. Великолепный снег, не правда ли? Чистейший Брейгель! Видели, как мальчишки катаются на коньках по Эйоту? Чудесное зрелище! Черные костюмы, пестрые шарфы, бледные лучи солнца — все необходимое, верно? Все, что нужно, чтобы радовать взгляд! Оживший Брейгель. Великолепно!

Он взял у Смайли пальто и перебросил через спинку потертого стула с плетеным сиденьем, стоявшего в углу.

— Нравится стульчик? Не узнаете?

— Что-то не припоминаю, — ответил Смайли чуть сконфуженно.

— А должны бы, знаете ли, должны бы! Я заказал его в мастерской Прованса перед войной.

Маленькая мастерская, с хозяином которой я свел знакомство. Поняли теперь, что напоминает? Точная копия желтого стула Ван Гога. Некоторые это сразу же замечают.

Он провел гостя по коридору в просторный и удобный кабинет, отделанный старым голландским кафелем, украшенный набором статуэток в духе Ренессанса, таинственного происхождения бронзовыми изделиями, фарфоровыми собачками и керамическими неглазурованными вазами. Посреди всего этого величественно возвышался сам Филдинг.

Как старший преподаватель и куратор корпуса в Карне, Филдинг вместо обычного академического наряда позволил себе надеть длиннополое широкое одеяние из тяжелой черной ткани и нагрудник с эмблемой школы, став похожим на монаха в церковном облачении. В этом следовало, видимо, разглядеть разительный контраст клерикального аскетизма наряда с нарочито яркой личностью самого хозяина. Поскольку все это было сделано продуманно, он решил нарушить строгость униформы и придать ей частичку своего необузданного темперамента, украсив ее свежими цветами, тщательно подобранными в собственном саду. Он приводил в бешенство

портных Карна, на тонированных витринах которых красовались гербы знатных родов и знаки поставщиков двора, заставляя их проделывать петлицы в своих академических мантиях. Затем, в зависимости от настроения, в петлицу продевалось что угодно: от ирландских роз до колокольчиков. Этим вечером выбор пал на розу, и, судя по ее свежести, Смайли заключил, что ее вдели в петлицу в самый момент его прихода, заготовив заранее.

— Херес или мадера?

— Бокал хереса, пожалуйста.

— Вы правы. Мадера — напиток шлюх, — сказал Филдинг, наполняя бокалы из графина, — но она нравится мальчикам. Возможно, именно по этой причине. Они невероятно игривы. — Он передал Смайли бокал и добавил с драматической модуляцией в голосе: — Мы все сейчас несколько подавлены этим жутким событием. Здесь никогда прежде не происходило ничего подобного. Видели вечерние газеты?

— Боюсь, что нет. Но в «Гербе Солеев» прохода нет от репортеров.

— Да, город буквально наводнили журналисты. А из Гемпшира вызвали армейские подразделения с миноискателями. Только Богу известно, что

они предполагают обнаружить с их помощью.

— Как воспринимают все ваши ученики?

— Они в полном восторге! Мои подопечные чувствуют себя на особом положении, потому, конечно, что в ту ночь Роуды ужинали здесь. Какой-то карлик из полиции даже хотел допросить одного из моих ребят.

— Неужели? — спросил Смайли, напуская на себя немного наивности. — Интересно, зачем это могло ему понадобиться?

— О, сие мне неведомо, — кратко ответил Филдинг и резко сменил тему. — Вы достаточно хорошо знали моего брата, насколько я слышал. Он мне, знаете ли, тоже о вас рассказывал.

— Верно, я был близко знаком с Адрианом. Мы, можно сказать, дружили с ним.

— И во время войны тоже?

— Да.

— Значит, вы все были из одной группы?

— Какой группы?

— Из той, куда входили Стид-Эспри, Джебеди и другие. — Да.

— Но вы не знаете обстоятельств гибели брата, не так ли?

— Нет, не знаю.

— Мы редко виделись с Адрианом в последние

годы его жизни. Будучи бледной копией, я не мог себе позволить светиться на фоне настоящего человека, — заявил вдруг Филдинг, причем в его тоне чувствовалась определенная рисовка. Не знавшего, что на это сказать, Смайли вывел из затруднения негромкий стук в дверь, после которого в комнату робко вошел высокий рыжеволосый паренек.

— Все в сборе, если вы готовы, сэр.

— Черт! — выругался Филдинг, залпом осушив бокал. — Опять молитвы.

Он повернулся к Смайли.

— Познакомьтесь с Перкинсом — лучшим старостой школы. Музыкально одаренный мальчик, но с учебой возникают проблемы. Я прав, Тим? Оставайтесь здесь или пойдемте с нами. Церемония продлится не больше десяти минут.

— Думаю, даже меньше, сэр, — сказал Перкинс. — У нас сегодня краткая молитва Nune Dimittis[19].

— Возблагодарим же Бога за мелкие милости! — громогласно воскликнул Филдинг. Поправив нагрудник, он быстро провел Смайли через коридор и прихожую. Перкинс семенил позади. На

---

[19] Примечания: 19
«Ныне отпущаеши раба Твоего…» *(лат.)*

ходу Филдинг продолжал монолог, не трудясь оборачиваться. — Я рад, что вы навестили меня именно сегодня. Как правило, я не принимаю гостей по пятницам, потому что их принимают все остальные, хотя никто сейчас толком не знает, допустимы ли развлечения в такой момент. Позже я жду к себе Феликса Д'Арси, но это едва ли можно считать развлечением. С Д'Арси все сводится к работе. Кстати, обычно мы переодеваемся к ужину, но это не имеет большого значения.

Смайли тем не менее ощутил неловкость. Они свернули за угол и попали в другой коридор.

— Мы теперь молимся чуть не каждый час. Директор возродил традицию: прима, терция, секста и так далее. Избыток благочестия во время семестра при полном воздержании в каникулы — вот такая смешная игра. Полезно только для того, чтобы лишний раз устроить перекличку.

Он провел гостя еще одним коридором, распахнул двойные двери, и они вошли прямиком в зал общей столовой. Филдинг следил за тем, чтобы мантия изящным шлейфом стелилась за ним. Мальчики уже ждали его.

— Еще хереса? Как вам показалась наша молитва? Они хорошо поют, не правда ли? Есть пара хороших теноров. В прошлом семестре мы

попытались устроить светское хоровое пение. Получилось недурно. Очень недурно. Д'Арси скоро придет. Гнусный тип. Выглядит как постаревший натурщик Сикерта[20]. Все эти брюки и воротнички! Вам повезло, однако, что его не сопровождает сестра. Она еще хуже!

— Какой предмет он преподает? — Разговор происходил после их возвращения в кабинет Филдинга.

— Предмет! Какие уж там предметы в этой школе! Никто из нас ничего не читал с тех пор, как окончил университет. — Он понизил голос и добавил злобно: — Причем это касается только тех, кто хотя бы вообще имеет университетское образование. Д'Арси преподает французский. Его выбрали главным куратором. Холостяк по призванию, слабак и баба по характеру.

Филдинг стоял посреди кабинета совершенно неподвижно, простирая правую руку в сторону Смайли.

— Если уж говорить о предмете, который он изучает, то это слабости других людей. И он сам себя назначил блюстителем протокола или чем-то вроде мажордома в Карне. Если вы позволите

---

[20] Примечания: 20
Сикерт, Уолтер (1860–1942 гг.) — английский живописец.

себе прокатиться в мантии на велосипеде, своевременно не пришлете ответ на приглашение, неправильно рассадите своих гостей за столом или назовете коллегу «мистер», Д'Арси окажется тут как тут, чтобы осудить вас и объявить выговор.

— Тогда в чем же заключается реальная роль главного куратора? — спросил Смайли, просто чтобы не молчать.

— Он исполняет роль третейского судьи между преподавателями классических дисциплин и естественниками. Сверяет расписание занятий, проверяет результаты экзаменов. Но главное, в чем заключается задача бедолаги, — это примирять искусства с науками. — Он горестно помотал головой. — Но для такого дела требуется гораздо более тонкая натура, чем Д'Арси. Хотя кому какое дело, кто получит лишний час для занятий в пятницу? Всем плевать. И уж точно — нашим бедным мальчикам.

Филдинг говорил долго, велеречиво, перескакивая с темы на тему, порой описывая руками в воздухе широкие круги, когда ему не хватало смелости метафоры. Он то презрительно и ядовито отзывался о коллегах, то заводил речь об учениках, демонстрируя если не понимание, то хотя

бы симпатию к ним, а потом вещал об искусстве то с подлинным жаром, то с наигранной грустью последнего и одинокого апостола Прекрасного.

— Карн — это не школа. Это интеллектуальный лепрозорий. Симптомы начинают проявляться уже вскоре после переезда сюда из университета. Начинается процесс постепенного расслоения мозга. Каждый день чье-то сознание умирает, дух атрофируется и загнивает. Мы наблюдаем, как это происходит с другими, надеясь, что такая же участь минует нас самих.

Он сделал паузу и выразительно посмотрел на свои руки.

— Что касается меня, то цикл завершился. Перед вами мертвая душа, а Карн лишь остается ее внешне живой оболочкой, внутри которой я еще обитаю.

Видимо, весьма довольный сделанным признанием, Филдинг раскинул длинные руки, чтобы широкие рукава мантии напоминали крылья гигантской летучей мыши.

— Вампир из Карна, — провозгласил он и склонился в поклоне. — Alcoholique et poet[21]! — И завершил представление громким хохотом.

---

[21] Примечания: 21
Алкоголик и поэт *(фр.)*.

Смайли вынужден был признать, что Филдинг весьма занятная личность. Фигура, голос, безудержный фривольный темперамент. И в целом — стиль актера большого кино. Его одновременно и привлекали, и отталкивали прихотливые и противоречивые чередования принимаемых Филдингом поз, ролей, которые он разыгрывал. Смайли даже задумался, не предполагается ли и его собственное участие в спектакле, но Филдинг, по всей видимости, был настолько ослеплен огнями рампы, что уже не различал перед собой аудитории. И чем дольше Смайли наблюдал, тем менее понятным становился ему образ, рисовавшийся перед ним: изменчивый, но бесплодный, смелый, но уклончивый, колоритный, непреклонный, но в то же время обманчивый и извращенный. Смайли уже жалел, что у него нет досье на Филдинга с набором реальных фактов его жизни — сведений о материальном положении, амбициях молодости и последовавших разочарованиях.

Его вывела из раздумий мисс Трубоди, объявившая о приходе Феликса Д'Арси.

Никаких свечей. На ужин только холодные закуски, которые, впрочем, отменно приготовила мисс Трубоди. Никакого кларета. Рейнвейн,

графин с которым передавали друг другу как десертное вино. И пришлось-таки ждать, причем ждать долго, того момента, когда Филдинг впервые упомянул о Стелле Роуд.

До этого они должным образом беседовали об искусствах и науках. Смайли бы это наскучило очень скоро, поскольку он не получал интересовавшей его информации, если бы Филдинг не подкалывал Д'Арси по любому поводу в явном стремлении выставить коллегу в самом дурном свете. Суждения Д'Арси о людях и проблемах в значительной степени диктовались соображениями приличий (подобающий и неподобающий были его излюбленными определениями) и действительно почти женской склонностью злословить по поводу коллег. Спустя какое-то время Филдинг спросил, кто заменит Роуда на время отсутствия, на что Д'Арси ответил:

— Никто, — а потом добавил с несколько слащавой интонацией: — Эта трагедия повергла все наше сообщество в немыслимый шок.

— Чепуха! — возразил Филдинг. — Мальчишкам нравятся страшные истории. Ведь чем меньше смерть касается нас лично, тем больше любопытства вызывает. Для них это дело лишь источник приятного возбуждения.

— Но возникла совершенно неподобающая для нашей школы шумиха, — сказал Д'Арси. — Крайне неприличная. Мне кажется, с этим согласятся все наши преподаватели.

Он обратился к Смайли:

— Пресса нас вконец замучила, знаете ли. В прошлом ничего подобного просто не допустили бы. Тогда все понимали, что дети из знаменитых семейств и такие важные заведения, как наше, не могут становиться объектами беззастенчивого вторжения репортеров. Поверьте, я знаю, что говорю. Но сейчас все изменилось. Причем кое-кто из наших сотрудников даже подписывается на эти низкопробные издания, чтобы, дескать, не оставаться в неведении. Одна воскресная газетенка, представьте, раскопала истории стразу четырех членов семьи Хектов. Причем всех описали далеко не как самых достойных людей, если мне будет дозволено так выразиться. И уж, конечно, если случается что-то дурное с выпускником Карна, они никогда не забывают помянуть всуе саму школу. Вы, вероятно, осведомлены, что у нас сейчас учится некий принц (я лично удостоен чести быть его наставником в изучении французского языка). Юный виконт Солей тоже наш ученик. Меня, например, крайне огорчило

освещение в прессе развода его родителей. Это было достойно лишь сожаления. Директор даже направил письмо в совет по делам печати на основе написанного мной черновика. Но после нынешней трагедии эти газетные ищейки превзошли сами себя. Репортеры просочились вчера даже на нашу вечернюю молитву. Ничего святого. Заняли все задние скамьи с правой стороны церкви. Службу организовывал как раз Хект, и он сделал все возможное, чтобы избавиться от них.

Д'Арси ненадолго умолк и горестно улыбнулся.

— Это, разумеется, не входило в его обязанности, но наш старина Хект ни перед чем не остановится. Истинный член братства. И отличный спортсмен, надо добавить, — пояснил он для Смайли.

— Вы считали Стеллу Роуд простоватой для Карна, не так ли, Феликс?

— Вовсе нет, — мгновенно отреагировал он. — И я не позволю тебе, Теренс, распространять обо мне подобные слухи. Мной люди никогда не делились по принципу принадлежности к разным общественным классам; для меня имеют значение только манеры. И здесь вынужден признать: да, я находил, что ее умение держать себя в обществе оставляло желать лучшего.

— Во многих отношениях она была именно тем человеком, в котором мы остро нуждались, — сказал Филдинг, обращаясь к Смайли и полностью игнорируя присутствие Д'Арси. — Она принимала то, что нас положение обязывало отвергать. В частности, контакты с жителями муниципальных домов. Но ведь для тебя, Феликс, форма всегда оставалась важнее содержания. Тебе эта женщина не нравилась как яркая антитеза Карну. Вот почему ты считал ее поведение недостойным.

— Вовсе нет, — повторил Феликс. — Всего лишь неподобающим для нашей школы.

Словно исчерпав аргументы, Филдинг обратился за поддержкой к Смайли.

— Посмотрите на нас, — произнес он. — Мы разговариваем на научном жаргоне, носим профессорские мантии, устраиваем торжественные обеды, произносим молитвы на латыни, хотя ни один из нас не способен перевести их на английский язык. Мы ходим в аббатство, где наши жены сидят в отдельном курятнике в своих нелепых шляпках. Но на самом деле за этим ничего не стоит. Только пустота.

Д'Арси устало улыбнулся:

— Поверить не могу, мой милейший Теренс, что человек, который сам так разборчив в выборе

столовых приборов и посуды, а также блюд к ужину, может делать вид, что ему безразличны нормы светского поведения. — Он повернулся к Смайли, ища поддержки, и тот, сделав несколько неопределенных жестов, вроде бы согласился с комплиментами в адрес хозяина. — И, кроме того, мы же не первый год знаем в Карне старину Теренса. Боюсь, что к твоим выходкам все здесь уже привыкли.

— А я уверен, что ты испытывал к той женщине неприязнь, Феликс. Она была честна, а Карн беззащитен перед такого рода честностью.

Внезапно Д'Арси взъярился не на шутку.

— Я не потерплю от тебя подобных заявлений. Просто не потерплю. У меня есть в Карне определенные обязанности, я испытываю чувство долга, которое хорошо бы иметь нам всем. И заключается этот долг в том, чтобы восстановить и поддерживать высокие стандарты поведения, которые, увы, понесли жестокий урон во время войны. Я прекрасно осознаю, что эта моя решимость неоднократно делала меня не самым популярным человеком в школе. Но любые выговоры или советы, исходившие от меня, никогда — заруби себе это на носу! — никогда не были направлены против личностей, а только против

грубых промахов в поведении людей, их неподобающих поступков. Речь здесь не может идти о личной неприязни, Теренс. И я не позволю никому утверждать, что неприязненно относился к самой миссис Роуд. Такое утверждение было бы ложным в любое время, а при сложившихся трагических обстоятельствах оно просто возмутительно. Происхождение и образование миссис Роуд не дали ей естественным образом необходимой подготовки к образу жизни, который ведем мы, но это совершенно другое дело. Я стремился просветить ее, а не критиковать — вот что я хотел бы тебе втолковать. Неужели это до сих пор не ясно?

— Более чем, — сухо ответил Филдинг.

— А как относились к ней жены других преподавателей? Она находила с ними общий язык? — осмелился спросить Смайли.

— Едва ли, — по-прежнему зло ответил Д'Арси.

— Жены! Бог ты мой! — простонал Филдинг и приложил ладонь ко лбу. Повисла пауза. — То, как она одевалась, я полагаю, многих из них огорчало. К тому же она пользовалась услугами общественной прачечной, что тоже производило далеко не лучшее впечатление. Не говоря уж о том, что она не принадлежала к нашей церкви…

— Она сблизилась хотя бы с кем-то из жен? — упорствовал Смайли.

— По-моему, у нее сложились добрые отношения с молодой миссис Сноу.

— И, как вы только что припомнили, она ужинала здесь в ту ночь, когда ее убили, верно?

— Да, — тихо сказал Филдинг. — В среду. А потом Феликс и его сестра отвели к себе несчастного мистера Роуда после случившегося…

Он посмотрел на Д'Арси.

— Да, так и было, — коротко подтвердил Д'Арси. Он тоже бросил взгляд на Филдинга, и Смайли показалось, что этот обмен взглядами был не случайным: в нем содержалось некое скрытое послание друг другу. — Такое не забывается… Но, Теренс, позволь мне ненадолго перевести разговор в профессиональное русло. Переводы, которые делает Перкинс, просто катастрофически плохи. Я еще никогда не видел, чтобы ученик допускал такое количество ошибок. Быть может, он нездоров? Ведь его мать — культурнейшая женщина, кузина Сэмфордов, насколько мне известно.

Смайли смотрел на Д'Арси и пытался понять его. На нем был полинявший, почти позеленевший от старости смокинг. Смайли бы не

удивился, услышав заявление Д'Арси, что эта вещь принадлежала еще его дедушке. Кожа на лице оставалась гладкой, как бывает у толстяков, хотя он отнюдь не страдал избытком веса. Говорил он чуть высоковатым голосом, примерно на одной ноте, и все время улыбался: улыбался независимо от того, молчал или произносил какие-то слова. Улыбка никогда не покидала его гладкого лица, словно ее вырезали на нем, а его губы вытянулись, демонстрируя превосходный набор зубов, так, будто уголки рта ему непрерывно растягивал пальцами стоявший за спиной невидимый дантист. Но вместе с тем лицо Д'Арси ничуть не напоминало застывшую маску. Напротив, его выражение менялось, демонстрируя тончайшие нюансы. В малейшем подергивании кончиков губ или носа, в самом мимолетном взгляде или чуть нахмуренных бровях при желании можно было что-то увидеть и прочитать. Сейчас он явно стремился увести разговор в сторону. Не от Стеллы Роуд (потому что чуть позже сам заговорил о ней снова), а от обстоятельств того вечера, когда она погибла, от точного описания, что именно тогда произошло. Но гораздо более интересным Смайли показалось другое: вне всякого сомнения, Филдинг стремился к тому

же. Их быстрый обмен взглядами можно было интерпретировать как продиктованный страхом безмолвный договор, взаимное предупреждение, а потому с этого момента манера поведения Фидцинга вдруг резко переменилась. Все шутовство куда-то улетучилось — он приобрел вид мрачный и озабоченный, и загадка этой смены настроения потом еще долго мучила Смайли.

Между тем Д'Арси обратился к Смайли с нежданными извинениями:

— Прошу простить, что завел разговор о сугубо внутренних делах Карна. Вам, вероятно, тоже кажется, что мы здесь живем в некоторой изоляции от общества. Я знаю: именно так нас часто воспринимают со стороны. Карн — «школа для снобов». Популярное мнение чужаков. Его к тому же усердно насаждает бульварная пресса. Но в то же время, несмотря на все претензии к нам нынешних авангардистов, — он бросил лукавый взгляд на Филдинга, — могу заверить, что никто не заслуживает клейма сноба меньше, чем Феликс Д'Арси.

Смайли впервые обратил внимание на его прическу. У него были тонкие, имбирного оттенка, волосы, которые густо росли на макушке, но полностью открывали розовую кожу на шее.

— Взять, к примеру, того же беднягу Роуда. Я, разумеется, никогда и не думал ставить ему в вину низкое происхождение. Мне было жаль его. Но, как я убедился, образование, полученное им в общественной школе, оказалось вполне приличным. Да и к нам он вписался достаточно быстро и успешно. Я так и сказал директору. Прямо сказал, что Роуд — отличный работник и блестяще справляется с церковными поручениями, — это я подчеркнул особо. Более того, я ставлю себе в заслугу помощь в его адаптации. При ненавязчивой поддержке опытного наставника люди, подобные Роуду, быстро усваивают наши правила и даже наши манеры. Директор полностью со мной согласился.

Бокал Смайли опустел, и Д'Арси, даже не взглянув на Филдинга, наполнил его из графина. У него были ухоженные руки без единого волоска, как у девушки.

— Но, — продолжал он, — буду с вами честен до конца. Что касается миссис Роуд, то она откровенно не желала следовать примеру мужа и приспосабливаться к здешней жизни.

Не переставая улыбаться, он деликатно отхлебнул глоток из своего бокала. Хочет раздать всем сестрам по серьгам, мелькнула мысль у Смайли.

— Она бы никогда не смогла стать в Карне своей, таково мое мнение, хотя, если не ошибаюсь, я ни с кем им не делился, пока она была жива. Против нее была вся предыдущая история ее жизни. На ней самой не лежало в этом ни малейшей вины — все дело в происхождении, которое, как я уже намекнул, оказалось совершенно непригодным для того, чтобы приспособиться к Карну. И уж если мы здесь можем себе позволить разговор откровенный и сугубо конфиденциальный, то, по моему мнению, именно прошлое навлекло на нее столь трагическую и преждевременную смерть.

— С чего вы это взяли? — моментально оживился Смайли. И Д'Арси, еще раз пристально посмотрев на Филдинга, ответил:

— У меня сложилось впечатление, что она ожидала покушения на свою жизнь. Моя сестра обожает собак, — продолжал Д'Арси. — Быть может, вы уже слышали об этом. При этом она испытывает особую привязанность к спаниелям породы кинг-чарлз. Она взяла главный приз на выставке в Северном Дорсете, а вскоре получила почетный диплом Крафтса[22] за свою питомицу Королеву Карна. Она продает щенков даже в Аме-

---

[22] Примечания: 22

Крафтс — самая престижная в мире выставка собак.

рику, представьте себе. Осмелюсь утверждать, что во всей стране наберется лишь горстка людей, которые бы знали эту породу так же досконально, как Дороти. Не далее как неделю назад такое же мнение изволила высказать жена нашего директора. Так вот — Роуды были нашими соседями, а Дороти не тот человек, чтобы пренебрегать обязанностями хорошей соседки. И в подобных вопросах она никогда не делает различий в социальном происхождении людей, могу вас заверить. У Роудов тоже была собака, небольшая обыкновенная дворняжка, но очень умная псина, которую они привезли сюда с собой. (Я, правда, представления не имею, откуда они переехали, но в данном случае это не имеет значения.) Нам казалось, что они очень привязаны к своему псу, и у меня не было оснований сомневаться в этом. Роуд даже брал его с собой на футбольные матчи, пока я не нашел удобного случая посоветовать ему не делать этого. Подобная практика вызывала насмешки со стороны определенной части школьников. У меня был случай убедиться в этом на собственном опыте, выгуливая спаниелей Дороти.

А теперь я, собственно, и перехожу к сути дела. Дороти пользуется услугами ветеринара по

фамилии Гарриман — прекрасного специалиста и человека вполне светского, который живет в районе Стерминстера. Две недели назад она вызвала его к нам, потому что у Королевы Карна развился сильный кашель. Суку такого качества надо ценить и лелеять, как вы сами понимаете.

Филдинг громко застонал, но Д'Арси и бровью не повел, продолжая рассказ:

— Я как раз был дома, а Гарриман задержался у нас на чашку кофе. Он, как я уже отметил, человек нашего круга. Речь зашла о собаке Роудов, и тут вскрылась неприглядная правда: буквально накануне миссис Роуд попросила усыпить своего пса. По ее словам, он покусал почтальона. В ее изложении все звучало странно и запутанно: якобы почтовое ведомство грозило им судом, приезжала полиция и так далее и тому подобное. И вообще, сказала миссис Роуд, от такой собаки никакого толка. Она не может защитить своих хозяев, а только лает попусту. Стелла так и заявила Гарриману: «Наш пес ни на что не годен».

— И что же, ее даже не опечалила смерть собаки? — спросил Смайли.

— Напротив. Гарриман рассказывал, что она привезла ее вся в слезах. Миссис Гарриман долго отпаивала ее чаем. Они предложили ей сохранить

животному жизнь, поместить на какое-то время в питомник, но она была настроена решительно, очень решительно. Гарримана это совершенно сбило с толку, как и его супругу. Обсуждая произошедшее позже, они сошлись во мнении, что миссис Роуд вела себя не совсем нормально. Более того, выглядела явно растерянной. Другим примечательным фактом оказалось состояние, в котором она привезла собаку. Специалист, конечно же, сразу заметил приметы дурного обращения — и прежде всего следы побоев.

— Гарриман обсуждал с ней ее мнение о животном? Говорил о полезности или бесполезности собак? И какое мнение он вынес из всего этого? — Смайли не сводил с Д'Арси пристального взгляда.

— Она только твердила одно и то же, но ничего не хотела внятно объяснить. Хотя лично мне представляется, что объяснение здесь может быть только одно. И совершенно очевидное.

— И какое же? — спросил Филдинг.

Д'Арси склонил голову и принялся поглаживать мочку уха.

— Каждый из нас обладает способностями к дедукции, пусть и минимальными, — сказал он. — После смерти Стеллы Роуд мы с Дороти при-

нялись строить некоторые предположения. Мы посчитали, что до переезда в Карн миссис Роуд завела некие не совсем благовидные отношения, которые в последнее время возобновились, причем… Причем не обязательно она была этому рада. Сюда явился некий ее бывший возлюбленный. Вероятно, человек грубый и склонный к насилию, которому не понравились нежданные перемены к лучшему в жизни ее семьи.

— Насколько сильно пострадал от собаки Роудов почтальон? — спросил Смайли.

Д'Арси снова повернулся к нему.

— А вот в этом и заключается самое удивительное. Главная загадка всей истории, мой уважаемый коллега: собака вообще не кусала почтальона. Дороти специально навела справки. История миссис Роуд лжива от начала до конца.

Они поднялись из-за стола и перешли в кабинет Филдинга, куда мисс Трубоди подала кофе. Разговор продолжал так или иначе вращаться вокруг трагедии в среду вечером. Для Д'Арси главным предметом озабоченности продолжали служить сопутствовавшие ей неприятности: назойливость журналистов, неделикатность полицейских, подозрительные связи миссис Роуд, необходимость сгладить последствия для

повергнутого в горе мистера Роуда. Филдинг же по-прежнему оставался на удивление молчаливым и погруженным в собственные мысли, что не мешало ему по временам искоса бросать на Д'Арси взгляды, в которых читалась острая неприязнь. Ровно без четверти одиннадцать Д'Арси заявил, что устал, и они втроем вышли в большую прихожую корпуса, куда мисс Трубоди предусмотрительно принесла пальто Смайли, а также пальто, кашне и шапку Д'Арси. На все благодарности за гостеприимство, в которых рассыпался последний, Филдинг ответил лишь угрюмым и легким поклоном. Затем он обратился к Смайли:

— Этот ваш звонок мне. Я так до конца и не понял, чем он был вызван.

— А! Его причиной послужило письмо от миссис Роуд, полученное почти перед самой ее смертью. — Смайли старался свести подробности к минимуму. — Этим письмом сейчас занимается полиция, но они, кажется… Словом, они не придают ему особого значения. Скорее даже никакого значения вообще. В нем нашла отражение, — он смущенно улыбнулся, — свойственная миссис Роуд мания преследования. Такой термин обычно употребляют в подобных случаях. Однако мы,

возможно, еще обсудим эту тему. Вы просто обязаны отужинать со мной в отеле до моего отъезда. А сами часто бываете в Лондоне? Мы могли бы встретиться там по окончании семестра.

Д'Арси стоял на пороге, глядя на только что выпавший снег, ровным слоем покрывавший тротуар перед домом.

— Вот, — сказал он с улыбкой человека бывалого. — Вот тебе длинные ночи, Теренс, что скажешь? Наши долгие ночи.

Глава 6
Оберег против дьявола

— Что вы так многозначительно называете долгими ночами? — спросил Смайли, когда они с Д'Арси быстрым шагом направились по свежему снежку в сторону центра аббатства.

— Это нечто вроде местной приметы: самыми долгими зимними ночами в Карне всегда выпадает снег. И еще это почти официальное название ночей во время Великого поста, — объяснил Д'Арси. — До Реформации монахи аббатства во время Великого поста бодрствовали в часы от вечерней молитвы до обедни. Вам это, вероятно, известно из истории. Когда же аббатство утратило свое чисто религиозное назначение, обычай соблюдать перестали. Мы следовали ему только в части великопостного вечернего молебна. Традиционно в расписании каноника это была последняя молитва перед отходом ко сну. Но наш директор, который относится к подобным вещам трепетно, ввел часть старых порядков. Прима произносится на рассвете, как вы скорее всего тоже знаете. Терция — в третий час наступления дня, то есть

около девяти утра. Раньше мы называли это просто утренней молитвой, а теперь только терцией. Мне нравится. Точно так же, в рождественский и Великий посты, мы собираемся на сексту в аббатстве.

— Участие во всех этих службах обязательно?

— Конечно. Иначе пришлось бы устраивать обходы и вылавливать учеников, которые уклоняются, что крайне нежелательно. И не забывайте: Карн в основе своей имеет религиозный фундамент.

Ночь выдалась волшебно красивой. Когда они пересекали главную площадь аббатства, Смайли посмотрел на вершину колокольни. При лунном свете она казалась не такой высокой и величественной. От белизны снега даже вечернее небо просветлело, и на его фоне все аббатство вырисовывалось особенно отчетливо, выделялась каждая деталь — даже осыпавшиеся лики каменных святых, утративших цель своего существования и слепо взиравших на окружавший их совершенно изменившийся за прошедшие века мир.

Они добрались до перекрестка к югу от аббатства.

— Боюсь, здесь наши пути расходятся, — сказал

Д’Арси, протягивая для прощания руку.

— Ночь уж больно хороша, — поспешил заметить Смайли. — Не будете возражать, если я провожу вас до дома?

— Нисколько, — суховато ответил Д’Арси.

И они вместе свернули на Норт-Филдз-лейн. Высокая каменная стена проходила вдоль одной ее стороны, а по другую на полторы мили протянулись просторные поля для спортивных игр, где одних только площадок для регби насчитывалось не менее двадцати. Они прошли почти все это расстояние молча, а потом Д’Арси остановился и указал тростью куда-то за спину Смайли, где на краю спортивной зоны притулилась небольшая постройка:

— Это и есть Норт-Филдз, дом Роудов. Раньше там жил работник, который ухаживал за полями, но несколько лет назад дом расширили, пристроили крыло и сочли пригодным жильем для одного из младших преподавателей. Мой дом, конечно, значительно больше, но располагается дальше вдоль дороги. К счастью, я любитель пеших прогулок.

— Значит, где-то примерно здесь вы обнаружили Стэнли Роуда той ночью?

После небольшой паузы Д’Арси ответил:

— Нет, это случилось ближе к моему дому. Примерно еще в четверти мили отсюда. Он был в ужасающем состоянии, бедолага, просто в ужасающем. Я не выношу вида крови и, честно говоря, если бы знал, как он будет выглядеть при свете, то едва ли привел бы его домой. Слава Богу, моя сестра Дороти — женщина, которой все нипочем.

Они снова некоторое время шли в молчании, а потом Смайли сказал:

— Судя по вашим репликам за ужином, Роуды были плохо совместимой друг с другом парой.

— Вот именно. Если бы она умерла иначе, я бы назвал это вмешательством Провидения и благословением свыше для Роуда. Она была злонамеренным существом, Смайли, и делала все, чтобы выставить мужа на посмешище. Причем уверен, что поступала она так нарочно. Не все разделяют мое мнение, но меня не переубедишь, и тому есть причины. Ей доставляло удовольствие унижать его.

— И вредить этим Карну тоже, несомненно.

— Точно так. Карн как раз переживает критический период своего развития. Многие общественные школы поддались вульгарным поветриям реформы образования — заметьте, реформы любой ценой. Карн, к моему величайшему удо-

влетворению, не поддался этому губительному влиянию. Вот почему так важно сейчас защищать свои принципы от нападок извне и изнутри.

Он говорил это с поразительным воодушевлением.

— Но неужели она представляла собой такую уж большую проблему? Наверняка было бы достаточно, чтобы муж поговорил с ней по душам и вразумил?

— Лично я никогда не склонял его к этому, могу вас заверить. Не в моих правилах влезать в отношения между супругами.

Они добрались до дома Д'Арси. Высокая живая изгородь из лавра почти полностью закрывала вид на него с дороги, виднелись только две каминные трубы с несколькими дымоходами внутри, что подтверждало первое впечатление Смайли: дом был огромным и в викторианском стиле.

— Я не стыжусь своего старомодного вкуса, — сказал Д'Арси, медленно открывая металлическую калитку. — Впрочем, до Карна еще не докатились новомодные веяния, сделавшие все викторианское признаком дурного тона. В этом доме когда-то жил священник церкви Норт-Филдза, но теперь там главенствует святой отец из

аббатства. А поскольку приход все еще находится в полном подчинении школы, мне повезло заполучить его. Спокойной ночи. Вам надо бы заглянуть к нам на стаканчик хереса до отъезда. Долго вы еще пробудете здесь?

— Едва ли долго, — ответил Смайли, — и к тому же у вас и без меня сейчас забот хватает.

— Что вы имеете в виду? — вскинулся на него Д'Арси.

— Пресса, полиция, организационные хлопоты…

— Ах да, конечно, в этом вы правы. Но что бы ни случилось, а жизнь нашего сообщества должна идти своим чередом. В середине каждого семестра мы традиционно устраиваем небольшой званый вечер, и мне представляется особенно важным не нарушить эту традицию даже при таких обстоятельствах. Я пришлю приглашение вам в отель завтра же. Сестра будет очень рада. Спокойной ночи.

Он звякнул створкой, и в ответ на звук откуда-то из-за дома тут же донесся лай собак. Открылось окно, и послышался хрипловатый женский голос:

— Это ты, Феликс?

— Да, Дороти.

— Какого черта ты вечно поднимаешь столько шума? Ты опять разбудил собачек.

Окно захлопнулось с громким раздраженным стуком, и Д'Арси, не оглянувшись больше в сторону Смайли, быстро пропал в тени фасада дома.

Смайли двинулся в обратный путь той же дорогой в сторону города. Но минут через десять остановился и снова посмотрел на дом Роудов, располагавшийся в ста ярдах позади игровых площадок. Он стоял в тени небольшого ельника, темный и таинственный на фоне окружавшей белизны полей. К дому вела узкая дорожка. В начале нее возвышался сложенный из кирпича почтовый ящик, а рядом располагался невысокий, сработанный из дуба указатель со стрелкой, судя по виду, совсем новый. Смайли решил, что на нем обозначено направление на деревню Пилль. Надпись скрывал налипший покров снега, и, только смахнув его рукой, Смайли смог прочитать надпись «Норт-Филдз», сделанную нарочито вычурным готическим шрифтом, что не могло не вызывать раздражения Д'Арси. Дорожку покрывал нетронутый слой недавно выпавшего снега. Едва ли путем между Пиллем и Карном пользовались слишком часто. Быстро посмотрев в оба конца главного шоссе, Смайли

пошел по ней. Почти сразу по обе стороны выросли высокие каменные стены, и уже скоро он мог видеть только бледное небо над собой да обнаженные ветви ив, возвышавшихся над стенами. В какой-то момент ему показалось, что он слышит звук шагов почти у себя за спиной, но, остановившись, не различил больше ничего, кроме едва уловимого потрескивания промерзших камней ограды. Зато он отчетливее ощутил холод, который сгустился между колеями закрытого с обеих сторон проселка, продирая до костей промозглым воздухом, словно исходившим от пустого дома. Вскоре ограда с левой стороны уступила место линии деревьев, и Смайли понял, что обошел с противоположной стороны лесок, который прежде видел с шоссе. Под кроны елей снега проникло немного, и обнаженная земля показалась ему уродливо голой и неуместной среди белизны зимы. Дорожка между тем вела не прямо, а постоянно сворачивала левее, и совершенно неожиданно перед ним возникла тыльная сторона дома, казавшаяся вытянутой и неровной в лунном свете. Стены, сложенные из кирпича и камней, были увиты толстыми стеблями плюща, образовавшими густое сплетение над задним крыльцом.

Он посмотрел в сторону сада. Ели, растущие вдоль дорожки, достигали почти самого угла дома и дальнего конца лужайки, загораживая задний двор от игровых полей. Убийца добрался до дома по тропинке через лужайку, а потом сквозь линию деревьев у дальней оконечности сада. Пристально вглядевшись в снежный покров, Смайли с трудом смог различить тропу. Белая застекленная дверь в левой части дома наверняка служила входом в оранжерею… И тут он вдруг понял, что ему страшно — его пугал и сам дом, и темно-зеленые тени елей. Это чувство пришло к нему как боль, возвращающаяся после окончания действия анестезии. Плющ со стен, казалось, тянулся к нему, стремясь ухватить и потащить за собой, как старуха тянет за руку упирающегося ребенка. В лунном свете дом казался больше и неопрятнее, чем был на самом деле, приобретая необычные очертания и отливая маслянистой чернотой стен. Завороженный этим зрелищем, Смайли преодолел страх и пошел к нему. Тени изгибались и изламывались, то резко двигаясь, то полностью замирая, прячась в густом сплетении веток плюща, то сливаясь с неосвещенными окнами.

Не без тревоги он отметил в себе первую вол-

ну надвигавшейся паники. Да, ему уже было страшно, но теперь все ощущения слились в безмолвном вопле ужаса, когда возбужденный мозг не в состоянии больше различать зрительное, слуховое и осязательное наваждения. Он повернулся, чтобы побежать обратно в сторону дороги, но невольно оглянулся через плечо в сторону дома.

На тропинке стояла женщина и смотрела на него. У нее за спиной медленно раскачивалась на петлях открытая дверь оранжереи.

Какую-то секунду она стояла неподвижно, а потом бросилась к оранжерее. Преодолев страх, Смайли последовал за ней. От угла дома он с изумлением увидел, что она не скрылась внутри, а задержалась у двери и раскачивает ее туда и обратно, разглядывая в задумчивой сосредоточенности ребенка, нашедшего новую игрушку. Стоя к Смайли спиной, она вдруг резко повернулась и заговорила, растягивая слова, как типичная уроженка Дорсета, и с глуповатой детской интонацией:

— Я подумала, вы — Дьявол, мистер, но ведь у вас совсем нет крылышков.

Смайли застыл в нерешительности. Любая

попытка подойти ближе могла испугать ее и обратить в бегство. Он посмотрел на женщину через разделявшую их полосу снега, стараясь понять, кто перед ним. Голову незнакомки покрывал то ли старый чепчик, то ли обрывок шали, на плечи был накинут темный плащ с капюшоном. В руке она держала ветку с желтыми листьями и слегка помахивала ею, разговаривая с ним.

— Но вам ни за что мне не навредить, мистер, потому что у меня есть против вас оберег. Стойте-ка лучше на месте, мистер. До маленькой Джейни вам все равно не дотронуться.

Теперь она уже выразительно вытянула ветку в его сторону и тихо засмеялась. Одной рукой она продолжала держаться за дверь, а разговаривала, склонив голову набок.

— Держитесь подальше от маленькой Джейн, мистер, пусть она и красавица.

— Да, Джейн, — мягко сказал Смайли, — ты очень красивая девочка. Я ведь вижу. А какой замечательный на тебе плащ!

Явно довольная комплиментом, она взялась за лацканы плаща и медленно повернулась, причем выглядело это как неловкая пародия на движения модели, демонстрирующей наряд.

Смайли обратил внимание на болтающиеся

рукава плаща.

— Есть такие, кто смеются над Джейни, — сказала она, капризно надув губы. — Но никто из них не видел, как летает дьявол, мистер. А Джейни его видала, да, видала. У него еще были серебряные крылышки, как две рыбки, и Джейни их тоже видала.

— Где ты взяла этот плащ, Джейни?

Но она только сложила руки вместе и медленно покачала головой из стороны в сторону.

— Он — плохой, мистер. Ох, какой он плохой.

А потом вдруг снова рассмеялась.

— Но я видела, как он летал. Летал, будто вместе с ветром. — Опять смех. — А сзади у него была луна, и она освещала ему путь, вот как! Они как брат с сестрой — дьявол и луна.

Подчиняясь импульсу, Смайли сорвал со стены пучок листьев плюща и протянул ей, медленно и осторожно.

— Ты ведь любишь цветы, Джейни? А у меня есть цветы. Красивые цветочки для красавицы Джейни.

Он подошел почти вплотную, когда она резко сорвалась с места и с удивительным проворством бросилась бегом через лужайку, сначала исчезнув среди деревьев, а потом и вовсе свер-

нув куда-то в сторону от дорожки. Смайли не бросился вдогонку. Все его тело было покрыто холодным потом.

Но как только он добрался до отеля, сразу позвонил инспектору Ригби.

Глава 7
Церковь короля Артура

Кофейня при гостинице «Герб Солеев» более всего напоминала павильон тропиков в ботаническом саду «Кью Гарденс». Построенный в ту пору, когда самым модным растением стал кактус со своим неизбежным спутником бамбуком, зальчик был задуман архитектором как поляна среди джунглей. Стальные опоры, разделенные на секции, словно стволы пальм, поддерживали высокую стеклянную крышу, призванную, видимо, заменить собой небо Африки. Огромные горшки и кашпо из покрытой бронзовой или зеленой глазурью керамики содержали в себе все самое красивое и плодовитое, что мог предложить мир кактусов, а на бамбуковых диванах между ними пожилые постояльцы отеля попивали кофе, вспоминая, должно быть, сколько неудобств перенесли когда-то, участвуя в сафари.

Попытки Смайли добыть бутылку виски и сифон с содовой в половине двенадцатого ночи увенчались успехом далеко не сразу. Складывалось впечатление, что журналисты, как

стервятники, объевшиеся падалью, разлетелись по гнездам. Единственным живым существом, встреченным Смайли, оказался ночной портье, который воспринял его просьбу с глубочайшим неодобрением, посоветовав запоздалому гостю отправляться спать. Обычно начисто лишенный напористой настойчивости, Смайли в этот раз проявил это качество сполна, обнаружив в кармане пальто монету в пол кроны, которую неловким жестом сунул в руку престарелого представителя обслуживающего персонала. Смайли не назвал бы это чудом, но необходимого эффекта добился. К тому времени, когда Ригби добрался до отеля, он уже сидел в кофейне рядом с ярко горевшим газовым камином, а на столике перед ним стояли стаканы и бутылка спиртного.

Оперативно, но в мельчайших подробностях Смайли доложил инспектору обо всех событиях вечера.

— Мое особое внимание привлек плащ. Плотный, скорее мужской, — завершил он рассказ. — Я сразу вспомнил о синем поясе и…

Он оставил фразу незавершенной. Ригби кивнул, поднялся и быстро вышел через двойные двери на пружинах к стойке портье. Вернулся он через десять минут.

— Думаю, нам надо отправляться туда и брать ее, — сказал он. — Я уже вызвал машину.

— Нам? — переспросил Смайли.

— Да, если вы не возражаете. В чем дело? Неужели боитесь?

— Боюсь, — честно ответил Смайли.

Деревня Пилль расположилась к югу от Норт-Филдз на высокой скале, которая совершенно неожиданно вырастала из абсолютно плоской и слегка заболоченной равнины, именуемой долиной Карн. Вся она состояла из нескольких каменных коттеджей и небольшой гостиницы, где пиво подают только в той части здания, где живет владелец. Если смотреть на деревню со стороны игровых полей Карна, то издали ее можно принять за развал крупных камней поверх каменистого же холма, поскольку с северной стороны домов не видно и различима только конусообразная скала. Местные историки считают Пилль древнейшим поселением на территории Дорсета, возводят происхождение его названия к англосаксонской гавани, которую римляне превратили в настоящий порт в те времена, когда вся низменность еще представляла собой морское дно. Вам непременно расскажут и легенду о том, как король Артур сделал здесь остановку для от-

дыха после семимесячного плавания и как здесь же ему явился святой Андрей — покровитель мореплавателей. На месте их встречи король возвел церковь Пилля, где возжег по одной свече в честь каждого месяца, проведенного в морских скитаниях. Предание гласит, что в церкви, которая до сих пор стоит одинокая и заброшенная на вершине холма, с тех пор зарыта бронзовая монета, врученная Артуром настоятелю, прежде чем пуститься в новое плавание к острову Авалон.

Инспектор Уильям Ригби — сам увлеченный краевед — прочитал Смайли краткую лекцию по историческому и легендарному прошлому Пилля, пока их машина осторожно продвигалась вперед по заснеженному проселку.

— Эти крошечные глухие деревушки — странные местечки, доложу я вам, — заметил он. — Зачастую в них живут всего три-четыре семьи, члены которых женятся друг на друге, так что скоро их не отличишь, как выводок котят. Вот откуда берутся все наши деревенские и городские идиоты. Они сами называют это метой дьявола, а по мне так чистое кровосмешение. И сами же потом изгоняют дурачков и дурочек из деревень — словно хотят любой ценой избавиться от позора. Вы же понимаете, о чем я?

— Конечно, понимаю.

— Джейн из тех, кто помешался на религиозной почве. Таких у нас есть еще парочка. Все жители Пилля теперь баптисты, и церковь Артура больше никому не нужна. Ею не пользовались со времен Уэсли. Она пустует и постепенно разрушается. Сюда только иногда забредают туристы из долины, любители старины, но никто ничего не делает, чтобы спасти ее. Вернее, не делал, пока там не обосновалась Джейни.

— Обосновалась?

— Да. Стала наводить в церкви порядок день и ночь. Таскает туда дикие цветы и всякие травы. Некоторые из-за этого называют ее колдуньей или ведьмой.

Они в молчании миновали дом Роудов, а потом дорога сделала резкий поворот и пошла вверх напрямую в сторону Пилля. На их пути лежал девственный снег, но, если не считать легких заносов, ехать оказалось достаточно просто. Внизу склоны холма поросли лесом, и на какое-то время вокруг сомкнулся сумрак, а потом они неожиданно оказались на совершенно ровном и гладком плато, где гулял сильный ветер и нес тучи свежей снежной крупы, швыряя порой ее горсти в борт машины. Дальше с одной стороны

дороги уже намело глубокий сугроб, и движение сильно замедлилось.

Через какое-то время Ригби вообще остановился и сказал:

— Отсюда мы пойдем пешком, если не возражаете, сэр.

— А далеко еще?

— Близко, но склизко, как сказали бы местные. Деревня же вот — прямо перед вами.

И действительно, теперь в лобовое стекло Смайли смог разглядеть сквозь снежную пелену два приземистых строения примерно в четверти мили от них. Неожиданно на дороге чуть впереди автомобиля возникла фигура рослого мужчины, закутанного в шарф.

— Это Тед Мунди, — констатировал Ригби с довольным видом. — Я специально попросил его приехать. Он — сержант из Окфорда.

Опустив стекло, он весело окликнул мужчину:

— Здорово, Тед! Как жизнь?

Ригби открыл заднюю дверь машины, и Тед забрался внутрь. Церемонию знакомства полицейского со Смайли они свели к минимуму.

— В церкви горит свет, — сообщил Мунди, — но там Джейн или нет, я пока не знаю. В деревне лучше не спрашивать, иначе они всей толпой

сбегутся. Я там показался, а потом сделал вид, что уехал и больше не вернусь.

— Она и спит в церкви, Тед? У нее там постель или что-то вроде? — спросил Ригби, и Смайли отметил, насколько заметнее стал его дорсетский акцент, когда он общался с Мунди.

— Говорят, у нее там есть все, Билл. Но в субботу, когда я заглянул в церковь, никакой постели там не заметил. Зато узнал любопытную подробность. Похоже, миссис Роуд иногда приходила сюда навестить Джейни.

— Я слышал об этом, — лаконично отреагировал Ригби. — А теперь показывай, где сама церковь-то.

— Она за холмом, — сказал Мунди. — Далековато от деревни, у пастбища.

Он повернулся к Смайли.

— В сельской местности это распространенное явление, сэр. Хотя, быть может, вам это известно лучше, чем мне. — Мунди теперь говорил медленно, тщательно подбирая слова. — Понимаете, когда в деревню приходила чума, местные жители бросали свои дома вместе с покойниками, а сами перебирались в другое место. Но недалеко. В пределах своих и приходских земель. Это было ужасно, действительно ужасно.

В устах Мунди история звучала так, словно «черная смерть» гостила здесь сравнительно недавно, чуть ли не на его памяти.

Они выбрались из машины, придерживая двери, которые ветер словно норовил сорвать с петель, и пошли в сторону деревни — Мунди впереди, а Смайли замыкал шествие. Снежная крупа, мелкая, но жесткая, хлестала по лицам. В такую погоду да еще ночью поход вверх по склону холма становился чем-то предельно странным. Изгиб вершины скалы, завывание ветра, облака снежной дроби, ясно различимые на фоне луны, темные домишки, которые они тщательно обходили стороной, — все это казалось принадлежностью какого-то иного мира.

Мунди сознательно уводил их влево, и Смайли сообразил, что так они минуют центр деревни, а значит, не попадутся на глаза никому из ее обитателей. После примерно двадцати минут ходьбы, когда они порой оказывались по колено в снегу, их путь пролег дальше вдоль приземистой каменной ограды, разделявшей два поля. В дальнем конце правого из них они заметили чуть проглядывавшее бледное мерцание света, настолько смутное, что Смайли даже сначала отвел глаза в сторону, а потом снова посмотрел

в том же направлении, убеждаясь, что свечение ему не померещилось. Ригби остановился и жестом остановил своих спутников.

— Теперь за дело возьмусь я, — сказал он и добавил, повернувшись к Смайли: — Я был бы признателен, сэр, если бы вы некоторое время держались чуть поодаль. Если возникнут проблемы, никому не нужно, чтобы вы оказались в них замешаны, верно?

— Конечно.

— Тед Мунди, а ты следуй за мной.

И они пошли дальше вдоль ограды, пока не добрались до ступенек, по которым можно было перейти на другую сторону. Теперь церковь была видна вполне отчетливо — невысокая постройка, больше напоминавшая амбар, чем храм. В одном из маленьких, но все равно разделенных рамой на четыре части окошек горел неверный свет, словно пламя свечи внутри тоже колыхал ветер.

— Она там, — едва слышно прошептал Мунди, и они с Ригби пошли вперед, а Смайли держался на некотором расстоянии у них за спинами.

Они пересекли поле, ведомые Ригби. Церковь была уже совсем близко. К ставшему привычным завыванию бурана добавились новые звуки: скрип плохо пригнанной двери, шелест снега

по крыше, свист ветра в отверстиях полуразрушенного здания. Полицейские, шедшие впереди Смайли, остановились уже практически в тени церковной стены и принялись перешептываться. Мунди бесшумно двинулся в сторону и скоро исчез за углом. Ригби выждал еще несколько секунд, а потом решительно шагнул к двери и толкнул ее.

Открылась она с трудом, издав при этом неприятно громкий скрип. Мгновение спустя Ригби уже оказался внутри. Смайли приготовился ждать снаружи, но внезапно все остальные ночные звуки перекрыл крик — визгливый, испуганный и резкий. При этом складывалось впечатление, что у него нет какого-то единого источника, словно ветер приносил его отовсюду, а потом вздымал к поднебесью. И у Смайли перед глазами сразу возникла Джейни, какой она предстала перед ним ранее этим вечером. В ее крике было столько же ужасающего безумия, сколько присутствовало его в бессмысленных речах. Он подождал, пока эхо вопля затихло, а потом робко и не без страха вошел в открытую дверь.

Две свечи и масляная лампа, стоявшие на просторном и почти пустом алтаре, освещали помещение маленькой церкви. Перед алтарем

на одной из ступеней святилища сидела Джейн, тупо глядя на них. Ее невыразительное лицо покрывали зеленые и синие пятна, грязная одежда была утыкана еловыми ветками. Пол перед ней устилали трупики мелких грызунов и птиц.

Каменные церковные скамьи тоже «украшали» тушки различных мертвых животных, перемежаясь с пучками травы и листьев, которые она прежде назвала своими оберегами. Между свечами Джейн установила грубо связанный из двух палок крест. Отстранив Ригби, Смайли быстрым шагом миновал центральный проход церкви, обогнул сидевшую на ступени Джейн и замер только перед самым алтарем. Посмотрев на него внимательнее, он негромко окликнул Ригби.

Верхушки самодельного креста венчала, подобно диадеме, свернутая в три витка нитка зеленых бус.

Глава 8
Цветы для Стеллы

Его разбудило эхо словно услышанного заново отчаянного крика. Ему хотелось поспать подольше, но часы показывали только половину восьмого утра. Он включил лампу на прикроватной тумбочке, потому что за окнами все еще было темно, и, жмурясь, оглядел свой номер. На спинке стула висели его брюки с насквозь промокшими от снега штанинами. Рядом с кроватью стояли ботинки — придется купить новые. А рядом на тумбочке лежали листки с заметками, которые он успел сделать глубокой ночью, прежде чем улегся спать. В основном это был восстановленный по памяти монолог Полоумной Джейни, произнесенный ею во время поездки обратно в Карн, поездки, которую он едва ли когда-нибудь забудет. Мунди сидел рядом с Джейн на заднем сиденье. Она разговаривала сама с собой, задавая вопросы совсем по-детски, а потом терпеливым тоном взрослого, для которого ответ очевиден, давала разъяснения.

Казалось, ее сознанием овладела одна мысль,

превратившаяся в одержимость: она видела дьявола. Она видела, как он летит вместе с ветром, расправив за спиной серебристые крылья. Фантастическое воспоминание то забавляло ее, то наполняло осознанием собственной важности и красоты, а иногда вселяло ужас, она начинала плакать и умоляла его уйти. Тогда вмешивался Мунди, спокойным и доброжелательным голосом увещевая ее и стараясь успокоить. Смайли поражался: неужели у полицейского вошло в привычку терпеть подобные сцены, не обращать внимания на вонь, исходившую от грязных тряпок, заменявших этой женщине одежду и укутывавших покрытое язвами тело? Неужели ему не в тягость возня с безумной, которая цеплялась за него, кричала или рыдала в голос? Ведь с ночи убийства она жила, постоянно скрываясь от всех, находя себе пропитание среди остатков урожая в полях или в мусорных баках… Что делала она той ночью? Что на самом деле видела? Она ли убила Стеллу Роуд? А быть может, только стала свидетельницей, вообразив преступника в образе дьявола, летевшего в потоке ветра? Почему он представляется ей именно таким? Если Джейни не убивала Стеллу Роуд, то что напугало ее до такой степени, что она три долгие зимние ночи

в ужасе зверьком металась по окрестным лесам? Или это дьявол, вселившийся в саму Джейни, направлял ее руку, когда она забивала до смерти Стеллу? Тот ли это дьявол, который улетел потом с ветром?

Но есть еще бусы, плащ и следы, которые оставила не она. Как быть с этим? Он лежал в постели, ломал голову, но не мог прийти к какому-то определенному выводу. А потом пришло время вставать: наступило утро похорон.

Когда он уже выбирался из постели, зазвонил телефон. Это был Ригби. Голос его звучал напряженно и взволнованно.

— Мне необходимо вас видеть, — сказал он. — Вы можете прийти ко мне?

— До или после похорон?

— Лучше бы до. Прямо сейчас. Получится?

— Буду у вас через десять минут.

Впервые за время их знакомства Ригби выглядел усталым и встревоженным.

— Это по подводу Полоумной Джейни, — объяснил он. — Шеф хочет, чтобы мы выдвинули против нее обвинение.

— В чем?

— В убийстве, — резко ответил Ригби и швырнул через стол тонкую папку с делом. — Старая

дурочка оговорила себя… Это можно истолковать как признание.

Они сидели молча, пока Смайли читал более чем необычный протокол заявления. Он был подписан инициалами Полоумной Джейни — Дж. Л., — выведенными детским почерком крупными буквами. Констебль, снимавший показания, поначалу попытался сделать текст короче и понятнее, но к концу первой страницы понял тщету своих усилий. Смайли дошел до того места, которое можно было посчитать описанием убийства:

И тогда я говорила своей милой. Говорила ей: «Ты — плохая женщина, с дьяволом знаешься», — но она меня не слушала, понимаешь, и я на нее обозлилась, но ей было все равно. А я не могу терпеть, когда они ходят с дьяволом по ночам, и я сказала. Ей нужен был оберег, мистер, вот в чем вся штука. Вот правда. Я ей сказала, мистер, но она слышать не хотела. В этом были все слова Джейни, но она прогнала дьявола. То есть Джейни прогнала. И она должна мне спасибо сказать, моя милая, а ее бусы я взяла, для святых взяла, чтоб украшать церковь, а пальто — чтоб мне стало тепленько.

Ригби наблюдал, как Смайли медленно поло-

жил заявление на стол.

— Ну и что вы об этом думаете?

Смайли ответил не сразу.

— По-моему, это самая большая чушь, какую я когда-либо видел, — сказал он после некоторых колебаний.

— А вы думаете, я этого не понимаю? — В тоне Ригби неожиданно появились нотки, похожие на презрение к самому себе. — Она что-то видела. Только Господу ведомо, что именно, но видела, когда рыскала вокруг и пыталась что-нибудь стащить. Это бы меня не удивило. Она сняла бусы либо с мертвого тела, либо вообще нашла там, где убийца бросил их. Мы отследили происхождение плаща. Принадлежал раньше мистеру Джардину — владельцу булочной в восточной части Карна. Миссис Джардин отдала его Стелле Роуд утром в прошлую среду как помощь беженцам. Джейни, вероятно, прихватила его из оранжереи. Это она и имела в виду, когда говорила про пальто «чтоб мне стало тепленько». Но она не убивала Стеллу Роуд, как не делали этого ни вы, ни я. Нет объяснения отпечаткам ступней, отметинам от рук в перчатках в оранжерее. Нам что, просто забыть о них? А самое главное — она недостаточно сильна. Я имею в виду Джейни. Ей ни за что было не

протащить тело бедной женщины сорок футов по снегу. Это мог сделать только мужчина, как скажет любой.

— Тогда почему же?..

— И тем не менее мы прекращаем дальнейшие поиски, а я готовлю заключение против Джейн Лин из деревни Пилль, на основании которого ее обвинят в преднамеренном убийстве Стеллы Роуд. Я просто хотел поделиться всем этим с вами, прежде чем вы узнали бы обо всем из газет. Чтобы понимали, как такое могло произойти.

— Спасибо.

— Я могу еще что-то для вас сделать? Если есть просьбы, говорите.

Ригби пребывал в явной нерешительности. Казалось, хотел что-то добавить к сказанному, но передумал.

Спускаясь вниз по широкой лестнице, Смайли был очень зол, что не может ничего предпринять, а это было не самое подходящее настроение, чтобы идти на похороны.

Церемонию провели без сучка и задоринки. И цветов, и собравшихся оказалось ровно столько, сколько требовал повод. Вероятно, из уважения к скромности ее вкусов при жизни Стеллу похоронили не в аббатстве, а на кладбище приходской

церкви неподалеку от Норт-Филдз. Директор школы оказался занят, как был занят почти всегда, и прислал вместо себя жену — невзрачную маленькую женщину, которая долго прожила в Индии. Зато Д'Арси было, пожалуй, слишком много: перед церемонией он мелькал то здесь, то там, словно ему поручили хлопотные обязанности церковного старосты. Явился и мистер Кардью, чтобы провести останки бедной Стеллы Роуд через незнакомые ритуалы высокой англиканской церкви. Присутствовали Хекты. Чарлз — весь в черном, гладко выбритый и сверкающий, а Шейн в экстравагантном платье, придававшем ей тем не менее траурный вид, и в шляпе с очень широкими полями.

Смайли, который, как и многие другие, прибыл пораньше, предполагая, что похороны могут вызвать повышенный интерес у праздной публики, нашел себе место у самого входа в церковь. С интересом наблюдая за каждым из вновь прибывавших, он дожидался первой возможности увидеть Стэнли Роуда.

Пришли несколько горожан, надевших по такому случаю мешковатые шерстяные костюмы с черными галстуками, которые образовали свою маленькую группу по южную от прохода сторону,

поодаль от сотрудников школы и их жен. Вскоре к ним присоединились другие члены городского сообщества. Женщины, знавшие миссис Роуд по молельному дому, а затем и Ригби, который первым делом бросил взгляд на Смайли, но не подал вида, что они знакомы. Когда же колокол пробил три часа, в дверь медленно вошел высокий старик, глядя прямо перед собой, никого не видя и не узнавая. Его сопровождал Стэнли Роуд.

Поначалу Смайли не смог прочесть на его лице ровным счетом ничего, потому что в его чертах не находили отражения ни темперамент этого человека, ни какие-либо особенности характера. Это было простое, даже заурядное лицо, обрамленное черными прямыми волосами, не выдававшее никаких качеств личности, кроме намечавшейся склонности к полноте. Оно прекрасно гармонировало с невысокой и тоже совершенно неприметной фигурой. Впрочем, на лице все-таки читалось выражение ожидаемой печали. Пока Смайли наблюдал, как он двигался центральным проходом, а потом занимал свое место среди главных действующих лиц церемонии, ему бросилось в глаза, что даже походка Роуда, сама манера держать себя превосходно отражали его чужеродность и полное несоот-

ветствие школе Карн как элитному заведению. Если считать признаком вульгарности привычку носить авторучку в нагрудном кармане пиджака, любить свитера ручной вязки с острова Фэйр и коричневые галстуки, чуть пританцовывать и выворачивать ступни при ходьбе, то Роуд, вне всякого сомнения, являл собой воплощенную вульгарность. Потому что, пусть сейчас он тщательно все это прятал от посторонних глаз, Роуд был повинен во всех тяжких грехах против хорошего вкуса.

Они проследовали за гробом к кладбищу и окружили разверстую могилу. Д'Арси и Филдинг стояли рядом и казались полностью сосредоточенными на происходившем. Высокий пожилой мужчина, пришедший в церковь с Роудом, не смог сдержать эмоций, и Смайли понял, что это — отец Стеллы Сэмюэл Гластон. Когда все закончилось, старик быстрым шагом отошел в сторону от толпы, на ходу чуть заметно кивнув Роуду, и скрылся в здании церкви. Бросалось в глаза, что двигается он не без усилий, как человек, которому приходится преодолевать сопротивление сильного ветра.

Небольшая группа присутствовавших при погребении тоже постепенно рассеялась, пока

рядом с могилой не остался один лишь Роуд — странно напряженная фигура, вытянутая в струнку и неестественно прямая, с широко открытыми, но, казалось, ничего не видевшими глазами и ртом с жестко сжатыми губами строгого педагога. А потом совершенно неожиданно для все еще наблюдавшего за ним Смайли Роуд словно очнулся ото сна; его тело расслабилось, и он тоже медленной, но вполне уверенной походкой отошел от могилы и присоединился к тем, кто собрался у ворот церковного двора. Заметивший его приближение Филдинг, который стоял с краю, к величайшему изумлению Смайли, вполне целенаправленно и очень поспешно отошел подальше от всех с откровенно неприязненным выражением на лице. Причем это не стало преднамеренным жестом одного мужчины, желавшего подчеркнуть презрение к другому, и потому не было замечено ни самим Роудом, как и никем из собравшейся у ворот группы. Теренс Филдинг совершил редкий для себя поступок — поддался искренним эмоциям, совершенно пренебрегая впечатлением, которое мог произвести на остальных присутствовавших.

Смайли пришлось буквально заставить себя приблизиться к группе у ворот. Ее теперь состав-

ляли Роуд, стоявший чуть поодаль, Д'Арси и еще трое или четверо преподавателей. Разговор явно не ладился.

— Мистер Роуд? — окликнул он.

— К вашим услугам. — Стэнли говорил медленно, чтобы тщательно скрыть следы провинциального выговора.

— Я представляю здесь мисс Бримли из «Христианского вестника».

— Ну да, конечно.

— Она высказала горячее пожелание, чтобы ее издание отдало вашей жене последние почести. Я подумал, что вы должны узнать об этом.

— Да, я заметил венок от вас. Вы очень добры. Спасибо.

— Ваша жена была одной из наших самых преданных подписчиц, — продолжал Смайли. — Мы считали ее почти членом нашей большой семьи.

— Да, ей очень нравился «Вестник». — Смайли оставалось пока лишь гадать, всегда Роуд был столь равнодушен или это горе сделало его невнимательным ко всему остальному. — Когда вы приехали? — совершенно неожиданно спросил тот.

— Вчера.

— Устроили себе поездку за город на выходные?

Недурно.

Смайли эта реплика так поразила, что он не сразу нашелся что сказать. Роуд между тем продолжал смотреть на него в ожидании ответа.

— У меня здесь есть пара хороших знакомых… Мистер Филдинг…

— А, Теренс. — Смайли между тем был убежден, что Роуд никогда сам не обращался к Филдингу по имени.

— Мне бы хотелось написать для мисс Бримли небольшой некролог, — продолжал Смайли. — Надеюсь, вы не станете возражать?

— Стелле пришлась бы по душе такая идея.

— Тогда, если это не слишком нарушит ваш траур по ней, не мог бы я заглянуть к вам завтра, чтобы уточнить одну-две подробности?

— Сделайте одолжение.

— В одиннадцать часов будет нормально?

— Доставите мне огромное удовольствие, — ответил Роуд почти развязным тоном, и они вместе вышли из церковных ворот.

Глава 9
В трауре

К дешевому же трюку пришлось ему прибегать в общении с человеком, который только что так внезапно овдовел. Смайли ясно понимал это. Аккуратно открывая задвижку калитки и ступая на дорожку, где позапрошлой ночью у него произошел такой странный разговор с Джейн Лин, он отчетливо осознавал, что напрашиваться в гости к Роуду под любым предлогом в такое время — значило поступать не слишком чистоплотно. Впрочем, в этом заключалась особенность характера Смайли, который за долгие годы службы в секретном ведомстве так и не научился принципу, что цель оправдывает средства. Всегда готовый первым подвергнуть критическому анализу собственные поступки и их мотивы, он после долгих размышлений пришел к выводу, что представлял собой существо гораздо менее интеллектуальное, чем предполагали его вкусы и привычки. Как-то во время войны один из начальников охарактеризовал его как человека, наделенного изощренным коварством сатаны и в

то же время совестливостью невинной девушки, и это определение он сам находил в достаточной степени справедливым.

Смайли нажал на кнопку звонка и стал ждать.

Дверь открыл Стэнли Роуд. Он был тщательно одет и даже несколько прилизан.

— О, привет! — сказал он, словно принимая старого друга. — Хотел спросить, нет ли у вас, случайно, машины?

— Есть, но, к сожалению, мне пришлось оставить ее в Лондоне.

— Что ж, не беда. — В голосе Роуда прозвучало некоторое разочарование. — Просто подумал, что мы могли бы совершить автомобильную прогулку, а дорогой побеседовать. Мне уже изрядно осточертело торчать в этом доме одному. Миссис Д'Арси предложила какое-то время пожить у них. Милые они люди, очень хорошие люди, но я оказался к этому не готов. По крайней мере сейчас.

— Я вас прекрасно понимаю.

— В самом деле? — Они уже стояли в прихожей, Смайли снимал пальто, а Роуд готовился взять его. — Мне казалось, это понимают не многие. Я имею в виду одиночество. Знаете, как со мной поступили директор и мистер Д'Арси? Причем, уверен, они делают это из самых лучших по-

буждений. Они взялись перепроверять за мной и исправлять результаты экзаменов, которые я принимаю. Это вам тоже понятно? И что же я должен в таком случае делать в этой школе, совершенно лишенный самостоятельности? Я не могу сам планировать уроки. Они вмешиваются во все. Иногда мне приходит в голову, что это их способ постепенно избавиться от меня.

Смайли лишь неопределенно кивнул. Они направились в сторону гостиной, куда Роуд решил проводить гостя.

— Нет, я, конечно, считаю, что у них самые благородные намерения, как уже подчеркнул. Но, в конце-то концов, должно быть и у меня хоть какое-то занятие. Работы некоторых моих учеников проверяет Саймон Сноу. Вы с ним уже знакомы? Он поставил одному мальчику шестьдесят один балл — шестьдесят один! А ведь парень — круглый дурак, в начале семестра я сказал Филдингу, что его ни в коем случае нельзя переводить в следующий класс. Его фамилия Перкинс. Славный в общем-то паренек, староста в корпусе Филдинга. Ему очень везет, если он получает тридцать баллов… А Сноу ставит ему шестьдесят один!

Я, конечно, еще не видел самой его работы, но это невозможно, совершенно невозможно.

Они присели.

— Только не подумайте, что я принципиально хочу оставить его на второй год. Он хороший мальчишка. Ничего особенного, но вежливый, культурный. Мы с миссис Роуд хотели в этом семестре пригласить его на чай. И пригласили бы, не случись…

Ненадолго воцарилось молчание. Смайли собирался сам прервать его, но Роуд поднялся и сказал:

— У меня чайник вскипел на плите, мистер…

— Смайли.

— У меня вскипел чайник, мистер Смайли. Могу я предложить вам чашечку кофе? — Он произнес это с тщательной артикуляцией, но она, по мнению Смайли, шла ему, как костюм с чужого плеча.

Через несколько минут Роуд вернулся с подносом и разлил кофе по чашкам, в точности стараясь соблюсти этикет.

Смайли поймал себя на том, что его несказанно раздражают поверхностные светские замашки Роуда и постоянное стремление скрыть свои истинные манеры, а значит — и корни. Потому что все равно мелочи выдавали его с головой — каждое слово, каждый жест. То, как он держал

локоть, пока пил кофе, как быстро подтягивал штанину брюк, когда садился.

— Не мог бы я теперь перейти к делу? — спросил Смайли.

— Разумеется, приступайте.

— Мы, конечно же, в первую очередь интересуемся отношением миссис Роуд к… нашей церкви.

— Это естественно.

— Вы поженились в Брэнксоме, насколько мне известно?

— Да, в молельном доме Брэнксом-Хилл. Прекрасная церковь. — Д'Арси определенно не понравилась бы интонация, с которой это было сказано — голосом простецкого парня, привыкшего водить мотоцикл. С авторучкой в нагрудном кармане.

— Когда это было?

— В сентябре сорок первого.

— В Брэнксоме миссис Роуд тоже уделяла много времени благотворительности? Мне сказали, что здесь она была очень активна в этой деятельности.

— Нет. В Брэнксоме она ничем подобным не занималась. Здесь — другое дело. Понимаете, в Брэнксоме ей приходилось ухаживать за отцом. А здесь ее заинтересовала помощь беженцам. Но

и то лишь после пятьдесят шестого года — когда все началось с венгров, а потом еще эти прошлогодние события…

Смайли, смотревший на Роуда сквозь стекла очков, на секунду отвлекся, моргнул и ненадолго отвел глаза.

— А в общественной жизни школы Карн она принимала какое-то участие? Быть может, жены сотрудников создали свой филиал Женского института? — спросил он с невинным видом.

— Да, принимала, но не слишком активно. Будучи баптисткой, она больше общалась с людьми из города… Вам лучше расспросить об этом мистера Кардью — их священника.

— Но все же могу я утверждать, что она участвовала и в школьных мероприятиях, мистер Роуд?

Роуд слегка замялся, но все же ответил:

— Да, можете.

— Спасибо.

Снова некоторое время продлилось молчание, а потом Смайли продолжил:

— Наши читатели, безусловно, запомнили миссис Роуд как победительницу конкурса «Хозяйке на заметку». Она действительно хорошо готовила, мистер Роуд?

— Очень хорошо. Но только самые простые

блюда. Никаких особых изысков.

— Не могли бы вы привести еще какую-то деталь ее биографии, которую вам самому хотелось бы упомянуть? Что-то особенное? Что она сама рада была бы вспомнить?

Роуд растерянно посмотрел на него, а потом пожал плечами:

— Нет, ничего такого сразу не приходит в голову. Хотя… О, вы можете написать, что на севере ее отец был членом магистрата и судьей. Она очень этим гордилась.

Смайли допил кофе и поднялся.

— Вы были чрезвычайно терпеливы со мной, мистер Роуд. Мы вам крайне благодарны за это, уверяю вас. Я обязательно пришлю вам сигнальный экземпляр газеты, как только он выйдет из печати…

— Буду признателен. Понимаете, я был обязан сделать это ради нее. Она всегда обожала «Вестник». Можно сказать, воспитывалась на нем.

Они пожали друг другу руки.

— Между прочим, вы, случайно, не знаете, как мне разыскать старого мистера Гластона? Он остановился в Карне или сразу отправился обратно в Брэнксом?

— Он был здесь еще вчера. Уезжать собирался

сегодня вечером. Кажется, полиция попросила его о встрече до отъезда.

— Вот как?

— Он остановился у «Солеев».

— За это отдельное спасибо. Попытаюсь найти его там до своего отъезда.

— А когда вы сами уезжаете?

— Уже скоро. Всего хорошего, мистер Роуд. И еще одно…

— Да?

— Если доведется приехать в Лондон и нечем будет себя занять. Или просто захочется с кем-нибудь поговорить, выпить чашечку чая, мы всегда будем рады видеть вас в редакции «Вестника». Всегда.

— Спасибо. Спасибо большое, мистер…

— Смайли.

— Я вам искренне признателен за это приглашение. Смотрите только, я могу поймать вас на слове! Но все равно спасибо.

— До свидания. — Они снова обменялись рукопожатиями. У Роуда была сухая и прохладная ладонь. Очень гладкая.

Смайли вернулся в «Герб Солеев», сел за столик в пустом фойе и написал записку мистеру Гластону:

Уважаемый мистер Гластон!

Я нахожусь здесь по поручению мисс Бримли из «Христианского вестника». У меня есть письма Стеллы, которые, как мне кажется, могут представлять для Вас интерес. Простите, если доставляю беспокойство в такое сложное для Вас время. Как я понял, этим вечером Вы уже покидаете Карн, а потому прошу разрешения встретиться с Вами до отъезда.

Он тщательно запечатал конверт и подошел к стойке службы размещения. Она пустовала, и Смайли позвонил. Портье снова заставил ждать себя долго — старый ключник с серым, заросшим щетиной лицом. После тщательного и весьма неодобрительного изучения конверта он чуть ли не за тройную плату согласился доставить письмо в номер мистера Гластона. Смайли остался ждать ответа у стойки.

Джордж Смайли относился к числу тех странных и уникальных людей, которые являются в наш мир словно ниоткуда, уже к восемнадцати годам полностью завершив образование. Скрытность была частью как его натуры, так и профессии. Жизнь настоящего разведчика отнюдь не изобилует яркими событиями и увлекательными

приключениями, которые описывают в романах. Человек, который, подобно Смайли, годами жил и работал среди врагов своей страны, знал наизусть только одну молитву и именно с ней постоянно обращался к Всевышнему: сделай так, чтобы на меня никто и никогда не обращал внимания. Для него не было более высокой цели, чем полная ассимиляция и мимикрия. Он больше всего на свете любил людей толпы, которые потоком текли мимо него по улицам, не удостаивая даже мимолетным взглядом. И он сам охотно вливался в эти человеческие потоки, где ему были гарантированы полная анонимность и безопасность. А постоянное ощущение страха делало его на редкость уступчивым и сговорчивым. Он готов был бы расцеловать спешивших за покупками грубиянов, которые толкали его или заставляли уступать себе дорогу. Он обожал чиновников, полицейских и даже кондукторов в автобусах за полнейшее равнодушие к его персоне.

Но одновременно постоянный страх, настороженность, зависимость от окружения выработали у Смайли умение разбираться в окраске натуры человека: мгновенную, почти по-женски тонкую восприимчивость к особенностям характеров и поведенческим мотивам людей. Он

ориентировался в них, как охотник ориентируется в своих угодьях, как лиса ориентируется в лесной чаще. Потому что шпион, на которого ведется охота, сам тоже должен охотиться, и тогда толпа превращается в его засаду на зверя. Замаскировавшись в толпе, он должен вчитываться в отдельные жесты, вслушиваться в слова, уметь фиксировать и интерпретировать случайный обмен взглядами или непроизвольное движение, как охотник обязан замечать след в траве или недавно сломанную ветку, — лисе не выжить, если она не чует опасности за милю.

И сейчас, терпеливо дожидаясь ответа Гластона, он вспоминал предельно насыщенные событиями последние сорок восемь часов, пытался упорядочить их и оценить со стороны. Что связывало Д'Арси с Филдингом, отношения которых выдавали наличие какой-то, возможно, мелочной, но общей для обоих тайны? Глядя поверх запущенного сада перед отелем в сторону аббатства, он мог видеть за его величественной крышей знакомые теперь бастионы школы, служившие для обороны от наступления нового мира и для защиты устоев старого. Он мог представить себе большой двор, на который высыпали сейчас большие группы мальчиков в черных одеждах, в

точности напоминая своих сверстников Англии восемнадцатого столетия. И ему вспомнилась другая школа. Та, что располагалась рядом с полицейским участком: общественная школа города Карн. Тесное и убогое здание с крышей из жести, размерами чуть больше дома сторожа при городском кладбище, также разнившееся с блеском Карна, как грубый камень, из которого были сложены его стены, отличался от шафранного цвета бастионов частного учебного заведения.

Да, отметил он мысленно, Стэнли Роуд проделал очень долгий и тяжкий путь, начав его в публичной школе Брэнксома. И если это он убил жену, то мотив, как был убежден Смайли, следовало искать где-то на том тернистом пути, который привел его в стены Карна.

— Вы оказали нам большую любезность, приехав сюда, — сказал Гластон. — Я очень благодарен мисс Бримли за то, что прислала вас. Хорошие люди работают в «Вестнике», добрые люди, которые всегда тепло относились к нам.

Он произнес определение «хорошие» так, словно для него не существовало более высокой степени похвалы, как будто оно заключало в себе всеобъемлющую и абсолютную оценку позитивных качеств личности.

— Вам следует прочитать письма, мистер Гластон. Второе, возможно, шокирует вас, но, уверен, в итоге вы согласитесь, что с моей стороны было бы неправильно не ознакомить вас с ними.

Они сидели в кофейне в окружении нелепых тропических растений, стоявших по углам, как охранники.

Смайли передал Гластону оба письма. Старик взял их недрогнувшей рукой и начал читать. Для удобства чтения ему приходилось держать листки далеко от глаз, даже слегка откинув назад голову и прищурившись. Уголки его губ постепенно опускались, ломая прямую линию рта. Потом он спросил:

— Вы ведь познакомились с мисс Бримли во время войны, верно?

— Да, мы тогда работали с Джоном Лэндсбери.

— Именно поэтому она и обратилась к вам?

— Да.

Вы из нашей церкви?

— Нет.

Гластон какое-то время молчал, положив письма на стол и опустив руки на колени.

— Стэнли был нашим, когда они поженились. А потом переметнулся. Вы знаете об этом?

— Да.

— На севере, откуда я родом, люди так никогда не поступают. Наша вера — это то, за что мы сражались и победили. Почти как за право голоса.

— Мне это известно.

У Гластона была прямая спина старого солдата. Он выглядел скорее угрюмым, нежели опечаленным. Потом он внезапно поднял взгляд на Смайли и долго и пристально вглядывался в него.

— Вы сами, случайно, не учитель? — спросил он, и Смайли невольно вспомнил, что в свое время Сэмюэл Гластон успешно и умно руководил крупной фирмой.

— Нет… Но можно сказать, я преподаватель на пенсии. Хотя это и не совсем точно.

— Женаты?

— Был женат.

Старик снова замолчал, а Смайли пожалел, что не находит предлога оставить его одного.

— С ней было хорошо иногда поболтать о пустяках, — сказал мистер Гластон, прервав паузу.

Смайли промолчал.

— Вы сообщили о письмах в полицию?

— Да, но им все уже было известно. То есть они знали, что Стелла считала мужа способным убить ее. Она пыталась рассказать об этом мистеру Кардью…

— Священнику?

— Да. Но он решил, что она излишне впечатлительна и… нагоняет страх сама на себя.

— А вы с ним не согласились?

— Не знаю. Просто не знаю. Но исходя из того, что я слышал о вашей дочери, не допускаю, что у нее произошел нервный срыв. Что-то реальное вызвало ее подозрения, что-то действительно сильно напугало ее. И, по-моему, мы не можем просто так сбрасывать это со счетов. Мне не кажется всего лишь случайностью страх, овладевший ею перед самой смертью. И я не верю в виновность той нищенки. Она не убивала ее.

Сэмюэл Гластон медленно кивнул. Смайли вдруг понял, что его собеседник пытался показать свою заинтересованность отчасти из вежливости, а отчасти потому, что равнодушие с его стороны было бы равносильно признанию утраты им смысла жизни вообще.

После очень продолжительной паузы старик тщательно сложил письма и вернул Смайли, которому хотелось, чтобы Гластон хоть что-то сказал, но тот не проронил ни слова.

Выждав еще некоторое время, Смайли поднялся и тихо вышел из кофейни.

Глава 10
Маленькие женщины

Шейн Хект улыбнулась и отпила немного из своего бокала.

— Вы, должно быть, очень важная птица, — сказала она Смайли, — если уж Д'Арси разорился на приличный херес. Быть может, ваша фамилия значится в «Готском альманахе»[23]?

— Боюсь, что нет. В пятницу мы вместе ужинали у Филдинга, и Д'Арси пригласил меня к себе на бокал хереса.

— Теренс — злюка, согласитесь. Чарлза просто трясет от него. Похоже, они очень по-разному смотрят на некоторые исторические проблемы… Бедный Теренс. Для него ведь это последний семестр. Вы в курсе?

— Да, я об этом знаю.

— Было очень мило с вашей стороны прийти вчера на похороны. Лично я похороны терпеть не могу, а вы? Черный цвет такой нездоровый! Никогда не забуду похорон короля Георга Пятого.

---

[23] Примечания: 23

«Готский альманах» — авторитетнейший европейский генеалогический справочник.

Лорд Солей состоял тогда при дворе и раздобыл для Чарлза два пригласительных билета. Такой добряк! Но с тех пор мне кажется, что это навсегда смазало для нас впечатление от других похорон. Хотя лично я никак не могу понять этого ритуала, а вы? Меня не оставляет подозрение, что этот обычай скорее приличествует низшим классам общества: шерри-бренди и печенье с тмином на поминках. Мне представляется, что для таких людей, как мы, более пристали тихие похороны. Никаких цветов и венков. Короткая поминальная речь и заупокойная молитва — вот и все.

Ее маленькие глазки сияли от удовольствия. Она допила свой херес и протянула бокал в сторону Смайли.

— Будьте любезны, налейте еще, дорогой мой. Терпеть не могу херес, но Феликс так ревниво следит за своими гостями.

Смайли наполнил ее бокал из стоявшего на столе графина.

— Ужасная история с этим убийством, не правда ли? Эта старая попрошайка, должно быть, совсем из ума выжила. Стелла Роуд была прекрасной женщиной, как мне всегда казалось, хотя… несколько необычной. Никто не умел так ловко перелицевать одно и то же платье… Но вот

друзей она себе выбирала очень странных. Всех этих Хансов-лесорубов и Педро-рыболовов… Ну, вы же понимаете, что я имею в виду.

— Она пользовалась популярностью в Карне?

Шейн Хект тихо рассмеялась.

— В Карне никто не пользуется популярностью. А она… Она не делала ничего, чтобы с ней легко было сойтись… Могла надеть черный креп в воскресенье… Простите за невежество, но неужели все представители низших сословий поступают так же? Но зато ее любили в городе, насколько я знаю. Там готовы на руках носить каждого, кто предает Карн. Впрочем, она была методисткой или еще кем-то в этом роде.

— Баптисткой, — уточнил Смайли почти бездумно.

Она посмотрела на него с неподдельным любопытством.

— Как это мило, — пробормотала она и поинтересовалась: — А теперь расскажите, кто же вы такой?

Смайли ответил что-то неопределенное, назвавшись безработным, и только потом понял, что был на волосок от опасности пуститься в исповедь о себе перед Шейн Хект, уподобившись неопытному юнцу. Ее непривлекательная внеш-

ность, необъятные телеса, голос в сочетании с отработанным умением коварно направить разговор в нужное русло помогали ей брать инициативу на себя и добиваться своих целей. У Смайли возникло искушение приравнять ее к женскому варианту Филдинга, но разница между ними была слишком существенной. Для Филдинга другие люди едва ли существовали вообще. А вот для Шейн Хект они не просто существовали: они служили ей добычей. Она ежеминутно готова была тестировать их манеры и поведение в обществе, чтобы потом срезать, выставить на посмешище и уничтожить.

— Я читала в газетах, что ее отец был достаточно богат. Где-то на севере. Второе поколение купцов. Но мне особенно бросалось в глаза, какой она была неиспорченной… естественной. Создавалось впечатление, что она испытывала истинную потребность в том, чтобы посещать городскую прачечную и заводить дружбу со всякой рванью… Хотя, конечно же, надо всегда помнить, что Мидлендс — это почти другая страна, ведь так? Там от Ипсуича до Ньюкасла всего-то и найдется, быть может, три приличных семейства. А откуда вы сами, дорогой мой?

— Из Лондона.

— Как мило! Я однажды побывала у Стеллы на чаепитии. Она имела привычку сначала наливать в чашку молоко, а чай был, разумеется, индийский. Словом, почувствуйте разницу. — Шейн вдруг посмотрела Смайли прямо в глаза и вынесла вердикт: — Вот что я вам о ней скажу. Она вызывала у меня почти восхищение. Не многим дано быть настолько невыносимыми. Она принадлежала к числу этих снобов наоборот, которые считают, что только бедные и смиренные по-настоящему достойные люди.

Шейн улыбнулась и добавила:

— По ее поводу мы даже сошлись с Чарлзом, а это говорит о многом. Если вам нравится изучать человеческие типы, присмотритесь к ее мужу. Контраст между ними был изумителен.

Но в этот момент к ним подошла сестра Д'Арси — сухопарая, несколько мужеподобная дама с неопрятными седыми волосами и надменно искривленным хищным ртом.

— Дороти, дорогая, — защебетала Шейн, — вечер просто восхитительный. Ты так к нам добра. И всегда приятно встретиться с жителем Лондона, правда? Мы как раз обсуждали похороны бедняжки Стеллы Роуд.

— У Стеллы Роуд могли быть откровенно дур-

ные манеры, Шейн, но она так много делала для беженцев.

— Для каких беженцев? — спросил Смайли, изобразив удивление.

— Для венгров. Занималась сборами пожертвований для них. Одежда, мебель, деньги. Одна из немногих жен, кто хоть что-то делал. — Дороти покосилась при этом на Шейн, но та с нежной улыбкой смотрела мимо нее на своего муженька. — Она была энергичным маленьким созданием, не брезговала простой работой, закатав рукава, обходила дома. Привлекла к этому делу простушек из баптистской молельни, и вместе они притаскивали кучу всякой всячины. Здесь надо отдать им должное. У них есть дух товарищества. Феликс, нужен еще херес!

В комнату набилось человек двадцать, но припозднившийся Смайли оказался в числе тех восьми, кто держался ближе к двери. Эта группа состояла из Д'Арси и его сестры, Чарлза и Шейн Хектов, молодого учителя математики по фамилии Сноу и его жены, викария из аббатства и самого Смайли, немного растерянного и похожего на слепого крота в своих толстых очках. Он оглядывал комнату, но Филдинг ему на глаза не попадался.

— …Да, — продолжала Дороти Д'Арси, — она была хорошей помощницей, очень трудолюбивой и аккуратной. Причем до… До самого конца. В пятницу мы отправились к ней домой с преподобным отцом из их картонной церкви… С этим, как его? С Кардью. Чтобы посмотреть, не осталось ли там неприбранных вещей для беженцев. Так вот — мы не обнаружили ни одной тряпки не на своем месте. Вся одежда была тщательно упакована, и даже адрес проставлен на свертке. Нам оставалось только отнести вещи на почту и отправить по назначению. Она была чертовски хорошим работником, повторю еще раз. А как она потрудилась во время благотворительного базара!

— О да, — вмешалась Шейн Хект со свойственной ей вкрадчивой мягкостью, — я отлично помню тот день. Я еще представила ее тогда леди Солей. На Стелле была восхитительная маленькая шляпка. Та, которую она всегда носила по воскресеньям. И вела она себя так уважительно. Обращалась к графине исключительно «миледи». — Она повернулась в Смайли и тихо добавила: — В лучших традициях феодализма, не правда ли, мой дорогой? Меня это привело в восторг. Такое теперь не часто услышишь.

Математик и его жена беседовали в уголке с Чарлзом Хектом; через несколько минут Смайли сумел отделиться от группы у дверей и присоединиться к ним.

Энн Сноу была хорошенькой девушкой с чуть излишне вытянутым прямоугольной формы лицом и вздернутым носиком. Ее супруг — высокий и худой — немного горбился, но это ему даже шло. Бокал с хересом он держал длинными и тонкими пальцами так, словно это была химическая реторта, а когда говорил, то обращался в большей степени к бокалу, нежели к собеседнику. Смайли эта пара запомнилась еще во время похорон. Хект чуть заметно раскраснелся, был как будто немного зол и энергично сосал мундштук своей трубки. Их разговор произвольно перескакивал с одной темы на другую, в него постоянно вмешивался кто-то из соседней группы. Хект вскоре отдалился от них, все еще хмурый и рассеянный, предпочтя в одиночестве прислониться к стене рядом с дверью.

— Бедная Стелла, — сказала миссис Сноу после недолгого молчания. — Простите, но я никак не могу избавиться от мыслей о ней. Случившееся представляется мне безумием, чистейшим безумием. Я не в силах даже представить, почему

она это сделала. Речь о Полоумной Джейни, само собой.

— Вам нравилась Стелла? — спросил Смайли.

— Конечно, нравилась. Она была милейшим человеком. Мы здесь провели уже четыре семестра, и за все это время только она проявила к нам хотя бы немного доброты. — Ее муж промолчал и лишь кивнул своему бокалу с хересом. — Видите ли, Саймон сам не учился в Карне в отличие от большинства других преподавателей, а потому мы здесь никого не знали, и никто не проявлял к нам ни малейшего интереса. Все делали вид, что нами очень довольны, но только Стелла на самом деле…

В этот момент на них спикировала Дороти Д'Арси.

— Миссис Сноу, — сказала она решительно, — я хотела поговорить с вами. Мне нужно, чтобы вы заменили Стеллу в работе для беженцев. — Она бросила выразительный взгляд в сторону Саймона. — В успехе этой работы проявляет исключительную заинтересованность наш директор.

— О мой Бог! — воскликнула Энн Сноу. — Но даже при большом желании у меня не получится заменить ее. Миссис Д'Арси, я…

— Не получится? Почему же? Вы же помогали миссис Роуд в организации базара, не так ли?

— Ах, так вот где она подобрала себе гардероб, — донеслось из-за их спин чуть слышное шипение Шейн Хект. Но Энн было сейчас не до ее злобных шуток:

— Но… У меня… Мне не хватит смелости Стеллы, если вы понимаете, о чем я, и, кроме того, она была баптисткой: все местные поддерживали ее, отдавали старые вещи, и они любили ее. Ко мне они будут относиться совершенно иначе.

— Давно не слышала подобной чепухи, — заявила мисс Д'Арси, которая со всеми, кто был младше ее, разговаривала как с прислугой или с непослушными школьниками, а Шейн Хект, уже стоявшая рядом, не преминула вставить реплику:

— Я слышала, баптисты не приемлют частных мест на скамьях в церкви. Это правда? Тогда я готова их в этом поддержать. Если платишь, то как-то глупо не пойти на службу.

Викарий отвлекся от оживленного обсуждения крикета, в котором принимал горячее участие, чтобы мягко возразить:

— Право же, я бы не стал так говорить на вашем месте, миссис Хект. Личное место на скамье дает

много преимуществ…

И он пустился в долгие и путаные оправдания древней традиции, которые Шейн выслушала с неподдельно заинтересованным видом. Когда же он наконец закончил, она сказала:

— Спасибо, дорогой Уильям. Все это очень славно.

Потом повернулась к священнику спиной и театральным шепотом информировала Смайли:

— Уильям Трампет — один из давних учеников Чарлза. Помню, как мы радовались, когда ему с трудом, но удалось-таки получить аттестат зрелости.

Смайли больше всего хотелось избежать участия в продолжении диалога с Шейн Хект, выслушивая ее мстительные выпады против викария. Он повернулся к Энн Сноу, но ту никак не отпускала от себя мисс Д'Арси, втолковывая ей свои планы дальнейшей благотворительной деятельности, а Шейн между тем не оставляла его в покое и неожиданно сменила объект насмешек:

— Единственный человек по фамилии Смайли, о котором я когда-либо слышала, в конце войны женился на леди Энн Серком. Вскоре она его, разумеется, бросила. Это была очень странная пара. Как я поняла, он ей не подходил совершенно.

Она, между прочим, приходилась кузиной лорду Солею. А Солеи связаны с Карном уже без малого четыреста лет. Их нынешний наследник как раз учится сейчас у Чарлза; мы часто ужинаем в замке. Но я так и не узнала дальнейшей судьбы Энн Серком… Она уехала в Африку… Или в Индию? Нет, в Америку. Определенно в Америку. Такая драма! В замке не любят говорить на эту тему.

На мгновение общий шум в комнате затих. И в течение того же мгновения Смайли не видел вокруг ничего, кроме пристального взгляда Шейн Хект, устремленного на него в ожидании, что он скажет на это. Но потом он прочел в ее глазах недвусмысленное: «Я могла бы сейчас раздавить тебя, но передумала. Живи пока».

И, отвернувшись, она отошла к другим гостям.

Он подгадал так, чтобы уйти вместе с Энн и Саймоном Сноу. У них был старенький автомобиль, и они предложили подвезти его до отеля. По дороге Смайли сказал:

— Если вам нечем больше сегодня заняться, я был бы счастлив пригласить вас на ужин в свою гостиницу. Хотя еда там наверняка не самого лучшего качества.

Начав с предписанного вежливостью отказа, супруги быстро согласились, и уже через четверть

часа они сидели в углу огромного ресторанного зала «Герба Солеев» под неусыпными взглядами сразу троих официантов и десятка поколений предков лорда Солея — в основном круглощеких мужчин, изображенных на покрытых кракелюром, потемневших от времени портретах.

— По-настоящему мы с ней познакомились, когда начался наш второй здешний семестр, — продолжила рассказ Энн. — С другими женами Стелла почти не общалась, быстро поняв, что к чему в Карне. Она не ходила на вечеринки, не встречалась ни с кем за чашкой кофе, и, можно сказать, нам повезло, что мы вообще встретились. По нашем приезде сюда оказалось, что временно нет свободного жилья для преподавателей: весь первый семестр нам пришлось провести в гостиничном номере. В маленький домик на Брэд-стрит мы переехали только ближе к концу второго семестра. Причем переезд превратился в настоящий кошмар — Саймон как раз принимал экзамены, а с деньгами у нас обстояло очень туго, и нам приходилось все, что только можно, делать самим. Помню, переезжали мы в дождливое утро четверга. Лило как из ведра, а ни один из наших более-менее крупных предметов мебели не проходил во входные двери, и в конце

концов грузчики из фирмы «Муллигане» просто бросили меня с вещами у порога и предоставили себе самой.

Энн рассмеялась, и Смайли снова отметил, до чего прелестным ребенком она оставалась до сих пор.

— Они разозлились, промокли и готовы были уехать, но хотели получить чек за уже проделанную работу, а сумма там значилась намного более внушительная, чем они заслужили. У меня самой чековой книжки, конечно же, не было. Саймон увез ее с собой. Тогда эти громилы стали угрожать, что сейчас вообще все отвезут назад, откуда доставили. Это было чудовищно. Я едва не рыдала. — Она готова всплакнуть даже сейчас, подумал Смайли. — А потом откуда ни возьмись появилась Стелла. Даже не представляю, как она узнала, что мы переезжаем, — уверена, никому больше не было до нас дела. А она надела рабочий халат, старые туфли и пришла помочь. Увидев, что происходит, она даже не стала разговаривать с грузчиками. Добралась до телефона и позвонила мистеру Муллигану лично. Уж не знаю, что она ему сказала, но только он сразу попросил передать трубку бригадиру, и проблем больше не возникало. А как она сама радовалась — просто

сияла от счастья, что сумела меня выручить. Такой уж она была. Грузчики моментально сняли двери с петель и все вещи преспокойно занесли в дом. В этом заключался талант Стеллы — она всегда не просто распоряжалась и давала советы, а реально помогала. Остальные жены, — добавила она с горечью, — прекрасные советчицы, но практической помощи от них не дождешься.

Смайли кивнул и постарался вновь наполнить их бокалы вином.

— Кстати, Саймон здесь не задержится, — сказала Энн, вдруг переходя на заговорщицкий шепот. — Он добился стипендии и уедет в Оксфорд, чтобы заняться наукой.

А когда получит степень доктора, вернется к преподаванию, но уже в университете.

Они выпили за его успех, и разговор ушел в сторону, пока Смайли не спросил прямо:

— А мистер Роуд? С ним хорошо работать?

— Он — грамотный учитель, — задумчиво ответил Саймон, — но как коллегу его выносить достаточно сложно.

— Их со Стеллой невозможно было даже сравнивать, — сказала Энн. — У него на уме только Карн. Д'Арси поманил его, и он заглотил наживку. Саймон говорит, что так происходит почти со

всеми выходцами из общественных школ — они становятся одержимыми карьерным ростом. До отвращения. Он ведь даже религию сменил, чтобы попасть в Карн. Но Стелла не стала этого делать. Она бы не пошла на такое ни за какие блага.

— Принадлежность к официальной церкви дает в Карне немалые преимущества, — заметил Саймон, и Смайли даже доставила удовольствие сухая и сдержанная точность этого наблюдения.

— Как я понял, у Стеллы сложились не лучшие отношения с Шейн Хект, — осторожно забросил удочку Смайли.

— Еще бы! — сердито взвилась Энн. — Эта Шейн с самого начала отнеслась к ней как к человеку второго сорта, издевалась над ней, над ее честностью, над простотой ее вкусов. Шейн ненавидела Стеллу — и, как я думаю, главная причина заключалась в том, что Стелла откровенно не хотела становиться одной из местных светских дам. Ей вполне подходил ее подлинный образ. И вот это действительно бесило Шейн. Ведь старой стерве нравится, когда люди из кожи вон лезут, цапаются между собой, чтобы она потом могла посмеяться над их глупостью.

— Это вообще отличительная черта всех обита-

телей Карна, — тихо произнес Саймон.

— Она очень много сделала для помощи беженцам. И, как ни странно, именно из-за этого у нее возникли серьезные проблемы. — Тонкие пальцы Энн Сноу играли с бокалом бренди.

— Проблемы?

— Да. Незадолго до смерти. Разве вам никто не рассказывал о ее жуткой ссоре с сестрой Д'Арси?

— Нет.

— Впрочем, меня это не удивляет. Мало кто знает об этом. А сама Стелла не любила распускать слухи.

— Дай мне рассказать, — вмешался Саймон. — Это поучительная история. Когда объявили о начале Года помощи беженцам, Дороти Д'Арси загорелась благотворительным энтузиазмом. Начала собирать одежду, деньги и отправлять в Лондон. Все это делалось с большой помпой. А одновременно в городке проходила не менее успешная кампания помощи, начатая мэром. Но Дороти и не думала объединять усилия — школа должна быть лучшей во всем, не исключая благотворительности, которую не стоит смешивать с городской. Хотя в это наверняка внес свою лепту и Феликс. Короче, спустя несколько месяцев после начала кампании центр помощи беженцам

в Лондоне прислал Дороти письмо, интересуясь, нет ли у нее на примете семьи, которая смогла бы приютить на время пару иммигрантов. И вместо того чтобы обнародовать письмо, Дороти ответила напрямую, мол, присылайте людей, я готова предоставить им место под своим кровом. Хорошо. Прибыла супружеская пара. Дороти и Феликс ходили раздутые от гордости, а местная пресса расхваливала их на все лады как образцовых гостеприимных британцев.

Но в один прекрасный день, недель примерно через шесть, эти двое чужестранцев появились на пороге дома Стеллы. Роуды и Д'Арси живут рядом друг с другом, а Стелла вообще всегда интересовалась, как поживают у Дороти ее беженцы. Женщина была вся в слезах, а мужчина в ярости изрыгал проклятия. Но Стеллу трудно было чем-то смутить. Она пригласила их в гостиную и напоила чаем. Наконец, на своем примитивном английском они сумели объяснить, что сбежали из семейства Д'Арси из-за того, как там с ними обращались. Женщине пришлось с утра до поздней ночи трудиться на кухне, а из ее мужа сделали псаря, которому не надо было платить, и заставили ухаживать за мерзкими спаниелями, которых разводит Дороти. За этими безносыми тварями.

— Порода называется кинг-чарлз, — уточнила Энн.

— То есть ужаснее что-то и придумать невозможно. Женщина к тому же была беременна, а мужчина прежде работал дипломированным инженером, и они совершенно не годились на роль домашней прислуги. Они сказали Стелле, что Дороти будет отсутствовать до вечера — она уехала на какую-то собачью выставку. Стелла посоветовала им побыть пока у нее, а сама позднее отправилась к Дороти и рассказала о случившемся. Я же говорила — она была не робкого десятка. Хотя смелости здесь не требовалось. Она поступила, как подсказывал здравый смысл. Но Дороти была вне себя от злости и потребовала, чтобы Стелла немедленно вернула «ее беженцев». Стелла ответила, что, по ее мнению, они сами не захотят возвращаться, и удалилась. Вернувшись домой, она связалась с центром помощи в Лондоне и попросила у них совета. Те прислали в Карн свою представительницу, которая побеседовала с Дороти и беженцами. В результате уже на следующий день пара вернулась в Лондон… Представляете, какой лакомый кусочек эта история для Шейн Хект?

— А она узнала обо всем?

— Стелла никому ни о чем не рассказала, кроме нас, а мы не разносим сплетен. Дороти же просто оповестила всех, что беженцы уехали, потому что для них в Лондоне нашли работу, и на этом все закончилось.

— Как давно это было?

— Они уехали ровно три недели назад, — ответила Энн, бросив взгляд на мужа. — Стелла обо всем рассказала мне одной. Она как раз ужинала у меня, когда ты был на собеседовании в Оксфорде. Да, сегодня вечером исполняется ровно три недели.

Она повернулась к Смайли:

— Бедному Саймону устроили с тех пор настоящий ад. Феликс Д'Арси заставил его взять на себя проверку всех экзаменационных работ, которые устраивал Роуд. Проверять результаты только своих учеников — занятие утомительное. А делать это за двоих учителей — уже просто чересчур.

— Да, — продолжил Саймон задумчиво. — Та еще была неделька. Не говоря о том, что это немного унизительно. Нескольких мальчиков, которые в прошлом семестре обучались научным дисциплинам у меня, теперь перевели в класс Роуда. Среди них были двое, которые лично мне

представлялись практически безнадежными, но у Роуда они совершенно преобразились. Изменились самым чудесным образом. Я недавно проверил работу одного из них — Перкинса — и поставил ему шестьдесят один балл по элементарной математике. В прошлом семестре он получил у меня всего пятнадцать баллов за гораздо более легкую работу. Его не оставили на второй год только потому, что Филдинг поднял из-за этого целую бучу. Перкинс ведь из корпуса Филдинга.

— О, я знаю его… Такой рыжеволосый. Староста.

— Боже милостивый! Только не говорите, что знакомы с его семьей.

— Ничего подобного. Просто Филдинг представил нас друг другу, — постарался замять тему Смайли. — Кстати, а вам больше никто не рассказывал об инциденте с беженцами мисс Д'Арси? Никто не подтвердил, что так оно и было?

Энн Сноу окинула его удивленным взглядом.

— Нет. Только Стелла рассказала нам об этом. А сама Дороти, конечно же, предпочитает помалкивать. Хотя Стеллу она должна была просто возненавидеть.

Потом Смайли проводил чету Сноу до маши-

ны и, несмотря на их протесты, дождался, пока Саймон заведет двигатель с помощью рукоятки. Наконец они тронулись с места, звук мотора нарушал полнейшую тишину, царившую на улице. Когда они пропали из вида, Смайли еще некоторое время стоял посреди мостовой — странная, одинокая фигура, смотревшая куда-то вдоль дороги.

Глава 11
Пальто, чтоб ей стало тепленько

Собака, которая не кусала почтальона; дьявол, летевший в вихре ветра; женщина, которая заранее знала, что умрет; маленький обеспокоенный человек, стоящий на снегу перед отелем. И перезвон колоколов аббатства, велевший ему отправляться спать.

Смайли постоял еще немного, передернул плечами, а потом направился к гостинице, поднялся по ступенькам и вошел в дешево отделанный холл, подсвеченный желтой лампой. Медленно взошел вверх по лестнице.

Ему остро не нравился «Герб Солеев». Приглушенный свет в холле воплощал в себе все недостатки: отель плохо управлялся, устарел, но при этом источал дух самодовольства. Он исходил от официантов в ресторане, от приглушенных голосов постояльцев и от его собственной безвкусной комнаты — синие вазы с позолотой и кусок гобелена в раме на стене с изображением сада в Букингемшире.

В номере стоял жуткий холод — вероятно, гор-

ничная днем надолго открывала окно. Он сунул шиллинг в прорезь счетчика, чтобы включить газ. Пламя возникло на минуту, но тут же погасло. Бормоча ругательства, Смайли поискал бумагу, на которой смог бы сделать записи, и, к своему немалому удивлению обнаружил несколько листков в ящике письменного стола. Он быстро переоделся в пижаму, набросил сверху халат, а потом, поеживаясь, забрался в неуютную постель. Просидев несколько минут, встал и постелил поверх одеяла еще и свое пальто. «Пальто, чтоб мне стало тепленько…»

Как там было написано в ее заявлении? «И она должна мне спасибо сказать, моя милая, а ее бусы я взяла, для святых взяла, чтоб украшать церковь, а пальто, чтоб мне стало тепленько…» Плащ отдали Стелле для беженцев в прошлую среду. Читая заявление Джейни, было логично предположить, что она стащила плащ из дома в то же время, когда сняла с убитой бусы. Но ведь Дороти Д'Арси побывала там в пятницу утром — да, так она и сказала сегодня на вечеринке: она ходила туда вместе с мистером Кардью. «Мы не обнаружили ни одной тряпки не на своем месте. Вся одежда была тщательно упакована, и даже адрес проставлен на свертке… Она была

чертовски хорошим работником, повторю еще раз». Тогда почему Стелла не упаковала плащ? Если она тщательно сложила все вещи, почему среди них не оказалось плаща?

Или Джейни украла плащ раньше — пока Стелла еще не занялась упаковкой? Если так, то основания для обвинения Джейни в убийстве становились совсем уж шаткими. Но только это было невероятно. Не могла Джейни украсть плащ днем, а потом осмелиться вернуться в дом к Стелле тем же вечером.

— Нам необходимо все начать сначала, — назидательно произнес Смайли, обращаясь к листам бумаги, лежавшим у него на коленях. — Джейни украла плащ одновременно с бусами — то есть когда Стелла была уже мертва. Таким образом, либо плащ не был упакован вместе с остальными вещами, либо…

Либо что? Либо кто-то другой, а не сама Стелла Роуд, упаковал вещи после убийства Стеллы, но до того, как в пятницу утром к ней домой явились Дороти Д'Арси и мистер Кардью. «А какого дьявола, — подумал Смайли, — кому-то могло понадобиться делать это?»

Смайли всегда придерживался в своих расследованиях одного и того же важнейшего принципа

— шла ли речь об изучении древней рукописи никому не известного поэта или об анализе разрозненных данных разведки: никогда не бежать впереди твердо установленных фактов. Умозаключению, к которому ты приходил логическим путем, ни в коем случае не следовало придавать значения, которое бы выходило за известные рамки. А потому он не принялся немедленно рассуждать о крайне важном открытии, которое только что сделал, заставив мозг переключиться на наиболее неясный из всех вставших пока перед ним вопросов: на мотив убийства.

Он начал писать:

«Дороти Д'Арси — ненависть после фиаско с беженцами. Как мотив для убийства — определенно слабовато». Но в то же время интересно, зачем ей понадобилось так восхвалять на публике работу Стеллы?

«Феликс Д'Арси — не любил Стеллу за отказ придерживаться принятых в Карне норм и стандартов. Как мотив для убийства — смехотворно.

Шейн Хект — ненависть.

Теренс Филдинг — если держаться в пределах разумного, не имел никакого мотива».

Да, но насколько разумно была построена жизнь в Карне? Год за годом они проводили

совершенно одинаково, говорили одно и то же одним и тем же людям, пели одни и те же псалмы. У них не было ни денег, ни особых надежд на будущее. Окружающий мир менялся, менялись моды. Их женщины видели все это в глянцевых журналах, покупали вещи на распродажах, по-новому закалывали волосы и постепенно все больше проникались ненавистью к своим мужьям. Шейн Хект. Могла она убить Стеллу Роуд? Не скрывала ли она в глубинах своего необъятно огромного, не слишком опрятного тела не только ненависть и ревность, но и достаточно смелости для убийства? Не опасалась ли она чрезмерно за судьбу своего недалекого мужа, не боялась ли, что его место получит Роуд, который, несомненно, был и умнее, и даровитее? Или же ее настолько взбесило нежелание Стеллы участвовать в крысиных светских бегах?

Ригби был прав — такое невозможно понять со стороны. Для этого ты должен заболеть сам, попасть в стены их санатория. И не на недели, а на годы. Лежать на одной из длинного ряда больничных коек, принюхиваться к запаху пищи для больных, читать безумную алчность в их глазах. Ты должен был слышать и видеть это, стать частью происходящего, подчиняться их правилам

и разбираться в их слабостях. Их мирок был сформован и отлит в виде целого набора совершенно аномальных негласных соглашений, требовавших слепого принятия, фарисейства, — однако по этой причине он не становился менее реальным.

Но в то же время некоторые вещи просматривались вполне отчетливо: примечательная нить, связывавшая Феликса Д'Арси с Теренсом Филдингом вопреки неприкрытой взаимной неприязни; упорное нежелание Д'Арси обсуждать события ночи убийства; явное предпочтение, которое Филдинг отдавал Стелле Роуд в сравнении с ее мужем; презрение Шейн Хект ко всему и вся.

Шейн тоже никак не шла у него из головы. Если Карн находился в пределах рационального мира и кому-то суждено было умереть, то кандидатура Шейн Хект стояла бы на первом месте. Она вынюхивала и копила чужие секреты, обладала незаурядным умением ударить человека по самому больному месту. Ведь она раскопала даже прошлое самого Смайли. Она дразнила его неудачной женитьбой, играла с его чувствами одного только удовольствия ради. Да, она, как никто другой, подходила на роль жертвы убийства.

Но почему же тогда погибла не Шейн, а Стелла. Из-за чего и как она умерла? Кто упаковал пакет

после ее смерти? И с какой целью?

Смайли попробовал заснуть, но не смог. Когда часы аббатства пробили три, он снова включил свет и сел. В комнате стало значительно теплее, и сначала Смайли подумал, что кому-то взбрело в голову включить посреди ночи центральное отопление, хотя оно не работало весь предыдущий день. Но потом до него из-за окна донесся шум дождя; он подошел к окну и открыл шторы. Это был настоящий ливень; уже к утру от снега не останется и следа. Двое полицейских шли вдоль улицы, и Смайли мог слышать, как хлюпают подошвы их башмаков по образовавшейся слякоти. Их мокрые плащи с капюшонами поблескивали в свете уличных фонарей.

И внезапно он снова услышал голос Ригби: «Кровища была повсюду. Тот, кто убил ее, сам должен был пропитаться кровью насквозь». А потом голос Джейни, говорившей ему, стоя на подсвеченном луной снегу: «Никто из них не видел, как летает дьявол, мистер. А Джейни его видала, да, видала. У него еще были серебряные крылышки, как две рыбки… Я видала, как он летал. Летал, будто вместе с ветром…» Ну конечно! Сверток!

Он еще долго стоял у окна и смотрел на струи дождя. А потом, когда наконец почувствовал, что

может быть доволен собой, забрался в постель и заснул.

Все утро он старался дозвониться до мисс Бримли. Ее каждый раз не оказывалось на месте, но никаких сообщений он предпочитал не оставлять. И только ближе к полудню ему удалось все-таки поговорить с ней.

— Джордж, я страшно сожалею, но в Лондон прилетел один известный миссионер. Пришлось брать у него интервью, а ближе к вечеру начинается конференция баптистов. И оба материала непременно должны пойти в номер на этой неделе. Ничего, если я все сделаю завтра прямо с раннего утра?

— Да, — ответил Смайли. — Думаю, что ничего.

Торопиться теперь было некуда. И у него самого оставалась пара ниточек, которые он собирался отследить и завязать в узелки еще сегодня.

Глава 12
Непростые разговоры

Поездка на автобусе доставила ему удовольствие. Кондуктором оказался мрачного вида мужчина, которому было что порассказать об автобусной компании и причинах, из-за которых она несла сплошные убытки. Поощряемый праздным интересом Смайли, он чудесным образом развил эту тему, и к моменту прибытия в Стерминстер совет директоров дорсетской компании общественного транспорта превратился в стадо обезумевших евангельских свиней, добровольно несущихся к краю бездонной финансовой пропасти. Тот же кондуктор подсказал Смайли дорогу к стерминстерскому собачьему питомнику, и потому, сойдя в маленькой деревеньке, он уверенно направил стопы к группе коттеджей в четверти мили за церковью по шоссе в сторону Окфорда.

У него заранее возникло неприятное предчувствие, что мистер Гарриман ему не понравится. Сам по себе факт, что Д'Арси охарактеризовал его как «человека вполне светского», мог настроить Смайли против него. Нет, Смайли не считал, что

общество не должно делиться на определенные классы, но только критерии для такого деления у него были сугубо свои.

Рядом с воротами висела вывеска: «Стерминстерский собачий питомник. Владелец К. Дж. Рейд-Гарриман. Заводчик немецких овчарок и лабрадоров. Передержка».

Узкая дорожка вела к пространству, напоминавшему задний двор. Здесь повсюду было развешено для просушки белье — рубашки, подштанники, постельные принадлежности. Причем почти все цвета хаки. Густо пахло псиной. На ржавой ручной водоразборной колонке висела дюжина собачьих поводков. А еще во дворе стояла маленькая девочка. Она с грустью наблюдала, как Смайли осторожно прокладывает себе путь среди густой грязи к входной двери. Подергав за шнурок звонка, он стал ждать. Потом подергал снова, и только тогда девочка сказала:

— Он не работает. Его сломали. И уже давно.

— А дома есть кто-нибудь? — спросил Смайли.

— Пойду посмотрю, — неприветливо ответила она, потом еще раз окинула гостя долгим пристальным взглядом и пошла вдоль стены, скоро скрывшись за углом. Затем уже изнутри дома до Смайли донеслись звуки приближавшихся

шагов, и мгновением позже дверь распахнулась.

— Добрый день. — Волосы и усы у отворившего дверь мужчины отливали одинаковым песочным оттенком. На нем были рубашка цвета хаки и галстук цвета хаки, но в чуть более светлых тонах, старые форменные брюки и твидовый пиджак с обтянутыми кожей пуговицами.

— Мистер Гарриман?

— Майор Гарриман, — поправил он с легкой улыбкой. — Хотя теперь это уже не имеет никакого значения, старина. Чем могу быть полезен?

— Я подумываю о том, чтобы завести немецкую овчарку, — ответил Смайли. — Для охраны дома.

— Отлично. Заходите, пожалуйста. Хозяйки, то есть моей жены, сейчас нет. На девчушку не обращайте внимания: она соседская. Но часто околачивается рядом. Любит собачек.

Гарриман проводил его в гостиную, и они сели. Камин в комнате отсутствовал.

— Откуда вы? — спросил Гарриман.

— Сейчас я временно остановился в Карне, но мой отец живет в Дорчестере. Он стареет, становится мнительным и потому попросил подыскать для него хорошую собаку. У него есть садовник, который может заниматься псом в дневное время: кормить, выгуливать и все такое.

Но на ночь садовник уезжает, и именно по ночам отцу иногда становится тревожно. Я уже давно хотел купить ему собаку, а последние события в Карне только подхлестнули мою решимость.

Но Гарриман не ухватился за искусно подброшенную тему.

— А что этот садовник, он хороший малый?

— Да, очень.

— Скажу вам сразу. Нет нужды подбирать для вас нечто особенное, — сказал Гарриман. — Вам нужен здоровый крепкий пес. На вашем месте я взял бы суку.

Руки у него были покрыты густым, будто навсегда въевшимся в кожу загаром. Носовой платок он носил за отворотом рукава рубашки, а часы, как заметил Смайли, — циферблатом внутрь, что было еще одной явной приметой принадлежности к военному demi-monde[24], где, очевидно, остались корни его прошлого.

— А что будет делать такая собака при появлении постороннего? Нападет первой?

— Это зависит от того, к чему ее подготовят, старина. На что она будет натаскана. Но она предупредит хозяина — вот что самое главное.

---

[24] Примечания: 24
Полусвету (*фр.*).

Отпугнет любых бродяг. Повесьте на воротах табличку «Осторожно! Злая собака», дайте ей облаять парочку коммивояжеров, которые появятся у дверей, и скоро слух о вашем охраннике пройдет по всей округе. Грабитель и на милю не подойдет к такому дому.

Они вернулись в сад на заднем дворе, и Гарриман показал ему загон, где полдюжины щенков немецкой овчарки отчаянно тявкали на них сквозь проволочную ограду.

— Все хороши — эти маленькие дьяволята, — прокричал он. — Подвижны и непоседливы.

Он отпер замок и вынес наружу пухлого щенка-суку, который тут же принялся с аппетитом жевать лацкан его пиджака.

— Вот эта маленькая леди вполне подойдет, — сказал Гарриман. — Для выставок не годится. Слишком темный окрас.

Смайли для виду поломался, позволил Гарриману себя уговорить и под конец согласился. Они вернулись в дом.

— Я хотел бы внести залог, — сказал Смайли, — а собаку забрать дней через десять. Вас это устроит?

Он вручил Гарриману чек на пять фунтов, и они снова сели. Гарриман принялся рыться в столе,

разыскивая справки о сделанных прививках и копию родословной. Потом Смайли сказал:

— Какая жалость, что миссис Роуд не держала собаку, правда? Она могла бы спасти ей жизнь.

— Но у нее как раз была собака, вот только она ее усыпила совсем незадолго до убийства, — сказал Гарриман. Гели между нами, то это весьма странная история. Она очень привязалась к животному. Беспородная дворняга, помесь того, метис сего, но она души в ней не чаяла. И все же привезла однажды сюда с рассказом про какого-то покусанного почтальона и заставила меня усыпить пса. Утверждала, что он стал опасен для окружающих. Но это было совершенно не так. Мои знакомые в Карне навели справки. Никто на собаку не жаловался. Почтальон дружил со зверюгой. Глупо так врать, когда живешь в очень тесной общине. Тайное обязательно станет явным.

— Тогда зачем ей это понадобилось?

Гарриман ответил жестом, который всегда раздражал Смайли. Он провел кончиком указательного пальца по носу, а потом очень быстро ущипнул себя за кончики своих нелепых усов. В этом было что-то жалкое. Словно низший чин провинился и теперь опасался выволочки от

командира.

— Она была сложным человеком, — ответил он. — У меня на них особый нюх. В моем полку таких было несколько — проблемных дамочек из числа офицерских жен. Маленькие истерички: масло подгорело — целая трагедия.

Но строили из себя святош. Вечно таскали букеты в церковь. Такие уж набожные, хоть плачь. Вот и она показалась мне такой же. Из пустяка раздувала драму, целыми днями ходила по дому и ныла. Только дай повод.

— Она дружила с соседями? — Смайли предложил ему сигарету.

— Спасибо. Едва ли. Как мне говорили, по воскресеньям она вечно одевалась во все черное. Вполне типично. На Востоке мы называли таких «воронами», воскресными плакальщицами. Но они все принадлежали к другим церквям. Ни одной нашей веры. Попадались еще католички… О, простите, если…

— Нет, нет, ничего.

— Никогда ведь не знаешь, верно? Лично я их не выношу. Как говорил мой покойный папаша, я — человек веротерпимый, но католиков ненавижу.

— А с ее мужем вы знакомы?

— Не слишком близко. Но жаль беднягу.

Как отметил про себя Смайли, Гарриман испытывал гораздо больше сочувствия к живущим, нежели к умершим. Вероятно, все солдафоны такие. Этого он знать не мог.

— Он в глубоком горе, как я слышал. Жутчайший шок. Но ведь все мы смертны, что поделаешь, — заметил Гарриман, на что Смайли ответил кивком. — Он ведь там всем чужой. Простого происхождения. Из таких получаются отличные офицеры, украшение любого полка. Но они и страдают больше всех. Не умеют приструнить своих жен.

По дорожке они подошли к воротам. Смайли попрощался и пообещал вернуться примерно через неделю, чтобы забрать щенка. Когда он уже вышел на дорогу, Гарриман окликнул его:

— Да, еще одна штука…

Смайли остановился и повернулся к нему.

— С вашего позволения, чек я обналичу, а потом вычту сумму депозита, идет?

— Конечно, — ответил Смайли. — Меня это вполне устроит.

И он направился к автобусной остановке, стараясь понять странный образ мыслей бывшего военного.

Обратно его доставил тот же автобус с тем же кондуктором, ворчавшим по поводу глупости начальства, и с тем же водителем, который проехал почти весь маршрут на второй передаче. Выйдя у железнодорожного вокзала, Смайли направился к молельному дому из красного кирпича. Деликатно открыв готической формы дверь из покрытых густым слоем охры сосновых досок, он вошел внутрь. Пожилая женщина в фартуке начищала тяжелый медный подсвечник, свисавший по центру главного прохода. Выждав с минуту, он тихо подошел к ней и спросил, где найти преподобного. Она указала на дверь ризницы. Подчиняясь ее немому жесту, он подошел к двери, постучал и стал ждать. Ему открыл высокий мужчина в воротничке священника.

— Я из «Христианского вестника», — негромко представился Смайли. — Не могли бы мы поговорить?

Мистер Кардью вывел его через боковую дверь в небольшой огород, тщательно возделанный, с ярко-желтыми, посыпанными песком дорожками между пустовавшими сейчас грядками. Воздух был свеж, но светило солнце. День выдался прохладный и все же на редкость приятный. Миновав огород, они вышли на луг. Несмотря

на прошедший ночью дождь, земля под ногами оставалась смерзшейся, трава еще не пробивалась. Они шли рядом, разговаривая на ходу.

— Вообще-то это старое зимнее пастбище, и принадлежит оно школе. Но нам позволяют летом проводить здесь праздники. Очень удобно.

Кардью казался человеком нетипичным для своего сана. Смайли с детства привык относиться к клерикалам с недоверием и ожидал встретить фигуру более аскетическую, строгую и склонную к высоким оборотам речи.

— Меня прислала мисс Бримли, главный редактор, — пояснил Смайли. — Миссис Роуд была нашей подписчицей, ее семья читала наше издание со времени его основания. Они стали почти что родней для нас. И нам хотелось бы написать некролог с упоминанием ее работы на благо церкви.

— Понимаю.

— Я уже беседовал с ее мужем, но для нас важно выделить самое главное.

— Что он вам сказал?

— Посоветовал побеседовать о ее работе с вами. В особенности о ее участии в помощи беженцам.

Какое-то время они шли в молчании, а потом Кардью заговорил:

— Она приехала с севера. Из окрестностей Дерби. На севере ее отец был важным человеком, можно сказать — богатым. Хотя деньги никак не повлияли на его характер.

— Я знаю.

— С ее семьей я знаком многие годы, хотя порой мы подолгу не виделись. С отцом я встречался перед похоронами.

— Что бы я мог написать о ее работе для церкви здесь, ее роли в вашей общине? Могу я, например, упомянуть, что ее здесь все любили?

— Видите ли, — ответил Кардью по некотором размышлении, — мне кажется, подобные фразы в газетных материалах не совсем уместны, мистер Смайли. Ни о ком нельзя сказать, что его любили все. Даже о покойнике.

Его северный выговор стал при этих словах чуть заметнее.

— Тогда как мне это сформулировать? — настаивал Смайли.

— Не знаю, — ответил Кардью почти равнодушно. — А когда я чего-то не знаю, то предпочитаю не высказываться. Но если уж вы так хотите знать мое мнение: я никогда не встречал ангелов, и Стелла Роуд к их числу тоже не относилась.

— Но разве она не была одной из самых замет-

ных фигур в работе с беженцами?

— О да, была. Безусловно, была.

— И не стремилась подключить к этой деятельности других? Внести свою лепту тоже?

— Конечно. Она была неутомимой труженицей.

Какое-то время они снова шли молча. Тропа вела через луг под гору, а потом сворачивала вдоль ручья, почти скрытого от глаз кустами можжевельника и боярышника, в изобилии растущими на обоих бережках. По другую сторону ручья высились стволы облетевших вязов, за которыми уже виднелись знакомые очертания Карна.

— Это все, о чем вы хотели меня спросить? — внезапно повернулся к Смайли священник.

— Нет, — ответил Смайли. — Нашего редактора очень обеспокоило письмо, которое она получила от миссис Роуд буквально в день ее смерти. Это было нечто вроде… прямого обвинения. Мы передали письмо на рассмотрение полиции. Мисс Бримли чувствует себя в известной степени виноватой, что не смогла помочь ей. Это совершенно лишено логики, как может показаться, но тем не менее. Мне бы очень хотелось иметь возможность заверить ее, что смерть Стеллы Роуд и то письмо никак не были связаны между собой.

Это вторая цель моего приезда сюда.

— Кого она обвиняла?

— Своего мужа.

— На вашем месте я бы смело заверил мисс Бримли, — сказал Кардью медленно, но с особым нажимом, — что ей совершенно не в чем себя упрекать.

Глава 13
Дорога домой

Вечер понедельника. Примерно в то же время, когда Смайли вернулся в гостиницу после беседы с мистером Кардью, Тим Перкинс — староста корпуса Филдинга — собрался уезжать от миссис Харлоу, которая давала ему уроки игры на виолончели. Это была добрая женщина, хотя и страдавшая легким неврозом, и ее огорчал чем-то явно встревоженный вид ученика. Он был самым талантливым из всех ее питомцев в Карне, и она его искренне любила.

— Ты сегодня играл прескверно, Тим, — заметила она, прощаясь с ним у дверей. — Совсем плохо. Но я все понимаю. У тебя остался последний семестр, чтобы сдать все экзамены и преодолеть финальный рубеж, а потому ты немного не в себе. Если нет настроения, в следующий понедельник мы можем отменить урок, а просто попить чая с булочками и послушать пластинки.

— Да, пожалуй, миссис Харлоу. — Он пристроил футляр с инструментом на багажник велосипеда и закрепил его.

— Фара работает, Тим?

— Да, миссис Харлоу.

— Тогда постарайся не бить сегодня рекордов скорости. У тебя достаточно времени до вечернего чаепития в корпусе. Помни, что дорожка сейчас очень скользкая из-за снега.

Перкинс промолчал. Он поставил велосипед на крытую гравием дорожку и повел его к воротам.

— Ты ни о чем не забыл, Тим?

— Простите, миссис Харлоу.

Он повернулся и пожал ей руку — ритуал, на исполнении которого она всегда настаивала.

— Послушай, Тим. Я же вижу: с тобой что-то случилось. В чем дело? Ты совершил какой-то глупый проступок? Мне ты можешь рассказать обо всем. Я внештатный преподаватель вашей школы, как тебе известно.

Перкинс помялся, а потом сказал:

— Вы правы, это все из-за экзаменов, миссис Харлоу.

— С родителями все хорошо? У них никаких проблем?

— Нет, миссис Харлоу, с ними все в порядке.

Он снова какое-то время колебался, но из его уст прозвучало лишь обычное:

— Доброй ночи, миссис Харлоу.

— Доброй ночи.

Она смотрела, как он вышел за ворота, оседлал велосипед и покатил по узкой дорожке. Он будет в Карне меньше чем через четверть часа. Ехать ему предстояло все время вниз по склону холма.

Обычно ему нравилось возвращаться домой. Для него это были едва ли не лучшие минуты недели. Но сегодня он не чувствовал и не замечал ничего. Как обычно, ехал он быстро; каменная ограда стремительно мелькала мимо на фоне темного неба, а свет фар забавно вспугивал зайцев, но нынешним вечером даже это не отвлекало от мрачных мыслей.

Ему надо кому-то обо всем рассказать. Следовало поделиться с миссис Харлоу Он уже жалел, что не сделал этого. Она бы знала, как ему поступить. Был еще мистер Сноу, но Тим больше не занимался в его классе. Его передали под опеку Роуда. Вот в чем отчасти состояла проблема. И еще в Филдинге.

Но он ведь может поговорить с Тру. Точно. Так он и сделает. Он расскажет обо всем Тру. Пойдет к мисс Трубоди после вечерней молитвы и выложит ей всю правду. Конечно, отец никогда не простит его, потому что это будет означать полный провал, да и стыда не оберешься. Ему

не поступить в королевскую военную академию Сандхерст после окончания семестра, а значит, понадобится гораздо больше денег, чем есть у его семьи…

Он приближался к самому крутому участку склона холма. Ограда в этом месте заканчивалась, и отсюда открывался великолепный вид на замок Солеев, вырисовывавшийся на фоне закатного неба, словно декорация к «Макбету». Ему нравился театр. Жаль, что директор не разрешал в школе любительские постановки.

Он склонился ниже к рулю и позволил велосипеду набрать скорость, чтобы легко преодолеть мелкий брод у подножия холма. Холодный воздух обжигал лицо, и на какое-то время он почти сумел отвлечься… Но внезапно ему пришлось затормозить, почувствовав, как занесло заднее колесо велосипеда.

Что-то было не так, впереди горел свет — яркий свет, который бил в глаза, а потом из темноты донесся знакомый голос — его окликнули.

Глава 14
Милосердие по высшему разряду

Общественный комитет школьной помощи беженцам (патронесса — Сара, графиня Солей) располагался в здании на Белгрейв-сквер, в одном из самых фешенебельных районов Лондона. Причем было не совсем ясно, для чего требовался столь роскошный офис: для того ли, чтобы богатые охотнее раскошеливались, или чтобы нуждающиеся чувствовали, что ими занимаются серьезные люди, или же, если верить зловредным светским слухам, всего лишь с целью предоставить графине ничего не стоивший ей плацдарм в сердце столичного Уэст-Энда. Потому что непосредственно помощью беженцам занимались все-таки вдали отсюда — на южном берегу Темзы, в Кеннингтоне, на одной из тех безобразных площадей, которые являются частью лондонской архитектурной шизофрении. Йорк-гарденс, как называлась площадь, будет когда-нибудь открыта иностранными туристами и лишится своего нынешнего скромного обаяния. Но пока еще можно увидеть, как детишки играют в «классики»

посреди мостовой, а из дверных проемов за ними наблюдают мамаши в домашних тапочках.

Мисс Бримли, отправившаяся туда на следующий день после телефонного разговора со Смайли, обладала редким даром разговаривать с детьми как с полноценными человеческими существами, и потому ей не составило труда найти безымянный, сильно запущенный дом, который служил комитету помощи складом собранных пожертвований. Сопровождаемая семерыми мальчишками, она нажала на кнопку звонка и стала терпеливо ждать. Через какое-то время до нее донеслось клацанье каблуков по ничем не покрытой лестнице, и дверь открыла очень красивая девушка. Несколько секунд они с интересом разглядывали друг друга.

— Прошу простить за беспокойство, — заговорила первой мисс Бримли, — но моя подруга, живущая в провинции, попросила меня навести справки об одной посылке с одеждой, которая была отправлена пару дней назад. Дело в том, что она совершила довольно-таки глупую ошибку.

— Бог же мой, какой ужас! — отозвалась нисколько не раздосадованная вторжением девушка. — Заходите, пожалуйста. Боюсь только, что здесь полнейший хаос. И даже присесть толком

не на что. Зато я могу угостить вас растворимым кофе.

Мисс Бримли последовала за ней, плотно и решительно закрыв дверь перед носом своих семерых спутников, которые тихой сапой попытались тоже проникнуть внутрь. Она оказалась в зале, заставленном упаковками всех возможных видов и размеров — коробами из джута с красивыми наклейками; пакетами, обернутыми в коричневую бумагу, часть которых была уже растрепана и начинала рваться по углам; ящиками, корзинами из прачечных, старыми чемоданами и даже сундуком, на котором с трудом можно было разобрать надпись желтой краской: «В путешествие не брать!»

Девушка провела ее наверх, где, по всей видимости, располагалась контора — тоже большая комната, где стояли только огромный письменный стол, весь заваленный конвертами с письмами, и кухонный стульчик. В углу побулькивал масляный обогреватель, а рядом с ним испускал струйку пара закипевший электрический чайник.

— Извините, — сказала девушка, когда они вошли в комнату, — но внизу поговорить негде. Я хочу сказать, не будем же мы беседовать стоя,

как инки. Или это не инки так делают, а, кажется, афганцы? Но расскажите сначала, как вы нас нашли?

— Первым делом я отправилась к вашему начальству в Уэст-Энде, — ответила мисс Бримли, — и там мне сказали, где и как вас разыскать. Создалось впечатление, что мне там не слишком обрадовались. А потом я положилась на ребятишек. Они всегда подскажут дорогу куда угодно. Вы ведь мисс Доуни, не так ли?

— Вовсе нет! Я просто ее временная помощница. Джил Доуни уехала на встречу с таможенниками в Ротерхит. Вернется только к вечернему чаю, если вам непременно нужна она.

— Да нет же, моя милая. Мое дело настолько пустяковое, что не отнимет у вас и пары минут. Моя подруга живет в Карне. («Ничего себе! Известное местечко!» — заметила на это девушка.) То есть она скорее приходится мне кузиной, но проще называть ее подругой, чтобы не запутаться, верно? Так вот, в прошлый четверг она отдала на нужды беженцев свое старое серое платье, а теперь вдруг вбила себе в голову, что забыла снять с лифа дорогую для нее брошь. Между прочим, лично я уверена, что брошь моя подруга просто потеряла — эта девушка очень рассеян-

ная для учительницы, — но она позвонила мне вчера ужасно расстроенная и попросила все же связаться с вами и проверить. К сожалению, сразу я приехать сюда не смогла. Работа в газете отнимает слишком много времени. Но, как я догадываюсь, вы не успеваете справляться с потоком посылок, и сегодня еще, быть может, не слишком поздно, так ведь?

— Вы даже не представляете, насколько правы. Нам катастрофически не хватает времени. Все, что вы видели внизу, еще только предстоит распаковать и рассортировать. Это присылают назначенные нами добровольные представители в школах — иногда преподаватели, иногда ученики старших классов. Они упаковывают вещи и отправляют нам либо поездом, либо почтой, хотя поездами чаще. А нам приходится все перебирать и готовить к отправке за границу.

— Джейн мне так и сказала. Как только она поняла свою ошибку, то сразу связалась с женщиной, которая занимается сбором и отправкой вещей, но немного опоздала. Пакет уже отправили.

— Как неудачно… Вы знаете, когда именно была отправлена посылка?

— Да. В пятницу утром.

— Значит, из Карна? Поездом или почтой?

Мисс Бримли заранее страшил этот вопрос, но она решилась высказать догадку:

— По-моему, почтой.

Метнувшись мимо мисс Бримли, девушка принялась лихорадочно рыться среди кипы бумаг на столе, пока не отыскала толстую тетрадь в картонном переплете с надписью «Регистр». Открыв ее наудачу, она начала быстро листать страницы, время от времени мусоля кончик тонкого пальца и при этом трогательно стесняясь дурной привычки.

— Посылка никак не могла быть доставлена нам раньше чем вчера, — сказала она. — И мы совершенно точно не успели вскрыть ее. Если честно, то я вообще не представляю, как мы справимся со всей этой грудой. А ведь приближается Пасха, и работы станет еще больше. К тому же половина уже подготовленных нами вещей потом неделями пылится на полках таможенных складов… О, вот то, что нам нужно!

Она перевернула тетрадь, чтобы мисс Бримли было лучше видно, указывая ноготком на карандашную запись в центральной колонке: «Карн, почтовое отправление, вес 27 фунтов».

— Прошу еще раз простить за назойливость, —

сказала мисс Бримли, — но не могли бы мы с вами распечатать эту посылку?

Они снова спустились в зал.

— Здесь все не так уж беспорядочно, как выглядит на первый взгляд, — бросила ей через плечо девушка. — Все, что прибыло в понедельник, должно лежать ближе к двери.

— А откуда вы знаете происхождение посылки, если на ней нет марки с почтовым штемпелем, ведь благотворительные грузы пересылаются бесплатно? — спросила мисс Бримли, когда девушка занялась поиском нужного ей пакета.

— Нашим добровольным представителям на местах мы заранее выдаем отпечатанные типографским способом наклейки с отрывными корешками. На каждой проставлен индивидуальный номер и индекс отправителя. В отдельных случаях приходится просить их писать на упаковке название школы печатными буквами. И мы умоляем ни в коем случае не прикладывать никаких писем, для нас их разбор стал бы воистину непосильной задачей. Таким образом, получив посылку, нам остается всего лишь отправить обратно отрывной корешок с уведомлением и распиской, что такой-то груз прибыл такого-то числа и весил столько-то. Но часто помощь при-

сылают люди, которые не являются нашими представителями, а они не знают этого адреса и отправляют посылки прямо на Белгрейв-сквер, потому что только наш главный офис упоминается в газетах.

— И такая система надежна?

— Нет, — честно ответила девушка. — Представители то забывают наклеить наши этикетки, то они у них кончаются, а нам они сообщить об этом не спешат. Проходит дней десять, и начинаются гневные звонки: где подтверждение получения груза? А какое может быть подтверждение? Еще они часто сами меняют представителей, не поставив нас в известность, а новичков забывают проинструктировать о порядке отправки посылок. Порой школьники вдруг решают взять инициативу на себя, не зная, как все сделать по правилам. Леди Сара просто на стенку лезет от злости, если помощь присылают напрямую в главный офис, — всему надлежит поступать сюда для учета и инвентаризации.

— Да, трудно вам приходится… — Мисс Бримли с напряженным вниманием следила, как, непрерывно болтая, девушка перебирала прибывшие посылки.

— Вы, по-моему, сказали, что ваша подруга пре-

подает в Карне? Она, должно быть, очень важная. Интересно, какой на самом деле принц? На фото в газетах он выглядит этаким увальнем. У меня в Карне учился двоюродный брат — совершенно бесхарактерный. А знаете, что он мне рассказывал? Во время недели скачек в Аскоте они все… Привет, вот ты где!

Девушка выпрямилась, держа в руках большой квадратный пакет, и отнесла его к столу, стоявшему в тени главной лестницы. Мисс Бримли стояла рядом, пока она развязывала крепкий шпагат, с любопытством осматривая печатную наклейку. В ее левом верхнем углу был обозначен символ, который комитет, по всей видимости, присвоил Карну: К4. К нему от руки шариковой ручкой приписали букву «Б».

— Что означает это «Б»? — спросила мисс Бримли.

— Местная самодеятельность в самом Карне. Наш представитель там — мисс Д'Арси, но дела у них шли в последнее время так успешно, что она привлекла знакомую к сбору и рассылке. И когда мы отправляем им уведомления о получении, они хотят знать, от «А» или от «Б» пришел пакет. Эта ее подруга, судя по всему, развила большую активность, хотя я не знаю, кто она такая.

Мисс Бримли подмывало спросить, как количество посылок из Карна, помеченных литерой «А», соотносилось с их числом от анонимной помощницы, но воздержалась.

Девушка развязала узлы на веревке и перевернула пакет, чтобы удобнее было снять оберточную бумагу. И когда она это сделала, мисс Бримли бросились в глаза едва заметные бурые пятна размером с шиллинг, не более, в тех местах, где листы бумаги ложились внахлест. Причем характерная для нее дотошность заставила ее сразу же попытаться найти происхождению пятен какое-то иное объяснение, нежели то, что казалось совершенно очевидным. Продолжавшая возиться с посылкой, девушка спросила:

— Послушайте, ведь это в Карне случилось недавно жуткое преступление, когда жену одного из учителей убила бродячая цыганка? Просто оторопь берет, как подумаешь, до чего часто такое стало теперь происходить, верно?.. Гм. Так я и думала, — внезапно сменила тему она.

Девушка сняла внешнее покрытие и уже собиралась распаковать уложенные внутри вещи, как что-то внутри пакета явно привлекло ее внимание.

— В чем дело? — встревоженно спросила мисс

Бримли.

Ее собеседница только рассмеялась.

— Ничего особенного. Просто посылка какая-то странная, — ответила она. — К 4 «Б» обычно очень аккуратна — она у нас одна из лучших в этом смысле. А здесь все кучей. Словно вещи упаковывал другой человек. Наверное, попросила кого-то заменить ее. Мне это бросилось в глаза еще по внешнему виду пакета.

— Почему вы так уверены?

— О, это как почерк. Его со временем начинаешь узнавать. — Девушка снова рассмеялась и деловито взялась за распаковку. — Значит, серое платье, говорите? Давайте посмотрим.

Девушка принялась по одной вынимать вещи из кипы и раскладывать их на две стопки. Разобрав почти половину, она вдруг воскликнула:

— Ну ничего себе! Они там что, совсем заучились?

И она вынула из свертка слегка разорванный прозрачный плащ-дождевик из полиэтилена, пару очень старых перчаток и что-то похожее на резиновые калоши.

Мисс Бримли пришлось крепче упереться руками в край стола. В ладонях пульсировала кровь.

— А вот еще и капюшон. Тоже влажный, — ска-

зала девушка и с отвращением бросила его на пол рядом со столом.

Мисс Бримли могла сейчас думать только о письме Смайли: «Тот, кто совершил убийство, должен быть весь перепачкан кровью». Все верно. Вот почему убийца облачился в непромокаемый плащ, капюшон, резиновые калоши и эти страшные, покрытые темными порыжевшими пятнами перчатки. Тот, кто убил Стеллу Роуд, был человеком не случайным. Он все обдумал заранее и выжидал. «Да, — подумала мисс Бримли, — выжидал долгими зимними ночами».

— Боюсь, что серого платья здесь нет, — снова обратилась в ней девушка.

— Да, милая, — ответила мисс Бримли, — я и сама теперь вижу. Спасибо. Вы мне очень помогли.

На мгновение она почти лишилась голоса, но быстро взяла себя в руки:

— Думаю, моя дорогая, вам следует оставить эту посылку в том виде, в каком она находится сейчас. Произошло нечто действительно ужасное, и полиции нужно будет… Вы должны довериться мне. Все не так, как выглядит на первый взгляд…

И она, не помня себя, покинула уютную заброшенность Йорк-Гарденс с ее вечно чего-то ждущими большеглазыми детишками.

Мисс Бримли поспешила найти телефон-автомат. Ей удалось дозвониться до «Герба Солеев», и она попросила откровенно скучавшего дежурного портье соединить ее с мистером Смайли. Потом на линии установилась долгая тишина, которую нарушил голос телефонистки, потребовавшей доплатить еще три шиллинга и шесть пенсов. Мисс Бримли грубовато возразила, что пока за свои деньги получила только три минуты абсолютного вакуума. Она уже услышала, как телефонистка зло втянула сквозь зубы воздух, готовясь к скандалу, когда к аппарату подошел Джордж Смайли.

— Джордж? Это Брим. Прозрачный плащ с капюшоном, самодельные резиновые калоши и перчатки, испачканные, похоже, кровью. Такие же по виду пятна на оберточной бумаге посылки.

Пауза.

— А почерк, которым написан адрес?

— Отсутствует. Организаторы раздают своим активистам отпечатанные наклейки с адресом.

— Где все это сейчас? У тебя?

— Нет. Но я просила девушку на складе ни к чему не прикасаться. Так что часа на два-три улики в безопасности… Джордж, ты слушаешь?

— Да.

— Кто это сделал? Ее муж?

— Не знаю. Я пока ничего не знаю.

— Хочешь, чтобы я предприняла что-нибудь? Например, позвонила Спэрроу? Или что-то еще?

— Нет. Я сам немедленно отправлюсь к Ригби. До свидания, Брим. Спасибо за звонок.

Мисс Бримли повесила трубку. Ей показалось, что он в странном расположении духа. Порой создавалось впечатление, что Смайли терял интерес ко всему. Как будто отключался.

Она пошла в северо-восточном направлении в сторону набережной. Было уже начало одиннадцатого — она впервые за бог знает сколько лет опоздала на работу. Надо было бы срочно взять такси. Но, будучи человеком бережливым, она в итоге села на автобус.

Эйлса Бримли не понимала и не принимала понятия «чрезвычайная ситуация», поскольку была наделена умственной дисциплиной, какую редко встретишь у мужчин и почти никогда — у женщин. Джон Лэндсбери как-то заметил по этому поводу: «Ты обладаешь поистине изумительной способностью ничего не драматизировать, Брим. Тебе дан редкий дар все воспринимать спокойно. Я знаю десятки людей, которые согласились бы

платить тебе тысяч пять в год, лишь бы ты им каждый день внушала, что важные вещи редко бывают срочными. Что срочное — эфемерно, а эфемерное не может быть важным».

Она вышла из автобуса, аккуратно выбросив использованный билет в урну. Стоя на залитом солнцем тротуаре, она заметила раскладные доски с рекламой выпусков сегодняшних газет. Если бы не солнце, она, возможно, не обратила бы на них внимания, но лучи слепили, и ей невольно пришлось опустить взгляд. Она прочла на еще влажных от типографской краски листах заголовки в обычном для Флит-стрит истеричном стиле: «Поиски загадочно пропавшего в Карне мальчика продолжаются!»

Глава 15
На пути к Филдингу

Смайли тоже положил трубку и быстрым шагом направился мимо стойки регистрации к выходу из отеля. Он должен немедленно увидеться с Ригби. Уже у самой двери он услышал, как сзади его окликнули по фамилии. Обернувшись, он увидел старого недруга-портье, словно призрака, осмелившегося наконец вылезти наружу днем, который серой рукой Харона делал ему какие-то знаки.

— Вас разыскивала полиция, — произнес он с нескрываемым удовольствием. — Мистер Ригби, инспектор по уголовным делам. Вам надлежит немедленно явиться в участок. Поняли?

— Я как раз к нему собирался, — раздраженно ответил Смайли и вышел, хлопнув дверями и слыша вслед злорадный голос:

— Разыскивает полиция. Явиться немедленно. Вот оно как.

Шагая по улицам Карна, он уже, наверное, в сотый раз размышлял о том, насколько неисповедимы мотивы человеческих поступков: на

этой земле ему не на что опереться. Ни единой константы, ни одной твердой отправной точки, никакой самой элементарной логики или пусть даже совершенно немыслимого мистицизма. И менее всего ясности он видел в том, что заставляет людей совершать акты жестокого насилия над себе подобными.

Неужели убийца, личность которого вскоре будет установлена, довольствовался одним только наслаждением от исполнения тщательно продуманного плана? Потому что теперь сомнений не оставалось: это убийство было рассчитано до мельчайших деталей, причем даже орудие преступления должно было самым необъяснимым образом оказаться в нескольких милях от места, где его пустили в ход. Были подброшены ложные улики, чтобы сбить следствие с толка. Убийство, спланированное так, чтобы выглядеть неспланированным — убийством ради нитки дешевых бус. По крайней мере разрешилась загадка исчезновения следов: уложив калоши в пакет с гуманитарной помощью, убийца вышел по дорожке через калитку в собственной обуви, где его следы скоро были затоптаны и надежно скрыты.

Ригби выглядел предельно усталым.

— Как я полагаю, вы уже слышали новость,

сэр?

— Новость? Какую новость?

— О мальчике. О пареньке из корпуса Филдинга, исчезнувшем прошлым вечером.

— Нет. — Смайли внезапно почувствовал приступ тошноты. — Я ничего пока об этом не знаю.

— Господи, а я-то думал, что вам все известно! В половине девятого вчера вечером мне позвонил Филдинг. Перкинс, его староста, не вернулся с занятия музыкой у миссис Харлоу, которая живет в Лонгмеде. Мы подняли тревогу и начали поиски. Послали патрульную машину вдоль дороги, по которой он обычно ездил на велосипеде. Сначала они ничего не нашли, но на обратном пути водитель остановил машину у подножия лонгмедского холма, где дорога вброд пересекает ручей. Шоферу пришло в голову, что мальчишка мог созорничать, слишком сильно разогнаться от вершины холма, чтобы поднять тучу брызг, но свалился в кювет. И они действительно нашли его в одной из придорожных канав вместе с велосипедом. Мертвого.

— О Боже милосердный!

— Нам удавалось все скрывать от прессы, но недолго. Родители мальчика сейчас в Сингапуре. Отец — армейский офицер. Филдинг отправил

им телеграмму. А мы связались с министерством обороны.

После недолгого молчания Смайли спросил:

— Как такое могло произойти?

— Мы закрыли дорогу, пытаясь реконструировать обстоятельства несчастного случая. Сейчас там все еще работают мои следователи. Проблема в том, что мы ничего не могли толком сделать, пока не рассвело, а к тому времени все вокруг оказалось затоптано патрульными, и их трудно в этом винить. Предварительный вывод таков: он упал с велосипеда у подножия холма и ударился головой о камень. Правым виском.

— Как на это отреагировал Филдинг?

— Он совершенно потрясен. Сверх всякой меры. Честно говоря, даже трудно поверить в его искренность. Он просто… от всего устранился. Столько нужно было сделать. Телеграфировать родителям, связаться с дядей парня, который живет в Виндзоре, и так далее. Но он все перепоручил мисс Трубоди — своей экономке. Если бы не она, даже не знаю, как бы он вышел из затруднительного положения. Я пробыл с ним полчаса, а потом он словно сломался и попросил, чтобы его оставили одного.

— Что вы имеете в виду, когда говорите, что он

сломался? — быстро спросил Смайли.

— Он расплакался. Навзрыд, как дитя, — совершенно бесстрастно ответил Ригби. — Вот уж никогда бы не подумал, что он так далеко зайдет.

Смайли предложил Ригби сигарету и закурил сам.

— Значит, мы предполагаем, что это был несчастный случай? — переспросил он.

— Да, предполагаем, — повторил Ригби немного деревянным тоном.

— Тогда, вероятно, прежде чем мы продолжим, — сказал Смайли, — мне будет лучше поделиться с вами своими новостями. Я, собственно, уже собирался к вам, когда вы позвонили в гостиницу. Со мной совсем недавно связалась мисс Бримли.

И он точно, но коротко и официально доложил ему о своем разговоре с Эйлсой Бримли, не забыв упомянуть, почему его вдруг заинтересовало содержимое посылки.

Смайли ждал, пока Ригби звонил в Лондон. Почти автоматически он перечислил, что требовалось сделать: пакет и содержимое следовало немедленно изъять, каждый предмет подвергнуть тщательному криминалистическому ана-

лизу, все поверхности рассмотреть на наличие отпечатков пальцев. Он сам приедет в Лондон и привезет образцы почерка мальчика, а также его экзаменационную работу; нужно, чтобы вердикт вынес специалист почерковедения. Нет, он приедет поездом, который отправляется из Карна в шестнадцать двадцать пять и прибывает на Ватерлоо в восемнадцать ноль пять. Смогут ли они прислать машину, чтобы встретить его? Наступила пауза, после которой Ригби зло бросил в трубку:

— Ладно, обойдусь такси, черт бы его побрал! — И резко оборвал разговор. Некоторое время он продолжал смотреть на Смайли с тем же сердитым выражением лица, потом усмехнулся, подергал себя за мочку уха и сказал: — Виноват, сэр, но у меня нервы тоже на пределе.

Кивком головы он указал на дальнюю стену своего кабинета и продолжал:

— Приходится сражаться сразу на нескольких фронтах. Мне нужно доложить шефу о вашем пакете. Вот только он сейчас на охоте. Так у него называется стрельба по голубям с парой приятелей. Они скоро вернутся. Проблема лишь в том, что я до сих пор не упоминал о вашем присутствии в Карне, и если позволите…

— Разумеется, — поспешил перебить его Смайли. — Проще для всех, если мое имя не будет никак связано с этим делом.

— Я скажу ему, что новые обстоятельства вскрылись во время обычной проверки. Позже нам придется сослаться на мисс Бримли… Но нет никакого смысла все усложнять, вы согласны?

— Да.

— Джейни мне, наверное, придется отпустить… Она ведь говорила правду, как ни странно. Серебряные крылья в лунном свете…

— А вот этого я бы делать не стал… Определенно не стал бы. Ее нельзя выпускать на свободу, Ригби, — выпалил Смайли с необычайной горячностью. — Держите ее под замком как можно дольше. Ради всего святого, хватит с нас несчастных случаев. Довольно.

— Вы, стало быть, не верите в несчастный случай с Перкинсом?

— Конечно же, нет! — воскликнул Смайли. — Да и вы сами не верите. Или я не прав?

— Я поручил следователю разобраться в этом, — холодно ответил Ригби. — Я не могу вести все дела сам. Мне сейчас важнее участвовать в расследовании убийства миссис Роуд. Теперь начальнику не избежать участия Скотленд-Ярда, и кому-то

это дорого обойдется, скажу без обиняков. Он ведь уверен, что все закончилось, если не считать шумихи в прессе.

— А тем временем?

— Тем временем я сделаю все, наизнанку вывернусь, чтобы прижучить убийцу Стеллы Роуд.

— Если… — осторожно начал Смайли. — Если вам удастся обнаружить на том плаще отпечатки пальцев, в чем я сомневаюсь… У вас есть местный материал, с которым их можно будет сравнить?

— У нас имеются пальчики Роуда. И Джейни.

— Но не Филдинга?

Ригби задумался, а потом ответил:

— Знаете, и его отпечатки тоже есть. Правда, очень давние. И снятые по далеко не столь серьезному вопросу.

— Это случилось во время войны, — продолжил Смайли. — Его брат мне обо всем рассказал. Он набедокурил на севере. Но дело тогда замяли, верно?

Ригби кивнул.

— Насколько мне известно, здесь обо всем знал только Д'Арси. И, конечно, директор. Это случилось в каникулы. С каким-то мальчишкой-курсантом из летнего училища. Наш нынешний начальник тогда тоже очень помог…

Смайли пожал Ригби руку и спустился по уже знакомой лестнице из сосновых досок. Ему снова ударил в нос запах мастики для полов и карболки. Похоже пахло в доме Филдинга.

Он медленно брел обратно в сторону «Герба Солеев». Однако в том месте, где ему следовало взять левее, он ненадолго задержался, а потом вдруг передумал. Также медленно, почти неохотно, он свернул на дорогу к аббатству и прошел южной стороной главной площади к дому Филдинга. Вид у него при этом был даже не обеспокоенный, а скорее испуганный.

Глава 16
Любовь к музыке

Дверь открыла мисс Трубоди. Глаза у нее покраснели, словно она недавно плакала.

— Я хотел узнать, нет ли возможности увидеться с мистером Филдингом, чтобы попрощаться.

Она замялась.

— Мистер Филдинг до крайности расстроен. Сомневаюсь, что он захочет кого-то видеть.

Смайли проследовал за ней в прихожую и видел, как она осторожно приблизилась к двери кабинета. Постучала, склонила голову, повернула дверную ручку и вошла. Ждать ее возвращения пришлось долго.

— Он скоро к вам выйдет, — сообщила она, не глядя на Смайли. — Снимете пальто?

Терпеливо дождавшись, пока он сражался, чтобы освободиться от верхней одежды, мисс Трубоди приняла у него пальто и повесила рядом со «стулом Ван Гога». Потом они встали рядом, глядя на дверь кабинета.

Внезапно в ее проеме возник Филдинг — небритый, в балахоне с широкими рукавами.

— Ради всего святого, — сказал он хрипло, — что вам еще от меня нужно?

— Я лишь хотел попрощаться, Филдинг, и принести соболезнования.

Филдинг несколько секунд стоял, тяжело опираясь о косяк двери, и угрюмо смотрел на него.

— Что ж, всего наилучшего. Спасибо, что навестили. — Он сделал прощальный взмах рукой, а потом добавил, причем откровенно грубо: — Но едва ли стоило так себя утруждать, право же. Вполне могли прислать открытку.

— Да, мог. Но только все случившееся показалось мне настолько трагическим… И это в тот момент, когда успех для него был так близок.

— Что вы имеете в виду? Что, черт побери, вы хотите этим сказать?

— Я имею в виду учебу Перкинса… Огромный прогресс. Саймон Сноу рассказал мне об этом. Воистину поразительно, как Роуд сумел так продвинуться вперед в занятиях с ним.

Воцарилось продолжительное молчание. Потом Филдинг повторил:

— Прощайте, Смайли. Спасибо за визит.

И он уже повернулся, чтобы скрыться в недрах своего кабинета, когда Смайли отозвался:

— Не за что, не за что… Представляю, как уди-

вился сам Роуд, когда узнал экзаменационные оценки. Ведь для Перкинса успешная сдача того экзамена стала чем-то вроде вопроса жизни и смерти, не так ли? Провались он, и остался бы на второй год. А по возрасту ему уже нельзя было продолжать учебу в школе, даже будучи старостой корпуса. И в армию ему путь был бы закрыт без аттестата зрелости. Бедняга Перкинс! От Роуда зависело слишком многое, верно? И, уверен, от вас тоже, Филдинг. Вы просто творили чудеса, чтобы помочь ему. Вы оба. Роуд и Филдинг. Его родителям стоило бы знать об этом. У них ведь с деньгами туговато, как я догадываюсь. Отец служит в армии и сейчас командирован в Сингапур, так? Ему нелегко оплачивать обучение сына в такой школе, как Карн. Для него стала бы большой радостью информация, что сынку здесь есть кому помочь, а, Филдинг?

Смайли заметно побледнел.

— Вы уже, наверное, в курсе последних новостей, — продолжал он. — По поводу той безумной бродяжки, которая убила Стеллу Роуд? Ее заставили написать что-то вроде признания. И ее повесят без колебаний. Это будет уже третья смерть, верно? Но я скажу то, что вам, Филдинг, может показаться странным. Строго между нами.

Я не верю в ее виновность. А вы? Я считаю, она здесь вообще ни при чем.

Он не сводил с Филдинга глаз и с напряжением, чуть подавшись вперед, сложив за спиной руки со стиснутыми пальцами, а голову склонив набок, дожидался ответа.

Что до Филдинга, то казалось, каждое слово Смайли причиняет ему физическую боль. Он медленно покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Нет. Это Карн убил их обоих. Именно Карн. Такое могло произойти только здесь. А все из-за глупых игр, в которые мы играем, показывая свою исключительность. Главное правило: разделяй и властвуй! — Он встретился со Смайли взглядом и выкрикнул: — А теперь, ради Бога, уходите! Вы добились своего. Теперь можете и меня приколоть к своей доске, как жука. Ведь вы на самом деле этим занимаетесь.

И, к величайшему замешательству Смайли, он зарыдал — бесконтрольно и безутешно, сотрясаясь всем телом, тщетно пытаясь прикрыть глаза ладонями. Внезапно он предстал фигурой совершенно гротескной — седой мужчина, размазывавший детские слезы по лицу белыми руками. Громоздкие ступни развернуты носками внутрь. Смайли деликатно провел его обратно в

кабинет и столь же бережно усадил перед погасшим камином. А затем заговорил с ним тихо и сочувственно.

— Если я размышляю в верном направлении, то времени у нас осталось мало, — начал он. — Мне нужно, чтобы вы рассказали мне о Тиме Перкинсе и об экзамене.

Филдинг, по-прежнему пытавшийся прятать лицо в ладонях, кивнул.

— Он бы не сдал экзамен, верно? Он бы провалился, не смог бы получить права на перевод в другое учебное заведение, и ему пришлось бы покинуть школу ни с чем. — Филдинг молчал. — В тот день после экзамена Роуд отдал ему портфель с экзаменационными работами. Роуду были поручены еще и церковные обязанности. Он не успевал зайти домой перед ужином, но хотел просмотреть результаты экзаменов тем же вечером после ужина у вас.

Филдинг убрал руки от лица и откинулся на спинку кресла, склонив большую седовласую голову и закрыв глаза. Смайли продолжал:

— Перкинс вернулся в корпус и в тот же вечер принес вам портфель, как и велел Роуд, чтобы он какое-то время хранился у вас. Перкинс, в конце концов, был старостой и юношей ответствен-

ным… Он передал вам портфель, а вы спросили его, справился ли он с контрольной работой.

— Он расплакался, — внезапно вставил реплику Филдинг. — Расплакался, как малое дитя.

— И он признался вам, что смошенничал? Что подсмотрел ответы на задачи и списал их. Так было? А после убийства Стеллы Роуд он вспомнил, что еще видел в том портфеле?

Филдинг поднялся на ноги.

— Нет! Как же вы не понимаете? Тим не стал бы никого обманывать даже ради спасения собственной жизни. В том-то и суть дела и, если хотите, ирония судьбы! — буквально выкрикнул он. — Он ничего не списывал. Это я подделал за него ответы.

— Но вы бы не смогли! Для этого вам нужно было суметь подделать его почерк!

— Он писал шариковой ручкой. Там были только формулы и диаграммы. Когда он оставил мне портфель и ушел, я просмотрел его работу. Она была безнадежна. Он сумел ответить правильно только на два из семи вопросов. И я подделал ответы за него. Переписал из учебника такой же синей шариковой ручкой — мы все пользуемся одинаковыми. Их продают в магазине Эббота. Я сделал все, чтобы воспроизвести его руку. Там и

нужно-то было добавить буквально три строчки цифр. Остальное — сплошные графики.

— Значит, это вы открыли портфель. И вы увидели…

— Да говорю же вам, это был я, а не Тим! Он не пошел бы на подлог ни за что! Но в результате именно Тим расплатился за это столь дорого, понимаете? После того как результаты были обнародованы, Тим понял, что с ними что-то не так. Он же знал, что справился только с двумя задачами из семи, но вдруг получил оценку в шестьдесят один процент. Но больше он не знал ничего, ничего!

Оба долго молчали. Филдинг продолжал стоять, возвышаясь над Смайли, заметно переполненный противоречивыми чувствами, но прежде всего радуясь, что облегчил душу, поделившись своей тайной. А взгляд Смайли был устремлен куда-то мимо него, лицо выражало напряженную концентрацию мысли.

— Но, разумеется, — сказал он потом, — когда Стелла Роуд была убита, вы сразу поняли, кто это сделал. Вы все знали.

— Да, — ответил Филдинг. — Я знал, что ее убил Роуд.

Филдинг налил бренди себе и протянул бокал

Смайли.

Внешне он полностью овладел собой. Он снова сел и в задумчивости посмотрел на собеседника.

— У меня нет денег, — произнес он после паузы. — Совсем нет. Никто не знает об этом, кроме директора. То есть всем известно, конечно, что я на мели, но они не представляют, до какой степени. Много лет назад я совершил ужасную глупость. У меня возникли крупные неприятности. Это было во время войны, когда найти учителей было очень сложно. Я не только возглавлял корпус, а практически руководил школой. Мы это делали вместе с Д'Арси. Директор только надзирал за нами. Это случилось на каникулах. Меня тогда послали на север, чтобы читать лекции в летной школе ВВС. И я вышел за известные рамки правил поведения. То есть нарушил их, и очень грубо. Меня чуть не посадили. Тогда явился Д'Арси в своем пальто сельского джентльмена и изложил мне условия директора. «Мы берем тебя на поруки, ты возвращаешься в Карн, наш дорогой друг, и мы навсегда обо всем забудем. Продолжай возглавлять корпус, наш дорогой друг, и учить детей. Никакой огласки не будет. Мы верим, что с тобой такое больше не повторится, наш дорогой друг, а нам до зарезу нужны

преподаватели. Но мы сможем нанять тебя только на временную работу». Я согласился и с тех пор так и остаюсь на птичьих правах. В должности временного преподавателя. То есть каждый декабрь я вынужден идти к нашему милому Д'Арси с протянутой рукой и просить продлить со мной контракт. И, разумеется, у меня нет пенсионного обеспечения. Мне придется идти в репетиторы или в подготовительную школу. Есть одна такая в Сомерсете, где готовы меня взять. В четверг я встречаюсь в Лондоне с их директором. Это своего рода свалка для вышедших в тираж учителей. Директор, разумеется, все знает, потому что мне пришлось обратиться к нему за рекомендацией.

— Вот почему вы никому не могли ничего рассказать? Из-за Перкинса?

— Отчасти да. Это вызвало бы слишком много вопросов. Я сделал это ради Тима, как вы понимаете. Совету попечителей не слишком понравилась бы такая… необычная привязанность. Со стороны это ведь выглядит не очень-то привлекательно. Но это была уже не та привязанность, что прежде, Смайли. Уже совсем не та. Вы никогда не слышали, как он играл на виолончели. Он, конечно, отнюдь не был гением, но порой играл настолько красиво, с таким безыскусным вдох-

новением, крывшимся за внешней простотой, что это неописуемо ласкало слух. А ведь на вид он был неловким, нескладным пареньком, вот почему его игра становилась таким откровением. Мне действительно жаль, что вы не слышали его соло.

— И вы не хотели втягивать его в это дело. Если бы вы пошли в полицию, жизнь Тима тоже была бы исковеркана.

Филдинг кивнул:

— Во всем Карне он был единственным, кого я любил.

— Любили? — переспросил Смайли.

— Да, Господи Боже мой. Любил, — ответил Филдинг внезапно совершенно упавшим голосом. — А почему бы и нет?

— Родители желали, чтобы он продолжил образование в Сандхерсте, но мне хотелось оставить его в Карне еще на пару семестров, а потом, быть может, нашлась бы стипендия для серьезного обучения музыке. Для этого я и назначил его старостой корпуса: думал, его родители не будут против продолжения учебы в Карне, видя, как отлично идут у него здесь дела. Хотя староста из него вышел никакой, — добавил Филдинг после паузы.

— И что же конкретно вы увидели в том портфеле, когда открыли его вечером, чтобы взглянуть на экзаменационную работу Тима? — спросил Смайли.

— Полотнище прозрачного целлофана… Это, вероятно, был один из тех легких одноразовых плащей-дождевиков с капюшоном. Пару старых перчаток и пару самодельных калош.

— Самодельных?

— Да. Как мне показалось, это были срезанные нижние части высоких резиновых сапог.

— И это все?

— Нет. Еще там лежал обрезок тяжелого кабеля. Думаю, из числа образцов, которые демонстрируют ученикам по время уроков. Сначала мне показалось естественным, что он носил с собой такую одежду при нынешней погоде. И только после убийства сообразил, как он всем этим воспользовался.

— А вы поняли, почему он это сделал? — спросил Смайли.

Филдинг ответил не сразу.

— Понимаете, Роуд здесь — нечто вроде подопытной морской свинки, — начал объяснять он после некоторого колебания. — Первый преподаватель, пришедший в Карн из общественной

школы. А ведь большинство из нас — сами выпускники Карна. Продолжаем там же, где начинали. Роуд был из другого теста, и Карн совершенно заворожил его. Само название служит синонимом качества, а Роуд обожал качественные вещи. Его жена разительно отличалась от него в этом смысле. Для нее существовали другие ценности, и я не смею утверждать, что они были хуже или лучше наших. По утрам в субботу я часто наблюдал за Роудом во время службы в аббатстве. Ведь наставники корпусов сидят по краям скамей, как вы знаете, рядом с центральным проходом. И я видел выражение его лица, когда мимо сначала шествовал хор в белых и алых облачениях, директор в мантии доктора наук, а следом за ним — члены совета попечителей и патронов школы. И Роуд пьянел — буквально пьянел от гордости, что попал в такую школу. Мы подобны крепкому вину, которое легко ударяет в головы выпускникам обычных школ, понимаете ли. И его наверняка обижало то, что Стелла не хотела разделять этих чувств. Ее поведение обращало на себя внимание. В тот вечер, когда они ужинали у меня, незадолго до ее смерти, между ними даже произошла ссора. Я никому об этом не стал рассказывать, но так и было. В тот день

директор избрал для проповеди тему «Спешите делать добро», и Роуд без конца вспоминал об этом за ужином. Подействовало вино — он не умеет пить, и бокала порой достаточно, чтобы он пустился в неуместные рассуждения. Вот и тогда он, возможно, хвалебно отзывался о самой проповеди и о красноречии нашего директора. А Стелла никогда не посещала аббатства, предпочитая затрапезный молельный дом рядом с вокзалом. Он же не уставал восторгаться красотой службы в аббатстве, ее исполненной достоинства торжественностью. Она молчала и терпеливо слушала, но, когда он закончил, рассмеялась и сказала: «Бедняга Стэн. Для меня ты все равно остаешься тем же простаком Стэном». Признаться, никогда прежде я не видел, чтобы он так разозлился на нее. Он стал белее мела.

Филдинг отбросил со лба седую прядь и, снова немного рисуясь, продолжал:

— Я ведь тоже наблюдал за ней. Во время трапез. Не только у себя дома, но и повсюду, куда мы оба получали приглашение. Мне было интересно следить, как она делает самые простые вещи. Например, ест яблоко. Она ножом снимала кожуру по кругу одной лентой. А потом разрезала очищенный фрукт на равные дольки, прежде

чем взяться за еду. В такие минуты она могла показаться женой простого шахтера. При этом она прекрасно видела, как поступают другие, но до нее словно не доходило, что нужно им подражать. Меня это даже восхищало. Вам такое тоже по душе я полагаю? Но в Карне никто больше не оценил бы подобного поведения. И прежде всего оно претило Роуду, ее мужу. Он тоже наблюдал за ней и, как я думаю, с каждым днем все больше ненавидел за упрямую самостоятельность и непохожесть на остальных. И он начал видеть в ней препятствие на пути к успеху, единственный фактор, который способен помешать ему сделать блестящую карьеру. А когда он пришел к такому выводу, что ему оставалось делать? Развестись с ней он не мог — это сильно повредило бы ему. Роуд знал, как в Карне воспринимают разводы. Мы все-таки стоим на крепком религиозном фундаменте, следует помнить об этом. И тогда он убил ее. Он спланировал подлое преступление. Причем, обладая умом пусть не крупного, но ученого, подкинул полиции все необходимые улики. Сфабрикованные улики, которые указывали на несуществующего убийцу. Но только в дело вмешался случай — Тим Перкинс неожиданно получил шестьдесят один балл. Невероятно вы-

сокую для себя оценку. Значит, он смошенничал. Причем сделал это, когда бумаги временно оказались в его распоряжении. Так размышлял своим умишком Роуд. Тим открывал портфель, решил он, а значит, видел плащ, калоши, перчатки. И кабель. Вот почему Роуду пришлось расправиться и с ним тоже.

С неожиданной для своего состояния энергией Филдинг встал с кресла и налил еще бренди. Его лицо раскраснелось от почти радостного возбуждения.

Смайли поднялся.

— Когда, вы сказали, вас ждать в Лондоне? В четверг? Я не ошибаюсь?

— Да. Я заказал ужин с директором той школы в одном ужасном клубе на Пэлл-Мэлл. Я почему-то всегда попадаю в самые неприятные из них, а вы? Но, боюсь, теперь эта встреча не будет иметь никакого смысла. Когда станут известны все подробности, мне не даст работу даже простая подготовительная школа.

Смайли некоторое время раздумывал, а потом сказал:

— В таком случае приезжайте поужинать со мной в тот вечер. Можете даже у меня переночевать, если будет угодно. Я приглашу еще

нескольких гостей. Устроим вечеринку. К тому времени вы уже будете чувствовать себя намного лучше. Мы отлично проведем время. И, быть может, я сумею вам помочь… Ради памяти Адриана.

— Спасибо. Приму приглашение с удовольствием. Помимо собеседования, у меня в Лондоне накопились и другие дела.

— Отлично. Тогда жду вас без четверти восемь. Я живу в Челси, на Байуотер-стрит, дом десять «а».

Филдинг записал адрес в свой ежедневник, причем рука его при этом не дрожала.

— Черный галстук? — спросил он, все еще держа ручку наготове, и под воздействием странного импульса Смайли ответил:

— Обычно мы переодеваемся к ужину, но это не имеет особого значения.

— Как я полагаю, — робко спросил Филдинг, — будет суд, на котором всплывут все подробности моих отношений с Тимом? Если подобное случится, я буду уничтожен. Окончательно уничтожен.

— Боюсь, что не вижу способа избежать огласки.

— И все же я сейчас чувствую себя намного лучше, чем прежде, — сказал Филдинг. — Несрав-

ненно лучше.

Быстро попрощавшись, Смайли оставил его в одиночестве. Быстрым шагом он направился в полицейский участок, пребывая в твердой уверенности, что Теренс Филдинг — один из самых закоренелых лжецов среди всех, кого он встречал за долгие годы.

Глава 17
Бегство

Смайли лишь для проформы постучал в дверь кабинета Ригби и сразу вошел.

— Извините за внезапное вторжение, — сказал он, — но, боюсь, вам нужно арестовать Стэнли Роуда.

И изложил инспектору подробности своего разговора с Филдингом.

— Придется обо всем доложить начальнику. — Ригби выглядел огорченным и озабоченным. — Вы готовы повторить ему все, что рассказали мне? Если мы собираемся взять под стражу преподавателя из Карна, шефу необходимо узнать об этом как можно раньше. Он только что вернулся. Одну минуточку.

Ригби снял телефонную трубку и попросил соединить его с начальником полиции. А уже через несколько минут они молча шли по устланному ковровой дорожкой коридору. Его стены были увешаны фотографиями игроков в регби и крикет — одни выцвели и пожелтели от солнца Индии, другие имели оттенок сепии, которая так нра-

вилась фотографам Карна в начале XX столетия. Через равномерные интервалы вдоль всего коридора на тумбочках стояли ярко-красные ведра с надписями «Противопожарное», выведенными белой краской. В самом дальнем конце располагалась тяжелая дубовая дверь. Ригби постучал и стал ждать. Ни звука. Он постучал во второй раз, и только тогда из-за двери донеслось недовольное:

— Войдите!

Два очень крупных спаниеля наблюдали, как они вошли в кабинет хозяина. Позади собак за необъятных размеров письменным столом сидел сам бригадир Хэвлок, кавалер ордена Британской империи, начальник полиции Карна, лицом неуловимо похожий на ондатру. Несколько прядей седых волос на почти облысевшей голове были уложены так, чтобы покрывать как можно больше пустого пространства. И это усиливало впечатление, будто он только что вынырнул из реки. Зато его пышные золотистые усы с лихвой компенсировали нехватку растительности на макушке. Росточка начальник был небольшого, одет в коричневый костюм и рубашку с жестко накрахмаленным воротничком со скругленными углами.

— Сэр, — обратился к нему Ригби, — позвольте

представить вам мистера Смайли из Лондона.

Бригадир вышел из-за стола несколько нерешительно, словно не зная, как держать себя с гостем. Потом протянул небольшую шишковатую руку и сказал:

— Стало быть, прямо из Лондона? Рад знакомству, сэр, — причем эту фразу он произнес одним духом, как заученную наизусть.

— Мистер Смайли находится здесь с частным визитом, сэр, — пояснил Ригби. — Он хороший знакомый мистера Филдинга.

— О, он та еще штучка, этот Филдинг, та еще, — усмехнулся начальник.

— Вы правы, сэр, — почти механически согласился Ригби и продолжил: — Мистер Смайли только что нанес мистеру Филдингу визит, чтобы попрощаться перед возвращением в Лондон.

Хэвлок окинул Смайли оценивающим взглядом, словно сомневался в его способности совершить столь дальнее путешествие.

— При этом мистер Филдинг выступил со своего рода заявлением, которое подкрепил имеющимися у него доказательствами. Это касается убийства, сэр.

— Изложите суть, Ригби. Там есть хоть что-то для нас полезное? — с сомнением спросил Хэв-

лок, и Смайли решил, что настало время взять инициативу на себя.

— Он заявил, что преступление совершил муж убитой, Стэнли Роуд. По словам Филдинга, когда староста корпуса принес ему портфель Роуда с экзаменационными работами…

— Какими еще экзаменационными работами?

— Вынужден напомнить, что Роуд в тот день следил за сдачей письменного экзамена. На нем также лежали некоторые церковные обязанности, которые необходимо было выполнить перед ужином у Филдинга. Чтобы выйти из положения, он попросил Перкинса доставить…

— Того парня, с которым случилось несчастье? — перебил Хэвлок.

— Да, того самого.

— А вам, как я посмотрю, многое известно о наших делах, — заметил Хэвлок, помрачнев.

— Филдинг утверждает, что, когда Перкинс принес ему портфель, он открыл его. Говорит, хотел проверить, как Перкинс справился с экзаменом по математике. Это было важно для мальчика. Ему просто необходимо было успешно закончить этот учебный год.

— Да, теперь там только отметки и важны, — с горечью бросил Хэвлок. — Когда я учился в Карне,

все было по-другому, уверяю вас.

— Так вот, когда Филдинг открыл портфель, работы действительно лежали там. Наряду с полиэтиленовым плащом, старыми перчатками и парой импровизированных резиновых калош — просто отрезали «все лишнее» от высоких сапог.

Повисла пауза. Затем бригадир воскликнул:

— Боже милостивый! Боже милосердный! Вы слышали, Ригби? Все то, что потом обнаружили в пакете, отправленном в Лондон. Ну надо же!

— И еще. В портфеле лежал обрезок тяжелого кабеля. Речь идет о том самом портфеле, за которым, если вы помните, Роуд вернулся в вечер убийства, — завершил рассказ Смайли, которому происходившее напоминало кормление ребенка — проглотит все, сколько ни положи в ложку.

Вот теперь воцарилось действительно долгое молчание. Затем заговорил Ригби, который явно хорошо знал своего начальника и подгадал нужный момент:

— Мотив убийства — желание продолжения успешной карьеры, сэр. Миссис Роуд демонстрировала отсутствие всякого желания помочь мужу в этом. Она намеренно плохо одевалась, чуралась школьных традиций и принадлежала к чуждой нам церкви.

— Минуточку! — встрепенулся Хэвлок. — Значит, Роуд заранее спланировал убийство? Я вас правильно понял?

— Так точно, сэр.

— И он хотел обставить все так, словно преступление совершил грабитель?

— Да, сэр.

— Он забирает портфель, возвращается в Норт-Филдз. А что он делает потом?

— Надевает непромокаемый плащ с капюшоном, перчатки, а ботинки вставляет в калоши. Затем проникает к своему дому через задний двор, обходит его и нажимает кнопку звонка. Жена идет открывать. Он сбивает ее с ног, перетаскивает в оранжерею и там убивает. Одежду замывает под краном и упаковывает в посылку с вещами для беженцев. Завернув ее в бумагу и обвязав веревкой, он выходит из дома по обычной дорожке, зная, что его следы скоро затопчут другие люди. Оказавшись на шоссе, где следов не распознать, он снова заходит в дом, сэр, разыгрывает роль безутешного мужа, но не забывает при этом оставить свои отпечатки пальцев поверх отпечатков рук в перчатках. И только одну вещь он не смог отправить почтой. Орудие убийства. Это было бы слишком рискованно.

— Хорошо, Ригби. Арестуйте его. Мистер Борроу выпишет вам ордер. В противном случае я сам позвоню лорду Солею.

— Слушаюсь, сэр. Я также отправлю сержанта Лоу, чтобы снять официальные показания мистера Филдинга.

— Но почему Филдинг не заговорил раньше, Ригби? Какого дьявола он молчал обо всем, что знал?

— Нам придется задать этот вопрос ему самому, — бесстрастно ответил Ригби и покинул кабинет.

— Вы сами, случайно, не из выпускников Карна? — спросил Хэвлок, пихнув в сторону гостя через стол серебряный портсигар.

— Нет, боюсь, что не имел чести, — ответил Смайли.

— Откуда же вы знаете Филдинга?

— Мы встречались в Оксфорде после войны.

— Та еще штучка, этот Филдинг. Очень странный тип. Как, вы сказали, ваша фамилия? Смайли?

— Да.

— Некий Смайли женился когда-то на леди Энн Серком, кузине лорда Солея. Энн была божественно красивой девушкой, а вышла замуж за этого

парня. По слухам, он какой-то смешной коротышка из министерских кругов. Правда, награжден орденами и даже именными золотыми часами. Но Солей все равно был вне себя от этого брака.

Смайли промолчал.

— У лорда сын сейчас учится в Карне. Слышали об этом?

— Читал в прессе.

— Скажите… Этот Роуд. Он ведь из обычной общественной школы, верно?

— Да, по-моему, это так.

— И вот что вышло. Я всегда говорил: эксперименты до добра не доводят. Особенно если ставить эксперименты в заведениях со столь древними традициями.

— Да, вы совершенно правы.

— В этом корень всех нынешних проблем. Та же независимость для африканцев. Никто не хочет понять, что общество не построить за один день. А чтобы вывести породу настоящих джентльменов, требуются века.

Хэвлок продолжал хмуриться, поигрывая с лежавшим на столе ножом для бумаг.

— Не пойму только, как обрезок кабеля оказался в той канаве? Я имею в виду орудие убийства. После преступления мы не выпускали Роуда из

поля зрения добрых сорок восемь часов.

— Меня это тоже удивляет, — сказал Смайли. — А еще Джейн Лин.

— А с ней-то что странного?

— Видите ли, я не верю, чтобы у Роуда хватило смелости вернуться в дом после убийства жены, если он знал, что Джейн Лин видела его. При условии, конечно, что он знал об этом. Но все указывает, что должен был знать. Для этого требуется изрядное хладнокровие… Я бы сказал, почти неслыханное.

— Да, черт возьми, это тоже необъяснимо, — пробормотал Хэвлок.

Он посмотрел на часы, отбросив в сторону локоть движением старого кавалериста, которое показалось Смайли комичным и немного ностальгически печальным. Время шло. Смайли подумал, что ему пора уходить, но его не покидало смутное ощущение, что Хэвлок сейчас нуждается в собеседнике.

— Представляю, какой адский поднимется шум, — сказал Хэвлок. — Не каждый день преподавателя Карна обвиняют в убийстве.

Он резким движением швырнул нож для бумаг на стол.

— Эти треклятые репортеры! Я бы сек их по

старинке на конюшне! — сквозь зубы процедил он. — Вы только почитайте, что они осмеливаются писать о королевской семье. Жуть какая-то!

Он встал из-за стола, пересек комнату и расположился в кресле у камина. Один из спаниелей последовал за ним и улегся в ногах.

— Никак не возьму в толк, что заставило его пойти на такой шаг? Убить собственную жену! А с виду невзрачный тихоня.

Хэвлок вроде бы говорил сам с собой, но явно рассчитывал услышать соображения Смайли на этот счет.

— Как я полагаю, — задумчиво произнес Смайли, — нам никогда не будет дано до конца разобраться, почему люди совершают те или иные поступки.

— Знаете? А ведь вы совершенно правы… Кто вы по профессии, Смайли?

— После войны я немного поработал в Оксфорде. Преподавал и занимался исследованиями. А сейчас обосновался в Лондоне.

— В одной из тихих научных заводей для умников, а?

Смайли между тем уже с нетерпением ждал возвращения Ригби.

— Вы знаете что-нибудь про семью этого чело-

века? У него есть родители или родственники?

— Если не ошибаюсь, отец с матерью уже умерли, — ответил Смайли. В этот момент телефон на столе Хэвлока резко зазвонил. Это был Ригби. Стэнли Роуд исчез.

Глава 18
Снова дома

Смайли уехал поездом, отходившим в час тридцать пополудни. К отправлению он едва не опоздал из-за скандала, возникшего по поводу счета, выставленного ему отелем. Ригби он оставил записку с адресом и телефоном в Лондоне, попросив связаться с ним сегодня же вечером, когда придут результаты лабораторных анализов. Больше делать в Карне ему было нечего.

Состав медленно выезжал из городка, и одна за другой знакомые теперь картины исчезали в промозглом февральском тумане, наполняя Джорджа Смайли чувством огромного облегчения. Он ведь с самого начала не хотел сюда приезжать. Ему внушало страх место, где провела детство его жена, пугали поля, среди которых она резвилась ребенком. Однако он не обнаружил ничего, ни намека на память о ней ни в безжизненных очертаниях замка Солеев, ни в той местности, что его окружала. Все стерлось. Только сплетня по-прежнему была жива и пребудет вовеки, пока Хекты и Хэвлоки бахвалятся знакомством с Первой се-

мьей Карна и перемывают косточки ее членам.

Добравшись на такси до Челси, он втащил чемодан на второй этаж и распаковал его с аккуратностью мужчины, который привык жить один. Ему хотелось принять ванну, но он решил сначала позвонить Эйлсе Бримли. Телефон стоял рядом с кроватью. Он уселся на край и набрал номер. Его приветствовал жеманный голосок, подражавший второсортным актрисам:

— Издательство «Юнипресс», добрый вечер!

Он попросил соединить его с мисс Бримли. Последовало долгое молчание, а потом:

— Боюсь, мисс Бримли сейчас на совещании. Может ли кто-нибудь другой ответить на ваш запрос?

Что за дурацкое слово, Боже мой, подумал Смайли. Запрос! Почему нельзя было просто спросить, не может ли кто-то другой помочь ему?

— Нет, — ответил он. — Просто передайте ей, что звонил мистер Смайли.

Он положил трубку, пошел в ванную и пустил горячую воду. Но пока возился с запонками рубашки, зазвонил телефон. Это была Эйлса Бримли.

— Джордж? Думаю, тебе нужно срочно приехать сюда. У нас посетитель. Это мистер Роуд

из Карна.

На ходу набрасывая пальто, Смайли выбежал на улицу и стал ловить такси.

Глава 19
Развенчание мифа

Эскалатор в здании «Юнипресс», который спускался к выходу, был забит народом, направлявшимся домой после тяжелого рабочего дня. Для этих людей вид немолодого полноватого джентльмена, поднимавшегося в одиночестве по параллельной ленте верх, превратился в нежданное развлечение, и потому путь Смайли наверх сопровождался шутовскими приветствиями мальчишек-посыльных и смехом симпатичных машинисток. На втором этаже он задержался, чтобы изучить огромное табло со схемой здания и размещения редакций различных изданий, в числе которых была добрая четверть самых известных общенациональных газет. Наконец в самом конце списка под рубрикой «Технические журналы и др.» он обнаружил название «Христианский вестник», комната 619. Лифт полз мучительно медленно. Откуда-то из-за его обитых плюшем стен доносилась лишенная для Смайли всякой мелодии музыка, но парнишка-лифтер в обезьяньем костюмчике дрыгал ей в

такт бедрами. Золоченые двери с легким шипением распахнулись, и лифтер объявил:

— Шестой этаж.

Смайли проворно выскочил в коридор. Спустя всего несколько секунд он уже стучал в дверь с номером 619. Ему открыла Эйлса Бримли.

— Джордж, спасибо, что откликнулся так быстро! — воскликнула она, просияв. — Мистер Роуд будет очень рад тебя видеть.

И без дальнейших церемоний она провела его в свой кабинет. В кресле у окна сидел Стэнли Роуд, учитель из Карна, в опрятном черном плаще. Когда Смайли вошел, он вскочил на ноги и протянул для приветствия руку.

— Очень любезно с вашей стороны приехать для встречи со мной, сэр, — сказал он несколько скованно. — Крайне любезно.

Все та же сглаженная и невыразительная манера разговаривать, тот же неестественный голос.

— Чем могу быть полезен? — спросил в тон ему Смайли.

Они сели. Смайли предложил мисс Бримли сигарету и дал прикурить.

— Это по поводу статьи, которую вы собирались написать о Стелле, — начал Роуд. — Я чувствую себя очень неловко из-за этого, потому что вы

проявили к ней столько внимания, так уважительно отнеслись к ее памяти. Я понимаю, вами движут самые лучшие намерения, но только мне бы не хотелось, чтобы этот материал появился в печати.

Смайли не произнес ни слова, и Эйлсе тоже хватило ума промолчать. С этого момента говорить должен был только Смайли. Его же, казалось, совершенно не смущало воцарившееся молчание, а вот Роуда оно заметно встревожило.

— Это будет неправильно, нельзя печатать ничего подобного. Мистер Гластон со мной согласился, я разговаривал с ним вчера перед его отъездом, и он полностью разделяет мою точку зрения. Мы не можем дать согласие на такую публикацию.

— Отчего же?

— Понимаете, слишком многие знают правду. Тот же мистер Кардью. Я спросил его. Он знает о Стелле очень много, как никто другой, и я обратился к нему. Даже он понимает, почему я сменил церковь. Потому что не мог больше видеть, как она приходит в молельный дом каждое воскресенье и принимается отбивать земные поклоны. — Он помотал головой. — Это все было неправильно. Она словно издевалась над нашей

верой.

— Что же вам сказал мистер Кардью?

— Он считает, не нам об этом судить. Пусть всех рассудит Бог. Но я попытался объяснить ему, как некрасиво получится, когда люди, которые знали Стеллу, которым были известны ее поступки, прочтут ваши похвалы в «Вестнике». Они решат, что это чистой воды безумие. Но он никак не хотел со мной соглашаться, без конца твердил: «Предоставим все в руки Божии». Но только я не могу этого допустить, мистер Смайли.

На несколько минут вновь воцарилось молчание. Роуд сидел неподвижно, лишь чуть заметно покачивая головой. А потом продолжил:

— Я ведь сначала тоже не верил старому мистеру Гластону. Он говорил мне, что она плохой человек, но я не поверил ему. Они жили тогда в доме на холме. На Горс-Хилл, в двух шагах от нашей церкви, — Стелла и ее отец. Прислуга у них никогда надолго не задерживалась, и всю работу приходилось делать ей самой. Я часто навещал их по утрам в воскресенье после службы. Стелла ухаживала за отцом, готовила для него еду, убирала и заботилась обо всем, вот почему я так долго не мог осмелиться попросить у мистера Гластона ее руки. В Брэнксоме Гластоны

считались большими людьми. Я же был тогда всего-навсего учителем в начальной школе. Но мне разрешили работать лишь половину дня, потому что я готовился получить диплом колледжа, и я решил, что, как только добьюсь этого, сделаю ей предложение.

Через воскресенье после успешной сдачи экзаменов я снова пошел к ним после утренней церковной службы. Мистер Гластон сам открыл дверь и сразу провел меня в свой кабинет. Из его окна можно было видеть крыши половины гончарных мастерских Пула, а дальше открывался вид на море. Он усадил меня и сказал: «Я знаю, зачем ты сегодня пришел, Стэнли. Ты хочешь взять Стеллу в жены. Но ведь ты совершенно не знаешь ее, — заявил он. — Ты не знаешь о ней ничего».

«Я бываю в вашем доме уже два года, мистер Гластон, — возразил я. — И мне кажется, я принял правильное решение».

И тогда он начал рассказывать мне о ней. До этого я и представить себе не мог человека, который отзывался бы подобным образом о собственном ребенке. Он сказал, что она плохой человек, что у нее в сердце живет скверна. Что она преисполнена зла. И именно поэтому ни одна служанка не желала оставаться работать в доме на холме. Он

рассказал, как она умела сближаться с людьми, изображая тепло и доброту, пока они не раскрывали перед ней душу, а потом использовала все, что узнала, против них самих, распуская невероятные сплетни, смешивая правду с лживыми домыслами. Он мне много чего тогда о ней порассказал, но я не поверил ни единому слову. У меня разум помутился, я назвал его ревнивым вздорным стариком, который не хочет потерять бесплатную прислугу, человеком лживым и жадным, готовым очернить единственную дочь, только бы она ухаживала за ним до смерти. Я сказал, что это он сам, а не Стелла, очень дурной человек и снова назвал мерзким лжецом. Но он, казалось, уже перестал меня слушать. Я выбежал в прихожую и позвал Стеллу. Она вышла из кухни, если я не ошибаюсь, бросилась ко мне, обняла и поцеловала.

Через месяц мы поженились. Старик дал согласие. На свадьбе он жал мне руку, называл славным молодым человеком, а я думал, какой же он старый лицемер. Он даже дал нам денег — причем мне, а не дочери. Две тысячи фунтов. И я решил, что он пытается таким образом загладить впечатление от своих слов о Стелле. Поэтому позже я написал ему письмо, в котором заверил,

что полностью простил его. Он мне не ответил, и виделись мы с тех пор очень редко.

Примерно год или чуть дольше мы вполне счастливо прожили в Брэнксоме. Она вполне оправдывала мои ожидания, оказавшись человеком простым и хорошей хозяйкой. Ей нравилось ходить со мной на прогулки, тогда мы часто целовались; еще она любила иногда изобразить важную даму, нарядно одеться и пойти ужинать в «Дельфин» — лучший местный ресторан. Да и мне, признаюсь, это тоже тогда было по нраву — показаться в модном месте с дочерью самого Гластона. Он ведь был членом местного Ротари-клуба, заседал в магистратуре и вообще был в Брэнксоме важной фигурой. Ей нравилось дразнить меня этим, причем часто при посторонних, что иногда меня немного расстраивало.

Помню, однажды мы снова пошли в «Дельфин», а там работал официантом парень по имени Джонни Рэглан. Мы с ним вместе учились в школе. Джонни всегда был немного непутевым, сорвиголовой, который после школы не занялся ничем серьезным, а только ухлестывал за девушками и все время нарывался на неприятности. Стелла была с ним знакома, хотя я представить не мог, откуда она могла его знать. Не успели

мы сесть, как она позвала его. Джонни подошел, и она велела ему взять стул и присоединиться к нам. Управляющий злился, но не осмелился перечить дочери Сэмюэла Гластона. Джонни просидел с нами весь вечер, а Стелла расспрашивала его о школе и о том, каким я был учеником. Джонни, конечно, расцвел от счастья, распустил хвост, стал сначала нахваливать меня. Мол, я был молодчина и отличный парень и все такое, но потом его понесло. Он вспомнил, как пару раз поколотил меня, — все это было враньем, но Стелле его небылицы явно нравились. Позже вечером я упрекнул ее в этом. Сказал, что заплатил в ресторане немалые деньги не за то, чтобы выслушивать дурацкие россказни Джонни Рэглана. И тут она накинулась на меня, как дикая кошка. Во-первых, я тратил ее деньги, заявила она, а во-вторых, Джонни ничем не хуже меня самого, а то еще и даст мне сто очков вперед. Конечно, потом ей пришлось извиняться. Она поцеловала меня, и мне ничего не оставалось, как сделать вид, что ничего не случилось.

У него на лице выступил пот. Роуд говорил быстро и сумбурно, слова наталкивались одно на другое. Так люди вспоминают ночной кошмар, пока подробности все живы в памяти и страх

не улетучился окончательно. Он сделал паузу и посмотрел на Смайли, словно ожидая его реакции, но взор Смайли был устремлен куда-то мимо него, лицо выглядело совершенно бесстрастным, хотя в глазах появилась несвойственная ему жесткость.

— А потом мы перебрались в Карн. Видите ли, я пристрастился к чтению «Таймс» и увидел объявление: требовался младший преподаватель точных наук, и я послал анкету. Мистер Д'Арси пригласил меня на собеседование, и место досталось мне. И только после переезда в Карн я окончательно убедился, что отзыв отца о Стелле был совершенно правдив. Прежде она не отличалась особой религиозностью, но в Карне сразу стала ярой баптисткой.

Она знала, как это воспримут в школе, знала, что это непременно повредит мне. Понимаете, в Брэнксоме у нас была большая, красивая церковь; трудно было бы посмеяться над человеком, который посещал такую. Но в Карне все иначе. Здесь молельный дом — это простой, крытый жестью сарай. Она пожелала отличаться от всех назло мне и школе, где я начал работать, и избрала как способ для этого притворное самоуничижение. Я бы ничего не имел против, будь Стелла искренна

в этом, но она лишь играла роль, и мистер Кардью скоро все понял. Он же знал Стеллу. Знал ее семью с тех времен, когда сам жил на севере. Ее отец и его просветил относительно некоторых черт характера своей дочери. Насколько мне известно, позже Кардью либо написал мистеру Гластону письмо, либо даже съездил к нему, чтобы повидаться лично.

Впрочем, начинала она в Карне совсем неплохо. Городские жители приветили ее. Ведь она была женой учителя из школы и которая посещала молельню, — такого никогда не случалось прежде. А потом она взяла на себя руководство помощью беженцам — сбором одежды и прочего. Мисс Д'Арси, сестра мистера Д'Арси, делала то же самое от имени школы. И тогда Стелла решила одержать над ней верх — собирать среди прихожан молельни больше, чем мисс Д'Арси могла физически собрать в одной только школе. Но я уже знал, чем она занимается на самом деле, как вскоре узнал и мистер Кардью, а чуть позже многие жители города. Она подслушивала. Собирала слухи и сплетни, всю грязь. Иногда, вернувшись домой в среду или пятницу, когда она занималась благотворительностью, и не успев еще раздеться, Стелла начинала хохотать как сумасшедшая.

«Они все у меня в руках! Я их всех обвела вокруг пальца, — говорила она. — Мне известны их маленькие тайны и секреты. Теперь стоит лишь захотеть, я любого раздавлю. Вот так-то, Стэн!»

Только к этому она на самом деле и стремилась. Те, кто понял это, стали всерьез опасаться ее. Они, конечно, отчасти сами виноваты. Не надо было сплетничать, но, Бог свидетель, люди поступали так по простоте душевной, без всякого злого умысла или недобрых намерений. Совсем не так, как Стелла. Моя жена была хитрой и изворотливой. Стоило ей столкнуться с чем-то хорошим, как она делала все, чтобы принизить это и уничтожить. Как я думаю, она успела испоганить жизни уже нескольким семьям. Возьмите, к примеру, Муллигана — владельца фирмы по перевозке мебели. У него дочка тайно живет с ребенком в Лимингтоне. Каким-то образом Стелла узнала, что ребенок у нее внебрачный; отец отправил дочь с младенцем к тетке, чтобы она смогла обрести покой вдали от пересудов. Так вот, Стелла однажды позвонила Муллигану — это было как-то связано со счетом за перевозку имущества Саймона Сноу — и сказала: «Привет вам из Лимингтона, мистер Муллиган. Не хотите ли сделать скидку, а то...» Она мне и об этом расска-

зала. Явилась домой веселая и смеялась до упаду, издеваясь над испугом Муллигана. Но в конце концов многие горожане ее раскусили. Поняли, какая она на самом деле, и свели с ней счеты.

Смайли медленно кивнул, пристально глядя Роуду прямо в глаза.

— Да, — сказал он, — похоже, кто-то счеты с ней действительно свел.

— Почему-то все подумали, что это сделала Полоумная Джейни, но это не так. Джейни скорее убила бы родную сестру, чем Стеллу. Они сблизились, как две лучшие подружки, если верить самой Стелле. Могли разговаривать по вечерам часами, когда я задерживался для дополнительных занятий или на заседании научного общества. Стелла кормила ее, снабжала одеждой и деньгами. Ей это давало ощущение полнейшей власти над человеческим существом, и к тому же своим милосердием она могла на каждом углу похваляться. Вот почему в ее помощи Джейни тоже не было ни грана доброты, а сплошное тщеславие.

Из Брэнксома она привезла с собой небольшую собаку. Обыкновенную дворняжку. Однажды, вернувшись вечером домой, я увидел песика в гараже. Он подвывал и трясся от страха, хромал, а

на спине я отчетливо разглядел кровь от побоев. Стелла жестоко избила собаку. На такое способна только выжившая из ума мегера. Я знал, что собаке доставалось от моей жены и раньше, но никогда еще она не проявляла такой невероятной жестокости. Никогда. И случилось то, чего я прежде и представить не мог. Я накричал на нее, она рассмеялась мне в лицо, а я не сдержался и ударил ее. Не очень сильно, но ощутимо. По ее смеющемуся лицу. А потом дал ей двадцать четыре часа, чтобы куда-нибудь пристроить собачку. В противном случае пригрозил обратиться в полицию. Она наорала на меня. Заявила: «Пес мой, и я могу с ним делать все, что взбредет на ум». Но на следующий день нацепила свою черную шляпу и увела собаку из дома. Позже я выяснил, что она заставила ветеринара усыпить животное. Видимо, придумала для этого очередную небылицу. У нее это легко получалось. Стелла сочиняла правдоподобные, но лживые истории прямо на ходу. Она без труда входила в любую роль и играла ее до конца. Чего стоит та сказка, которую она рассказала бедным венграм!

Мисс Д'Арси как-то приютила двух беженцев, присланных из Лондона. Так Стелла сумела до такой степени запугать их, что они бежали от

мисс Д'Арси без оглядки, трясясь от ужаса. А ведь мисс Д'Арси сама заплатила за их проезд и даже попросила чиновницу из министерства социального обеспечения проведать их в Лондоне и узнать, что случилось. Боюсь, она так и осталась в неведении. Зато мне обо всем стало известно со слов самой Стеллы. Она смеялась, как делала это обычно, рассказывая мне о своих проделках: «Вот тебе и утонченная леди, Стэн. Но только почему-то ее милосердие никому не приносит пользы. Почему, как думаешь?»

После инцидента с собакой она стала делать вид, что боится насилия с моей стороны. Отшатывалась, если я подходил близко, защищала руками лицо, словно я мог снова ударить ее. Более того, она стала вынашивать новую фантазию — будто я задумал ее убить: она так и сказала мистеру Кардью. Сама она, конечно, в это не верила и порой посмеивалась над затеянной игрой. Говорила мне: «Видишь, теперь тебе нельзя убивать меня, Стэн. Все будут знать, кто убийца». Но порой на нее что-то находило, и она начинала рыдать и ластиться ко мне, умоляя не убивать ее, как будто действительно чувствовала угрозу. «Ты однажды убьешь меня долгой зимней ночью!» — визжала она тогда. У нее появилась навязчивая

идея про долгие зимние ночи. А может, просто понравилась фраза, и она с наслаждением повторяла ее, как актер повторяет слова любимой роли. Она твердила: «О, Стэн, не убивай меня долгой зимней ночью!» А вы, вероятно, знаете, как это иногда бывает. Ты ничего и не собираешься делать, но если кто-то начинает тебя настойчиво и постоянно просить не делать чего-то, постепенно закрадывается мысль: может, так и поступить? Невольно в голове возникают странные идеи и невероятные планы.

Мисс Бримли при этих словах шумно вздохнула. Смайли встал и подошел к Роуду.

— Почему бы нам сейчас не отправиться ко мне домой? — предложил он. — Мы могли бы поужинать и по-дружески обсудить ситуацию.

До Байуотер-стрит они взяли такси. Роуд сидел рядом с Эйлсой Бримли, заметно расслабившись, а Смайли расположился напротив него на откидном сиденье, наблюдал и размышлял. И до него дошло, в чем заключалась главная проблема Роуда. У него не было ни одного настоящего друга. Смайли сразу вспомнилась одна из сказок Бюхнера. В ней рассказывалось о ребенке, которого бросили совершенно одного в опустевшем мире. Не найдя никого, с кем бы поговорить,

дитя отправилось на Луну, потому что она ему улыбалась. Но Луна оказалась сделанной из гнилого дерева. А когда и Солнце, и Луна, и звезды пропали, он решил вернуться на Землю, но и ее уже не существовало.

То ли оттого, что Смайли очень устал, то ли возраст начинал сказываться, но он вдруг испытал сострадание к Роуду, подобное тому, какое дети испытывают к нищим, а родители — к собственным детям. Роуд приложил столько усилий — он заговорил на языке Карна, приобрел соответствующую одежду и даже настроил ум на правильные, как ему казалось, мысли, но все равно остался там безнадежным и одиноким чужаком.

Смайли разжег газовый камин в гостиной, пока Эйлса Бримли ходила в соседний магазин деликатесов на Кингз-роуд за готовым супом и яйцами. Он налил в бокалы виски, разбавил содовой и подал один Роуду, который принялся молча пить мелкими глотками.

— Я должен был с кем-то этим поделиться, — сказал он. — Мне почему-то показалось, что вы хороший человек и выслушаете меня. К тому же я действительно не хотел, чтобы вы публиковали некролог. Слишком многие подумали бы, до

какой степени он не соответствует истине.

— Таких людей действительно много?

— Вероятно, я преувеличиваю. Наверное, в счет только те, кому она успела крупно навредить. В городе таких наберется не больше дюжины. А еще все знал мистер Кардью, разумеется. Понимаете, она была необычайно хитра и осторожна. Сама распускала сплетни крайне редко. Очень точно чувствовала, как далеко может зайти в каждом конкретном случае. Ее смогли раскусить лишь люди, которые уже попались ей на крючок. И еще Д'Арси. Ему тоже что-то было о ней известно. Здесь какой-то особый случай, но она ничего мне об этом не рассказывала. Бывали вечера, когда она накидывала шаль и ускользала из дома, веселая, словно отправлялась на вечеринку. Иногда достаточно поздно: в одиннадцать или ближе к двенадцати. Я даже не спрашивал, куда она идет на ночь глядя, — нарвался бы только на грубую насмешку, но порой она сама смотрела на меня лукаво и говорила: «Ничего-то ты не знаешь, Стэн. А вот Д'Арси знает, но никому не расскажет». Потом, бывало, рассмеется, напустит на себя таинственность и уйдет.

Смайли помолчал, продолжая наблюдать за Роудом и раздумывать. Затем внезапно спросил:

— Какая была у Стеллы группа крови, вы, случайно, не помните?

— У меня вторая, это я знаю точно. В Брэнксоме я был донором. А у нее другая.

— Откуда такая уверенность?

— Мы сдавали анализы перед женитьбой. Она когда-то страдала анемией. Вот почему я помню, что группы у нас разные. Вероятно, у нее была первая. Но сказать точно не могу. А почему вас это заинтересовало?

— Где вы зарегистрированы как донор?

— В центре переливания крови Норт-Пула.

— Вас там все еще помнят? Остались какие-то записи?

— Должны были остаться.

В этот момент в дверь позвонили. Это вернулась с покупками Эйлса.

Она принялась хозяйничать в кухне, а Роуд и Смайли остались сидеть в тепле и уюте гостиной.

— Расскажите мне про вечер, когда произошло убийство, — попросил Смайли. — Почему вы оставили у Филдинга портфель? Что это, обычная рассеянность?

— Нет, не думаю. Я тогда отвечал за организацию вечерней молитвы в церкви, потому мы со

Стеллой пришли к Филдингу порознь. Она появилась раньше, и, как я полагаю, Филдинг отдал портфель ей с самого начала — именно для того, чтобы о нем не забыть. Мне показалось, он даже упомянул об этом позже в разговоре. Она поставила портфель в прихожей рядом с вешалкой, на которой висело ее пальто. Он был не так уж велик: примерно восемь дюймов на двенадцать. Я готов был поклясться, что она держала его в руках, когда, стоя в прихожей, мы прощались, но, вероятно, ошибался. И только когда мы уже добрались до дома, она вдруг спросила, куда я дел свой портфель.

— Она спросила вас, куда вы его дели?

— Да. А потом устроила бурную сцену, заявив, что на меня нельзя положиться и ей самой приходится помнить обо всем. У меня не было особого желания возвращаться, я мог позвонить Филдингу и договориться, что заберу портфель завтра с самого утра, но Стелла и слышать не желала об этом. Она заставила меня пойти обратно. Я не хотел рассказывать в полиции об этой нашей ссоре, опасаясь, что они сделают неверные выводы.

Смайли кивнул.

— Когда вы вернулись к Филдингу, то воспользовались дверным звонком?

— Да. У него за основной дверью расположена вторая, застекленная — нечто вроде французского окна против сквозняков. Эта дверь все еще оставалась открытой, в прихожей горел свет. Я позвонил и забрал портфель у Филдинга.

Они как раз закончили ужинать, когда зазвонил телефон.

— Это Ригби, добрый вечер, мистер Смайли. Мы получили из лаборатории результаты анализов. Они довольно-таки любопытные.

— Сначала об экзаменационной работе, пожалуйста: там действительно видны следы подделки?

— Нет, ничего похожего. Наши ученые мужи утверждают, что все выполнено одной и той же шариковой ручкой. Они не могут быть на сто процентов уверены по поводу диаграмм, но считают, что все начерчено той же рукой.

— Значит, работа написана мальчиком от начала до конца?

— Да. Я достал другие образцы его почерка для сравнения. Они полностью совпадают с почерком, которым выполнена экзаменационная работа. Филдинг ничего не мог туда внести, не мог ничего исправить.

— Хорошо. А одежда? На ней хоть что-то на-

шли?

— Только следы крови. Но никаких отпечатков пальцев на полиэтилене.

— Кстати, какая у нее была группа крови?

— Первая.

Смайли присел на край кровати. С силой прижав трубку к уху, он что-то тихо заговорил в микрофон. Через десять минут он медленно спустился по лестнице. Погоня для него закончилась, и, как некоторых охотников, его теперь мутило от необходимости нанести смертельный удар.

Приезда Ригби ему пришлось ждать еще почти час.

Глава 20
Как мусор по реке

Мост Альберта вырисовывался во всей своей несообразности, вздымаясь тонкими металлическими конструкциями вверх, как кульминационные моменты у Вагнера, на фоне патентованного серого лондонского неба. Внизу текли вековечно бесстрастные воды Темзы, увлекая за собой всю грязь сначала к верфям Баттерси, а потом еще дальше — в скрытую туманом даль устья реки.

А туман сгустился очень плотный. Смайли наблюдал за обломком плавника, когда он касался туманной кромки, словно покрывался слоем белой пыли, а потом, казалось, приподнимался, прежде чем окончательно раствориться и исчезнуть.

Вот так все и заканчивается таким же промозглым утром, когда ноющего от страха убийцу выволакивают из тюремной камеры и надевают ему на шею свитую из пеньковой веревки петлю. Хватит ли у Смайли смелости так же ярко вообразить себе подобную картину месяца через два, когда за его окном рассветет, а часы пробьют

положенный час? Тот час, когда на деревянном помосте у казненного ломаются шейные позвонки, а потом его тело пускают плыть вниз по течению вместе с остальным мусором.

Он шел по Бомонт-стрит в сторону Кингз-роуд. Его обогнал дребезжащий электрокар молочника. Сейчас он позавтракает, а потом возьмет такси до Керзон-стрит и закажет вино к ужину. Он выберет что-нибудь действительно стоящее. Филдингу оно должно понравиться.

Филдинг прикрыл глаза и отпил из бокала, слегка прижав левую руку к груди.

— Божественно, — сказал он затем. — Просто бесподобно!

И сидевшая напротив Эйлса Бримли чуть заметно улыбнулась.

— Что же вы будете делать в отставке, мистер Филдинг? — спросила она. — Попивать французское вино?

Все еще не отнимая бокала от губ, он посмотрел на пламя свечей. Столовое серебро было превосходно. Пожалуй, даже лучше его собственного. Его странным образом тревожил вопрос, почему они ужинали только втроем.

— В мире и покое, — ответил он. — Я недавно сделал одно открытие.

— Какое же?

— Что я играл свою роль перед пустым залом. Зато теперь я спокоен: никто не видел, как я забывал слова или путал мизансцены. А ведь столь многие из нас терпеливо дожидаются, когда нашей аудитории не станет. В Карне едва ли будут помнить дольше одного или двух семестров, в какой хаос я превратил собственную жизнь. Я был слишком тщеславен и понял это лишь сейчас.

Он поставил бокал перед собой и внезапно улыбнулся Эйлсе Бримли.

— Это и есть покой, который я имел в виду. Чтобы существовать не на чьих-то глазах, не пытаться завладеть чьим-то сознанием, а уйти целиком в себя, как монах в келью, и оставаться там в безопасности и уединении.

Смайли налил ему еще вина.

— Мисс Бримли очень хорошо знала во время войны вашего брата Адриана. Мы все служили в одном подразделении, — сказал он. — Какое-то время она работала секретарем Адриана. Не так ли, Брим?

— Всегда угнетает мысль, что выживают не самые лучшие, — продекламировал Филдинг. — Это должно быть источником стыда. Для нас — не самых лучших — я имею в виду. Момент истины

за отменной трапезой! — Он издал тихий вздох истинного гурмана. — Откровения между закусками и десертом.

Все рассмеялись, а потом вдруг разом замолчали. Смайли тоже отставил бокал в сторону и сказал:

— Та история, которую вы мне рассказали в четверг, когда я пришел навестить вас…

— Да, и что с ней такое? — спросил Филдинг с легким раздражением.

— О том, как вы подделали экзаменационные ответы Перкинса… Как достали его работу из портфеля и внесли в нее изменения…

— Да, а в чем дело?

— В ней нет ни слова правды. — Смайли произнес это так, словно они обсуждали погоду. — Была проведена экспертиза. Все оказалось не так. Там почерк только одного человека… Самого мальчика. И если кто-то смошенничал, то только он сам.

Воцарилось долгое молчание. Филдинг пожал плечами.

— Мой дорогой друг, неужели вы рассчитываете убедить меня в этом? Все ваши так называемые эксперты, как правило, некомпетентные идиоты.

— Разумеется, это еще ничего не значит. Вы

могли просто пытаться защитить мальчика, не так ли? Взяв его вину на себя, спасти его честь, выражаясь высокопарно. В этом заключается причина?

— Я сказал вам правду, — коротко ответил Филдинг. — Выводы можете делать… какие угодно.

— Мне представляется вероятным только одно — сговор между вами. Вас растрогало огорчение ученика, когда он принес вам экзаменационные работы, и под воздействием импульса вы решили открыть портфель, достать его работу и подсказать, что надо исправить.

— Послушайте, — сказал Филдинг, начиная горячиться, — почему бы вам не оставить эту тему? Какое отношение она теперь имеет к вам лично?

На это Смайли ответил неожиданно почти с такой же горячностью в голосе:

— Я стремлюсь помочь, Филдинг. Поверьте, я просто хочу помочь. Ради памяти Адриана. Мне не нужно причинять кому-то больше боли, чем необходимо, создавать больше проблем, чем их уже возникло. Я хочу все выяснить до того, как сюда явится Ригби. Обвинения против Джейни сняты. Но ведь вам об этом известно, верно? Кажется, теперь подозрения пали на Роуда, но он даже не арестован. Они вполне могли это

сделать, но что-то их остановило. У него лишь взяли дополнительные показания. Потому что, представьте, в центре дела вдруг оказался пресловутый портфель. Внезапно все оказалось в зависимости от того, видели ли вы что-нибудь в этом портфеле сами и видел ли Перкинс. Вам ясно? Если смошенничал только Перкинс, если только паренек открывал портфель, но не вы сами, полиция захочет узнать ответ на один очень важный вопрос: откуда вы узнали, что лежало внутри?

— Что вы пытаетесь доказать?

— Среди полицейских экспертов идиотов не держат, Филдинг. Но давайте сейчас начнем историю несколько иначе. Предположим, это вы убили Стеллу Роуд. Предположим, у вас имелся для этого очень серьезный мотив, который теперь полиции известен. Предположим, что, отдав тем вечером портфель Роуду, вы потом опередили его. К примеру, воспользовались велосипедом и мчались вместе с ветром, как выразилась Джейни. Если дело обстояло так, то ни одного из перечисленных предметов, которые вы якобы видели в портфеле, не могло в нем быть в принципе. Вы солгали. А потом, когда были обнародованы результаты экзамена, поняли, что Перкинс

фальсифицировал свою работу, а еще узнали, что мальчишка заглядывал в портфель. Заглядывал и видел, что в нем не было ничего, кроме пачки листов с экзаменационными работами. Это предположение служит мне объяснением, почему вам пришлось убить и мальчика. — Смайли сделал паузу и посмотрел на Филдинга. — Подобный ход рассуждений никого не утешает, — добавил он почти неохотно, — но придает вашим действиям хоть какой-то смысл.

— И какой же, позвольте поинтересоваться, мог быть у меня серьезный мотив, о котором вы упомянули?

— Вероятно, она шантажировала вас. Ей, безусловно, было прекрасно известно об обвинении против вас, выдвинутом во время войны. Она ведь тогда тоже жила на севере. А ее отец был судьей, не забудем и об этом. Как я понял, полиция подняла старое дело. И точно — ваш случай рассматривал именно ее батюшка. Она знала, что вы банкрот, нуждаетесь в новой работе, и потому легко подцепила вас на крючок. Кажется, и Д'Арси обо всем знал. Она сама ему рассказала, причем ничем не рискуя. Д'Арси были известны все подробности, но он бы никогда не допустил, чтобы история получила огласку, она понимала

это. Д'Арси был для нее открытой книгой. А вы сами что-нибудь ему рассказывали, Филдинг? Мне представляется, что вполне могли. Когда она явилась к вам, поделилась всем, что ей было о вас известно, вдоволь посмеялась и поиздевалась над вами, вы бросились к Д'Арси и пожаловались ему. Вы спрашивали, как вам поступить. И он посоветовал вам… Что он, собственно, мог посоветовать? Только узнать, чего она от вас хочет. Но она не хотела ничего конкретного. По крайней мере не денег. Ей нужно было нечто приносившее гораздо больше удовольствия, приятно возбуждавшее ее маленький извращенный умишко: она хотела командовать вами, полностью подчинить себе. Она обожала играть в заговорщицу и потому назначала вам встречи в самое невероятное время и в самых абсурдных местах: в лесу, в заброшенных церквях. Но обязательно ночью. Ей ничего от вас не требовалось, кроме вашей сломленной воли. Она заставляла вас выслушивать хвастливые истории о своих интригах и проделках и содрогаться от ужаса и отвращения, а потом отпускала до следующего раза.

Он снова устремил взгляд на Филдинга.

— Полиция вполне может принять такую версию к рассмотрению, понимаете? Вот почему

нам так важно выяснить, кто именно заглядывал в портфель. И кто смошенничал с результатом экзамена.

Теперь уже оба гостя не сводили глаз со Смайли. Эйлса, явно охваченная ужасом, а Филдинг бесстрастно, с каменным лицом.

— Если они примут такую версию, — наконец произнес Филдинг, — то как объяснят мое предвидение возвращения Роуда в тот вечер?

— О, они уже поняли, что Стелла назначила вам тогда свидание. Ночью после ужина в вашем доме. — Смайли бросил эту фразу небрежно, словно отвечал на самоочевидный вопрос. — Это было частью игры, которой она забавлялась, издеваясь над вами.

— Откуда им это известно?

— Со слов Роуда, — продолжал Смайли. — Стелла держала портфель, когда вы прощались в прихожей. Но по приходе домой в Норт-Филдз портфеля у нее уже не было. Она устроила скандал и обвинила мужа в забывчивости. Она буквально силком заставила его вернуться. Вам понятно, что отсюда следует?

— Разумеется, — ответил Филдинг, и Смайли услышал, как Эйлса Бримли со страхом прошептала его имя.

— Другими словами, Стелла предполагала, что продолжает давнюю игру ради своего извращенного удовольствия, но вот вы… Вы увидели возможность убить ее, свалив вину на неизвестного и несуществующего бродягу, а если бы это не удалось, тень подозрения должна была пасть прежде всего на мужа. Это был ваш запасной вариант. Предположим, вы давно вынашивали планы ее убийства. Скорее всего вы собирались приехать к ней как-нибудь вечером, когда ее муж задерживался на работе. У вас уже были заготовлены калоши, плащ и даже обрезок кабеля, похищенный из наглядных пособий Роуда. Кроме того, вы заранее приготовили улики, которые увели бы следствие в сторону. И тут подворачивается такой поистине счастливый случай! Перкинс приносит вам портфель. Стелле хочется беспрепятственно встретиться с вами. Забытый портфель дает такую возможность. Вот как, с моей точки зрения, будет рассуждать полиция. И учтите: уже установили, что Роуд не мог быть убийцей.

— Каким же, интересно, образом? Откуда такая уверенность? У него нет алиби. — Но Смайли, казалось, даже не слушал его. Он смотрел в сторону окна и на обрамлявшие его тяжелые бархатные

портьеры.

— Что такое? Куда вы смотрите? — вдруг забеспокоился Филдинг, но Смайли не ответил. Заговорил он после паузы:

— Вы же понимаете, Филдинг, что мы почти ничего не знаем о других людях. О том, какие они на самом деле. Для характеристики человеческих существ не существует стандартов, как нет единой формулы, в которую вписывался бы каждый из нас. И многие не поддаются оценке вообще — правда? — настолько мы изменчивы. Порой сам поражаешься тому хамелеону, который живет в тебе. А кто-то как бы вообще не существует сам для себя. Я где-то вычитал историю о поэте, которому необходимо было окунаться в ледяную воду фонтана, чтобы убедиться в реальности собственного бытия. Ему нужно было убедить себя, как ребенку важно уговорить себя, что его нелюбовь к собственным родителям не беспочвенна. Такому человеку и солнце-то нужно только для того, чтобы он мог увидеть свою тень и осознать, что действительно живет.

Но Филдинг лишь отмахнулся от философских размышлений Смайли и повторил вопрос:

— Почему заключили, что это сделал не Роуд?

— Таких людей немало, Филдинг… Знаете, в

чем заключается их секрет? Они ничего не чувствуют внутри себя. Ни удовольствия или боли, ни любви или ненависти, но зато они вполне ощущают страх и стыдятся собственного бесчувствия. Именно этот страх, этот стыд, Филдинг, толкают их на экстравагантные поступки, заставляют рядиться в пестрые одежды — для них это тот же ледяной фонтан, тот же способ доказать себе собственное существование. И окружающие обманываются на их счет. Считают их комедиантами, фантазерами, милыми лжецами, извращенцами, наконец. Но не видят, что на самом деле это всего лишь ходячие трупы.

— Почему? Почему полиция уверена, что убийца не Роуд? — Филдинг уже почти выкрикивал мучительный для него вопрос.

— Сейчас я вам это объясню, — все так же спокойно сказал Смайли.

— Если бы Роуд убил жену, он должен был начать все планировать очень давно. Полиэтиленовый плащ, обрезки сапог, орудие, точно рассчитанное время, обращение к Перкинсу с просьбой занести портфель вам домой — все это говорит о тщательно обдуманной подготовке. Конечно, у кого-то может возникнуть законный вопрос: если это так, то зачем ему вообще понадо-

бился Перкинс? Почему он просто не прихватил портфель с собой? Но это уже незначительная деталь. Давайте попробуем понять, как Роуд мог совершить преступление. Он приходит домой с женой после ужина, намеренно забыв у вас свой портфель. Оставив Стеллу дома, он возвращается, чтобы забрать его. Кстати, крайне рискованный шаг с его стороны — бросить портфель без присмотра. Не говоря уже о том, что вопреки всякой логике он его даже не запер на замок. Но опасность заключалась не только в этом. Его жена могла заметить по дороге, что при нем нет портфеля, его могли обнаружить в прихожей вы сами или мисс Трубоди. Но, к счастью, не заметил никто. Он забирает портфель, спешит домой, убивает жену и фабрикует улики, чтобы сбить со следа полицию. Прячет плащ, калоши и перчатки в пакет с вещами для беженцев, упаковывает его, обвязывает. Все готово к тому, чтобы действовать дальше. По всей вероятности, его тревожит появление Полоумной Джейни, но он тем не менее сначала выходит на шоссе, а потом снова входит в дом уже в роли Стэнли Роуда. Пять минут спустя он уже с Д'Арси. И с той минуты на протяжении сорока восьми часов находится под постоянным наблюдением. Едва ли вам это не

известно, Филдинг, но орудие убийства полиция нашла в придорожной канаве в четырех милях от места преступления. Причем обнаружено оно было через десять часов, то есть задолго до того, как у Роуда могла появиться возможность выбросить его там.

И здесь заключена, пожалуй, самая суть дела, Филдинг. Это аргумент, через который так просто не переступишь.

Как я полагаю, у преступника, конечно же, была возможность изготовить ложное орудие убийства. Скажем, Роуд мог собрать с расчески волосы Стеллы, смочить их человеческой кровью, прилепить к обрезку коаксиального кабеля и бросить эту штуку в канаву до совершения убийства. Но единственной кровью, которой он был способен воспользоваться для этого, была его собственная, а она принадлежит к другой группе, нежели кровь Стеллы. На орудии же убийства обнаружена именно ее кровь. От этого факта не уйдешь. Роуд, таким образом, не мог сфабриковать еще одну ложную улику. Зато выявились другие, гораздо более конкретные сведения, уличающие убийцу, и касаются они пакета с вещами для беженцев. Вчера Ригби взял показания у мисс Трубоди. Как выяснилось, утром в день убийства

она позвонила Стелле Роуд. Причем позвонила по вашему поручению, чтобы предупредить, что в четверг утром вы пришлете в Норт-Филдз мальчонку с вещами для беженцев. А потому не могла бы она пока придержать посылку и не запаковывать ее?.. Чем вам пригрозила Стелла, Филдинг? Что напишет письмо директору школы, куда вы собирались устроиться работать после Карна? — Смайли положил ладонь поверх руки Филдинга и сказал: — А теперь уходите. Во имя всего святого, уходите. У вас мало времени. Ради памяти Адриана я бы хотел, чтобы вы успели скрыться.

Эйлса Бримли совсем тихо что-то пробормотала.

Но Филдинг, казалось, не слышал. Его величественная голова откинулась назад, глаза были полузакрыты, а пальцы все еще сжимали бокал с вином.

Затем раздался пронзительный скрип входной двери, похожий на крик женщины в пустом доме.

Смайли даже не понял, чем был вызван последовавший затем шум. То ли Филдинг ударил кулаками по столу, поднимаясь из кресла, то ли ножки кресла громко стукнули об пол, когда его отшвырнули назад. Впрочем, возможно, никако-

го шума вовсе не было, а он почувствовал шок от внезапного и резкого движения при виде Филдинга, неожиданно вышедшего из оцепенения и бросившегося через всю комнату к выходу. Но уже в следующую секунду Ригби крепко схватил Филдинга за правую руку и пустил в ход прием, заставивший того вскрикнуть от боли и страха, а потом развернуться, повинуясь. Как это принято, Ригби сразу начал зачитывать ему общепринятую полицейскую присказку. Полные ужаса глаза Филдинга смотрели на Смайли.

— Остановите его, Смайли! Ради Бога, остановите! Они же меня повесят.

Последние слова он потом повторял постоянно: «Меня повесят, повесят, повесят». И они доносились уже с улицы, когда сыщики бесцеремонно запихивали его на заднее сиденье машины.

Смайли видел, как уехал патрульный автомобиль. Без спешки и помпы машина просто влилась в общий транспортный поток и вскоре растворилась в нем. Он потом еще долго стоял на тротуаре, глядя в конец улицы, и прохожие стали даже косо посматривать на него, пытаясь понять, что привлекло столь пристальное внимание этого странного мужчины. Но не видели ничего, кроме не слишком ярко освещенной

проезжей части и бесконечно мелькавших вдоль нее теней.